

ЧАЙКА – АЛЬМАНАХ

№ 6

Июль – Декабрь

2017

CHAYKA – ALMANAC
№ 6
July 2017– December 2017

Copyright © 2018 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya

Cover Illustration: Marc Chagall, “The Walk”, 1917

Layout: Alex Marin

Printed in the United State of America
CreateSpace Independent Publishing Platform
North Charleston, SC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN-13: 978-1985064041

ISBN-10: 1985064049

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
Выходит два раза в год

ЧАЙКА

№ 6
июль – декабрь
2017

Проза
Стихи
Статьи
Эссе
Интервью

Редактор-составитель
ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	7
<i>Бауржан Тойшибеков. Афоризмы</i>	11
ЧАСТЬ 1. К 100-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	13
<i>Никита Кривошеин. «Великий Октябрь – начало новой эры»</i>	14
<i>Вадим Горелик. Союз с дьяволом – операция «пломбированный вагон». К 100-летию Октябрьской революции в России</i>	16
<i>Владимир Темкин. Колымская сага</i>	24
<i>Виталий Шрайбер. В Трубецком бастионе</i>	35
<i>Денис Касперов. Расстрелянное солнце. Пьеса-хроника</i>	39
<i>Семен Резник. Кто распространял слухи о «ритуальном убийстве» царской семьи</i>	55
<i>Ольга Соловьева. Письмо террористам. Из записок на коленке</i>	75
ЧАСТЬ 2. ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА	77
<i>Сергей Бычков. Упертый арестант: Аркадий Штейнберг</i>	78
<i>Михаил Голубовский. Савелий Дудаков – историк российского еврейства</i>	87
<i>Александр Сиротин. Жизнь и смерть еврейского театра. Факты семейной биографии. Часть 17. Осколки</i>	93
<i>Ирина Роскина. Из семейного архива. Переписка Льва Копелева и Раисы Орловой с Натальей Роскиной. Часть 1</i>	99
<i>Ольга Трифонова-Танган. Подарок Шагала. К 130-летию со дня рождения художников Марка Шагала и Амшея Нюренберга</i>	118
ЧАСТЬ 3. СЕГОДНЯ В АМЕРИКЕ	138
<i>Роман Солодов. Трайбализм в политике Трампа</i>	140
<i>Соня Тучинская. «Дети Цветов» вернулись в Сан-Франциско. Постаревшие хиппи</i>	145
<i>Яков Фрейдин. Сексуальные домогательства</i>	151
ЧАСТЬ 4. О ЛИТЕРАТУРЕ	157
К 125-летию Марины Цветаевой	
<i>Марина Кацева. Нет, надо заводить архивы</i>	168
<i>Юлий Зыслин. Несколько слов о раннем цветаеведении в Америке</i>	168
<i>Ирина Чайковская. Сестры Марина и Анастасия Цветаевы: отражения</i>	174

<i>Евсей Цейтлин.</i> К 80-летию Эрнста Зальцберга. Можно ли расчистить песок забвенья?	181
<i>Владимир Солунский.</i> Поэтический альбом. Борис Чичибабин	189
<i>Михаил Синельников.</i> Семен Надсон. Ко дню рождения.....	202
ЧАСТЬ 5. О ЖИВОПИСИ.....	207
<i>Вера Чайковская.</i> Послание любви. Марк Шагал	208
Выставка русского искусства 20-х-50-х годов из собрания Романа Бабичева в Москве.....	210
<i>Игорь Волошин.</i> Тодрос Геллер. Еврейский художник из Чикаго.....	217
ЧАСТЬ 6. КИНО И ТЕАТР	229
<i>Элеонора Мандалян.</i> Кинообозрение от Элеоноры Мандалян. Величайший шоумен мира.....	230
<i>Александр Сиротин.</i> Григорий Попович. Добрый клоун	240
<i>Лазарь Фрейдгейм.</i> Sic transit gloria mundi... Так проходит слава мира. Балерина Тамара Туманова.....	245
<i>Борис Казинец.</i> Как это делается в Америке. Байка-быль.....	255
<i>Борис Голубицкий.</i> «На бойком месте». История одной постановки	262
<i>Евгений Соколинский.</i> Хочу волосатую грудь. К премьере «Милого друга» по Ги де Мопассану театра-фестиваля «Балтийский дом».....	269
<i>Даша Кашина.</i> Любимец судьбы. Не стало Михаила Державина	275
ЧАСТЬ 7. НАУКА.....	279
<i>Александр Рабинович.</i> Новое в науке. Предсмертные муки современной космологии	280
<i>Генрих Голин.</i> Герои и антигерои атомного проекта. Сотрудничество двух классиков: Харитон и Зельдович	286
<i>Евгений Раменский.</i> Биолог Николай Воронцов (1934-2000). Начало жизни ...	299
ЧАСТЬ 8. ПРОЗА.....	309
<i>Дмитрий Левицкий.</i> Вербочка. Глава из книги.....	310
<i>Елена Сафронова.</i> Парадигма Леша Лещёва. Рассказ-фельетон на тему литературных нравов	319
<i>Дмитрий Казьмин.</i> Сан-Паоло. Русские люди, дебют.....	330
<i>Зоя Мастер.</i> Пришелец	338
<i>Сергей Голлербах.</i> Мелочи жизни	349

<i>Ксения Кривошеина. «Парижская птичка». Отрывок из новой книги</i>	352
<i>Юлия Сабурова. Предатель</i>	355
<i>Яков Ратманский. Что-то эпохальное. Коротко о жизни</i>	361
<i>Владимир Резник, Елена Лаевская, дебют. Время клоунов</i>	364
<i>Валерий Бохов. В электричке</i>	369
ЧАСТЬ 9. ПОЭЗИЯ.....	373
<i>Виктор Голков. Встреча</i>	374
<i>Валентин Нервин. Отчего я сегодня с утра. По дороге на Черную речку</i>	376
<i>Евгений Сливкин. И осталось от города Питера. Пациент</i>	378
<i>Лариса Миллер. Памяти Любы Ребельской</i>	379
<i>Владимир Спектор. У домика Даля</i>	380
<i>Юрий Хейфец. Необратимость событий лишь кажется таковой</i>	381
<i>Саша Немировский. Швейцарская открытка</i>	382
<i>Александр Шиварг. Листопад</i>	383
<i>Валентина Синкевич. О тишине. Володе</i>	386
ЧАСТЬ 10. ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ	387
<i>Виолетта Гребельник. Загадки леса. Новогодняя сказка</i>	388
<i>Лиза Дерст. Новогоднее приключение дракончика Тима</i>	390
<i>Анжелика Стынка. Тайна волшебных гномов</i>	394
<i>Аркадий Млынаш. Не за горами Новый Год (стихи)</i>	401
<i>Юлия Бродская. Акробаты (стихи)</i>	402
ЧАСТЬ 11. ЮМОР.....	403
<i>Сергей Кузнецов. Байки. То-то было весело при Тоталитаризме. Из жизни советских писателей</i>	404
<i>Некто Гадюкин. И о погоде</i>	415
<i>Григорий Яблонский. Лорио. Завтрак. Перевод с немецкого</i>	418
<i>Анна Наумова. На темы урагана Ирма</i>	420
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	424

Предисловие редактора

Дорогие читатели, перед вами шестой номер Альманаха ЧАЙКА за 2017 год, составленный из лучших материалов, печатавшихся в нашем интернет-журнале в течение полугода.

Вы найдете в нем статьи и эссе, мемуары и интервью, прозу и стихи, причем каждый, мы уверены, отыщет материал по своему вкусу.

В этот раз в Альманахе принимает участие 61 автор из 9 стран – из Америки, России, Франции, Германии, Израиля, Италии, Англии, Украины и Казахстана. Как видите, география довольно обширная. Но и авторы у нас замечательные. К старым испытанным перьям, таким как Элеонора Мандалян, Александр Сиротин, Евсей Цейтлин, добавились четыре дебютанта: Дмитрий Левицкий (глава из романа «Веровочка»), Дмитрий Казьмин (очерк «Сан-Паоло. Русские люди»), Евгений Раменский (статья «Биолог Николай Воронцов») и Елена Лаевская (рассказ «Время клоунов» в соавторстве с Владимиром Резником). Обратите на них внимание, нам кажется, они все очень талантливы. Совсем недавно были у нас дебютантами, благодаря ЧАЙКЕ, ступающими на стезю журналистики и писательства, - Даша Кашина и Ольга Соловьева, Яков Фрейдин и Лазарь Фрейдгейм, Владимир Солунский и Виолетта Гребельник, сегодня они уже признанные авторы журнала, каждый со своим лицом. Мы рады участию в Альманахе искусной рассказчицы, студентки из Херсона Юлии Сабуровой, жесткого полемиста Романа Солодова, чьи публикации на политические темы неизменно вызывают массу комментариев, ироничной Сони Тучинской, с ее острыми, с блеском написанными материалами, Михаила Синельникова, поэта и эрудита, тонкого знатока поэзии, и мы горды присутствием у нас произведений ветеранов второй волны эмиграции, верных друзей ЧАЙКИ, замечательных Валентины Алексеевны Синкевич и Сергея Львовича Голлербаха.

По обыкновению, Альманах начинается с раздела «Революция, террор», озаглавленный в этот раз «К 100-летию Октябрьской революции». В этом разделе собрался сильнейший состав авторов из разных стран: Никита Кривошеин из Франции, Вадим Горелик из Германии, Владимир Темкин, Виталий Шрайбер, Семен Резник из Америки и Денис Касперов из России. Обращаем ваше внимание на последнего из перечисленных авторов. Мы поместили в сокращении его пьесу-хронику «Растрелянное солнце», посвященную преступлению сталинщины в Катыни, где бессудно было расстреляно более двадцати тысяч польских военнопленных.

Семен Резник любезно согласился предоставить журналу, а затем Альманаху главу из своей книги, где речь идет об истоках мифа о «ритуальном убийстве» царской семьи. Как ни странно, в 2017 году мы стали свидетелями возрождения этого мифа.

Новый для Альманаха раздел «Воспоминания и письма» также может привлечь сильным составом авторов и интереснейшими материалами. В числе авторов доктор исторических наук Сергей Бычков из Подмосковья с

воспоминаниями о поэте Аркадии Штейнберге, генетик из Калифорнии Михаил Голубовский со статьей об умершем друге, историке еврейства Савелии Дудакове, а также постоянные участники наших «мемуарных» страниц Ирина Роскина и Ольга Трифонова-Тангян. Израильтянка Ирина Роскина в этот раз выступает как публикатор переписки своей матери Натальи Роскиной и оказавшихся в Западной Германии Льва Копелева и его жены Раисы Орловой. А жительница Германии Ольга Трифонова-Тангян в обширной статье, посвященной 130-летию двух художников, Марка Шагала и бабушки автора, Амшея Нюренберга, делится с читателями бесценными письмами старых друзей друг к другу.

Последняя тема резонирует со статьей искусствоведа из Москвы Веры Чайковской «Послание любви. Марк Шагал», помещенной в разделе «О живописи». В материале того же автора, обращенного к недавней московской выставке русского искусства 20-50-х гг. из собрания Бабичева, мы почерпнули иллюстрации для оформления нашего Альманаха. Там же помещено документальное расследование чикагца Игоря Волошина о жизни и творчестве еврейского художника из Чикаго Тодроса Геллера. К этому разделу примыкает отрывок из книги «Оттаявшее время, или искушение свободой» (2017) нашего постоянного автора из Парижа Ксении Кривошеиной, озаглавленный «Парижская птичка» и рассказывающий о петербургской художнице Герте Неменовой. Этот отрывок мы поместили в разделе «Проза», но с равным правом он мог бы принадлежать к разделу «О живописи».

В 2017 году повсеместно отмечалось 125-летие со дня рождения Марины Цветаевой. Раздел нашего Альманаха «О литературе» начинается тремя статьями, посвященными этой дате, это материал музыканта и цветаевода из Бостона Марины Кацевой «Нет, надо заводить архивы», статья основателя Вашингтонского музея русской поэзии и музыки Юлия Зыслина, чья жизнь проходит под знаком Цветаевой, - «Несколько слов о раннем цветаеведении в Америке», и эссе Ирины Чайковской «Сестры Марина и Анастасия Цветаевы: отражения». В этом разделе вы также встретите беседу писателя из Чикаго Евсея Цейтлина с культурологом Эрнстом Зальцбергом из Торонто «Можно ли расчистить песок забвенья?». Евсей Цейтлин провел эту беседу в преддверии 80-летия своего старшего друга. Завершают этот раздел материалы о поэтах – Борисе Чичибабине и Семене Надсоне. Автор первой статьи - ведущий нашей рубрики «Поэтический альбом» Владимир Солунский, второй – постоянный автор журнала и ведущий блогов, поэт и эссеист Михаил Синельников.

Содержательные и интересные материалы вошли в раздел «Кино и театр». Корифеи ЧАЙКИ Элеонора Мандалян и Александр Сиротин в нем как бы дополняют друг друга. Статья Александра Сиротина «Григорий Попович. Добрый клоун» содержит сетование на то, что замечательный старый цирк зверей «Ринглинг Бразерс энд Барнум энд Бейли» фактически «угроблен». А в киноревью Элеоноры Мандалян говорится о фильме «Величайший шоумен мира», в центре которого как раз и стоит легендарный Барнум, основатель самого первого в Америке цирка с дикими зверями. Живущий в Большом

Вашингтоне актер и режиссер, народный артист Грузии Борис Казинец рассказывает о «Театре русской классики», организованном им в Америке, а два питерца, режиссер Борис Голубицкий и театральный критик Евгений Соколинский, делятся с читателями первый – непростой историей постановки пьесы А. Островского «На бойком месте», второй – сложными впечатлениями от спектакля по роману Ги де Мопассана «Милый друг». Завершает раздел статья нашего молодого автора из Киева Даши Кашиной – о безвременно ушедшем актере Михаиле Державине.

С прошлого номера в нашем Альманахе утвердился раздел «Наука».

Наряду с его постоянным участником Генрихом Голиным, с его рубрикой «Герои и антигерои атомного проекта», в этот раз представленная статьей об академиках Харитоне и Зельдовиче, Альманах дает слово ученому из Москвы Александру Рабиновичу, написавшему острую и весьма актуальную на сегодня статью «Предсмертные муки современной космологии». Несмотря на сложность предмета, статья легко читается, в ней даже цитируется Пушкин.

Отдел прозы как всегда отличается большим разнообразием тем и сюжетов. Многие из этого раздела мы уже назвали. Добавим к незадавшему рассказ-памфлет на тему литературных нравов Елены Сафроновой «Парадигма Леши Лещева», миниатюру старейшины литературно-художественного цеха Сергея Голлербаха «Мелочи жизни», маленький, но очень емкий, смешной и грустный рассказ Якова Ратманского «Что-то эпохальное. Коротко о жизни», рассказ москвича Валерия Бохова «В электричке», на нескольких страничках сумевшего коснуться самых разных тем – и искусства, и воспитания, и даже темы свободы, а также полумистический этюд Зои Мастер «Пришелец», погружающий нас сразу в два времени, моцартовское и сегодняшнее.

Раздел поэзии, представленный произведениями из рубрики «Одно стихотворение», уже в силу строгого отбора, дает высокохудожественные образцы. Назову имена поэтов в нем представленных: Виктор Голков (Израиль), Валентин Нервин (Россия, Воронеж), Евгений Сливкин (Америка), Лариса Миллер (Россия, Москва), Владимир Спектор (Германия), Юрий Хейфец (Россия, Москва), Александр Немировский (Америка), Александр Шиварг (Англия), Валентина Синкевич (Америка).

Как обычно Альманах завершают разделы «Детский Альбом» и «Юмор». В первом мы поместили произведения-победители нашего Новогоднего конкурса творчества детей и для детей. Их авторы – уже знакомые нам Виолетта Гребельник из Рима и Аркадий Млынаш из Холона (Израиль), а также две дебютантки журнала, Лиза Дерст из Америки и Анжелика Стынка из России. Вне конкурса в Альманахе помещены детские стихи жительницы Большого Вашингтона Юлии Бродской.

Четыре автора представляют в этот раз юмор в нашем Альманахе. Это Сергей Кузнецов из Большого Вашингтона («Байки из жизни советских писателей»), некто Гадюкин из С-Петербурга («И о погоде»), наш постоянный автор Григорий Яблонский из Сент-Луиса (Лорио. «Завтрак», перевод с немецкого) и журналистка из Флориды Анна Наумова,

дебютировавшая у нас в журнале со своей юмореской «На темы урагана Ирма».

А начинается наш Альманах мудрец из Казахстана, Бауржан Тойшибеков. Его отточенные афоризмы уже второй раз включаются нами в Альманах, и делаем мы это, признавая мастерство их автора, а еще потому, что знаменитая «восточная мудрость» универсальна и учит добру.

Приношу свою благодарность людям, помогавшим мне в работе над Альманахом. Это мой муж, Алекс Марин, взявший на себя макет и всю полиграфическую, оформительскую и техническую работу. А также Евсей Цейтлин, член нашей редколлегии, относящийся к выпускам Альманаха как к своему кровному делу, внимательно читающий весь сборник от начала до конца и помогающий критическими замечаниями и советами. Благодарю также Марка Мейтина, редактора сайта, без деятельной помощи которого не мог бы выходить наш журнал.

Не могу не поблагодарить наших замечательных авторов, без их труда и таланта не было бы ни журнала, ни Альманаха!

Спасибо и вам, дорогие читатели, за поддержку, за ваши письма и комментарии, за то, что вы наши Альманахи покупаете и читаете! Ваша энергия соучастия держит нас в тонусе.

Альманах ЧАЙКА № 6 готов, сверстан и приготовился к полету. Ловите нашу ЧАЙКУ, дорогие друзья!

Ирина Чайковская

Вашингтон, 6 февраля 2018 года

Бауржан Тойшибеков

Алматы, Казахстан

Афоризмы

1. Если писательская элита – это те, кого перечитывают, то читательская элита – это те, кто перечитывает.

2. Сильная рука – это идеал слабых на голову.

3. Если капитализм есть система, способная сделать страну богатой даже при отсутствии в ней природных богатств (случай Японии), то социализм есть система, способная сделать страну бедной даже при наличии в ней природных богатств (случай России).

4. Выше любви людей к Богу, о котором они ничего не знают, может быть только любовь Бога к людям, о которых Он знает всё.

5. Нет на свете более ценных вещей, чем те, на которые нельзя навесить ценники.

6. Нет в мире более высокой службы небесному Отцу, чем служение Его земным детям.

7. Шахид: тот, кто, стремясь попасть в рай на небесах, устраивает ад на земле.

8. Главными составляющими тиранического государства являются пропаганда и полиция: при помощи первой оно промывает мозги своим гражданам, а при помощи второй вышибает из них те мозги, которые не удалось промыть.

9. Нет ничего лучше остроумия, когда оно приправа, и ничего хуже, когда оно блюдо.

10. Если своя колея может завести человека куда угодно, то чужая может завести его только в тупик.

11. Самые лёгкие пути – те, что заводят в тупик, а самые трудные – те, что выводят из него.

12. Важнейшая составляющая любой формулы успеха – это умение извлекать пользу из неудач.

13. Собака – это такой друг человека, что если она покинула его, то это наверняка означает, что она умерла.

14. Тирания излечивает общество от болезней демократии подобно тому, как смерть излечивает людей от болезней плоти.

Часть 1.
К 100-летию Октябрьской
революции

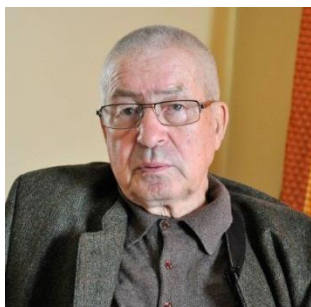

Б.М. Кустодиев. Большевик. 1920

Никита Кривошеин

Париж, Франция

«Великий Октябрь – начало новой эры»

Выступление на конференции, посвященной 100-летию Октябрьской революции в России (в сокр.)

Париж, набережная Бранли, Российский духовно-культурный центр, 16 октября 2017г.

К середине 80-х, когда стало все более очевидным, что построение социализма в отдельно взятой стране – не состоялось, на вопрос о советском опыте, секретарь ЦК КПФ Жорж Маршэ ответил: «В целом, скорее, положительный итог».

Маршэ жил до конца 90-х, он увидел и осознал провал, но «в целом, скорее, отрицательный итог» констатировать не захотел.

Попробуем показать, что итог был не столько отрицательным, сколько катастрофическим.<...>

Мы оказались в 1948 году в Ульяновске (об этом периоде Кривошеинской семьи много написано), и мама моя, Нина Алексеевна Кривошеина (урожд.Мещерская) рассказывала мне, как летом 1917 года еще не на конфискованном автомобиле, с еще не сбежавшим английским шофером, проезжала мимо особняка Кшесинской в Петербурге.

На балконе стоял человек и что-то кричал. «Генри, – обратилась она к шоферу, – что это такое?» Шофер улыбнулся и сказал: «Не обращайте внимания, он тут каждый день кричит и его никто не слушает».

Толпица была действительно малая. Но, посмотрите, какова была степень свободы слова!

<...> Люди с середины 60-х вошли в «вегетарианский» брежневский период. Позднее его стали называть «застоем», а уже сейчас у людей это определяется как «ностальгическая тоска». Но неужели память коротка?! Неужели забыли входные двери коммунальных квартир с десятью звонками (два длинных, три коротких), поликлиники, где очень средне (но зато бесплатно) лечили, где все были равны, но мясо продавали с костями населению, а пакеты с вырезкой начальникам... Народ привык не только к выживанию, но и к коррупции и не подозревал ни о своих правах, ни о правовом государстве.

После нескольких поколений вытравливания свободы, когда СССР закончился, свобода оказалась неудобоваримой. Книги издаются гигантскими тиражами – разные, их можно купить (а не достать как в СССР), но, раскрыв тот же «Архипелаг Гулаг», – человек начинает сомневаться.

И есть резон, ведь эти люди не только в столице, но и по всей России в маленьких городах ходят по улицам, названным именами убийц и палачей русского народа, а таких улиц и площадей полно.

Люди видят, как приносят безобразные красные гвоздики (любимый цветок коммунистов) на могилы убийц Государя и заваливают ими восстановленные бюсты сатанинского «отца народов» (а теперь он в одном ряду на аллее правителей вместе с Государем!) Странный итог...

Фридрих Энгельс утверждал, что суть истории сводится к соотношению производительных сил и производственных отношений. На самом деле, в ходе истории задействованы высшие силы, я их называю божественными, или просто Богом, они и содействовали чудодейственно-бескровному обвалу Советов.

За 70 лет Советской власти она принесла кровавую антиселекцию и массовые расстрелы не только народам России, но и страшный ущерб другим странам: Польше (Владислав Гомулка сидел на Лубянке), в Венгрии – повешен Имре Надь, в Болгарии – процесс Райчева, в Румынии – казнь Анны Паукер... В соседней камере на Лубянке с моим отцом сидел польский кардинал Вышинский...

Сатана стал мощным: он разделил народы Индокитая и переплыл океан – Куба, превратившаяся в остров Свободы, оказалась под тоталитарной диктатурой, с населением архибедным, без религии, с психушками и лагерями. Перечислению стран и причиненных страданий на планете – нет конца!

Ведь тоталитаризм рождает зло и отмщение, и не будем забывать, что когда Советы рухнули, было еще очень много живых палачей, которые не только расстрельные списки подписывали, но и напрямую действовали. Они могли мстить.

Но видно, за последние десятилетия, коррозия коснулась и их, а главное – народ устал и не хотел больше крови и баррикад, и потому в 1991 году Советы пали как картонный домик.

Скажу, что несмотря на антиселекцию, эта империя Зла была населена огромным количеством хороших людей, которые отвергли мщение!

Вадим Горелик

Франкфурт-на-Майне, Германия

Союз с дьяволом – операция «пломбированный вагон»

К 100-летию Октябрьской революции в России

«В политике ради известной цели можно заключить союз даже с самим чёртом — нужно только быть уверенным, что ты проведёшь чёрта, а не чёрт тебя».

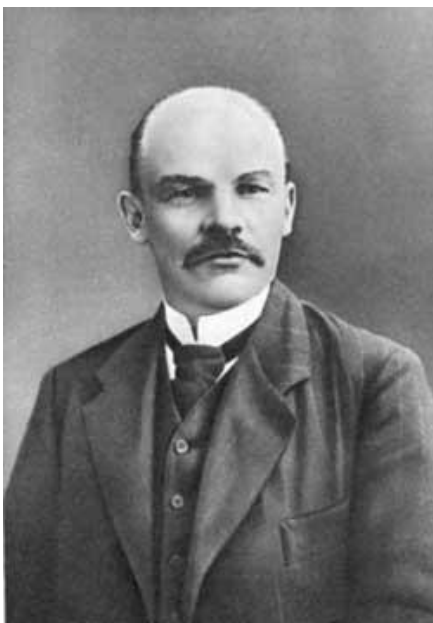
Карл Маркс

В этом году исполняется 100 лет русской революции 1917 г., которая «потрясла мир», и плоды этого потрясения мы ощущаем на себе и сегодня. В этой сложной, кровавой и разрушительной истории есть одна страница, которая связана с Германией и с нашим городом. Это история т. н. «пломбированного» вагона, в котором

немецкий Генштаб комфортно забросил В. Ленина со товарищи из тихой и уютной Швейцарии, где он многие годы жил втроём с женой Н. Крупской и любовницей Инессой Арманд, в революционный Петроград для ведения антивоенной пропаганды.

Из Поронино в Швейцарию. В конце 1908 года Ленин, Крупская вместе с Зиновьевым и Каменевым перебираются в Париж. Здесь происходит первая встреча Ленина с Инессой Арманд, которая на долгие годы станет не только его соратницей, но и возлюбленной. В конце 1912 г. Ленин, Крупская и её мать переезжают в галицийский курорт Поронино (тогдашняя Австро-Венгрия). Когда началась Первая мировая война, Ленина арестовали австрийские жандармы по подозрению в шпионаже в пользу России.

В.И.Ленин в 1910 году

Ему грозил военный суд. Выручил коллега по партии, депутат австрийского парламента В. Адлер. Он разъяснил министру внутренних дел, что социал-демократ Ульянов в ненависти к царю самого кайзера переплюнет, так что в настоящих условиях может быть очень полезен Австро-Венгерской империи. 6 августа 1914 года Ленин вышел из тюрьмы.

И вот в 1914 году через пограничный городок Бухс, из Австрии в Швейцарию, выезжают трое: теща Ленина — с действующим загранпаспортом, Крупская — с просроченным внутренним и сам Ленин — без паспорта в принципе. Но из Вены уже телеграфировали, и дело было улажено наилучшим образом. С Цюрихского вокзала летит открытка Адлеру: «Все по плану, пропустили, благодарю, с партийным приветом». Троица направляется далее в Берн.

Туда же переезжает из Парижа верная подруга Инесса Арманд, которая становится доверенным лицом вождя и не только доверенным лицом... Ему было тридцать девять, ей — тридцать пять. Мать пятерых детей влюбилась в Ленина как гимназистка. Об их отношениях свидетельствуют их письма, опубликованные лишь в последние годы. «О, мне хотелось бы поцеловать тебя тысячу раз!..», — писал он. А она отвечала: «Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью...»

Они не расстались даже после смерти: все трое покоятся у Кремлёвской стены...

Швейцария. Жизнь втроем. Ульяновы жили на тихой улочке Дистельве, в дом напротив сразу же въехала Инесса Арманд. Надя несколько раз хотела уйти, но «хозяин» сказал: «Останься!», и она осталась. Ради победы революции, она была готова подняться выше обывательских представлений о супружеской верности и женской гордости. Все было подчинено великой идее.

Арманд, став «подругой Ленина», приняла, по выражению Солженицына, правила игры «на троих». Она смогла проявить дружеские чувства и к жене любимого человека.

Неожиданная революция. Февральская революция застала В. Ленина в Цюрихе и оказалась для него полной неожиданностью. Всего месяц назад он выступал перед швейцарской молодежью: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции,— заявлял он. — Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции».

Союз с дьяволом. Этот эпитет Карла Маркса очень точно характеризует сделку немецкого Генштаба и Ленина при организации переброски Ленина со товарищи из нейтральной Швейцарии в революционную Россию через кайзеровскую Германию.

Временное правительство предоставило всем политэмигрантам, в том числе и большевикам, право вернуться на Родину и даже выделяло средства для их возвращения. Но только тем, кто разделял его лозунг «Война до победного конца». Но большевики из-за пораженческой позиции в вопросе войны с Германией на такую помощь рассчитывать не могли.

Добраться до России через изрытую траншеями Европу русским эмигрантам было чрезвычайно непросто. И перед ними встал извечный русский вопрос «Что делать?».

Враждующие страны старательно пытались использовать эту ситуацию в России в своих интересах.

Тех эмигрантов, кто поддерживал лозунг «Война до победного конца», возвращали домой через Англию, откуда они отправлялись в Архангельск, Мурманск или через Скандинавию морским путём. Так возвращался в революционную Россию давний оппонент Ленина меньшевик Георгий Плеханов. Но британские спецслужбы жёстко отсекали сторонников пораженческого лозунга большевиков: «Превратим империалистическую войну в гражданскую».

Не отставали и немцы. Помочь застрявшим «большевикам-пацифистам» выразил желание немецкий Генштаб. По мнению генерала Э. Людендорфа, переправка Ленина в Россию была целесообразна с военной точки зрения.

В этой ситуации Ленин обратился к секретарю Швейцарской с/д партии Фрицу Платтену с просьбой вступить в переговоры с послом Германии в Швейцарии Ромбергом об условиях проезда эмигрантов-большевиков в «пломбированном» вагоне через территорию этой страны. Для циника Ленина, которому принадлежит сей перл: «Капиталисты готовы продать нам верёвку, на которой мы их повесим», в этом не было ничего необычного.

Ленин и Платтен, чтобы обезопасить большевиков от подозрений в сговоре с германским Генштабом, выставили немецкой стороне следующие условия:

«1. Я, Фриц Платтен, сопровождаю за полной своей ответственностью и на свой риск вагон с политическими эмигрантами и беженцами, возвращающимися через Германию в Россию.

2. Сношения с германскими властями и чиновниками ведутся исключительно и только Платтенем. Без его разрешения никто не вправе входить в вагон.

3. За вагоном признаётся право экстерриториальности. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из неё никакого контроля паспортов или пассажиров не должно производиться.

4. Пассажиры будут приняты в вагон независимо от их взглядов и отношений к вопросу о войне или мире.

5. Платтен берёт на себя снабжение пассажиров железнодорожными билетами по ценам нормального тарифа.

6. По возможности, проезд должен быть совершён без перерыва. Никто не должен ни по собственному желанию, ни по приказу покидать вагон. Никаких задержек в пути не должно быть без технической к тому необходимости.

7. Разрешение на проезд даётся на основе обмена на германских или австрийских военнопленных или интернированных в России.

8. Посредник и пассажиры принимают на себя обязательство персонально и в частном порядке добиваться у рабочего класса выполнения пункта 7-го.

9. Наивозможно скорое совершение переезда от швейцарской границы к шведской, насколько это технически выполнимо».

Условия большевиков были приняты немецкой стороной безоговорочно, после чего решение о поездке было утверждено на самом верху. Но спешил не только Ленин, германское правительство спешит тоже. 5 апреля США объявляют Германии войну, а уже 6 апреля, в полдень, Фриц Платтен получает знаменательный ответ: «Вопрос решен в положительном смысле». Немцы готовят для большевиков «пломбированный» вагон.

«Пломбированный» вагон. Вагон Großherzoglich Badischen Staatseisenbahnen с деревянными сиденьями имел всего три купе 2-го класса. В двух ехали Фриц Платтен, который бегло говорил по-русски, и двое немецких офицеров. В третьем неразлучная троица: сам Ильич, Крупская и Инесса Арманд. Остальные революционеры с жёнами и детьми ехали в третьем классе. Немцы предоставили революционерам также и багажный вагон для перевозимого имущества.

В вагоне были заперты три двери, а через четвёртую Фриц Платтен и сопровождавшие поезд немецкие офицеры свободно выходили и входили на остановках.

По инициативе Ленина, в вагоне была проведена мелом черта, разделившая его на две части: немецкую и экстерриториальную: в одной находились германские офицеры, в другой — революционеры. Переход черты был запрещён обеим сторонам.

В экстерриториальной части вагона был всего один доступный туалет, куда революционеры ходили курить, второй находился в «германской» части вагона.

В итоге это привело к постоянной толкучке у ленинского купе. Ленин решил проблему кардинально, выпустив билеты для посещения туалета двух классов: первого — для тех, кто использовал туалет по прямому назначению, а второго — для курильщиков.

Отъезд. На дорогу через Германию Ленин с компанией одолжили у швейцарских товарищей 3000 франков. На эти деньги Платтен купил билеты, а по дороге покупал еду. Уехать они стремились тихо и без огласки — ведь отъезд был делом рук германского Генштаба, и это в самый разгар войны с Россией! Но конспирация не удалась. Слово писателю Стефану Цвейгу (Стефан Цвейг. Звёздные часы человечества): «9 апреля 1917 г. в половине третьего пополудни из ресторана «Церингергоф» к цюрихскому вокзалу идет небольшая группа плохо одетых людей с чемоданами. Их тридцать два человека, в том числе женщины и дети. После скромного прощального обеда они подписывают документ, в котором подтверждается, что им известно сообщение «Пти паризьен», где русское Временное правительство заявляет, что будет считать изменниками всех лиц, приезжающих в Россию через Германию. Тяжелыми, неуклюжими буквами они подписываются, что всю ответственность за этот выбранный ими маршрут берут на себя и все условия поездки принимают.

Их появление на вокзале не привлекает ничьего внимания. Нет ни репортеров, ни фотографов. Кому известен в Швейцарии этот господин Ульянов в мятой шляпе, поношенном костюме и до смешного тяжелых горных ботинках (он сменит их только в Швеции); с группой мужчин и женщин, нагруженных багажом, молчаливый и незаметный, ищет он место в поезде. Швейцарская рабочая партия, порицающая этот отъезд, не прислала своих представителей, пришли лишь несколько русских, чтобы передать с отъезжающими приветы и немного продуктов близким на родину, и еще несколько человек, чтобы в последнюю минуту отговорить Ленина от «безрассудной и преступной поездки». Но решение принято. В три часа десять минут кондуктор дает сигнал. И поезд уходит к Готтмадингену, германской пограничной станции. Три часа десять минут — с этого момента у часов мира другой ход».

Несколько другую картину рисует немецкий атташе, обязанный доложить об успехе начала операции. «На вокзале в Цюрихе собралась внушительная толпа патриотически настроенных эмигрантов числом около сотни человек, выкрикивавших обвинения отъезжавшим в национальном предательстве и предсказания, что все они будут повешены в России как еврейские провокаторы. В ответ на

это при отходе поезда его пассажиры исполнили хором «Интернационал». Некоторое время пассажиры исполняли и другие песни революционного репертуара, в том числе «Марсельезу», чем весьма досаждали сопровождавшим офицерам не только проявляемой бестактностью, но и нарушением маскировки. В результате Ф. Платтен был вынужден запретить эту практику».

В 15 часов 10 минут 9 апреля 32 российских эмигранта выехали из Цюриха до пограничной германской станции Готтмадинген. Там они пересели в прицепной «пломбированный» вагон немецкого скорого поезда Zürich-Basel-Mannheim-Frankfurt.

Остановка во Франкфурте. Вечером того же дня поезд с революционерами прибыл на Франкфуртский вокзал. «Пломбированный» вагон отцепили и перевели на 9 путь, где он несколько часов ждал ночного поезда Frankfurt-Erfurt-Berlin. Революционеров пришли приветствовать представители немецких профсоюзов, но ни Ленин, ни остальные к ним не вышли, и всё знакомство происходило только через окна вагона.

Дальнейший маршрут. Далее путь вагона лежал через Берлин и Зассниц на острове Рюген. В Засснице революционеры покинули вагон и паромом переправились в шведский Треллеборг. Затем – «шведский стол» в Мальмё, ночь поездом до Стокгольма, где Ленин купил приличное пальто и знаменитую кепку, в которой он выступил на броневике у Финлянского вокзала и в которой он запечатлён в тысячах картин и скульптур.

В Мальмё все еще висит медная дощечка в память о его остановке в отеле «Савой», наряду с другими знаменитыми клиентами, такими, как Брижит Бардо и теннисист Бьорн Борг.

Затем ночь поездом до Хапаранда, далее на санях через пограничную реку в финский Торнио, где до сих пор сохранилась памятная табличка о проезде Ленина, затем – поездом через Хельсинки до Петрограда. Приехали поздним вечером 16 (3) апреля.

Дальнейшее широко известно: речь Ленина на броневике, «Апрельские тезисы», укрытие с Зиновьевым в шалаше в Разливе от Временного правительства, обвинившего Ильича в предательстве интересов России, штурм Зимнего, позорный для России и долгожданный для Германии Брестский мир, по которому немцы получили огромные украинские, белорусские и прибалтийские территории с плодородными землями, промышленными предприятиями, развитой инфраструктурой и десятками миллионов населения. Один из руководителей немецкой разведки в Стокгольме

телеграфировал в МИД в Берлин: «Приезд Ленина в Россию успешен. Он работает совершенно так, как мы этого хотели бы».

Ленинский вагон был не единственным. 13 мая немцы отправили в Россию ещё шесть вагонов с 250 революционерами (в том числе Мартовым и Аксельродом) и один вагон с едой для них.

Судьба plombированного вагона и его пассажиров. Во времена ГДР точная копия «пломбированного» вагона, по решению Политбюро СЕПГ, к 60-летию Октябрьской революции в 1977 г. была установлена в г. Зассниц и превращена в музей Ленина. Сейчас вагон находится в Потсдаме, в академии немецких железных дорог (Deutsche Bahn), и служит базой для обучения новых работников.

Союз большевиков с дьяволом принёс неисчислимые бедствия России: гражданская война, красный террор, приход к власти Сталина, Гулаг, миллионы расстрелянных, замученных и пропавших без вести. Печальна судьба и самих пассажиров «пломбированного» вагона, ехавших бороться за счастье трудящихся и коммунистический рай:

Ленин – умер в 53 года в жалком состоянии; Инесса Арманд умерла в 1920 г. от холеры в охваченной по вине большевиков разрухой России; Фриц Платтен эмигрировал в 1923 г. в СССР, чтобы участвовать в строительстве коммунизма. В 1937 г. сослан в Архангельский лагерь, а 22 апреля 1942 г. в годовщину рождения Ленина, расстрелян охраной лагеря; Карл Радек – убит в сталинской тюрьме в том же 1942-м.; Якуб Ганецкий – расстрелян в 1937 г.;

Григорий Зиновьев, скрывавшийся от ареста по обвинению в госизмене в Разливе вместе с Лениным в 1917 г., – посажен Сталиным в 1934-м, расстрелян в 1936-м (вместе со Львом Каменевым, на пару с которым Сталин руководил большевиками в 1917-м до приезда Ленина); сын Зиновьева Стефан, который был малышом, когда ехал в «пломбированном» вагоне, – расстрелян в 1937-м; Мечислав Бронский, польский социал-демократ, затем большевик – он в Цюрихе первым принёс Ленину весть о Февральской революции, – расстрелян в 1938 г.; Григорий Сокольников, член Политбюро ЦК РСДРП (б), чья подпись стоит под договором о позорном Брестском мире, – приговорён в 1937-м к 10 годам лагерей и в 1939 г. в Тобольске расстрелян.

Немцы и большевики успешно использовали друг друга в достижении своих целей, но в итоге проиграли не только они, проиграли все. А выиграл дьявол. Так что Маркс не прав: дьявол всегда выигрывает.

От автора. У меня свой счёт к тов. Ленину как автору лозунга: «Превратим империалистическую войну в войну гражданскую» и декрета о создании первого в Европе (на 15 лет раньше Гитлера) Соловецкого концлагеря для политзаключённых (1918 г.). Именно во время гражданской войны в Бердянске в 1921 г. был убит во время погрома мой дед Моисей Горелик. А в Соловецкий лагерь в 1922 г. печально знаменитой «тройкой» (т.е. без суда и следствия) по обвинению в активной работе в партии эсеров и хранении нелегальной литературы был сослан и в 1923 г. убит его сын (мой дядя) Меер Моисеевич Горелик.

Уинстон Черчилль так оценил сделку большевиков с немцами: «Германское правительство переправило Ленина в plombированном вагоне из Швейцарии в Россию как чумную бациллу».

И я разделяю мнение Черчилля об этом человеке.

Владимир Темкин

Чикаго, США

Колымская сага

Истории этой в 2017 году исполнилось ровно 80 лет. Круглая, можно сказать, дата. Юбилейная, но не праздничная, как многое из того, что брало начало в 1937 году. Давно почил в бозе главный её герой. Даже дети его уже ушли из жизни. Остались иные потомки, которые уже и не смогут вспомнить столь отдаленных во времени событий, происходивших когда-то в жизни их забытых пращуров. И хотя многое из нашего с вами прошлого усиленно напоминает о себе, настойчиво не даёт забыть себя, есть вещи, которые, к сожалению, памятли лишь немногим.

Этот мой сотрудник, человек разумный, спокойный и уравновешенный, регулярно поражал меня своими неординарными суждениями. Изредка он «стрелял» у меня сигаретку и, стоя с нами в курительном углу, потягивал её как-то необычно бережно, с нескрываемым удовольствием, закрывая при этом глаза. А когда я поинтересовался, что его в процессе курения настолько привлекает, он ответил мне странными и загадочными словами:

– Ощущение мимолётного счастья. И тем выше оно, чем более перенесённое перед этим. А в жизни полезно научиться сие чувствовать и ценить.

Мне редко доводилось встречать людей столь мощной жизненной силы и упорства. В свои семьдесят два года этот человек и выглядел молодцом – кражистый, с шеей борца, уверенный в себе и устойчивый. И мало кто мог выдерживать, не отводя глаз, его прямой и цепкий взгляд. А руководство наше его уважало и ценило, интересовалось его мнением при решении крупных проблем. Годы это были – семидесятые, самая середина. Лабораторию, в которую я пришел пять лет назад, он возглавлял ещё за пять лет до этого, и давно уже, выйдя на пенсию, работал консультантом-полставочником. А я, молодой заведующий, с удовольствием выслушивал повествования из его производственного опыта, помогающие мне лучше ориентироваться и вживаться в своё теперешнее непростое положение. Иногда по вечерам, задержавшись после конца работы, мы с ним позволяли себе расслабиться, опрокинув по рюмочке коньячку и, по этой причине – засиживались вдвоем допоздна. А однажды, совсем незадолго до своей неожиданной смерти, он вдруг, разговорившись, поведал мне тридцатипятилетней давности свою историю.

Судьба его была настолько необычной, что я до сих пор, по прошествии уже более чем сорока лет, испытываю внутренний трепет, а иногда ощущаю комок в горле, перебирая в памяти его повествования или более поздние, уже после ухода Марка Соломоновича, рассказы его вдовы и случайно встреченного на поминках старого товарища, каторжанина.

Фамилия: *Зарецкий.*

Имя: *Марк.* Отчество: *Соломонович.*

Дата рождения: *1904 год.*

Национальность: *еврей.*

Семейное положение: *женат.*

Происхождение: *из мещан.*

Партийность: *член ВКП(б) с 1924 года.*

Так примерно начинали заполнять дело о вредительстве, заведённое на него в Белорусском НКВД осенью 1937-го года. В свои 33 года должность Марк Соломонович исполнял по тем временам немалую – главный инженер Минской районной электростанции. А в тот обычный рабочий день, как всегда перед уходом домой, решил Зарецкий обойти станцию. Прошел к центральному пульта, постоял за спиной у двух тамошних диспетчеров, посмотрел на уровень загрузки генераторов и частоту сети и уже почти было двинулся дальше, как на табло 4-го генераторного блока на несколько секунд вспыхнула красная лампочка, сигнализирующая о несоответствии его выходных параметров их сетевым значениям. Сигнал был кратковременным, положение почти мгновенно нормализовалось, но засечку в памяти Марк Соломонович себе сделал. Заглянув по дороге на выходную трансформаторную подстанцию, прошел он в машинный зал. Дежурный мастер вышел ему навстречу, и Зарецкий спросил у него:

– Егорыч, ты на четвёртый агрегат давно навевывался?

– А что с ним такое?

– Да на табло в диспетчерской сигнал десинхронизации иногда вспыхивает. Что бы это могло быть?

– Сейчас схожу, посмотрю.

– Пойдем вместе.

Подойдя к 4-му агрегату, они постояли около него, прислушиваясь к звуковому тону рабочего гула машины. Слышным было характерное потрескивание. Мастер открыл крышку щётчного блока подвозбудителя, и оба они увидели, что под щётками полыхает довольно сильная искра, явно превышающая по мощности и размеру допустимый правилами уровень. Оставлять подвозбудитель в таком состоянии не следовало, и Зарецкий, подумав, посоветовал для начала слегка почистить коллектор, сделав это на ходу тонкой мягкой пемзой, обычно используемой для таких целей. Егорыч пошел распорядиться и вернулся, приведя с собой кого-то из механиков. Парень был незнакомый, по-видимому, новенький. Он поздоровался, порылся в глубоком кармане комбинезона и достал оттуда небольшой кусок желтовато-буровой пемзы. После этого, засучив правый рукав, просунул руку в люк и стал прилаживаться со своей пемзой к коллектору. Что-то ему там помешало, и он достал другой рукой и из другого кармана здоровенные пассатижи. Покопавшись внутри люка, прихватил пемзу грубыми губками и коснулся ею быстровращающейся поверхности коллектора.

Зарецкий, как правило, оставив любое служебное распоряжение рабочим эксплуатационных служб, уходил, чтобы не стоять над душой и не смущать исполнителей. И сейчас он уже было отвернулся, чтобы пройти дальше по машинному залу, но вдруг парень, неловко дёрнувшись и ойкнув, уронил внутрь тяжелые пассатижи, которые пролетев несколько раз по кругу раздробили к чёртовой матери весь комплект угольных щеток подвозбудителя.

Защита отреагировала мгновенно, и автоматика отключила четвертый агрегат. Завыла сирена, сигнализирующая о случившейся поломке, и система управления сразу начала перераспределять нагрузку станции между оставшимися в работе машинами. Возникшая ситуация была неприятной, но штатной и управляемой. Выскочившие из дежурки электрики катили уже к месту аварии рабочий стол и шкафчик с приспособлениями и инструментами, когда к Зарецкому решительно и твердо подошёл начальник спецотдела, являющийся ещё и уполномоченным НКВД на станции.

– Что случилось?

– Да тут вот... – Зарецкий коротко объяснил произошедшее и отошёл, заглядывая через спины рабочих в коллекторный люк.

– А кто конкретно это сделал? – обратился уполномоченный к мастеру.

– Да вот он тут, Павлосюк его фамилия. Да, бывает такое, товарищ Петерсон. Случается. Щетки, они ведь слабые, угольные, прессованные. И сами по себе развалиться могут. Мы сейчас всё устраним. Не волнуйтесь. Тут на полчаса делов всего – то. Тренировка, будем считать, чтобы навыки не терять!

– Пойдём со мной! – крутанул ладонью уполномоченный, и Павлосюк, всем своим видом изображающий раскаяние, переходящее в тоску и уныние, поплелся следом за ним к выходу из машинного зала.

Что у них там был за разговор, никто не знает, но вернулся Павлосюк от начальства лишь к концу смены, затравленный и угнетенный, и, никому ничего не сказав, переоделся и ушёл домой.

А под утро за Марком Соломоновичем пришли... Судили его вместе с мастером, Николаем Егоровичем. Все показания, поддерживающие линию обвинения, предъявившую суду полный набор, то есть и диверсию, и шпионаж, и групповую террористическую деятельность, дал в суде лопухий и косорукий Павлосюк. Был он запуган и затравлен уполномоченным Петерсоном, которому как раз выходило представление к новому званию и срочно

требовалась поэтому яркая и продуктивная демонстрация личных «боевых» успехов и достижений.

А дальше пошло–поехало. Тюремным вагоном до временной Московской пересылки, оттуда во Владимирскую, а уже там загнали бедных зэков в телячьи столыпинские вагоны. И целый месяц стучали эти вагоны колесами по рельсовым стыкам и стрелкам Великой Транссибирской магистрали, пока в конце пути не уткнулся состав в стопорные упоры на берегу Тихого Океана. А там уже перегрузили их всех в смрадные и удушливые корабельные трюмы и, как рабов в давние древние времена, повезли на Север. Дело шло к зиме. Рейс был одним из последних в сезоне. От скученности, истощения и болезней зэки мёрли как мухи. Трупы после активирования сбрасывали по ночам тайком прямо за борт. И уже в Магадане остатки партии когда–то сильных и здоровых мужчин полуживыми повыгоняли на берег.

У причалов их пересчитали, рассортировали, построили, распределив по приискам, изобразили краской на ватниках белое тавро, как на скотине, и пошагали понуро эти несчастные навстречу собственной судьбе.

Здоровьем Марк Соломонович обижен не был смолоду, да и возрастом был в самой крепкой поре, поэтому все передрыги нелёгкого этого пути выдержал. А дальше – барак, перекличка на морозе или в комарином «дыму», конвой с рвущимися с поводка и роняющими пенную слюну псами, кайло в руки и в шахту. А там уже как повезёт, потому что и вагонетки с породой по кривым рельсам плечами толкать ему приходилось тоже. Но и тут всё он вынес и сдюжил.

Называлось это «на общих работах». Среднестатистического зэка хватало на них примерно на полгода. Но в какой– то момент, уже, видимо, после начала войны, начальство энкавэдэшное почувствовало запах жареного. И «всё для фронта, всё для победы» зазвучало для него жёстким указанием на вдвое увеличенный план золотодобычи. Прямо над их головами из Америки через Аляску и Чукотку сотнями гнали истребители «Аэрокобра», бомберы «Бостон» и «Митчелл». Были и другие поставки: редкие металлы, алюминий, химия всякая и боеприпасы, тушенка и яичный порошок, сгущенка и сухое молоко. И за многое из этого списка платилось чистым золотом, потому как ничего другого страна Россия, загнанная как старая лошадь одуревшими от власти большевиками, не производила и производить не могла. А увеличить количество зэков в условиях, когда из– за бездарности военно–политического руководства безвозвратные

солдатские потери на западных фронтах подсчетам не поддавались, стало совершенно невозможно. И пошло в ход в здешнем командно-вертухайском обиходе громкое, до боли в ушах и спазмов в животе, крикливо-надрывное выражение:

– Ты, майор, у меня что, на фронт захотел? Так ты у меня живо там окажешься!

И такое мощное проявление воли руководства мобилизовывало и укрепляло вертухаям боевой дух. Но вот для реализации данного требования, в части двойного увеличения эффективности и производительности труда, потребовались ещё и трудовые навыки, и знания, кои у офицеров НКВД редкостью были исключительной. И как всегда в таких случаях брошен был клич – искать «спецов». И сделали вертухай то единственное, до чего способны были додуматься. Перекопали, перелопатили они кадровые документы на весь оставшийся в живых контингент и выявили людей, «скрывавшихся» среди ещё остававшихся в живых, технически грамотных и дело своё знающих. Нашли они их, и задачи им поставили, и харчей в миски энкам подбросили. Всё ведь для фронта, всё для Победы. Но так, чтобы только самим на этот фронт не загреметь.

И стал Марк Соломонович, с его-то образованием и головой, большим человеком, главным энергетиком управления золотодобычи, то есть объединения группы шахт. Спал Зарецкий по-прежнему в бараке, кормился из общего котла вместе со всеми энками, но вот за проволоку его уже выпускать стали. И не боялись, что в бега он уйдёт. Во-первых, куда ему бежать-то? Тысячи километров гор да скал, тундры и болот. А во-вторых, он же не ворюга – блатной, он ведь коммунист в душе, и ему можно до бесконечности мозги полоскать и морочить Родиной, которая в опасности. Он же так воспитан, что всё за неё отдать должен. И ведь при правильном подходе-таки отдавал!

Умер Марк Соломонович внезапно. Зимой поехал подлечиться в подмосковный санаторий и там, сидя в телефонной будке и дозваниваясь домой, уронил вдруг голову на руки. И всё. А дома у него соседка, зашедшая позвонить, телефонную трубку на рычаги плохо опустила. И он, стоя в очереди и пытаясь связаться с женой, очень, как сказали очевидцы, беспокоился, что там с ней случилось, и нервничал. Короче, сердце...

После похорон собрались помянуть, и, когда я вышел на лестницу покурить, то поднялся на полпролёта к открытому окну, где стоял невысокий, сублильной комплекции мужчина. Одет он был в

неброский костюм с галстуком, а выглядел очень пожилым и нездоровым. Внимание моё к нему привлёк свёрнутый бумажный кулёчек, куда он аккуратно ссыпал сигаретный пепел. Все остальные тут стряхивали его прямо на пол. И держался этот человек так, будто бы изо всех сил старался оставаться незаметным и занимать как можно меньше места. Голову держал опущенной и периодически ею кивал, вторя каким-то своим мыслям. О чём-то задумался. И были мы с ним на этой площадке только вдвоём.

Вдруг он как-то неожиданно по-детски всхлипнул, закрыл рукой лицо и замер.

– Что с вами? Вам помочь? – забеспокоился я. В ответ он молча замотал головой.

И только после нескольких минут молчания, на мгновенье быстрым движением подняв глаза, человек этот, с трудом выговаривая слова, произнёс:

– Марик! Он мой самый близкий друг. Вместе с ним мы были там, – и он при этом как-то странно взметнул руку к правому верхнему углу окна. И заговорил быстро, сбивчиво, не останавливаясь.

– Случилось оно там у нас, нечто неожиданное, сгорел японский генератор и остановилось заморское американское оборудование внизу в шахтах. А вся ремонтная бригада только разводила руками, потому что схема обмотки у него была невероятно сложна! А ведь ещё и ремонтный комплект деталей отсутствовал, который энкавэдэшники эти долбаные не заказали, сэкономив тем самым «аграмадные» государственные средства и победно об этом отрапортовал. А год-то на дворе 1942-й. Стоим мы с опущенными руками. Крантец полный. Выхода никакого! И только начальство туда-сюда ходит и глаза свои зверские на нас щурит. Но не признавать же ему свою мудаковатость и недотяпистость. И вот в это самое время стали они на нас отрабатывать новые воспитательные методы и средства. Для убеждения и принуждения, так сказать.

Вывели нашу электробригаду во главе с Зарецким из генераторной на воздух свежий, к сараю складскому спиной поставили, а насупротив выстроили караульный взвод с винтовками. Сержант проорал: «Заряжай!» Вертухаи затворами проклацали, в прорези прицелов смотрят. И ряд штыков ихних, в горло нам нацеленных, в глазах у всех нас колыхается.

А майор, заместитель командира лагеря нашего, тот между нами и ними ходит, сапогами по снежку поскрипывает. Смелость демонстрирует. Ну, прям, как под пулями идёт, не пригибаясь. К Марку подошёл и с ехидной такой подковыркой спрашивает:

– Ну, что, Зарецкий! Долго ты ещё Советской власти голову морочить намерен! Или пора пришла пускать тебя в расход?!

А Марик, всегда выдержанный и спокойный, неожиданно так грязно выругался, плюнул майору в морду и заорал как сумасшедший:

– Да стреляй же ты, сволочь! Сколько можно над людьми глумиться! – и после таких его слов те, кто послабже в бригаде были, и я в том числе, мы уже даже рукавицами драными своими лица позакрывали. Ну, кому так уж охота со смертью своей взглядом встречаться...

Сильный человек был Марк, крепкий, мужественный! Но рано он себе легкого конца возжелал. И неправ он был, обругав майора сволочью. Не просто сволочь был майор, а редкая, редчайшая мразь. И поэтому вытер он с лица плевков платочком, нехорошо так улыбнулся в глаза Марику, и, повернув голову в сторону расстрельной команды, спокойно скомандовал: «Отставить. К ноге». И караул опустил винтовки, пристукнув прикладами по промерзшей земле.

– Над людьми глумиться, говоришь? А кто тебе сказал, что ты человек? Это во-первых. А во-вторых, Зарецкий, забыл ты, наверное, что твоя жена, Софья Ароновна Зарецкая, и сын твой, Юрий Маркович Зарецкий, 38-года рождения, проживают в эвакуации в г. Игарке, подселенцами в доме номер 16 по Шпальному проезду, и ты, Зарецкий, недавно получил от них оттуда письмо. И зачем мне, скажи, на провокацию твою поддаваться и электробригаду расстреливать. А пошлю-ка я лучше вот прямо сейчас срочную радиogramму в Красноярское управление, опишу им в ней геройское твоё поведение, а уж они там и сами знают, что положено делать с Членами Семьи Изменников Родины, ЧСИР – по-нашему. Ну, что ты мне на это скажешь? И через недельку-две пришлют они мне фотографии с отчетом о проделанной работе... Авиопочтой. И тогда-то мы с тобой их и посмотрим... И бабки подобьём...

А мы стоим всей бригадой и слушаем. И спину бригадирскую видим, в один миг в припадке бессильной ярости осогбенившуюся и рыданиями сотрясаемую. И рукавицы с лица мы все уже опустили. И каждый себе думает:

– Ох, трудна, Маркуша, доля твоя! Ну, почти непосильна! Но на то ты и Главный, на то ты и бугор-бригадир, и кликуха твоя – Мудрило. Мы, сам понимаешь, ребята технические и сделать можем много! И руки, и спины ломать – это наша прямая обязанность. Но вот голову свою об эту самую генераторную схему гнобить и уродовать, это вот, мужик, твоё теперешнее дело. Да и видим мы, убедил тебя майор...

Нашёл он слова, «тёплые и дружественные», до твоего сердца дошедшие. Ведь дошли? И душу твою они, похоже, тоже тронули? А это значит, что обыграл он тебя в эти вот шашки-шахматы. С ферзёй в рукаве, но оставил! А по-простому говоря, сломал он тебя как палку, через колено. У нас, у всех на глазах, в назидание!

И, постояв из сочувствия у Марка за спиной, дав тем самым ему немного успокоиться, начинаем мы, бригада, пугливо оглядываясь, расходиться. А я тяну его за рукав и приговариваю:

– Ну, идём. Идём, Маркуха! Вон старшина караульный нам от щедрот майора аккордную оплату тащит, каждому по две пачки махорки. И допаяк к этому ещё накинет, гад ползучий. Так что малость и подхарчимся ещё в эти дни нелёгкие! А сейчас пойдём, друган. Пойдём и свернём по козьей ножке, посидим ладком, подымим дымком. И там уж оттаешь и душу отведёшь. Крепко он тебе засадил, сочувствуем горю твоему, но помочь тут тебе просто некому. Тут, ты ведь знаешь, каждый за себя. Закон тундры. А пока ты, Мудрило, над схемой мудрить-думать будешь, мы генератор-то этот долбанный разберём, обмотку погорелую где смотаем, где вырубим, и пазы в сердечнике прочистим...

К исходу первых суток Марк мне сказал, и так я его понял, что схему самураи настолько уж непростую и мудрёную намотали, в которой разобраться так быстро ему просто не под силу. Школа другая. И решение он принял такое, от которого у иного бы и ноги-то подогнулись, и плечи хрустнули б, ношу эту не потянув. Просто и спокойно Марик объяснил нам, на какой тонкой нити жизнь наша сейчас подвешена.

– Вот он сердечник, вот пазовое пространство, а вот он – я, Зарецкий, Марк Соломонович. И надо мне трехфазную обмотку на 380 вольт напряжения сюда вот воткнуть, прорисовав и просчитав предварительно. Книг нет, но голова есть. Инженер ведь, значит, придумаю! Но и у вас, мужики, права ошибиться при укладке тоже не будет. Никакого! Попутаете что, всем хана!

И не спал Марик толком почти пятеро суток. Так, на ходу прихватывал, на одной ноге... Как лошадь – стоя! И ел на бегу да всухомятку, где и как придётся. Пока в изумлении не увидел, что закрутился генератор и дал нужные ток и напряжение. А мы рядом с ним стояли и глазам не верили. А кто-то сзади тихо сказал: «Охренеть можно! Опять обнесла костлявая!»

И поползли транспортёры в забоях, и клеть заработала, и лебедка отвальная тоже. И ожила шахта, и пошло золотишко. А случайно встреченный нами потом у клуба майор улыбнулся вполне дружелюбно и даже назидательно так произнёс нечто о том, что,

мол, зря ты бузотёрил, Марк Зарецкий, у каждого из нас – своя служба. У вас одна, а у меня другая. И, главное, чтобы каждый нёс её как положено! Исполнял бы по всей правде и по всей совести. И тогда Победа будет за нами!

И так оно и вышло, так оно и случилось, но были они, Победа эта и Правда, у каждого своя! А про Совесть я уже не говорю, потому как разговор это уже другой, отдельный... – друг Зарецкого замолчал и, обжигая пальцы, стал слюной гасить в кулечке свою сигарету ПАМИР.

– Спасибо, брат, за то, что выслушал! Просто душу выворотило, за всю прошедшую жизнь нашу с ним разом! Святой человек был Марик! Земля ему пухом...– договорил он, протянул мне руку и, выловив из прихожей своё пальцецо, ушел вниз по лестничным маршам. Ушёл не прощаясь, не оборачиваясь! Как уходило из нашей жизни всё то несчастливое поколение.

А Марк Зарецкий, как я помню из его повествований, отбатрачил на зоне до конца 1944 года, когда где-то там высоко, в Судебном Поднебесье, пересмотрено было его дело о вредительстве и шпионаже. Причиной пересмотра стало то, что служивший у немцев полицаем Павлосюк, был пойман, избилён и осуждён, а заодно, как говорится, дядя-прокурор прошёлся ретроспективно по всем делам и приговорам, вынесенным по его, гада, гнусным оговорам и наветам. В порядке прокурорского своего надзора выявил он там множество людей, оклеветанных этим фашистским прихвостнем, и дал ход процессу по их реабилитации.

– Важное это дело было! – вспоминал Зарецкий. – Я, понятно, про тех, кто дожил, говорю. Их было совсем немного. Так что и работа у судейских, она, в общем, получилась небольшая! Больше-то вышло тех, кто – посмертно. А там всех делов-то на два листочка – постановление о закрытии дела да справка родным. Так что и за то – спасибо!

И Марка Соломоновича Зарецкого перевели на «беспривязное» содержание. И жить он стал уже в поселке вне колючей проволоки, расконвоированным. Комнатуху с казённой мебелишкой выделили. И даже паёк какой-то как вольнонаёмному дали. Но в остальном горбатился он там же и так же, как и все эти восемь лет. И даже телогрейку старую, зёковскую, менять на новую не стал. Свитерок какой-то под неё надевал, конечно, но вот от друзей по зоне себя никак не отделил тем самым.

Потом пришла долгожданная Победа. И, как Зарецкий любил говаривать, «враг был нами разбит, а они победили». И сразу же

снижение потребности в солдатах на фронтах войны, ощутилось там на Колыме, в лагерях. Заработал старый, как мир, закон сохранения. И если там, в армии, мужиков в сапогах поубавилось, здесь в тундре их вполне ощутимо начало прибавляться. Смена состава произошла! И пошли они сплошной чередой – военнопленные и с оккупированных территорий. Ох, и умела Советская власть из людей «врагов народа» лепить. Миллионами! Сколько рабов бессловесных ей понадобится, столько шпионов и вредителей она разоблачит.

Но герой наш в этом круговороте уже не участвовал. И к началу навигации 46-го года ждал он с нетерпением приезда с Большой Земли жены с ни разу не виденным им сыном, родившимся через пять месяцев после его ареста. И ведь дождался. Правда, за сутки до этого залило паводком новую шахту в 20 километрах от базового поселка, в котором Марк Соломонович проживал сейчас, и пришлось ему ехать туда и организовывать откачку воды и энергоснабжение. Поехал, организовал, но вот к прибытию парохода малёк припозднился, прибежав уже через час после того, как судно отшвартовалось и разгрузилось. Жена ждала его на пристани, возле смайнованных краном в грузовой сетке вещей – двух старинных сундуков да фибрового чемодана.

Он долго стоял, припав к ней, прижав её к груди, задыхаясь от прихлынувшего к истосковавшей душе счастья, не представляя, как это можно будет теперь выпустить её из рук. И вдруг его как окатило:

– А сын? Где сын!

– Сейчас позову! – и жена было повернулась в сторону игравших в футбол мальчишек.

А он схватил её резко за руку:

– Я сам... Сам... Я сам угадаю... – и, представьте себе, угадал!

Но дать этому человеку пережить такое вот разрывающее душу счастье и в такой неповторимой форме могла только единственная в мире власть, – советская, самая, пожалуй, гнусная и подлая из всех в этот период существовавших на белом свете.

Виталий Шрайбер

Калифорния, США

В Трубецком бастионе

В конце семидесятых у меня был аспирант, способный и весьма неординарный молодой человек. Звали его Толя. Это был мой первый аспирант, разница в возрасте у нас была сравнительно небольшая, отношения постепенно переросли в приятельские, мы перешли на ты. К концу срока аспирантуры Толя сделал хорошую работу, но написать диссертацию не успел. Он решил подыскать себе какую-нибудь временную работу, которая оставляла бы побольше времени для работы над диссертацией. Вскоре позвонил мне и сообщил, что нашел такую работу: устроился дежурить в бойлерной, где-то в Петропавловской крепости. Сутки дежурил, потом двое суток был свободен.

Через некоторое время мы – я и шеф нашей лаборатории – решили навестить Толю в крепости. Естественно, прихватили с собой бутылку. Был зимний вечер. Уже стемнело. Толя встретил нас у ворот. Кажется, это были Никольские ворота. Мы прошли на территорию, где в этот час было тихо и пустынно. Тут выяснилось, что бойлерная, где Толя дежурит, находится в помещении бывшей тюрьмы Трубецкого бастиона.

Для содержания заключенных, начиная с середины восемнадцатого века и до 70-х годов девятнадцатого, использовался так называемый Секретный Дом, построенный на территории Алексеевского Равелина, а также казематы

Алексеевского Равелина, переоборудованные под камеры¹. В начале 70-х было выстроено новое пятиугольной формы здание тюрьмы во внутреннем дворе Трубецкого Бастиона. Наиболее известные узники Трубецкого бастиона: теоретик анархизма князь П. А. Кропоткин, народовольцы А.И. Желябов и В.Н. Фигнер, готовившие покушение на Александра II; Александр Ульянов; Лев Троцкий, Борис Савинков, Максим Горький, А. Л. Парвус (миллионер, финансировавший партию большевиков) и другие. После победы февральской революции по распоряжению Временного правительства в тюрьму Трубецкого бастиона были заключены бывшие царские министры, высшие чины полиции и некоторые приближенные царской семьи, а после октябрьского переворота – здесь оказались сами члены Временного Правительства.

В 1924 году тюрьма Трубецкого бастиона была закрыта и превращена в музей; позднее в музее была устроена экспозиция, рассказывающая об истории и узниках главной политической тюрьмы России. Экскурсии по Петропавловской крепости включают посещение этого музея.

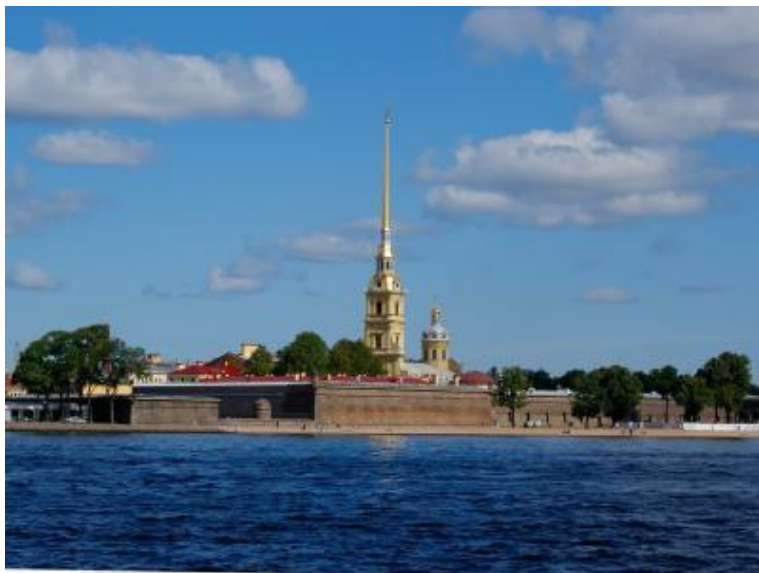
Толя отомкнул входную дверь здания тюрьмы, мы вошли и попали сначала в темный коридор, а затем в служебное помещение, где находилась бойлерная и располагался дежурный. Помещение было мрачноватое, но, по крайней мере, теплое. Мы поговорили о Толиной диссертации, потом пили, курили, беседовали. Спросили Толю, не чувствует ли он здесь себя неуютно по вечерам, в одиночестве. Толя ответил, что он здесь не один.

– Покажу вам своих соседей – сказал он и, взяв большую связку ключей и недопитый стакан, вышел из бойлерной. Мы шли вслед за ним по тускло освещенному коридору, сопровождаемые гулким эхом наших шагов. Дойдя до места, освещенного лампой, мы увидели восковые фигуры двух жандармов. Мне показалось, что фигуры довольно искусно выполнены. Один жандарм заглядывал в глазок камеры. «От него, конечно, толку мало», – сказал Толя. Второй сидел за столом. «А вот с этим можно поговорить и даже выпить», – и Толя поставил перед ним стакан. Стакан смотрелся естественно,

---

¹ В разные годы в Секретном доме содержались декабристы, петрашевцы, в том числе Ф. М. Достоевский. По одной из версий, именно в Алексеевском Равелине содержалась «Княжна Тараканова» – авантюристка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и увековеченная на картине К. Д. Флавицкого. На картине она изображена, атакуемой крысами в камере, залитой водой петербургского наводнения 1777 г.

создавалось впечатление, как будто сидящий за столом окликал своего товарища, предлагая выпить.

Ну, а теперь, кое-что еще – сказал Толя и направился в самый дальний и темный конец коридора. Там он открыл дверь одной из камер. Мы заглянули и невольно отпрянули. Довольно просторная камера чуть ли не от пола до потолка была заполнена бюстами Сталина и Жданова. Мраморные, бронзовые, чугунные, гипсовые, всевозможных размеров – от миниатюрных настольных до крупных в натуральную величину верхней части человеческого туловища. Нагромождение этих человеческих обрубков производило довольно мрачное впечатление. Зачем их собрали и заперли здесь? С какой целью?

С одной стороны, это символично – то что они сюда угодили. В этом есть историческая закономерность и справедливость. По идее, тут им самое место. Но, с другой стороны, может быть, их тут укрыли, спрятали на всякий случай – вдруг опять понадобятся? Эти стойкие ребята не мерзнут, не болеют, кушать не просят. В отличие от княжны Тарakanовой, ни наводнение, ни крысы им не страшны. Сидят себе и ждут своего часа. А в один прекрасный день тюремщики почтительно распахнут перед ними двери, и они вырвутся на свободу.

Мы вернулись в бойлерную, по пути забрав стакан у жандарма, допили остаток водки и несколько минут сидели молча в задумчивости. Вспомнились строчки из «Ночного дозора» Александра Галича:

Когда в городе гаснут праздники,
Когда грешники спят и праведники,
Государственные запасники
Покидают тихонько памятники.

.....
На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать обратно:
Одинокий шагает памятник,
Повторённый тысячекратно.
То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки,
И за ним, как барашки на море,
Чешут гипсовые обрубки.

.....
Пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличие,
Им бы гипсовым человечины –
Они вновь обретут величие!

В последующие годы на территории Петропавловской крепости я был еще дважды: в 1991 году – чтобы посмотреть на новый памятник Петру I работы Михаила Шемякина и в конце девяностых, вскоре после захоронения останков семьи Николая II, вызвавшего массу споров и сомнений. В Трубецком бастионе больше побывать не довелось. Да, если бы и пришел туда на экскурсию, вряд ли появилась бы возможность проверить, все ли еще там находятся и как поживают эти негибаемые сидельцы (или стояльцы?). В эти годы я как-то уже и подзабыл о возможности их выхода на свободу.

Но вот события последних лет в России и вокруг нее заставили меня осознать – поначалу смутно, не очень отчетливо, а потом уж совершенно явственно – что последние узники Трубецкого бастиона, с которыми я познакомился тридцать пять лет назад, реабилитированы, «обрели величие» и уже получают свежие порции «человечины».

Денис Касперов

Москва, Россия

Расстрелянное солнце

*Пьеса-хроника*²

О пьесе³. Всю жизнь волновали вопросы насилия, лжи, беззакония. А Катень – яркое свидетельство ужасов диктаторских режимов. Поставил себя на место убитых, членов их семей и понял, что должен

---

² В сокращении

³ В 2017 г. пьеса переведена на польский язык.

рассказать об этом художественным текстом. Материалы брал в основном из документальных книг, их много в интернете. Списки погибших – точны. Вообще, старался быть максимально точным. Но и без вымысла нет драматургии. Несколько персонажей придуманы...

Польскому народу с любовью и покаянием

Действующие лица:

Тадеуш Ковальский – журналист, поручик запаса, 28 лет

Эва – его жена, 26 лет

Марыся – их дочь, 5 лет

Адам Вуйцик – друг и коллега Тадеуша, подпоручик запаса, 30 лет

Маргарита (Марго) – жена Вуйцика, 27 лет

Базиль Захарский – хорунжий, 41 год

Янина Левандовская – подпоручик (позднее поручик) авиации, 31 год

Капитан

Капеллан – в звании капитана примерно одного и того же возраста, немного за 30

Врач – в звании капитана

Давид Либерман – аптекарь, хорунжий, 55 лет

Генрик Минкевич – генерал, 59 лет

Ежи Волковицкий – генерал, 56 лет

Пленные разных воинских званий и лет

Василий Королев – комендант Козельского лагеря, армейский капитан, 37 лет

Михаил Алексеев – комиссар Козельского лагеря, старший политрук, 31 год

Иван Эхнер – начальник Особого отделения Козельского лагеря, младший лейтенант госбезопасности, 38 лет

Василий Зарубин – начальник оперативной бригады для проведения следственных действий, майор госбезопасности (пленные между собой называют его «комбригом»), 45 лет

Егор Кузьмин – вахтёр (внутренняя охрана) Козельского лагеря, 35 лет

Антип Шорников – начальник корпуса внутренней охраны Козельского лагеря, 40 лет

Матвей Черепанов – истопник 38-ми лет

Работник Ювелирторга – лет 40

Медсестра – лет 26

1-й особист

1-й особист

2-й особист помощники Эхнера, сержанты 20-ти с небольшим лет

Сталин, Молотов, Берия, Калинин, Ворошилов, Микоян, энкавэдэшники

Примечание: Базиль Захарский, Янина Левандовская, Генрик Минкевич, Ежи Волковицкий, Василий Королев, Михаил Алексеев, Василий Зарубин – исторические лица. Прототипом Ивана Эхнера является Ганс Александрович Эйльман.

Если бы над общей могилой поляков под Смоленском встал мудрец, который утверждал, что все уже было, что ничто не ново под солнцем, то там, при виде тысяч останков убитых офицеров, его уверенность поколебалась бы, и он бы сказал, что такого еще не было. Воистину.

Зигмунд Новаковский

***

Ярко-белая пелена. Силуэты деревьев, голыми ветками пронзающие пустоту. А дальше, шаг за шагом, в безразмерной перспективе возникает лесной массив. Где нет горизонта. Где небо и земля единое целое. Серое, унылое, тяжелое...

Будто в замедленной съемке, над кронами деревьев начинают проплывать тени людей в армейских шинелях и головных уборах. Воображение подсказывает, что их не десятки и не сотни. Их тысячи. Тысячи польских военных 1939-1940 годов. И пока они плывут, над лесом поднимается гигантское БАГРОВОЕ СОЛНЦЕ...

Под грохот орудий и медленное затемнение звучит, постепенно убывая, голос Председателя сталинского правительства Молотова:

– Товарищи! Граждане и гражданки нашей великой страны! События, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства. Польские правящие круги обанкротились. Все это произошло за самый короткий срок. Прошло каких-нибудь две недели, а Польша уже потеряла все свои промышленные очаги, потеряла большую часть крупных городов и культурных центров. Нет больше и Варшавы, как столицы польского государства. Никто не знает о местопребывании польского правительства. Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого положения заключенные

между Советским Союзом и Польшей договора прекратили свое действие...

Часть первая

1.

Квартира Тадеуша Ковальского в Гродно. Сентябрь 1939-го года. Старинная мебель, на стене лик Богородицы, на столе телефон.

В комнату стремительно входит ТАДЕУШ – молодой человек среднего роста, в очках и гражданской одежде, с дорожным мешком за плечом и довольно заметными часами на запястье. ЭВА, вся в слезах, поспевает за ним.

Тадеуш. Неважно.

Эва. Что значит: неважно? Что значит: неважно?!

Тадеуш. Тихо, разбудишь Марысю. *(Берет с комода блокнот, кладет в карман.)*

Эва *(спокойнее)*. Что значит: неважно?

Тадеуш. А то и значит. Неизвестно, когда придет эта повестка и придет ли вообще, а время не ждет. К тому же, ты прекрасно знаешь, что я собирался еще месяц назад. Тогда ты меня уговорила, но теперь...

Эва. Тадеуш, о чем ты? Гитлер – это совсем другое. Но Советы... Советский Союз не объявлял нам войны.

Тадеуш. А что это, по-твоему, как не война? Они к нам не на велосипедах едут. Не сегодня-завтра здесь будут их танки и самолеты. Эва, пойми, в Гродно фактически нет регулярной армии, все кадровые офицеры наперечёт. Кроме добровольцев и резервистов здесь некому взять в руки оружие.

Эва. Ты журналист, твое оружие – перо и бумага.

Тадеуш. Я поручик запаса, если ты не забыла.

Эва. Я это помню. Помню, как ты добился военного билета, хотя с твоим зрением мог бы...

Тадеуш. Перестань! Я ничем, слышишь, ничем не хуже других!

Эва. Тише, сам же кричишь.

Тадеуш *(оглянулся на дверь соседней комнаты, понизив голос)*. Нет, в конце-то концов, почему все идут, и никто не устраивает им сцен? Почему Адам Вуйцик уже там, а я все еще здесь?

Эва. Вуйцику легко принимать такие решения, у него нет детей.

Тадеуш. Но есть Марго, и она не прекословит ему ни в чем.

Эва. Потому что ей все равно, что станет с ее мужем. Но дело сейчас не в них. У тебя дочке пять лет, у тебя престарелая мать. Вспомни об этом, если уж я тебе совсем не дорога.

Тадеуш (*растерялся, поправил очки*). Не дорога? Неужели ты и правда, так думаешь?

Эва. А что, что я должна думать?!

Звонит телефон.

Тадеуш. Алло. (*Посмотрел на часы.*) Да, уже выхожу. (*Положил трубку.*) Это Вуйчик. Меня ждут.

Эва (*бросаясь к нему на шею*). Нет!..

Тадеуш (*прижал ее к себе*). Ну что ты, что ты, все будет хорошо. Все будет замечательно, вот увидишь...

Пауза.

Эва. Прости меня, любимый. Я не это хотела... не так...

Тадеуш (*с улыбкой*). Это была не ты, да?

Эва кивнула.

Тадеуш. Ничего, я все понимаю. Но и ты меня пойми. Если я останусь, я никогда себе этого не прощу.

Эва. Я знаю, но вдруг еще все обойдется. Повременил бы денёк-другой, а?

Тадеуш. Не обойдется. Они давно к этому готовились. Ждали только удобного случая. Но нет, сюда, за Неман, мы их не пустим. Отобьем. Обязательно отобьем, по-другому и быть не может.

Эва (*вдруг*). Тадеуш, я хочу с тобой. Что если я пойду с тобой?

Тадеуш. Ты же знаешь, что это невозможно. Но я скоро вернусь, обещаю тебе. А ты... Поцелуй за меня Марысю.

Эва (*вытирая слезы*). Конечно, милый. (*Достала из кармана платя иконку.*) А это возьми с собой.

Тадеуш. Моя Богородица – ты.

Эва. Так нельзя говорить.

Тадеуш. Можно.

Эва. Нет.

Тадеуш (*взял иконку*). Я люблю тебя, Эва. Я очень люблю тебя. (*Долгий поцелуй.*) Прощай. (*Быстро уходит.*)

Пауза.

Эва (*перед ликом на стене*). Под Твою защиту прибегаем, Пресвятая Богородица. Не презри молений наших в скорбях наших, но от всех опасностей избавляй нас всегда, Дева преславная и благословенная. Владычица наша, Защитница наша, Заступница наша, с Сыном Твоим примири нас, Сыну Твоему поручи нас, к Сыну Твоему приведи нас...

2.

Частное владение. Роскошная обстановка. Тут и там разбросаны предметы обихода, домашняя одежда и прочее. Входная дверь распахнута настежь. С улицы доносятся артиллерийские выстрелы и пулеметная дробь.

Весельчак и балагур АДАМ ВУЙЦИК, Тадеуш и КАПИТАН (все трое в армейских шинелях, грязных от копоти) вбегают в дом, скрываясь от погони. У Вуйцика и Тадеуша бутылки с зажигательной смесью. Рукав Капитана пропитан кровью.

Капитан. Да какое к шуту командование. Теперь мы сами себе командование. Тихо! (*Бросился к окну, выглянул из-за портьеры.*) Кажется, не заметили. (*Отходит к столу, неловкими движениями снимает шинель, закатывает рукав гимнастерки, осматривает ранение.*) Хотя пуля не застряла, и на том спасибо. (*Тадеушу.*) Поручик, гляньте, есть ли здесь какие-нибудь бинты, черт их подери?

Тадеуш начинает обследовать содержимое шкафов.

Капитан (*оглядывая комнату*). Вторжение в частную собственность. Нас надо судить?

Вуйцик. Не думаю.

Капитан. И то верно, сами виноваты: рванули как от чумы, даже дверь забыли прикрыть.

Тадеуш. Может, они в ополчении.

Капитан. Вряд ли. (*Вуйцику, который возится с телефоном: дует в трубку, жмет на клавишу.*) Да бросьте вы эту затею. Все уже на той стороне реки, одни мы... (*Дернул раненой рукой, сморщился от боли.*) Ну что там с бинтами?

Тадеуш (*исчезая в кухне*). Минуту, пан капитан.

Капитан. Не рисуйтесь перед окнами!

Вуйцик (*швырнув трубку*). Нет связи.

Капитан. Не удивительно. Скажите, подпоручик, а этот погибший, он что, ваш коллега?

Вуйцик. Нет.

Капитан. А кто?

Вуйцик. Друг детства. Сирота, как и я. Мы с ним из одного приюта.

Капитан. Тогда понятно. Я уж, кажется, все на свете повидал, но на вашем месте тоже бы разрыдался. И все же держите себя в руках. Слезы лить будем с радости. Если будем.

Вуйцик. Постараюсь, пан капитан.

Капитан. «Постараюсь». Сразу видно не военного челове...

Залп крупнокалиберного орудия. Со стен посыпалась штукатурка.

Капитан. Эка-на! *(Рванулся к окну, выглянул из-за портьеры и тут же отпрянул назад.)* Бьют по домам, сволочи. Боюсь, до ночи мы здесь не протянем.

Вуйцик. До ночи?

Капитан. В темноте проще уйти из города.

Вуйцик *(изменился в лице).* Драпать будем?

Капитан. А у вас есть другая мысль?

Вуйцик. Здесь остаются люди. Они дерутся.

Капитан. Жалкие кучки.

Вуйцик. Что?

Капитан. Вы не ослышались: жалкие кучки. Основные силы взяты в плен или убиты. Еще сутки, и все будет кончено.

Вуйцик. Пан капитан, если б я вас не видел в бою, я бы решил...

Входит Тадеуш с аптечкой в руках.

Тадеуш. Вот, нашел в кухне. *(Ставит аптечку на стол, достает йод, марли, бинты, принимается обрабатывать Капитану руку.)*

Капитан. Что же вы замолчали, подпоручик? Договаривайте, это занятно. Никому еще не приходило в голову обвинить капитана Глодэка в трусости.

Вуйцик. Я не о трусости, но защищать город...

Капитан. Как вы его собираетесь защищать? С кем? *(Кивнув на окно.)* Посмотрите туда: там никого нет, уличные бои выдохлись. И чем вы собираетесь его защищать? Этими бутылками? Смешно.

Вуйцик *(резко).* Мне – не смешно.

Капитан. Прекратить! Вот что я вам скажу, журналист Адам Вуйцик. Приобрести путевку на тот свет вы всегда успеете. Но не лучше ли жить? Жить, чтобы когда-нибудь написать о том, чему вы

были свидетелями. О нашем жестоком времени написать. О том, что с нами было. Поверьте, для такой книги тоже нужно иметь мужество. И не думайте, что я меньше вашего люблю Родину. Мне, как и вам, тошно видеть врага на своей земле. Но мы сделали все, что могли. Борьба закончена. И теперь...

Шум подъезжающего танка, гул голосов. Вуйчик двинулся к окну.

Капитан. Подпоручик, ни с места!

Вуйчик. Я хочу посмотреть...

Капитан. Нечего там смотреть. И так все ясно, черт бы их подрал.

Голос из громкоговорителя. Граждане поляки, дом окружен. Все окна и двери под прицелом. Красная Армия предлагает вам сдаться. В случае неповиновения вы будете немедленно уничтожены.

Капитан. Заметили всё же. Дело пахнет жареным. За мной. Здесь должен быть черный ход.

Все трое исчезают в соседней комнате и тут же возвращаются назад.

Капитан. Не врут, мерзавцы, обложили, как...

Голос из громкоговорителя. Повторяю, окна и двери находятся под прицелом. Сдавайтесь или открываем огонь.

Капитан (*пауза; полез в кобуру*). Выходите с поднятыми руками.

Тадеуш. А вы?

Капитан. У меня сегодня плохое настроение.

Тадеуш. У нас тоже.

Капитан (*выхватил пистолет*). Выходите, это приказ!

Тадеуш. Нет, мы останемся с вами.

Капитан (*короткая пауза*). Ну что ж, дело ваше.

Голос из громкоговорителя. Сдавайтесь или открываем огонь.

Капитан (*бросаясь к окну*). Хоть одного.

Вуйчик. Пан капитан!

Голос из громкоговорителя. Сдавайтесь или открываем огонь.

Капитан (*рванул портьеру, солнечный свет полоснул по комнате; целясь*). Нет, «товарищи» оккупанты, плена не будет.

Треск автоматной очереди. Капитан сползает вниз. Тадеуш и Вуйчик склоняются над ним.

Вуйчик. Пан капитан...

Капитан. Обидно. (*Замирает.*)

Тадеуш секунду медлит и хватает пистолет Капитана.

Вуйцик (*встав между Тадеушем и окном*). Тадек, не надо.

Тадеуш. Отойди.

Вуйцик. Нет.

Тадеуш (*отталкивая его*). Уйди, кому говорю!

Вуйцик (*сбивает его подножкой, падает сверху, отбирая пистолет*). Отдай.

Тадеуш. Пусти!.. «Защищать город»! Эх ты, вояка! Одни слова!..

Вуйцик (*в борьбе на полу*). Уймись, это бесполезно! Я не хочу, чтоб и тебя!.. Хватит с меня смертей!..

Голос из громкоговорителя. Орудие к бою. (*Громче.*) Граждане поляки, последний раз предлагаем вам сдаться. Через минуту открываем огонь. Ровно через минуту открываем огонь.

Вуйцик (*вырвал у Тадеуша пистолет, швырнул его в глубину комнаты*). Ну вот и всё. Всё. (*В сторону окна.*) Мы сдаемся! (*Пауза. Тихо.*) Сдаемся.

***

Затемнение...

Свет падает на фигуру Сталина в окне Кремлевского кабинета. Вождь с дымящейся трубкой в кулаке задумчиво смотрит в пустоту ночи.

3.

Козельский лагерь. СССР. Территория бывшего монастыря Оптина Пустынь. Осень 1939 года. Радиоточка гремит «Маршем авиаторов»:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор.

Всё выше и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц.
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ...

Под церковными куполами рядовой запаса вахтёр 35-ти лет ЕГОР КУЗЬМИН прикладом винтовки отбивается от лающей дворняги.

Кузьмин. Нельзя! Фу! Да фу же, гадина!

Появляется его начальник АНТИП ШОРНИКОВ – 40-летний толстяк с красной рожей гипертоника и наганом на боку. (Пёс, рыкнув на него, убегает.)

Шорников. Кузьмин!

Кузьмин. Я.

Шорников. Ты как с собакой разговариваешь! И что у тебя за вид? Как у козла вонючего.

Кузьмин (*оправдываясь*). Да я...

Шорников. Что: я? А ну подберись.

Слышится нарастающий гул голосов.

Шорников. Э, пополнение ведут. Пошли отсюда.

Кузьмин и Шорников уходят. Пространство заполняют польские военные разных званий и лет. Среди них: Тадеуш, Вуйцик, БАЗИЛЬ ЗАХАРСКИЙ, ЯНИНА ЛЕВАНДОВСКАЯ, КАПЕЛЛАН, ВРАЧ, генералы МИНКЕВИЧ и ВОЛКОВИЦКИЙ.

Вуйцик (*оглядываясь по сторонам*). Тадек, у меня такое ощущение, что мы на приеме в генеральном штабе. Погляди-ка, вон тот, пышноусый, это же Генрик Минкевич. Известная личность. Кстати, пишет картины, и довольно неплохо. Хм, а того генерала что-то не знаю.

Тадеуш. Ежи Волковицкий, участник русско-японской войны.

Вуйцик. На стороне России воевал?

Тадеуш. Разумеется.

Вуйцик. Ну вот она ему и оплатит сполна.

Тадеуш. Большевики и Россия не одно и то же.

Вуйцик. Думаешь? (*Увидав Левандовскую*.) Смотри-ка: пани. Ну и дела. Как же она здесь оказалась?

Врач. Переведена из Осташковского лагеря. Вместе со мной.

Вуйцик. Подпоручик авиации. А имя?

Врач. Янина Левандовская. Дочь генерала Довбур-Мусьницкого.

Вуйцик. Генеральская дочь? Надо же, а по ней и не скажешь.

Врач. Да, скромна, но воли – на пятерых.

Вуйцик. Не сомневаюсь. Летчица, все-таки.

Врач. Парашютистка. А могла бы стать музыкантом, если бы не война. Училась в консерватории.

Вуйцик. Я восхищен. Нет, я убит наповал!

Из постройки, оснащенной табличкой «Администрация лагеря» и красным флагом на крыше, выходят и направляются к пленным капитан КОРОЛЕВ и политрук АЛЕКСЕЕВ.

Вуйцик. Идут. *(Толкнув Тадеуша плечом.)* Пойдем ближе.

Тадеуш, Вуйцик и Врач смешиваются с остальными пленными. Королев и Алексеев останавливаются. Королев дает отмашку в окно, и песня обрывается на полуслове.

Королев *(у него ангина, шея закутана, говорит сипло).* Граждане военнопленные, попрошу внимания.

Пленный 1. Мы не военнопленные! Наша часть шла сдаться без боя!

Недовольный гул голосов.

Пленный 2 *(Пленному 1).* Позор. Из-за таких, как вы, Польша в огне.

Королев *(поднял руку, дождался тишины).* Статус военнопленных придуман не мной, а постановлением Советского правительства. Итак, начнем. Как многие из вас догадались, вы доставлены в лагерь, дислоцирующийся на территории Союза Советских Социалистических Республик. Я – Василий Николаевич Королев – являюсь комендантом этого лагеря, мой помощник – Михаил... *(Закашливается и делает Алексееву знак продолжать.)*

Алексеев. Старший политрук Алексеев – комиссар лагеря. Как говорится, прошу любить и жаловать.

Вуйцик. А это обязательно?

Алексеев. Считайте, что это необходимо.

Левандовская. Зачем?

Королев. Чтобы с меньшими... как же это?.. осложнениями влиться в дружную... *(Кашляет.)*

Минкевич. Лагерную семью?

Алексеев. Именно.

Захарский. А нельзя ли нам вернуться к своим семьям?

Алексеев *(пошептавшись с Королевым).* Мы с товарищем капитаном оценили шутку.

Захарский. Это не шутка! Мы ни в чем не виноваты перед вашей страной, чтобы развозить нас в вагонах для скота и держать в неволе!

Пленные. Верно, хорунжий!

– С нами обходятся как с преступниками!

– Требуем человеческого отношения!

– И соблюдения норм международного права!

Алексеев. Я все понял и хочу заметить на всякий случай. Возможно, кому-то из вас придет в голову мысль о побеге. Так вот, рекомендую оставить эту идею как невыполнимую. Территория лагеря оснащена каменной стеной с колючей проволокой в два ряда...

Пленный 3. Мы видели!

Алексеев. За стеной имеется ров, наполненный водой. И самое главное: охранные вышки оборудованы ручными пулеметами, а часовые, поверьте на слово, стреляют без промаха. Вопросы?

Пленный 4. Здесь был монастырь?

Королев. Был да сплыл.

Левандовская (*разговор между пленными*). Поразительно.

Вуйчик. Ничуть. Монастырей у них теперь нет, если вы это имеете в виду.

Пленный 4. Куда ж они подевались?

Капеллан. Отобраны властями.

Врач (*Королеву и Алексееву*). А в какой части страны мы находимся?

Вуйчик. Да, сориентируйте по местности!

Алексеев (*жестко*). Я же сказал: часовые стреляют метко.

Волковицкий (*разговор между пленными*). По моим подсчетам, мы в трехстах километрах от Смоленска.

Тадеуш. Это Оптина Пустынь, неподалеку от Козельска.

Вуйчик (*Тадеушу*). Ты что, ясновидец?

Тадеуш. Знаю из книг.

Вуйчик (*с улыбкой*). Одобряю.

Пленный 5. Теперь ясно, это Козельский лагерь. Говорят, не самое плохое место по советским меркам.

Пленный 4. Да уж, могло быть и хуже.

Алексеев. Итак, будем считать, что наше знакомство состоялось. После размещения по общежитиям каждый из вас будет вызван в Особое отделение лагеря для проведения беседы и заполнения учетных карт.

Королев. На этом – всё. Добро пожаловать в СССР. (*Дает отмашку в окно и уходит; Алексеев – за ним.*)

Радиоточка изрыгает «Сталин – наша слава боевая» и, затрещав, молкнет.

4.

Особое отделение Козельского лагеря. Комната допросов. Дверь в коридор, дверь в кабинет. Стол и стулья – вся немудреная обстановка.

Тадеуш сидит напротив «комбрига» ВАСИЛИЯ ЗАРУБИНА, пенсне которого время от времени играет световым бликом. В открытую дверь просматривается часть кабинета. Хозяин кабинета – сентиментальный палач ИВАН ЭХНЕР – дает корм попугаю в клетке, не пропуская при этом ни одного слова из комнаты допросов.

Зарубин (*глядя в протокол*). Ну, с этим все более-менее ясно: Ягеллонский университет, возвращение в Гродно, газеты «Вечерний курьер», «Голос Гродненский». (*Поднял взгляд.*) Кстати, о чем вы писали?

Тадеуш. О разном. В основном, хронику новостей.

Зарубин. Ясно. С этим. А вот ваше членство в «Легионе молодых». Что вы можете сказать по этому поводу?

Тадеуш. Я никогда не состоял в этой организации.

Зарубин. Но вы знали о ее существовании?

Тадеуш. Разумеется, в связи со своей профессиональной деятельностью.

Зарубин. И только?

Тадеуш. Исключительно.

Зарубин. Что ж, допустим. (*Пишет, кладет ручку, достает папиросы.*) КУрите?

Тадеуш. Бросил.

Зарубин. И правильно сделали. Отравка, знаете. (*Кинул пачку на стол.*) А давайте-ка мы с вами немного пофантазируем. Не против?

Тадеуш. Смотря на какой предмет.

Зарубин. Да все на тот же. Предположим, вы бы не попали в плен. Ваши дальнейшие действия?

Тадеуш (*просто, как само собой разумеющееся*). Воевал бы за свободу Польши.

Эхнер (*тут же*). Польши больше нет!

Тадеуш. Ну почему же.

Эхнер (*быстро входя*). Потому что вы ее просра...!

Зарубин. Иван Александрович!

Эхнер. И скажите спасибо, что вы оказались в нашем плену, а не в немецком! Там бы из вас живо...

Зарубин (*вскакивая*). Товарищ Эхнер! Что вы себе позволяете! (*Короткая пауза.*) Выйдите. Немедленно. (*После того,*

как Эхнер, сверкнув глазами, двинулся обратно в кабинет.) Пойдите. Возьмите записную книжку.

Эхнер достает из мундира блокнот Тадеуша, кладет на стол и уходит, закрыв за собой дверь.

Зарубин. Безобразие. Простите его, с этой работой у любого сдадут нервы. (*Кивнул на блокнот.*) Возьмите. (*Пауза. Тадеуш не двигается.*) Берите, ну что вы. В ваших стихах нет ничего крамольного. Знаете, они мне даже понравились. Нет, я, конечно, не специалист, но достойную литературу отметить могу.

Тадеуш. Благодарю.

Зарубин. Не стОит. А на русском языке сочинять не пробовали?

Тадеуш. Это трудно.

Зарубин. Понимаю, истинная поэзия – это свои колориты. Своя, так сказать, почва. И всё же, если бы вам вздумалось написать по-русски, какую тему вы бы выбрали?

Тадеуш. Расстрелянное солнце.

Зарубин (*не сразу*). Как прикажете вас понимать?

Тадеуш. Не знаю. Расстрелянное солнце, и всё.

Зарубин (*пауза; протягивая ему блокнот*). Забирайте.

Тадеуш опускает блокнот в карман шинели.

Зарубин (*усаживаясь*). Так на чем же мы остановились? Ах да. Значит, не попади вы в плен, воевали бы с Советским Союзом?

Тадеуш. Я так не говорил.

Зарубин. А как же?

Тадеуш. Я готов драться с врагами моей страны, а Советы это или кто-то другой, значения не имеет. Скажу больше, я против большевизации Польши, но еще совсем недавно хотел видеть Россию нашим союзником в борьбе с нацистами. И не только я, об этом мечтали многие мои земляки.

Зарубин. Вы же знаете, что это неосуществимо. Вы же знаете, что между СССР и Германией заключен пакт о ненападении.

Тадеуш усмехнулся.

Зарубин. Чему вы?

Тадеуш. Так...

Зарубин. И всё же?

Тадеуш. Гитлер – субъект беспринципный. Рано или поздно он порвет договор. Вашему политическому руководству следовало подумать о том, что Польша могла бы стать надежным помощником в схватке с этим негодяем. Но вы решили иначе. Вы поделили несчастную страну между собой, и, кажется, провели ряд совместных парадов?

Зарубин. Ценю вашу смелость, но неужели вам не страшно говорить это мне, офицеру государственной безопасности?

Тадеуш. Страшно. Но я поляк.

Зарубин какое-то время внимательно смотрит на него, затем быстро пишет и протягивает ему протокол.

Зарубин. Подпишите и можете идти. Пока, разумеется. *(Отходит к окну.)*

Тадеуш подписывает протокол, поднимается.

Зарубин *(не глядя на него)*. В вашем деле записано, что на предложение сдаться вы ответили вооруженным сопротивлением. Это так?

Тадеуш. Нет, я не успел.

Зарубин. А капитан Глодэк? *(Пауза.)* Что вы молчите?

Тадеуш. Я знаю, что из своего пистолета он не убил ни одного вашего соотечественника.

Зарубин. Идите.

Тадеуш уходит. Появляется Эхнер.

Эхнер *(хмуро)*. Я справился?

Зарубин. Вполне.

Эхнер. Надеюсь, мне не придется это повторять?

Зарубин. Если потребуется – будете.

Эхнер. Не понимаю, зачем вам это?

Зарубин *(убирая в портфель бумаги)*. Контраст, Иван Александрович. Добрый и злой следователи, читайте детективы.

Эхнер. Да я не о том. Зачем это вообще нужно? Он же явный враг Советской власти, а с ними разговор особый. Слышали, как он сказал «я поляк»? Будто «Господь Бог», не меньше.

Зарубин. Это может вызывать только уважение.

Эхнер. Их уважать? Ну уж нет.

Зарубин. Завидуете?

Эхнер. Я?

Зарубин. Вы.

Эхнер. Кому? Чему?

Зарубин. Скажите, это правда, что вы писали стихи?

Эхнер. Откуда вам это известно?

Зарубин. Да уж известно, не взъщитесь. «Красная Армия гордо рубит поганые морды» – ваш опус?

Эхнер. Допустим.

Зарубин. Под «погаными» вы Золотую Орду подразумеваете?

Эхнер. Я не понимаю, к чему вы...?

Зарубин. А к тому, что каждый должен заниматься своим делом.

Эхнер. А я им и занимаюсь. Именно делом, Василий Михайлович, а не либерализмом.

Зарубин. Камень в мой огород?

Эхнер. Нет, просто к слову.

Зарубин (*выдернул из портфеля лист бумаги*). А вы вот с этим документом твердо ознакомились или только глазами пробежали? «...Возлагаются следующие задачи. Создание агентурно-осведомительной сети для выявления среди военнопленных контрреволюционных формирований и освещения настроений военнопленных». Где результаты? Где служебное рвение? Ничего этого нет и в помине. По возвращении в Москву я буду вынужден доложить о работе Особого отделения лагеря как о неудовлетворительной.

Эхнер. Доложите, товарищ майор. Но справедливости ради не забудьте упомянуть и о том, что сделано за время моего назначения. Вы прекрасно знаете, что вахтерская команда никуда не годится. Все они – во! (*Стучит по крышке стола, обозначая тупость.*) Всего лишь за две недели выявлено несколько случаев пьянства, покупок часов у контингента и самовольных отлучек. Шесть человек отосланы мною в райвоенкоматы, а на троих в Смоленске заведены уголовные дела. И это, по-вашему, не результаты проделанной...?

Зарубин. Это ваши домашние радости. Почему работа по созданию агентуры стоит на месте?

Эхнер. А вы думаете, это так просто? Да их одна мысль о сотрудничестве с нами приводит в бешенство. «Настроение». Хотите знать их настроение? Пожалуйста. Они спят и видят себя в строю. Они обращаются друг к другу не иначе как по воинскому званию и даже повышают друг друга в звании. Они пришивают самодельные погоны на шинели взамен тех, что с них были сорваны. Они пришивают – я срываю, они пришивают – я...

Зарубин. Иван Александрович, ваши трудности меня не интересуют. Выполняйте приказ, и точка. *(Убрал документ в портфель, щелкнул замком.)*

Эхнер *(ворчит)*. «Приказ». По мне бы так всех – во двор и – пулю в затылок.

Зарубин. Это не вам решать! Товарищ младший лейтенант госбезопасности. *(Уходит в коридор.)*

Эхнер *(пауза)*. Дерьмо московское. «Комбриг».

Окончание: <https://www.chayka.org/node/8461>

Семен Резник

Вашингтон, США

Кто распространял слухи о «ритуальном убийстве» царской семьи⁴

Глава из книги «Растление ненавистью». ДААТ/Знание, 2001

ТРОЙКА ГЕНЕРАЛА ДИТЕРИХСА

В отличие от дела Бейлиса, дело об убийстве царской семьи не было доведено до суда. Но следствие по нему проводилось, и рядом существенных особенностей действительно походило на

---

⁴ В сокращении

расследование убийства Андрюши Ющинского. В обоих случаях еще до начала следствия стала целенаправленно распространяться антисемитская версия убийства. Как в Киеве в марте 1911 года, сразу после нахождения трупа Андрея Ющинского, стали распространяться листовки, утверждавшие, что мальчик убит евреями, так и в Екатеринбурге в июле 1918 года, сразу после вступления в город передовых отрядов армии белых и чехословацкого корпуса, определенные круги стали муссировать «мнение», что расправу над царем учинили евреи. В Киеве этим занималась черносотенная молодежная организация «Двуглавый орел», а в Екатеринбурге – распропагандированное теми же черносотенцами офицерство.

Результатом черносотенного натиска в Киеве стало то, что один за другим были отстранены три следователя по делу об убийстве Андрея Ющинского, после чего уголовное дело передали охранному отделению, то есть политической полиции, где оно и было превращено в ритуальное дело Бейлиса. Менделя Бейлиса арестовал тот самый глава киевской охраны, полковник Кулябко, который

вскоре после этого прошляпил – если не спровоцировал – убийство премьер-министра П.А.Столыпина.

В Екатеринбурге за неполный год дело тоже несколько раз сменило хозяина. Неудобные черносотенному офицерству следователи (Наметкин, затем Сергеев) отстранялись до тех пор, пока оно не попало в руки угодного – Н.А.Соколова.

Еще на раннем этапе следствия в Екатеринбурге «еврейская» версия царубийства была доведена до сведения главы британской военной миссии при правительстве Колчака, генерала Нокса, а он сообщил о ней в свое военное министерство. Попав в печать, она настолько обеспокоила еврейскую общину Великобритании, что та для выяснения обстоятельств направила в Омск (столицу Колчака) делегацию, которую принял министр юстиции М.Старынкевич. Он

объяснил британцам, что генерал Нокс был введен в заблуждение военными кругами. Они провозгласили царя жертвой еврейского заговора, и никакой другой версии не допускают. Однако следствие, проводимое в рамках закона, данными о причастности евреев к убийству бывшего царя Николая Романова не располагает. Старынкевич заверил делегацию, что внимательно следит за ходом екатеринбургского расследования, еженедельно получает о нем донесения, так что он полностью в курсе дела.

М. Старынкевич был эсером. В коалиционном правительстве Колчака он представлял самую левую часть политического спектра. Логика гражданской войны вынудила Колчака объединить под своим главенством все антибольшевистские силы, но черносотенные элементы были крайне недовольны сотрудничеством с либералами и социалистами; разногласия между ними оставались столь же глубокими, как и до революции. Когда вернувшаяся в Лондон делегация опубликовала авторитетные заверения министра юстиции и об этом стало известно в России, возмущение офицерских кругов многократно усилилось. Ведущую роль в них играл генерал М.К.Дитерихс. Одно время он был командующим Уральским фронтом, но затем был отстранен от командования и, оказавшись в резерве, рвался к «царскому делу».

Поначалу официальное расследование убийства царской семьи было поручено следователю по важнейшим делам Наметкину. Об этом человеке известно мало. История не сохранила даже его инициалов. Достоверно лишь то, что Наметкин не подыгрывал офицерству. Сперва он вызвал гнев тем, что отказался приступить к расследованию без санкции прокурора, а через несколько дней, когда санкция была дана, повел его так, что вызвал еще большее

недовольство военных властей. Еще через неделю, под их давлением, он был отстранен.

Другого профессионального следователя в прифронтовом городе еще не было, поэтому дело решили передать одному из членов окружного суда, что в исключительных случаях допускалось законом. По сговору между военными, председателем суда и прокурором на эту роль был намечен некто Михнович. Видимо, он устраивал черносотенные круги. Но окончательное решение должно было принять общее собрание членов суда, и оно дружно прокатило Михновича. Большинство голосов было подано за другого члена суда, Ивана Сергеевича Сергеева, к которому и перешло «царское дело».

Военных Сергеев держал на почтительном расстоянии от расследования, чем тоже вызвал негодование в их кругах. Поскольку слухи о «еврейском заговоре» Сергеева не впечатляли, пошли слухи о якобы еврейском происхождении самого следователя. Инсинуации привели к желаемому результату: обойдя министра юстиции, Дитерихс добился лично от Колчака его отстранения. (Вскоре должен был уйти в отставку и Старынкевич). Позднее, после развала фронта, Сергеев попал в лапы большевиков и был расстрелян. За те несколько месяцев, что дело находилось в его руках (с августа 1918 по январь 1919), он установил львиную долю фактов, которыми потом воспользовались его преемники.

Между тем, Дитерихс сблизился с находившимся в стане белых британским журналистом Робертом Уилтоном, в котором нашел горячего почитателя и единомышленника. Оба сообразили, что могут быть полезны друг другу. Уилтон получал от Дитерихса сенсационные сведения о «еврейских зверствах», творимых на «немецкие деньги» против царя, России и Великобритании, а Дитерихс, через энергичного и неумного Уилтона, получил возможность вести черносотенную пропаганду на весь мир. Позднее Уилтон выпустил книгу «Последние дни Романовых» (Robert Wilton. *The Last Days of the Romanovs*. Thornton Butterworth Limited, London, 1920), ставшую первым «научным» трудом о екатеринбургской трагедии. Вторым стало двухтомное сочинение самого Дитерихса, написанное и изданное во Владивостоке, в бытность его главой Дальневосточной республики, последнего оплота антибольшевистских сил на территории России. (М. К. Дитерихс. *Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале*, тт., 1-2, Владивосток, 1922).

Оба автора не жалели красок, чтобы опорочить И.С.Сергеева и Наметкина как несведущих и нерадивых людей, но проговаривались,

что истинные причины недовольства обоими лежала в иной плоскости.

«Следователь Наметкин и член суда Сергеев, независимо от их личных качеств, характеров и политических физиономий, в своей следственной деятельности безусловно были под влиянием... большого политического течения мысли тогдашней гражданской власти и влиявших на нее политических партий бывших учредильцев», то есть членов Учредительного собрания, разогнанного большевиками, а затем собравшегося в Самаре (Дитерихс, т. 1, стр. 125).

В учредилке доминировали эсеры и близкие к ним партии. По мнению Дитерихса, они бы заражены тем же еврейским духом, что и большевики, почему их сторонникам нельзя было доверить расследование «царского дела». С солдатской прямоотой он излагает свое кредо, когда пишет: «Сергеев хотя и крещеный, а все же был еврей, еврей по крови, плоти и духу, а потому отказаться от своих соплеменников никак не мог» (Дитерихс, т. 1, стр. 129-130). С такой же прямоотой Дитерихс излагает «высшую цель» расследования царубийства: не для раскрытия истины, а «для укрепления среди народных масс и в рядах нарождающейся армии монархических принципов и тенденций» (Там же, стр. 124). Под монархическими тенденциями понимался «патриотизм» в духе Союза русского народа, то есть травля евреев.

Добившись отстранения Сергеева и приняв у него материалы дела в январе 1919 года, Дитерихс взялся за поиски «подходящего» следователя. И вскоре нашел его в лице следователя по особо важным делам Омского окружного суда Николая Алексеевича Соколова.

Если генерал обнаруживает незаурядное красноречие, когда порочит первых двух следователей, то, превознося Соколова, он превосходит самого себя.

До октябрьского переворота Соколов работал в Пензе, откуда бежал на восток, переодевшись крестьянином. Эта столь обычная для того времени акция по спасению собственной жизни преподносится Дитерихсом как величайший патриотический подвиг во имя России.

Однако при всей романтической приподнятости «прозы» Дитерихса в ней проступают реалистические подробности. Из них явствует, что Н.А.Соколов был крайне неприятным субъектом и производил отталкивающее впечатление. Нервный, вспыльчивый, болезненно самолюбивый, он постоянно прикусывал усы и не смотрел в глаза собеседнику. Генерал объяснял это тем, что один глаз у Соколова был искусственный, а другой косил. Но Соколов был «национальным патриотом» (то есть черносотенцем), и это искупало все.

Передав дело Соколову, Дитерихс оставил за собой «общее руководство», о чем прямо написал в своей книге, не сознавая, насколько этим компрометировал следствие. Когда его книга дошла до Европы и попала в руки Соколову, у того потемнело в единственном глазу. Его протест появился в эмигрантской газете: «Во время хода предварительного следствия, осуществлявшегося на основании закона единоличной следственной властью, генералу Дитерихсу никогда не только не принадлежало какое-либо руководство делом, но одним из... повелений адмирала [Колчака] ему было категорически запрещено какое бы то ни было вмешательство в следствие» («Последние новости», # 974, 26.6.1923).

Однако в той же заметке Соколов подтверждает участие Дитерихса, признавая, что полномочия были выданы не только ему, но и генералу Дитерихсу «по некоторым совершенно частным поводам» (? – С.Р.).

Позднее, в своей книге, Соколов снова пытался оспорить «укоренившееся в обществе ошибочное представление» о том, что Дитерихс руководил его действиями, но делал это еще менее убедительно. Его опровержение сводится к красивой, но мало содержательной фразе: «Дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество». (Н. А.Соколов. Убийство Царской семьи. «Слово», 1925, стр. 4). Тут же, однако, он признает, что Дитерихс «оберегал работу судебного следователя более, чем кто-либо. Ему более чем кому-либо обязана истина». (Соколов. Указ. соч., стр. 4)

Но истина об убийстве царской семьи как раз и перестала интересовать следствие с тех пор, как оно перешло в руки Соколова, Дитерихса и примкнувшего к ним Уилтона. Сойдясь с Соколовым так же близко, как с Дитерихсом, англичанин подрядился изготавливать фотографии вещественных доказательств – в обмен на информацию о ходе следствия, которую стал получать из первых рук.

Соколов в основном передопрашивал свидетелей, чьи показания уже были запротоколированы его предшественником. Чтобы показать, насколько Соколов превосходил Сергеева тщательностью в работе, Дитерихс подчеркивает, что его протоколы в несколько раз длиннее сергеевских. Но он не приводит никаких доказательств того, что они были более содержательными.

Важным вкладом самого Соколова можно считать расшифровку нескольких телеграмм и разговоров по прямому проводу между председателем ЦИК Я.М.Свердловым и председателем Уральского Совета А.Г.Белобородовым. Казнь царской семьи была осуществлена

по постановлению Уральского Совета, а вот было ли оно оформлением указаний Кремля, или уральцы действовали на свой страх и риск, И.С.Сергеев установить не успел. Найденные им телеграммы были написаны цифровым кодом, ключа к которому он не нашел.

Расшифрованные Соколовым телеграммы показали, что Москва, как минимум, согласилась с инициативой уральских товарищей.

Первоначально кремлевские мечтатели планировали провести публичный суд над царем, почему же они переменили это решение? Такие вопросы Соколова не интересовали. Более того, он не допускал самой их постановки. В теорию «еврейского заговора» не укладывались возможные разногласия в Кремле или Екатеринбурге, или трения между ними. Вопрос о степени виновности отдельных лиц – на месте и в центре – тоже отпадал. Само собой разумелось, что главные виновники – евреи; значит, все замешанные неевреи – лишь орудие в их руках или подставные фигуры, призванные замамуфлировать еврейский характер преступления.

Идеологию такого «расследования» с лукавой прямоотой изложил Дитерихс:

«Когда совершается какое-либо событие, в котором участвуют евреи, или хотя бы один еврей, то психология народных масс всегда обобщает их участие и относит события к разряду совершенных будто бы всем еврейским народом. В поступках и деяниях одного еврея виновным считается весь еврейский народ. Народная масса не способна пока проводить грани между Янкелем, старьевщиком в Теофиполе, и Янкелем Свердловым, председателем ЦИКа в Москве; между Исааком Юровским, часовщиком в Харбине, и Янкелем Юровским, руководителем идейного преступления в Ипатьевском доме [где содержалась и была расстреляна царская семья], между Рубинштейном, гением музыкального мира, и Бронштейном [Троцким], гением кровавых социалистических операций. Для толпы, да и для значительной части интеллигентной общественной массы, всякое зло, творимое при участии того или другого Янкеля или Лейбы, исчерпывается нарицательным определением – еврей... Следовательно, преступления Бронштейна, Голощекина, Янкеля, Сруля суть преступления евреев, еврейского народа. Еврей один никогда не действует, за одним, кто бы он ни был, всегда стоят все другие евреи, весь народ. Такова психология масс. Это первая роковая историческая ошибка, осложняющая соответственное разрешение «еврейского вопроса». (Дитерихс, т. 1, стр. 325-326).

Приписывая концепцию коллективной еврейской вины «психологии народных масс», Дитерихс как бы дает понять, что сам-то он выше

этих предубеждений. Но в этом и состоит нехитрое генеральское лукавство. Ибо тут же выясняется, что он полностью солидарен с толпой: «В существовании такого исключительного явления для еврейского народа повинны больше всего сами представители этого племени». (Там же, стр. 326).

В таком духе генерал рассуждает на сотнях страниц своего труда. В книгу переносятся все антисемитские мифы, когда-либо появлявшиеся в истории, – эрудиция в этом вопросе у генерала обширная. Особенно пространно он рассуждает о деле Бейлиса (чует кошка, чье мясо съела!). По его логике, существенно не то, совершают ли евреи ритуальные убийства, а то, что «народная масса» верит в такие преступления. То есть Дитерихс опять прикрывается народными массами, с которыми он вроде бы не совсем согласен, но и не так, чтобы очень не согласен.

«Евреи, говорят, страшная мировая сила. Их расовая энергия, выносливость, живучесть и стойкость побеждали и побеждают все те невероятные гонения, притеснения и истребления, которым наполнена история этого народа со времен египетского плена. Нынешнему еврейскому народу приписывают сосредоточение в своих руках колоссальных материальных богатств во всем мире. Ему придают исключительное влияние на политические и особенно социальные мировые вопросы. Еврейского народа и связанного с ним еврейского вопроса боятся и, вместе с тем, ненавидят и презирают, как боятся и презирают скверную, грязную болезнь». (Дитерихс, т I, стр. 321).

Генеральские потуги на то, чтобы отмежеваться от «народного» антисемитизма перекрываются энергией ненависти, достигающей высокого пафоса:

«Шайка циммервальдовских революционеров Израила почувствовала себя полными, свободными и всесильными хозяевами водворения в России царства религии Лжи, опыта, неудавшегося их племенным предкам в Израиле. Начался тот неудержимый разгром жизни былой могучей и сильной духом страны, который поверг ее в современное притупленное, придушенное состояние. Началась та бесконечная Вальпургиева ночь, пляска диких и сатанинских социалистических экспериментов, которая бросила обезумевших и изголодавшихся людей в погоне за куском хлеба в кровавую Антихристову борьбу: брата на брата, отца на сына, сына на мать и матери на дочь. И в триумфе своей победы, упиваясь успехом, вдохновители изуверы готовы крикнуть России: «Мы распяли вашу Россию, мы распяли вашу идеологию...» (Дитерихс, I, стр. 388).

Понятно, что если с переходом следствия в руки Дитерихса и Соколова начался поиск евреев, то они были найдены.

Между тем, как правильно указал Старынкевич, ни одного достоверного, юридически доказанного факта причастности евреев к расстрелу царской семьи, выявлено не было. Было доподлинно установлено только то, что Яков Юровский, комендант Дома особого назначения и командир расстрельной команды, был еврейского происхождения, но еще в 1904 году, находясь в Германии, он принял лютеранство, после чего, по российским законам, евреем быть перестал.

Были ли среди руководителей Уральского совдепа другие лица иудейского исповедания или происхождения? Первый вопрос лишен смысла, так как все большевики были атеистами, независимо от того, отказывались ли они официально от своей веры или нет. Что же касается еврейского происхождения руководителей Совдепа, то оно достоверно было установлено только в отношении Юровского. Главой совдепа, игравшего в нем первую скрипку, был Александр Белобородов. Все три автора первых трех книг признали его русским, зато отобрали у него первую скрипку. Белобородова они превращают в подставную фигуру, за чьей спиной орудует шайка евреев во главе с Голощекиным.

Ну, а какими сведениями о Голощекине располагало следствие? Почти никакими. Вся тройка провозгласила его главным вершителем воли Кремля и, разумеется, евреем. Именно он ездил за инструкциями в Москву, он железной рукой провел их в жизнь в Екатеринбурге, а затем вернулся в Москву с отчетом о проделанной работе. Дитерихс об этом сообщает такие леденящие подробности: «головы членов царской семьи и убитых вместе с ними приближенных были заспиртованы в трех доставленных в лес железных бочках, упакованы в деревянные ящики и отвезены Исааком Голощекиным в Москву Янкелю Свердлову, в качестве безусловного подтверждения, что указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте». (Дитерихс, т. I, стр. 273-274). Впоследствии сага о «заспиртованных головах» нашла дальнейшее развитие, описывались даже тайные религиозные церемонии в Кремле, с еврейскими молитвами, танцами и песнопениями вокруг этих голов!

Более осмотрительный Соколов таких сказок не рассказывает, однако дух его сочинения тот же. Но вот неувязка: Соколов называет Голощекина Шайей, Дитерихс Исааком, а у Уилтона он – Исай Исаакович. Между тем, в советских источниках, включая 3-е издание Большой Советской Энциклопедии, где расшифрованы все партийные клички и псевдонимы, Голощекин назван Филиппом Исаевичем.

Израильский исследователь Михаил Хейфец направил об этом запрос в издательство «Советская Энциклопедия» и получил ответ:

«К сожалению, редакция не располагает сведениями о другом имени и отчестве Голощекина Ф.И.Нами сделан запрос в Центральный государственный архив Октябрьской революции. В случае положительного ответа Вам будут сообщены полученные сведения». (Михаил Хейфец. Цареубийство в 1918 году, Книготороварищество Москва-Иерусалим, 1991, стр. 232). Никаких дополнительных сведений, по крайней мере, до выхода книги, М.Хейфец не получил.

Правда, современный прокурор-криминалист В.Н.Соловьев считает, что Голощекин был евреем и звали его Исааком. Но документы, на основании которых сделан этот вывод, не опубликованы, так что его трудно признать окончательным. В любом случае, выясненное в 1998 году не могло быть известно в 1918-м. Для того, чтобы записать Голощекина в евреи, было достаточно показания одного случайного свидетеля, который мельком встречал Голощекина и, по его собственным словам, ничего о нем не знал.

Таким же образом в евреи были зачислены Дидковский, Сафаров, Войков, Сыромолотов, Чуцкаев и другие уральские комиссары.

Аналогично тройка Дитерихса решила запутанный вопрос о взаимоотношениях Урала и центра. Большевистский ЦК тогда далеко еще не консолидировал власть, да и сам он был расколот после заключения Брестского мира. Только угрозой уйти в отставку Ленин заставил «левых коммунистов» смириться с подписанием мирного договора с Германией, но сам прослыл либералом и оппортунистом, что сказало и на судьбе царской семьи.

Временное правительство отправило семью в Тобольск, где ее и застал октябрьский переворот. Весной 1918 года, опасаясь, что царь сбежит и станет знаменем контрреволюции, Москва решила перебазировать его и семью в более надежное место, но не на Урал, так как уральские большевики были известны своими «левацкими» загибами и стремлением расправиться с царем. В Тобольск, для вывоза семьи в европейскую Россию в обход Екатеринбурга, был направлен весьма решительный комиссар В.В.Яковлев (Мячин). Кремль наделил его чрезвычайными полномочиями и выдал мандат за подписью Ленина и Свердлова, в котором предписывалось оказывать ему всяческое содействие. Но уральские товарищи плевали на мандат. Они легли костями, но заставили Москву согласиться на перемещение узников именно в Екатеринбург, под их опеку. Правда, взамен они должны были поручиться, что не допустят самосуда.

Москва, разумеется, не намеревалась оставить царя в живых, но хотела оформить казнь «Николая кровавого» судебным приговором. Из спектакля предполагалось извлечь огромный пропагандистский эффект. Участь царя, видимо, разделила бы и царица. Детей же Москва планировала обменять на своих германских единомышленников Карла Либкнехта и Розу Люксембург или же просто продать. Называлась даже цена выкупа: триста миллионов золотых рублей.

Эти планы были порушены быстро ухудшавшейся военно-политической обстановкой. Белые успешно наступали на востоке, Екатеринбург оказался под угрозой. А в Москве произошел «мятеж» левых эсеров, начавшийся убийством германского посла Мирбаха с целью сорвать Брестский мир. Германия предъявила ультиматум, потребовав пропустить в столицу немецкий батальон для охраны посольства. В июле 1918 года у большевиков земля горела под ногами. Ни одно место, куда еще можно было переправить царскую семью из Екатеринбурга, не казалось надежным. В таких условиях Москва и дала согласие на расстрел бывшего царя, чего екатеринбургские головорезы жаждали с самого начала. Санционировал ли Кремль ликвидацию всех обитателей Дома особого назначения, или только одного Николая, остается неясным до сих пор.

Однако признание за Екатеринбургом хоть какой-то доли самостоятельности подорвало бы версию еврейского заговора, выраженную формулой Дитерихса: «указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте». Поэтому такая самостоятельность исключалась.

Тут, однако, возникает, казалось бы, непреодолимая трудность. Ведь по этой версии главным «изувером» должен считаться глава большевистской власти Владимир Ульянов-Ленин – потомственный русский дворянин! «Открытие» того, что Ленин «четверть-еврей», – приобретение новейшего времени. (См.: Вл. Солоухин. При свете дня. Москва, 1992). Ни Соколов, ни Дитерихс, ни Уилтон до этого не додумались. Но с Лениным они поступают так же, как с Белобородовым: отнимают у него первую скрипку. «Ленин не управлял. Советской системой руководили другие люди», уверенно писал Роберт Уилтон (Уилтон, стр. 26). Отдельную главу, под выразительным названием «Красный кайзер», он отвел Янкелю Свердлову.

Для пушей убедительности, в подтверждение «еврейского» характера убийства приводятся «каббалистические знаки» и две заключительные строки из стихотворения Генриха Гейне «Валтасар»,

обнаруженные на стене ипатьевского подвала: «Belsatzar ward in selbiger Nacht/ Von seinen Knechten umgebracht». В переводе (М. Михайлова) эти строки звучит так: «В ту ночь, как теплилась заря, / Рабы зарезали царя».

И эти строки, и «знаки» обнаружил и приобщил к делу И.А.Сергеев, не придавая им никакого «сакрального» смысла. Зато под пером Уилтона «знаки» стали «каббалистическими», хотя ни один знаток каббалы не мог их расшифровать. Скорее всего, эти загогулины были пробой пера перед тем, как сделать немецкую надпись.

Каков же ее смысл?

Стихотворение Гейне написано на библейский сюжет из книги пророка Даниила, относящейся к эпохе вавилонского плена. В плен большую часть еврейского населения Иудеи увел великий завоеватель Навуходоносор. Однако к пленникам он относился с уважением: не притеснял их, разрешал исповедовать свою веру, почитал Бога Иегову, и Бог был к нему милостив. Иначе повел себя после воцарения сын Навуходоносора Валтасар. Одержимый непомерной гордыней, он надругался над святынями и бросил вызов самому Богу, за что тот его покарал.

В библейское сказание Гейне внес дополнительный смысл. Валтасар не просто «убит», как сказано у пророка Даниила, а убит своими рабами. В стихотворении есть и такие строки: «Хвастливый дух в нем рос. Он пил / И дерзко божество хулил./ И чем наглей была хула, / Тем громче рабская хвала». И вот эти самые холопы, которые подначивали царя на богохульство, прирезали его, как только он оказался бессилён.

Мог ли эту надпись оставить на стене соучастник преступления, радующийся тому, что еврейский Бог отомщен? Такое допущение может явиться только в помутненном сознании антисемита, который во всем отыскивает скрытые еврейские козни. У Дитерихса степень помутнения доходит до того, что он полагает, будто строки «еврейского» поэта Гейне написаны на языке идиш! Поражает уровень генеральского невежества. Еврейское происхождение Гейне затмило в его сознании то, что этот немецкий национальный поэт писал по-немецки. Для Дитерихса эти две строки – одно из самых существенных доказательств «еврейского» характера преступления. Генерал не понял, что тот, кто начертал их на стене подвала, клеймил преступников, а не ликовал вместе с ними.

Кто же это мог быть?

Человек этот должен был хорошо владеть немецким языком (в надписи нет ни одной ошибки) и знать немецкую поэзию. Эти простые соображения сужают поиск «подозреваемого» фактически до

одного лица – австрийского военнопленного Рудольфа Лахера, который оставил и свой автограф в том же подвале: «Rudolf Lacher Y. T. K. Jager. Trient». (Эту подробность сохранил для истории тот же пунктуальный И.С.Сергеев). Рудольфа Лахера имеет в виду и Дитерихс, когда упоминает о пленном австрийце «Адольфe», который прислуживал Юровскому и его заместителю Никулину. В ночь расстрела Лахер, скорее всего, находился в ипатьевском доме или где-то рядом. После того, как отгремели выстрелы и грузовик с убийцами и телами убитых выехал со двора, Лахер мог войти в подвал; под впечатлением увиденного он мог вспомнить стихотворение Гейне.

Заставив и эту надпись и даже «каббалистические» знаки работать на версию «еврейского заговора», Дитерихс и его сподвижники только еще раз показали ее неосновательность. Прочное здание не нуждалось бы в таких подпорках.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСКОГО ДЕЛА

Хотя большевистские власти сразу же после расправы над узниками Дома особого назначения широко оповестили о казни Николая «Кровавого», а позднее признали и то, что вместе с ним были убиты все члены его семьи, они не афишировали подробностей злодеяния. И в Советском Союзе в течение десятилетий не замечалось сколько-нибудь значительного интереса к тому, что же произошло с семьей последнего царя. Однако с начала 70-х годов, по мере роста разочарования в коммунистической идеологии, число желавших узнать подробности о екатеринбургской трагедии росло с каждым годом. Дом особого назначения, в котором размещался партийный архив, превратился в место паломничества: каждый приезжавший в Свердловск старался в нем побывать. Власти обеспокоились. В 1977 году, по приказу Первого секретаря Свердловского обкома партии Б.Н.Ельцина, получившего указание из Москвы, Ипатьевский дом сравнивали с землей. Но интерес к судьбе Николая от этого не уменьшился.

В числе любопытных были два друга – московский кинорежиссер Гелий Рябов и свердловский геолог Александр Авдонин. Они собирали труднодоступную литературу о гибели царской семьи, познакомились с сыном командира расстрельной команды Якова Юровского, у которого хранилось письмо-завещание отца с подробными сведениями о захоронении тел.

В 1979 году Рябов и Авдонин, руководствуясь указаниями Юровского, отыскивали место захоронения девяти тел (два тела, как явствовало из завещания, были сожжены). Более десяти лет друзья

хранили тайну о своей открытии. Сообщили они о нем уже в обстановке гласности и перестройки.

Наконец-то за дело смогли взяться профессионалы. Археологи и судебно-медицинские эксперты, историки и архивисты, математики и биологи, дантисты и генетики, специалисты из Екатеринбурга, Москвы, Великобритании, Соединенных Штатов ринулись изучать «екатеринбургские останки».

Тут же началось перетягивание каната между Екатеринбургом и Москвой. Как в 1918 году столица Красного Урала отказывалась уступить царскую семью Москве, так и в 90-е годы Екатеринбург отказывался уступить ее прах. Трагедия повторялась в виде фарса.

Соответственно и участники исследований – российские и иностранные – разделились на два враждующих клана. Сторонники Екатеринбурга уличали в ошибках, методических просчетах, недостаточной компетенции и неэтичном поведении сторонников Москвы, а те, соответственно, наоборот.

Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что в обеих группах работали специалисты мирового класса, и существенных научных разногласий между ними не было. За несколько лет первоначальные предположения Рябова и Авдониной были полностью подтверждены, многократно перепроверены, уточнены десятками разных методов: от судебно-медицинских и молекулярно-генетических до математико-статистических. Сомнительной оставалась идентификация одного женского скелета, хотя не было сомнений, что он принадлежит одной из младших дочерей царя: либо 17-летней Анастасии (а в числе двух сожженных трупов, наряду с царевичем Алексеем была Мария) либо 19-летней Марии (а сожжена была Анастасия). Во всем остальном разногласий не было: найденные останки действительно принадлежат Николаю, его жене, их трем дочерям и погибшим вместе с ними доктору Боткину, фрейлине Демидовой, повару Харитонову, камердинеру Трушпу.

Сенсационные открытия, сопровождаемые скандалами, привлекали обостренный интерес публики. Этим пользовались ритуалисты, наполнявшие красно-коричневые издания своими «открытиями» и сенсациями. Они не соглашались с выводами ученых, настаивая на том, что найдены «не те» кости, чем искусственно подогревали интерес к проблеме. Под сурдинку в сознание обывателя внедрялась «ритуальная» отравка. Как писала публицистка «Известий» Элла Максимова, «параллельно с работой в лабораториях и архивах шло нагнетание страстей в прессе и эфире. В выступлениях ученых и неученых мужей нет новых фактов, находок, состоят они преимущественно из вопросов, рассчитанных на вселение в граждан

подозрений. Что говорить, сам институт судебного следствия у нас скомпрометирован, а фальсификация истории вошла в набор типовых принципов власти. Но какая корысть усматривается в деле о царских останках? Не подпитывают ли гласы общественности совсем иные мотивы? Неутоленное честолюбие, обида – почему не меня, тоже специалиста, не позвали, обошли? Или мракобесные слухи о заспиртованных головах Романовых в кремлевских тайниках? Поступили ведь к [прокурору Генеральной прокуратуры В.Н.] Соловьеву и такие заявления, да на официальных бланках с печатями» («Известия», 1994, 6 апреля).

Что же это за официальные бланки? Увы, осведомленная журналистка обрывает себя на полуслове. Не вытравленная с советских времен привычка к умолчаниям, дабы не пугать цензуру. (Государственной цензуры давно нет, но живуч внутренний цензор!)

Однако договорить недоговоренное Э.Максимовой не трудно. Очень и очень многие лица и организации «патриотического» толка воспользовались понятным общественным интересом к «царскому делу» для дальнейшего нагнетания ритуальных и иных мифов.

В 1995 году президент Ельцин создал правительственную комиссию во главе с вице-премьером Ю.Яровым для «окончательной» идентификации останков и их захоронения. Но работа комиссии была парализована более двух лет – не в последнюю очередь из-за того, что Священный синод Русской православной церкви требовал от нее официально «подтвердить или опровергнуть ритуальный характер убийства».

С мертвой точки работа комиссии сдвинулась только в декабре 1997 года, когда Ельцин поставил во главе ее другого вице-преьера, молодого и считавшегося наиболее либеральным реформатором Бориса Немцова, поручив ему энергично взяться за дело, чтобы похороны могли состояться 17 июля, в 80-ю годовщину убийства. Правда, по некоторым данным, инициатива исходила от самого Немцова, которого проблемой царубийства и екатеринбургских останков заинтересовал его советник Виктор Аксючиц, «монархист умеренных национал-патриотических взглядов», как его характеризует авторитетная организация по изучению экстремистских движений в России «Панорама». (А. Верховский, Е.Михайлова, В.Прибыловский. Политическая ксенофобия. Радикальные группы-Представления политиков-Роль церкви. М., ООО «Панорама», 1999, стр. 87). В вопросе о «ритуальном характере убийства» либеральный реформатор Немцов не усмотрел никакой неловкости, заявив, что считает его столь же законным и уместным, как и любой другой. Так российское правительство дало официальную санкцию на

превращение ритуального каннибализма евреев из средневекового мифа в предмет серьезной озабоченности государственной власти. Кажется, это произошло впервые со времен рескрипта Николая I по Велижскому делу.

К счастью, в Генеральной прокуратуре «царское дело» попало в руки неподвзятго прокурора-криминалиста В.Н.Соловьева. Он пришел к следующему выводу:

«Мотивы такого решения [об убийстве царской семьи] носили политический характер и никак не были связаны с какими-либо религиозными тайными культами. Среди большевиков, принимавших такое решение, лица еврейского происхождения находились в меньшинстве: из 5 членов Президиума Уралсовета 1 еврей, из 6 членов коллегии Уральской областной Чрезвычайной комиссии 2 еврея. ...Среди них не было ни одного человека, активно участвовавшего до и после революции в каких-либо религиозных организациях. Можно с уверенностью сказать, что все участники решения о расстреле царской семьи, в том числе и в Кремле, как и исполнители приговора, были людьми нерелигиозными. Принятие решения о расстреле царской семьи не было связано с какими-либо религиозными или мистическими мотивами. Его определило в основном настроение руководства и широких масс Урала, а поводом стало обострение военной обстановки и близость падения Екатеринбурга» («Московские новости», 1998, # 8, 1-8 марта, стр. 2).

Убедительно? Далеко не для всех.

«Работа комиссии вызывала раздражение черносотенных, ультранационалистических кругов. Проведенные исследования ставят под сомнение (только под сомнение?! – С.Р.) привлекательную для них версию «ритуального убийства» – царя-де убили евреи согласно своим тайным обрядам. Примечательна резолюция, которую принял III съезд Союза православных братств: выводы комиссии были названы «подлогом» – «для того, чтобы скрыть ритуальный характер преступления» («Московские новости», 1998, # 8, 1-8 марта).

Правда, после встречи Немцова с патриархом Алексием II «появилась абсолютная уверенность, что с идентификацией больше проблем нет – под Екатеринбургом найдены останки царя, его близких» (Элла Максимова. Кого будем хоронить. «Известия», 3 марта 1998).

Окончательное решение должно было быть принято на заседании правительства в пятницу 27 февраля 1998. А утром того же дня в Свято-Даниловском монастыре состоялось заседание Священного Синода, который не признал «екатеринбургские останки» царскими, хотя и согласился с тем, что эти безымянные останки «принадлежат

жертвам богоборческой власти», предложив провести безотлагательное погребение их в символической могиле». Синод заявил, что «церковь сомневается в их принадлежности и, дабы не смущать паству, не ввергать в поклонение ложным останкам, считает нужным поместить кости в склепе ... поверх земли, чтобы были доступны для будущих исследований». (Максимова, там же; Верховский и др., стр. 88).

Заседание правительства, вместо одного, длилось три с половиной часа. А потом к представителям прессы вышли растерянный Немцов и уверенный митрополит Ювеналий. Оба с торжеством сообщили, что решение о том, чтобы произвести погребение останков 17 июля 1998 года, было единодушным.

Более определенно на вопрос о том, что происходило на заседании, ответил журналистам прокурор-криминалист В.Н.Соловьев:

«Повторю за Виктором Степановичем Черномырдиным – [заседание началось] с полной неожиданности в виде решения Синода... Наступила не то, что общая растерянность, но удивление и недоумение: как поступить дальше? Ведь без участия церкви царских похорон быть не может. За кого она будет молиться?» (Максимова. Там же).

Страсти вокруг перезахоронения «екатеринбургских останков» кипели до последнего дня. Дошло до того, что некий Артур Елисеев, бывший милиционер, засел в Петропавловском соборе с взрывчаткой и угрожал взорвать его в знак протеста против предстоящего захоронения. Террориста удалось обезоружить и отправить на психиатрическую экспертизу.

По постановлению Синода, патриарх отказался от участия в похоронах, и то же было рекомендовано всем епископам. Правда, в качестве компромисса, рядовым священникам не запретили отпевать «екатеринбургские останки», а некоторым даже рекомендовали, хотя на крестных ходах и собраниях по случаю 130-й годовщины со дня рождения Николая II национал-патриоты требовали, чтобы патриарх запретил участвовать в похоронах кому-либо из духовенства.

Устроенный патриотами афронт настолько смутил президента Ельцина, что он тоже решил не появляться на похоронах. Это вызвало цепную реакцию отказов со стороны высших чиновников и депутатов. Но в последний момент Ельцин все-таки приехал, отозвавшись на страстный призыв всеми почитаемого академика Д.С.Лихачева.

Похороны состоялись, но были крайне двусмысленными. С одной стороны, останкам вроде бы отдавались царские почести, с другой стороны – не отдавались. Патриарх Алексей II в церемонии не

участвовал, а участвовавшие священники в своих молитвах не называли имен тех, кого хоронили. «Екатеринбургским останкам» было отказано лежать в традиционной усыпальнице Романовых в Петербургском Петропавловском соборе. Их поместили в боковом притворе собора.

Только наивные люди могут думать, что решения Синода и другие маневры церковных кругов продиктованы стремлением «не смущать паству». Как раз напротив: их цель – продолжать «смущать» людей, продолжать держать руку на пульсе все еще горячего «царского дела», не дать затухнуть слухам и пересудам о ритуальном характере царевубийства.

Не следует упускать из виду и более широкого контекста, в особенности становящейся все более вероятной канонизации Русской православной церковью Николая II – по примеру Зарубежной церкви, и, соответственно, поклонения мощам, то есть останкам. Но кому в нынешней России нужны мощи царя Николая, «убиенного от большевиков»? Во всяком случае, не руководству церкви, в котором доминируют недавние агенты влияния и просто агенты КГБ. Такая «святость» последнего русского царя способна только рассорить церковь с компартией России – стратегическим и часто тактическим союзником патриотов православно-монархического толка.

Как говорит глава компартии Геннадий Зюганов, «все большее значение в духовной жизни российского общества приобретает религиозный фактор». Коммунистический вождь призывает церковь и общество «отразить духовную агрессию заморских проповедников и тоталитарных сект, мутным потоком обрушившихся на Россию». Зюганову, как заправскому патриоту, всюду мерещатся внутренние и внешние враги, объединившиеся в «стремлении лишить Святую Русь ее духовного богатства, оторвать русский народ от его исконных святынь». Особенно его пугают «соблазны экуменизма, стремящегося растворить Православие в «плавильном котле» единой «мировой религии», грозят Русской Церкви тяжелыми внутренними потрясениями». (цит. по: А.Верховский и др. стр. 85). Как ни странно выглядит забота о православии со стороны «богоборческой» (в прошлом) компартии, сегодня опора красных на православно-монархическую и черносотенную идеологию нисколько не удивляет. Святой Николай II нужен сегодняшним патриотам как «убиенный от жидов», а не от большевиков! И можно не сомневаться, что если бы прокурор-криминалист В.Н.Соловьев не отменил столь решительно ритуальную версию убийства царской семьи, а оставил бы для нее хотя бы крохотную лазейку, Священный синод с готовностью согласился бы с идентификацией «екатеринбургских останков»,

патриарх без колебаний возглавил бы службу в Петропавловском соборе, и «убиенный от жидов» государь император, возможно, уже был бы канонизирован. К религии все это отношения не имеет. Это политика. Это манипулирование симпатиями и антипатиями миллионов людей (а теперь это избиратели!), чье естественное сочувствие к трагической судьбе царской семьи современные фашисты стремятся трансформировать в свой политический капитал. Тот же Олег Платонов пишет о «ритуальном убийстве Николая II» как об установленном факте. (Платонов-1, стр. 346).

Олег Платонов – не одинокий стрелок, донкихотски воюющий с ветряными мельницами мирового еврейского сатанизма. Свои «изыскания» он публикует в толстенных томах – по восемьсот и более страниц большого формата, причем около половины каждого тома занимают перепечатанные тексты «классики» антисемитизма. Тома издаются в твердых кожаных переплетах, на бумаге самого высокого качества, с цветными иллюстрациями. Продаются они по демпинговым ценам – ниже стоимости бумаги, на которой напечатаны. Независимо от тиража они окупиться не могут. За последние годы, в погоне за антисемитскими материалами, Олег Платонов объездил весь мир. Только в Соединенных Штатах, по его словам, он побывал семь раз, месяцами колеся по стране, работая в архивах и библиотеках ведущих исследовательских центров и университетов. Кто-то за это платит. Несмотря на тяжелый финансовый кризис в России есть спонсоры, готовые оплачивать распространение кровавого навета.

И вот уже Юрий Власов – в прошлом прославленный спортсмен, а в последние годы видный политик национал-патриотического толка – несет миру благую весть о «ритуальном убийстве» самой России евреями, ставящими золотой памятник покровительствующему им Борису Ельцину. А под пером одного из ведущих идеологов красно-коричневого альянса Александра Проханова президент США Клинтон «ритуально» бомбит Ирак и Югославию, то есть страны с профашистскими режимами.

«Слово П[роханова], и художественное, и публицистическое, всегда сочно, образно, напористо и остро» («Русские писатели. XX век. Библиографический словарь. Под редакцией Н.Н.Скатова, Москва, «Просвещение», 1998, стр. 238). С этим трудно не согласиться. Чего нет в художественном и публицистическом творчестве Проханова, так это здравого смысла, терпимости, и хотя бы малейшего стремления к правде.

В годы «застоя» этот «соловей генштаба» воспевал самые гнусные оргии агонизировавшего советского режима: войны в Афганистане,

Эфиопии, Никарагуа. Оказавшись на стороне проигравших все эти грязные войны, он не складывает оружия. Он рвется к реваншу. И у него немало союзников, от полоумных генералов с депутатскими мандатами, которые, потрясая кулаками, грозят отправить на тот свет всех «жидов», до губернаторов, устраивающих крестовые походы против «сионистов» и «кавказцев» в масштабах своих губерний; от самых радикальных коммунистов, требующих импичмента президента Ельцина за покровительство евреям, «организовавшим геноцид русского народа», до священнослужителей, отказывающихся признать «екатеринбургские останки» тем, что они есть.

«Если долго и много занимаешься всемирною историею, то иногда невольно приходит мысль, что история человечества есть отчасти история обитателей сумасшедшего дома, отчасти же история разбойничьей шайки», писал более ста лет назад Д.А.Хвольсон (Хвольсон-1, стр. 225).

Если это горькое обобщение может показаться чрезмерным, то не по отношению к постсоветской России⁴.

Национал-патриоты составляют в России не маргинальные группы, как их американские коллеги. Здесь с фашистами тоже хватает забот. Они могут взорвать правительственное здание, протащить несколько миль по асфальту привязанного к машине «ниггера», пустить автоматную очередь в еврейских детей, застрелить почтальона-филиппинца. От них можно ждать еще много бед, но не перемены государственного строя. На это у них нет силенок. Хотя одну из своих книг Олег Платонов посвятил скорой гибели Америки – от сатанинско-еврейского заговора, (О. Платонов. Почему погибнет Америка. Тайное мировое правительство. Москва, Русский вестник, 1999), нам как-то не страшно. Мы знаем, что у американской демократии большой запас прочности.

В России политическое влияние фашиствующих группировок многократно превосходит влияние скомпрометированных неумелыми действиями и погрязших в коррупции «демократов». К счастью, у российских красно-коричневых нет единого лидера, они разделены на партии и группы, и усилия объединить их в монолитную организацию пока не приводят к успеху. Однако они крепки своей верой в конечную победу дела Крушевана, Лютостанского, Розанова, Платонова, Проханова и других героев этого неожиданно разросшегося повествования.

Сбудутся ли их чаяния? Я надеюсь, что нет. Но уверенности не имею. Соппротивление либеральной части общества антисемитизму и

ксенофобии в современной России совершенно неадекватно той опасности, какая от них исходит⁵.

Кровавый навет, которому посвящены эти очерки, – лишь один из многих антисемитских мифов – наиболее злобный, шокирующий и нелепый. Если даже этот миф столь широко эксплуатируется нацистскими идеологами в современной России, то что говорить о других, не столь одиозных? По данным последнего опроса общественного мнения в России, проведенного Антидиффамационной лигой, антисемитские взгляды и настроения разделяют 44 процента населения. Это довольно устойчивая цифра, близкая к данным профессионально проведенных опросов прошлых лет (например, 43 процента, по опросу 1992 года в Москве).

Сколько раз цивилизованный мир обжигался на слишком оптимистической уверенности в том, что «колесо истории невозможно повернуть вспять». Увы, возможно. Оседлав кровавый навет и другие антисемитские мифы, русский фашизм уверенно въезжает в третье тысячелетие.

Ольга Соловьева

Санкт-Петербург, Россия

Письмо террористам. Из записок на коленке

Есть такой фильм «Бегущий по лезвию». Я имею в виду фильм Ридли Скотта. В этой картине несколько репликантов-биороботов, чувствующих и думающих как люди, более физически совершенных,

но не знающих заданный срок своего существования и используемых людьми в качестве рабов, подняли восстание против судьбы. На них началась охота.

Так вот, в конце фильма главный репликант в исполнении потрясающего Рутгера Хауэра загнал охотника на искусственно созданных усовершенствованных людей в ловушку, заставил в страхе бежать от искомой добыче. Но когда человек-охотник должен был погибнуть, герой Хауэра спасает ему жизнь незадолго до собственного конца. И на вопрос, «зачем он это делает», отвечает: «Я хочу, чтоб ты знал, что такое жить в страхе».

Народная мудрость гласит: «Хуже смерти может быть только страх смерти». Вот в таком страхе и вынуждены жить в настоящее время питерцы. В кровавый понедельник прогремели взрывы в метро, ознаменовавшие собой визит в наш город лидера страны. После этого события из-за угрозы теракта регулярно закрывают ту или иную станцию «подземки». Производят досмотр багажа граждан, желающих воспользоваться услугами метрополитена. Позавчера, 27 декабря 2017 года, прогремел взрыв в продуктовом супермаркете, что на Кондратьевском. Вполне логично ожидать закрытия того или иного продуктового магазина аккурат в период новогодних праздников. Город лихорадит.

Господа террористы, питерцы не виноваты в направлении политики нынешнего лидера. Более того, мы страдаем не менее, а может, и более других от милитаристской направленности вышеупомянутой политики и от разрыва межгосударственных связей, поскольку находимся в непосредственной близости от западной границы. И в силу географического положения многие виды трудовой жизни города зависят от активной внешнеэкономической деятельности.

Позволю себе напомнить, что Петр Великий и заложил Северную столицу, когда прорубал окно в Европу, именно по этой причине.

От террористических действий выигрывают только «силовики», поскольку есть веское основание увеличивать их численность, а также затраты на вооружение и дорогостоящее техническое оснащение за счет наших налогов.

Господа террористы,

в новом году мы бы очень хотели обойтись без терактов!

Часть 2. Воспоминания и письма

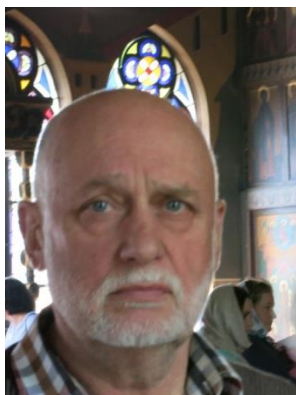

А.Нюренберг. Портрет жены (Полины), 1930

Сергей Бычков

Московская область, Россия

Упертый арестант: Аркадий Штейнберг

Есть люди, которые не только оставляют весомый след в нашей жизни, но продолжают присутствовать в ней даже после своего ухода с этой земли. К таким людям относился и Аркадий Штейнберг, поэт, художник, перелагатель (он не любил слова «переводчик», считая его неточным). Сказать о нем, что он был яркой личностью недостаточно.

Он был уникален во всем, за что бы ни брался: в живописи, в поэзии, в кулинарии или рыбалке. Для него не существовало понятия «низкого или высокого». Он любил и ценил жизнь во всех ее проявлениях. Постоянно общаясь с ним на протяжении одиннадцати лет, я много узнал о нем, многому научился от него. Но еще больше открылось мне после его смерти. И продолжает открываться.

В конце семидесятых годов я записал на диктофон рассказ о его жизни и лагерных страданиях. К сожалению, его рассказ оборвался на начале 50-х годов. Но узнавание продолжилось, когда его младший сын, художник Эдуард Штейнберг, дал мне доверенность и я смог получить из архивов КГБ оба его следственных дела.

До сих пор для меня остается загадкой — почему, беседуя со мной и повествуя о своем первом аресте, он ни словом не обмолвился о том, что был арестован по доносу Радуле Стийенского. Этот черногорский коммунист, или просто разбойник, бежал в СССР от преследования властей. Был ли он на самом деле коммунистом, установить сейчас невозможно.

Познакомившись со Штейнбергом в начале 30-х годов, он много рассказывал и пел о Черногории. На самом деле, это волшебная страна, с богатым прошлым. Я убедился в этом не так давно, проведя

Аркадий Штейнберг. Конец 70-х годов. Москва

две недели в Черногории и объехав все ее сказочные уголки. Видимо, Аркадий Акимович был зачарован рассказами и пением Стийенского. Поэтому предложил ему сотрудничество — тот будет петь и вспоминать, а он и его близкий друг Арсений Тарковский — облекать его рассказы и песни в стихи. Так Стийенский стал черногорским поэтом, стихи которого в переводах Штейнберга и Тарковского начали публиковаться в советской периодике.

Открыв первое уголовное дело Штейнберга 1937 года, я неожиданно уперся в донос Стийенского. Тот сообщал сотрудникам НКВД, что Штейнберг сочувственно относится к Гитлеру и даже перед зеркалом, приклеив усики, подражал ему. Более того, поносил Сталина и Ежова, утверждая, что придет время, когда коммунистов будут душить.

Зная артистизм Аркадия Акимовича, я вполне допускаю, что он мог дурачиться. Но вряд ли он не знал, что евреи в нацистской Германии подвергаются жестокому преследованию. Поэтому заподозрить его в симпатиях к фюреру было бы смешно. Но это был первый год «большого террора», и, несмотря на симпатии Сталина к Гитлеру, Штейнберга арестовали. Он рассказывал мне, что попал к следователю «забойщику», который методически избивал его, требуя,

чтобы он назвал сообщников. (Следователей в те годы делили на «забойщиков», которые пытками выбивали признания, и «писателей», которые предпочитали писать протоколы за арестантов, требуя от них, чтобы они подписывали их.)

Следователь был мастером своего дела, но выбить из этого упрямого арестанта ему ничего не удалось. Аркадий Акимович рассказывал мне, что после допросов его приносили без чувств в камеру и бросали на пол. Когда его везли этапом в Комсомольск-на-Амуре, он еще месяц писал кровью. И только когда привезли в этот строящийся город, ему огласили приговор. Он был обвинен в контрреволюционной деятельности и получил свои восемь лет.

Внимательно изучив его уголовное дело (политических в СССР не существовало), я задумался — почему он не рассказал мне об истинной причине своего ареста? Среди сталинских зэка, которые дожили до освобождения, наоборот, было принято называть доносчиков и провокаторов. Это входило в своеобразный кодекс чести зэка. Штейнберг не сделал этого. Он покрывал виновника своего первого ареста. Судя по фотографиям, Стийенский не был интеллектуалом. По внешности это был типичный пролетарий. Скорее всего, им руководила зависть к талантливому и одаренному поэту.

Лагерное фото. 1944 год

Когда в 1938 году Аркадия Штейнберга привезли с Дальнего Востока в Москву, то в суд вызвали его друзей — Александра

Гуровича, художника Виктора Таубера и Вильгельма Левика. Они свидетельствовали, что показания Стийенского не соответствуют действительности. Но следователи все же устроили несколько очных ставок Штейнберга со Стийенским и его женой. И черногорец, и его супруга продолжали обвинять его.

Пока шло разбирательство, Аркадий Акимович почти год отсидел в Бутырках. Он держался однажды избранной позиции — отрицал все обвинения. И произошло чудо — в конце 1939 года он был оправдан и вышел из зала суда в лагерной телогрейке с нашитым на спине номером. Так, торжествуя, и шел по Москве, а потом и по жизни, окруженный друзьями.

Многие величественные замыслы рождаются в детские годы. Потом наступает юность, приходят различные и многообразные увлечения, но где-то глубоко в подсознании творца они продолжают жить и терпеливо ожидают своего срока. И лишь когда человек созревает, обретает мастерство, тогда-то они выходят из тени и требуют воплощения.

В жизни Аркадия Штейнберга таким замыслом явилась эпическая поэма Джона Мильтона «Потерянный Рай», прочитанная им в двенадцатилетнем возрасте.

Он признавался: «Я этот случай рассматриваю, как знамение свыше. Помню то невероятное потрясение, которое я испытал, прочитав эту поэму. Эта книга странствовала со мной полжизни. Когда я сам стал писать стихи, когда я осознал, что буду этим заниматься всегда, что существует такая деятельность поэта как переводы, я начал понимать, что перевод Чюминой недостаточен. Тогда-то у меня наконец появилось желание своей рукой сделать перевод Мильтона».

Это признание, сделанное им в семьдесят лет, приоткрывает многое не только в жизни, но и в творчестве Аркадия Штейнберга.

Он рос и мужал во времена, которые не способствовали религиозному взгляду на жизнь. Но взгляды и быт, которые окружали его с детства, заложили религиозную (не скажу — церковную) основу. Недаром он вспоминал, что в их доме отмечались три Пасхи — еврейская, католическая и православная. Католичкой была его немка-бонна. Православной — его няня. Традиций иудаизма придерживались родители. Но мальчика никто не принуждал выбирать ту или иную конфессию. В родительском доме царил религиозная свобода.

Повествуя о своем детстве, Аркадий Акимович поведал, какое сильное воздействие на него оказало скаутское движение. Он оставался скаутом и на всю жизнь усвоил основное правило: скаут верит Богу и своему народу. Признавался, что старается и в старости

исполнять первое правило — ни дня без доброго дела. Это движение возникло на христианской почве в Англии и с трудом прививалось в дореволюционной России.

Правда, Одесса, его родной город, жил особенной жизнью. В нем дышалось гораздо более свободно, чем в других городах России. Далось ли скаутство ему без труда? Он был человеком страстным, и порой ему приходилось нелегко, особенно в молодости. Жизнь его протекала, по словам Пастернака, в постоянной борьбе «с самим собой». Но эта борьба таилась в неведомых для чужого глаза глубинах. Доверие к Творцу отличало его.

Второе сильное впечатление, навсегда оставшееся в его памяти, посещение Коктебеля и знакомство с Максимилианом Волошиным. Он вспоминал слова поэта, сказанные ему после того, как он выслушал его стихи: «Поэт — это образ жизни, образ мышления. Поэтому работайте над собой, главное ваше творение — это вы сами.» Эти два завета определили жизнь Аркадия Штейнберга. Он щедро раздаривал свои знания, связи, помогая тем, кто окружал его. И никогда не ждал благодарности.

Что же так поразило его в поэме Мильтона?

Отец Александр Мень, который с огромным вниманием следил за переводческим трудом Штейнберга, отмечал: «...И вот космическая картина: Сатана, подобно чёрному грифу, распростёр исполинские крылья и через звёздные сферы несётся к шару Земли. Бог видит, что эта чёрная тень приближается к Земле. Но победы Сатана не достигает. Он проходит через всевозможные космические препятствия, бури, туманы, скалы... И вдруг мы чувствуем, что Сатана вызывает у нас симпатию! Что этот мощный герой, отважный космический путешественник, который способен преодолеть (пусть ради мести, ненависти) гигантские пространства. Он вторгся на нашу планету и достигает райских садов — великолепных джунглей, где он блуждает в унынии, в отчаянии, находит людей — и совершается опять та же самая драма».

Священник вплотную приблизился к разгадке тайны, которую в течении десятилетий таил в душе Аркадий Штейнберг. Ему, как и главному герою поэмы Мильтона, пришлось пройти чрез невыносимые испытания, которые не сломили его. Более того — закалили, помогли преодолеть страх, который так унижает человека. Штейнберг был бесстрашным человеком — мне неоднократно пришлось убеждаться в этом, наблюдая за ним в различных ситуациях.

Он не был безрассуден. Сталинские лагеря научили его многому. Но страх ему был неведом.

Почему же Мильтон и его главный герой очаровали юного школьника из Одессы? Отец Александр Мень высказал парадоксальную точку зрения: «Почему Сатана у Мильтона выглядит симпатичным? Потому что в процессе поэтического творчества он перестает быть Сатаной. Он становится просто героем борьбы за какую-то цель. Мильтон вложил в него часть своей души — души несгибаемого борца! Пушкин восхищался Мильтоном, его стойкостью, верностью принципам до конца жизни. На самом деле, это не дьявол, не Сатана — это поэтический образ, отражающий душу автора».

Как тут не вспомнить эпизод из тюремной жизни Штейнберга — на пересылке он зашел в гигантский клозет и, рассматривая многочисленные надписи на стене, прочитал одну из них: «Мозес и Пантелей не боятся статей!» Его взору мгновенно представились два бредущих по бескрайней снежной пустыне путника — огромный, носатый еврей Мозес и крохотный мужичишка Пантелей. И он тут же решил, что будет третьим: «Мозес, Пантелей и Аркадий не боятся статей!» И он сказал себе: «Барал я эти статьи, и всё!» Эти его герои, которые были сродни мильтоновскому Сатане, несколько раз потом возникали в набросках-рисунках Штейнберга, а затем утвердились на большом графическом листе...

О его готовности прийти на помощь к тем, кто в том нуждался, вспоминали многие. Хочу добавить несколько слов и я.

Когда в издательстве «Художественная литература» издавался двухсоттомник «Библиотека всемирной литературы», он всячески стремился помочь нам, молодым переводчикам, получить заказы. Платили в этой серии щедро, и желающих было немало.

В частности, готовился том средневековой поэзии Китая и Кореи. И Акимыч договорился с китаистом Львом Эйдлиным — тот взялся за просвещение молодых переводчиков. Помню, как мы ездили к нему в Дом творчества в Малеевку и он щедро делился с нами своими знаниями. Рекомендовал, какие исследования следует прочесть, чтобы понять специфику культуры древнего Китая и Кореи. Эйдлин же готовил подстрочники и был первым редактором этого тома.

Но сначала мы читали свои переводы Акимычу. Он воспитывал в нас стремление к профессионализму. Дилетантизма не переносил. Иногда мы читали свои переводы у него дома, иногда в ЦДЛ на занятиях творческого семинара. Его душевная щедрость была естественна, как дыхание.

Когда Аркадий Акимович завершил работу над «Потерянным Раем», он решил передохнуть от многолетнего труда.

И... начал переводить китайского поэта Ван Вэя, мудреца, близкого ему по духу. Настало время отрешенности от мирских забот.

Завершив эту работу, он взялся опять-таки за Мильтона. На этот раз за «Возвращённый Рай». Отец Александр Мень заметил о концовке «Потерянного Рая»: «Замечательный момент в конце, когда Адам и Ева должны покинуть рай. Ангел говорит им, что они найдут другой рай, они не будут жалеть об этом, покинутом. Есть рай: это любовь, это милосердие. Это будет рай внутренний. Внутренний рай! И он будет лучше, чем этот земной, внешний.»

Работа над второй частью поэмы не заладилась. И дело было не столько в переводчике. Изменился главный герой Мильтона. Он уже был лишён героических черт борца. Штейнберг часто уединялся в своей мастерской, грунтовал полотна. Готовил краски, дописывал начатые картины.

Разглядывая его полотна, я отмечал их сходство с оруэлловской антиутопией.

Как жаден и ненасытен он был к книгам! В советские времена запретную книгу можно было только «достать», и часто лишь ненадолго. Так, я как-то принёс ему на пару дней «1984» Джорджа Оруэлла. Когда я приехал за книгой, он признался: «Серёжа! Такого ужаса я не испытывал ни во время следствия, когда следователь избивал меня до полусмерти, ни в лагере!»

Его живописный город Петуха оказался пророческим предсказанием. Обветшавшая, осыпающаяся, когда-то грозная советская империя, которая все еще победно посматривает на окружающую рукотворную пустыню. А пустыня — дело ее рук! Поймут ли потомки этот образ? Что говорит для них империя, скрывавшаяся под аббревиатурой СССР? Она уже подобна Атлантиде, покоящейся под волнами всепожирающего Хроноса.

Когда его полотна и графика, наконец, увидели свет в 1998 году в шести просторных залах бывшего дома Остроухова, некогда возглавлявшего Третьяковку, а затем создавшего в своём доме собственный музей-коллекцию (Трубниковский переулок, 17, ныне — Литературный музей), эти грани таланта Штейнберга засверкали алмазным блеском, как сверкают ныне его стихи, которые при жизни были заслонены его блистательными переводами...

В отличие от многих знаменитых современников и друзей, Штейнберг постоянно размышлял о вечных вопросах. В круг его чтения входила богословская литература — еврейская, католическая, протестантская и православная. Без знания её он вряд ли мог бы так

переложить на русский язык Мильтона. Быть может, поэтому он столь жадно прислушивался к религиозным поискам своих современников — Анатолия Краснова-Левитина, священника-правозащитника Сергея Желудкова и священника Александра Меня. Мне приходилось быть свидетелем жарких споров и спокойных бесед Аркадия Акимовича с православными священниками, моими друзьями.

Оценивая многолетний труд Штейнберга, отец Александр Меня писал: «Это напоминает нам грандиозные картины, мощные фрески, всё это остаётся в памяти. Я думаю, не случайно мы можем возвращаться к этим темам, потому что это вечные проблемы — они всегда были великими проблемами. А драма Адама — это наша общая драма! Человек выбирает свой путь. Он выбирает сегодня! Адам живёт в нас и мы живём в Адаме — в первом человеке, в прачеловеке, в едином и единственном человеке. И то, что происходит в истории сейчас — между народами, внутри государства, внутри обществ, городов и семей — это всё та же драма человека. Бог дал нам свободу, чтобы мы выбрали настоящий путь. Он не принуждает нас выбрать путь истины, но Он открывает его и указывает».

Время всё расставляет по своим местам. Бесчисленные споры о русской поэзии конца XX столетия, о том, кому надлежит войти в число «бессмертных», утратили актуальность в начале XXI века. Я согласен с мнением поэта Александра Ревича, что Аркадий Штейнберг был и остаётся «одним из самых замечательных поэтов XX века.» Не только потому, что он был одним из моих учителей и не только потому, что нас связывало десять лет дружбы, которая не была омрачена ничем.

Время безжалостно обрывает кроны деревьев, которые чаровали современников своей красотой и необычностью. Проходят годы и столетия, но по словам Пушкина: «...созданье гения пред нами Выходит с прежней красотой». Поэтическое дарование Аркадия Штейнберга по гамбургскому счёту — среди самых выдающихся имен русской поэзии.

В конце 70-х годов прихожане отца Александра Меня дружили не только с баптистами-инициативниками, но и с греко-католиками, которые находились в это время на нелегальном положении. Инициативниками их называли потому, что в отличие от обычных советских баптистов, они отказывались регистрировать свои общины в советских органах власти, активно занимались миссионерством и религиозным воспитанием детей. КГБ жестоко преследовал их — многие пасторы находились в заключении. Они подвергались

обыскам, их увольняли с работы. Были у нас общие проекты – в том числе размножение на ксероксе религиозной литературы.

Но как я был потрясен, когда мои друзья-баптисты показали мне отпечатанный на ксероксе (примитивный вариант этого аппарата в СССР назывался «Эра») «Потерянный рай» Мильтона в переводе Штейнберга. Мы пришли к Акимычу, и он предложил поменяться – снял с полки том БВЛ, надписал и получил в обмен копию. Потом она красовалась на полке его библиотеки. Это было высшей оценкой его труда. И подвигло добиваться переиздания «Потерянного рая» в издательстве «Художественная литература». К счастью, его усилия увенчались успехом.

Сергей Бычков

На смерть А.А.Штейнберга

Он исподволь учил своим примером
Претерпевать невзгоды бытия.
Беспечно жил, ленись, трудясь и веря,
И знал, казалось, в этом мире все и вся....
...Я вспоминаю августовский вечер
Растрянность, и горечь, и надлом -
Он уходил в светящуюся вечность,
Как в обжитой и долгожданный дом.
Он шел второй, воспетой им дорогой,
Открывшейся в видении ему.
Объятые и горем, и тревогой,
Мы погружались медленно во тьму.
Вдруг яркою звездой свет его страданья,
Испитого им полной чашею, до дна,
Над нами вспыхнул, осветив сознание
И наши души пробудив от сна.

8 августа 2013 года

Михаил Голубовский

Беркли, Калифорния, США

Савелий Дудаков – историк российского еврейства⁵

17 октября в Иерусалиме ушел из жизни известный историк русского еврейства, культуролог, специалист по генеалогии, эссеист Савелий Юрьевич Дудаков (1939-2017). Он был одарен многогранными гуманитарными талантами: знаток поэзии, готовый экспромтом со вкусом декламировать строки от Державина до Мандельштама, автор эссе о художниках, был наделен блестящей памятью, увлечен музыкой. И ко всему – шахматовед, мастер спорта по шахматам. Есть три восходящие ступени в каждой области знания (наука, искусство, религия): просто знать о чем-либо, глубоко это понимать и эмоционально относиться к познанному, когда отдельные его звенья связываются воедино. Савелий Юрьевич обладал именно таким целостным личностным знанием истории и культуры. Его работы отличают самобытность и оригинальность в исканиях, независимость, смелость и полная свобода в высказывании истины.

Первые 32 года до эмиграции в Израиль в 1971 г. Дудаков жил в Ленинграде. Там он родился и уцелел в страшную блокадную зиму 1941-1942 гг, перенеся воспаление легких. Со слов мамы, он благоговейно вспоминал детского врача Смирнову, которой обязан чудом спасения. Видимо не случайно спутницей его жизни на протяжении 53-х лет стала ленинградский педиатр Инна Иосифовна (урожд. Пайкина). Мне довелось учиться с Дудаковым в одной школе, дружить с тех пор всю жизнь. Это была 232-ая школа Ленинграда,

---

⁵ В сокращении

прежняя 2-ая Санкт-Петербургская гимназия, открытая еще в 1805 году. Она расположена в центре города на пересечении Казанской улицы, отходящей от Казанского собора и Демидова пер., идущего от Сенной площади к Мойке.

Многие ученики и питомцы этой гимназии оставили след в истории и культуре России. Там начали обучение два сына Пушкина. Назову некоторые другие известные имена: государственные деятели В.Н. Коковцев (министр финансов, а затем премьер-министр после убийства Столыпина), А.Ф. Кони (знаменитый юрист и литератор); известные люди искусства и науки: А.Н. Бенуа, отец и сын Лансере, Л.Н. Майков, Н.Н. Страхов, И.Ф.Стравинский, Е. А. Мравинский;

Савелий Дудаков

Н.Н. Миклухо-Маклай, (путешественник и этнограф), А.А. Иностранцев (геолог, археолог, организатор науки), А.А. Фридман (математик, физик-космолог, предсказал расширение Вселенной), Ю.А. Филипченко (зоолог и эволюционист, основал первую кафедру генетики в России). Аура этой гимназии как-то сохранилась, несмотря на социальные катастрофы.

Любовь к истории и литературе, необычность взглядов и поведения отличали Дудакова с юных лет. Два занятных штриха. На уроках истории Средних веков, запутавшись в династии Пипина Короткого или Плантагенетов, мы, согнув головы, ожидали губельного вызова к доске. Учитель (с редким отчеством Евлампиевич) обычно ехидно посматривал на класс, заглядывал в классный журнал, а затем

плотоядно спрашивал: «Может, кто-то сам пойдет к доске? И весь класс радостно выдыхал: «Дудаков, Дудаков пойдет!» Так продолжалось от истории Средних веков до современной. Его сочинения были одними из лучших, но грешили грамматическими ошибками. Однажды учительница в сердцах посетовала: «Дудаков, у вас такие прекрасные сочинения, но почему вы так плохо пишете на родном языке?» Последовал ошеломительный для 1950-х годов ответ: «А мой родной язык еврейский». Он всегда с гордостью воспринимал свое еврейство.

Дудаков окончил филфак Герценовского института, однако по специальности работать ему не пришлось. Причины ясны из его письма (август 2000 г.) писателю Фридриху Горенштейну : «С ранней юности я твердо решил никогда не играть с Советской властью в поддавки. Посему никогда не был комсомольцем, а тем паче партийцем. Никогда не был ни на партийном, ни профсоюзном или на ином собрании. Никогда не ходил на демонстрации. Посему мог существовать только в тех областях, где до меня не могла дотянуться ИХ рука.. Я с 18 лет кормил семью из четырех человек, работая чернорабочим, грузчиком и занимаясь тому подобными малопривлекательными профессиями... попутно работал шахматным тренером». С середины 1960-х Дудаков стал активистом сионистского движения, соавтором обращений к властям о свободе эмиграции в Израиль. Борьба была затяжная, опасная и самоотверженная. В 1970 г. наиболее горячие «отказники», отчаявшись законно вырваться из клетки, решились на угон небольшого самолета из Ленинграда в Швецию. Это не удалось (КГБ знал о плане заранее) и закончилось резким усилением репрессий. «ИХ рука» дотянулась и до Дудакова – последовал тяжелый шестичасовой допрос в КГБ (Большой дом на Литейном). Однако на сей раз пронесло, и в 1971 ему удалось эмигрировать.

В Израиле Савелий Дудаков вел исследования в университете Иерусалима в Центре по изучению и документации восточноевропейского еврейства. Здесь защитил диссертацию «Протоколы сионских мудрецов и русская литература XIX–XX вв».

На ее основе в конце 1993 года в издательстве Российской академии наук в Москве вышла книга «История одного мифа».

Еще свежи были в памяти долгие доперестроечные годы государственного антисемитизма, активность «Антисионистского комитета». А гласность вывела на поверхность открытых антисемитов общества «Память». Издание книги Дудакова – итог подвижничества Давида Абрамовича Черняховского (1939-2000). Это был высокообразованный, опытный врач-психиатр и психотерапевт,

семейный доктор в московских элитных научных, литературных и музыкальных кругах (он успешно купировал приступы депрессии, бессоницы, нервные срывы). Пациенты были своего рода броней, готовые прийти на помощь и защитить своего целителя. Известен уникальный в советских реалиях случай, когда руководство КГБ после письма-протеста Черняховского извинилось перед ним за преследование и склонение к доносу со стороны настырного и нахального гэбэшника (Незав.психиатр.журн. 2005, 1).

В 1990 г. Черняховский организовал перевод и издание книги английского историка Нормана Кона «Благословение на геноцид: миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколы сионских мудрецов». Введение написал классик-культуролог Вячеслав Всеволодович Иванов. Узнав об исследованиях Дудакова и прочтя его статью «Вл.Соловьев и Сергей Нилус» в сборнике «Russian History and Literature», Черняховский послал автору с оказией письмо поддержки. «Он возник на моем горизонте внезапно – можно сказать «по почте духов». Допускаю вмешательство Высшей Силы», – вспоминал Савелий Юрьевич.

Давид Абрамович приехал в Израиль и, остановившись в доме Дудакова, с карандашом в руках дотошно редактировал рукопись диссертации для возможного издания. По его просьбе, был внесен ряд добавлений и написана глава «советский вариант антисемитизма». Там, в частности, есть и анализ известной книги математика И.Р. Шафаревича «Русофобия». Собрав отзывы авторитетных историков и культурологов, Черняховский добился решения об издании книги (за счет автора). Но перед выходом книги издательство потребовало убрать из аннотации фразу, что «Протоколы сионских мудрецов» (далее просто ПСМ) – фальшивка российской тайной полиции. «В течение двух дней сотрудники исторической редакции стирали намоченными ацетоном тампонами злополучную аннотацию с пяти тысяч экземпляров», – вспоминал Дудаков. И это было в пик гласности!

В 1994 г. в Литературном музее Москвы состоялась успешная презентация книги. На нее пришло более ста человек, среди них известные литераторы, историки, философы – Лев Аннинский, Н. Иванова, З. Крахмальникова, Г. Померанц, Н.И.Толстой, С.О. Шмидт. Опубликовано около 20 рецензий в разных странах. Среди них отзыв видного французского историка антисемитизма Леона Полякова, а также российского культуролога, филолога Сергея Сергеевича Аверинцева (1937-2004). Он отметил: «Я прочел книгу С. Дудакова «История одного мифа» с живым интересом и пользой для себя. Даже в тех случаях, когда речь идет о предметах, к которым мне прежде

приходилось проявлять интерес, автор каждый раз предлагает детали, нюансы, уточнения, мне доселе неизвестные... Исключительное богатство тщательно собранного и точно проанализированного фактического материала говорит само за себя».

Дудаков извлек из-под глыб времени целый слой русской беллетристики середины и конца XIX века и провел его содержательный концептуальный анализ. Оказалось, здесь содержались основные мифологемы будущих ПСМ, которые были сфабрикованы по уже подготовленному сценарию. Среди этих литераторов, «предвосхитивших» миф о сионских мудрецах, О.А. Пржецлавский, Вс.Крестовский, Б. Маркевич и особенно Елизавета Шабельская – актриса и писательница (трилогия «Сатанисты XX века»). Сочинения этих авторов подготовили почву для массового восприятия ПСМ как подлинного документа. Большую роль сыграли и книги религиозного мистика С. А. Нилуса (1862-1929). С 1900 г. он истово проповедовал приближение антихриста и перепечатал ПСМ в книге «Великое в малом». Вера в подлинность ПСМ распространилась в эмигрантской России и Германии после Первой мировой войны в форме мифа о большевистском «жидо-масонском заговоре».

В гениальном романе «Дар» Владимир Набоков двумя штрихами воссоздал атмосферу бытового антисемитизма среди слоя русских эмигрантов в Германии. Зина Мерц, возлюбленная героя романа, не выносила своего отчима адвоката Щеголева («даже на порог бы не пустила»), ибо он «был один из тех бравурных пошляков, которые при случае смакуют слово «жид», словно толстую винную ягоду». Любимым чтением Щеголева были ПСМ – книга, о которой, он «мог толковать часами и, казалось, что ничего другого он в жизни не прочитал», – саркастически писал Набоков. Маниакальная вера в ПСМ привела к трагедиям. Еще до революции в реакционной печати России появлялись «вульгарные карикатуры – отец и Милуков преподносят Мировому Еврейству матушку-Россию на блюде и прочее в этом роде», – вспоминал писатель («Память говори»). В 1922 г. в Берлине В.Д.Набоков, защищая своего друга Милукова, был убит двумя черносотенцами. Один из них – П. Шабельский–Борк, крестный сын упомянутой выше Е. Шабельской. Убийцы были осуждены на 12 лет, однако вскоре выпущены по амнистии. Они стали активными деятелями нацистской партии и пропагандистами ПСМ. Другой российский эмигрант Альфред Розенберг (1893-1946), выходец из обрусевших балтийских немцев, также стал главным идеологом нацистской партии. В 1918 г. он окончил в Москве Высшее техническое училище, но в конце года оказался уже в Мюнхене. Там

тесно сблизился с Гитлером и познакомил его с ПСМ. Положения фальшивки стали частью книги фюрера «Майн кампф» и всего нацистского движения. ПСМ в 1935-1945 гг. изучались в немецких школах, указал Дудаков. Их печатали в сотнях тысяч экземпляров в оккупированных Германией странах.

В 2000 г. в издательстве Российского гуманитарного университета вышла вторая книга историка: «Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России» (вновь под общей редакцией Черняховского). Замысел Дудакова состоял во всестороннем анализе отношения к евреям с первых этапов становления России как государства. Размытый термин «еврейство» вбирает в себя и религиозно-этическое отношение к иудаизму, и исторические судьбы людей и семей с пращурами-евреями, и столь любимые историком генеалогические изыски. Историк описал отношение к евреям во всех пластах общества, от простолюдина до аристократии и царского двора, мира литературы и искусства. Цитированные источники составили 35 страниц мелким шрифтом (и это до эры интернет-поисков), именной указатель занял 19 страниц. Грандиозное по замыслу и исполнению исследование! Столь знакомая Дудакову тема шахмат послужила затравкой для размышлений о «еврейском уме» (книга «Каисса и Вотан»). В последней книге «Из личного архива» (2014) историк подробно приводит и положения интереснейшего труда Ивана Петровича Павлова «О русском уме» – три лекции, прочитанные великим физиологом в 1918 г. но напечатанные лишь в конце XX века.

Стиль Дудакова можно назвать импрессионистским: крупные мазки переплетаются с сочной прорисовкой деталей истории и поведения людей. Он излагает «враждебные ему взгляды с удивительным хладнокровием, уравновешенно и логично», – справедливо отметил профессор Ефим Григорьевич Эткинд в предисловии к «Парадоксам...». Это обычно сопровождается иронией и легким сарказмом. Так, цитируя одну статью из черносотенного журнала 1910 г. «Прямой путь», историк пишет о главном редакторе: «Владимир Николаевич Пуришкевич, человек вполне образованный, талантливый и чемпион по жидоненавистничеству»...

Вечная память замечательному исследователю Савелию Дудакову!

Александр Сиротин

Нью Йорк, США

Жизнь и смерть еврейского театра. Факты семейной биографии. Часть 17. Осколки

Когда я поступил на актёрский факультет театрального училища имени Щукина при театре Вахтангова, моя мама, Нехема Сиротина, бывшая актриса Государственного еврейского театра (ГОСЕТ), поделилась своей мечтой: сыграть со мной знаменитую сцену матери и сына из пьесы Александра Николаевича Островского «Без вины виноватые». Эта мечта не осуществилась. Мы не сыграли вместе в одном спектакле, но на одной сцене, в одном театре играли – это произошло через много лет в Нью-Йорке, в еврейском театре Фолксбине. Но ещё в Москве мы оказались вместе в одной творческой организации. Мама играла в Еврейском драматическом ансамбле Москонцерта, а я был режиссёром Мастерской сатиры и юмора Москонцерта.

С наступлением нового, седьмого десятилетия прошлого века, Еврейский ансамбль стал расширяться и превратился почти в полноценный театр. Почти, потому что у этого театра не было своего помещения. Если применить сталинское определение нации, то раз у театра нет своей территории, то это не театр. Это общность, объединение, бродячий ансамбль с талантливой труппой. С приёмом в состав труппы новых, молодых артистов появилась возможность ставить вполне полноценные спектакли, такие, как «Три изюминки» и «Заколдованный портной».

Этим постановкам предшествовал приход в труппу Полины Айнбиндер в 1970 году. Талантливая, очень музыкальная девушка

сразу стала любимицей старых госетовцев, которые наперебой старались учить её драматическому искусству и правильному произношению. В ГОСЕТе под руководством Михоэlsa был принят идиш не украинско-польских, а литовско-белорусских евреев. Именно это произношение считалось литературным, классическим

Примечательно, что, например, Эмиль Горовец, приехавший в Москву с Украины, из Гайсина, и поступивший в театральную школу при Государственном еврейском театре, должен был перейти с украинско-польского идиша на литовско-белорусский с твёрдым, а не картавым «р», но оказавшись в Америке, он должен был вернуться к украинско-польскому произношению, поскольку здесь еврейским театром издавна руководили евреи из Польши.

Полина Айнбиндер приехала из Таллина. Евреи Эстонии и Латвии тяготели к литовско-белорусскому произношению, поэтому Полине было не трудно опередить других молодых артистов, вошедших в труппу вообще без знания языка. Полина окончила Таллинскую консерваторию по классу фортепьяно. Потом начала петь еврейские песни. В Москве она сначала выступала в домашних концертах. Если в доме было пианино, она пела под аккомпанемент сестры Светланы, тоже выпускницы Таллинской консерватории. Некоторые песни сёстры исполняли дуэтом. Если в квартире не было музыкального инструмента, Полина пела без музыкального сопровождения. Так бывало, например, у Александры Вениаминовны Азарх, в 12-

метровую комнатку которой набивалось до 20 человек. Азарх упрямо произносила имя Полины на европейский манер: Паулина.

Полина Айнбиндер

Полина Айнбиндер могла петь везде и всегда. Когда мы познакомились, она тут же произнесла: «Саша, я буду для вас петь». Моя мама полюбила её чуть не как родную дочь и ходила почти на все её концерты. Сёстры Полина и Светлана были, действительно, светлые, восторженные, влюблённые в еврейские песни и заражавшие своей любовью публику. Это принесло совершенно неожиданные плоды, когда Полина решила принять участие во Всероссийском конкурсе молодых артистов эстрады. Впервые за долгие годы со сцены театра эстрады прозвучали песни на еврейском языке. Председателем жюри был Леонид Осипович Утёсов.

В таланте Полины мало кто из членов жюри сомневался, но вопрос, отметить ли этот талант премией, вызвал большие споры. Кое-кто из членов жюри предлагал никак не выделять выступление Айнбиндер, дабы не привлечь внимание к еврейской теме. Но по настоянию Утёсова и при поддержке композитора Никиты Владимировича Богословского, Полине всё же дали звание лауреата конкурса. Впрочем, об этом факте советское телевидение умолчало и в концерт лауреатов исполнительницу еврейских песен не включили. Музыкальная фирма «Мелодия» выпустила тогда маленькую гибкую пластинку Полины с четырьмя песнями на языке идиш. Весь тираж пластинки был раскуплен в считанные дни. Хранилась пластинка и у

нас в доме. Коллекцию пластинок я вывез в Америку и, работая в течение десяти лет (с 1980 по 1990-й год) ведущим на русской радиостанции «Горизонт», часто включал песни Полины Айнбиндер в свои программы.

Одновременно с победой на Всероссийском конкурсе артистов эстрады Полина Айнбиндер одержала ещё одну победу – в Еврейском драматическом ансамбле Москонцерта она сыграла в спектакле «Заколдованный портной» роль Цигеле (козочки). Постановка режиссёра Феликса Бермана в художественном оформлении Григория Перкеля стала событием не только театральной, но общественной и даже политической жизни Москвы. Это был спектакль-праздник с типично еврейской грустью.

Я осмелюсь провести параллель с госетовским «Фрейлехсом». Оба спектакля были всплесками национальной радости, но радости прощальной. Как ГОСЕТ вскоре попрощался с Соломоном Михайловичем Михоэлсом и затем прекратил своё существование, так «Заколдованный портной» оказался, практически, последним в СССР спектаклем для Полины Айнбиндер и для некоторых других еврейских актёров этой труппы. Полина вскоре подала заявление на выезд в Израиль, а моя мама Нехам Сиротина подала заявление об уходе из драматического ансамбля. Позднее, провожая Полину с мужем в Израиль, мы попросили, чтобы она выслала нам вызов-приглашение от несуществующей израильской тётки. Но до этого произошло ещё много разных событий.

...В Творческой мастерской сатиры и юмора Москонцерта судьба свела меня с выпускниками еврейского театрального училища, ранее техникума, при ГОСЕТе, которые стали артистами разговорного жанра. Это Маргарита Полонская, которая была ведущей в сольных концертах своего мужа Эмиля Горовца, это конференсье Эммануил Нэлин (Фрейдзон) и артист-сатирик Алексей Галицкий, в прошлом репрессированный, как «еврейский буржуазный националист», «иностранный шпион», «террорист» и так далее. У Галицкого, выросшего в Москве, русский язык был безупречным. Он, подражая артисту Льву Борисовичу Мирову, был хорош в образе эдакого хамоватого простака или, по цирковой клоунской терминологии, «Рыжего». Не случайно он любил рассказы Зоценко, высмеивавшего невежество и хамство советского человека «новой формации».

Галицкий был артистом замечательным, но недооценённым. В театральную школу при ГОСЕТе он поступил в 1946 году, не зная еврейского языка, как и многие студенты послевоенного поколения. Кстати, и Александра Вениаминовна Азарх, и основатель театра Алексей Михайлович Грановский тоже не говорили и не читали по-

еврейски. Правда, Грановский знал немецкий. Азарх помогла Галицкому сделать первые шаги на еврейской сцене. Его, как и других студентов, занимали в массовых сценах разных спектаклей. Иногда давали даже маленькие роли. Но окончить училище и получить диплом актёра Алёша Галицкий не успел. Михоэlsa убили, театр и его школу закрыли. Начали арестовывать актёров ГОСЕТа и студентов.

Дошла очередь до Галицкого. Донос написал его старший товарищ, актёр ГОСЕТа, красавчик Михаил Израилевич Шапиро-Шатров, оказавшийся сотрудником соответствующих органов. Эту роль артист Шапиро исполнял гораздо лучше, чем роли в спектаклях. Позже о доносительстве Шапиро рассказывали Моисей Соломонович Беленький и Наталья Соломоновна Михоэлс. Однако это не помешало Мише Шапиро-Шатрову оказаться, пусть и на короткое время, в труппе Еврейского драматического ансамбля Москонцерта. Алексея Галицкого обвинили в подготовке к покушению на Сталина, приговорили к 10 годам тяжёлых работ и отправили в лагерь в Северном Казахстане.

Вернувшись в Москву через шесть лет, невинно осуждённый и реабилитированный Алексей Галицкий, хорошо помыкавшись, сумел вернуться к своей профессии и был принят в Творческую мастерскую сатиры и юмора, где начал работать с молодым режиссёром Александром Сиротинным, мать которого, актрису Нехаму Сиротину, хорошо помнил по Еврейскому театру. Мы с Алексеем легко нашли общий язык, вместе искали репертуар при помощи нашего редактора Ефима Захаровича Захарова, пытались найти оригинальную форму для эстрадных монологов. Но заметным артистом на советской эстраде Алексей, к сожалению, не стал. Сломали человеку судьбу.

Актёрская судьба Эммануила Нэлина сложилась удачнее, хотя русский язык у него был несравнимо хуже, чем у Галицкого. Происхождение выдавал сильный еврейский акцент. Дома, в городке под Винницей, откуда был родом Эмка Фрейдзон, все говорили на идише и на смешении украинского и русского. Фронтовик, получивший боевое ранение, Нэлин поступил в театральное училище при ГОСЕТе, но еврейским актёром стать не успел. Долго был без работы. Хорошо, что хоть не арестовали, как Галицкого. Сумел устроиться в один из московских областных, разъездных театров. Сыграл эпизодическую роль Зямки-Кенгуру в кинофильме «Цепная реакция». В той же картине снялся и другой артист эстрады – Леонид Усач, с которым у меня тоже сложились дружеские отношения.

Нэлин был артистом смешным и смешливым, с очень хорошим природным чувством юмора. Исполнял юмористические монологи очень мягко, без нажима и «плюсования». Но особенно ему удавались материалы, в которых был хоть какой-то намёк на еврейскую тему. Мы с ним подготовили рассказ о попугае Грише (автора, к сожалению, не помню). Когда Нэлин выступил с этим рассказом перед Художественным советом Творческой мастерской сатиры и юмора, народ лежал от хохота. Кстати, все артисты обязаны были сдавать Художественному совету каждый новый номер. Как конферансье Эммануил не числился в первом эшелоне, однако вёл довольно большие эстрадные концерты, и его фамилия часто появлялась на москонцертных афишах. Когда артист эстрады Александр Левенбук возглавил Еврейский драматический ансамбль и создал на его основе театр «Шалом», он пригласил в труппу Нэлина. Так судьба через несколько десятков лет вернула Эммануила на еврейскую сцену.

Я как режиссёр работал над репертуаром ещё одной бывшей студентки театральной школы при ГОСЕТЕ. Речь идёт о Маргарите Полонской, жене Эмиля Горовца, сказочно популярного в Советском Союзе 1960-х годов исполнителя шлягеров. Маргарита, которую все звали Мусей, вела концерты мужа и должна была заполнять паузы, во время которых певец и его музыканты могли немного отдохнуть. В репертуаре ведущей должны были быть вступительный монолог и по одному юмористическому рассказу минут на 10 в каждом из двух отделений. Муся напоминала мне воробушка: миниатюрная, говорила, вернее щебетала скороговоркой, была очень доброжелательной, восторженной... В ГОСЕТе она, будучи студенткой, играла в основном мальчиков, то есть по амплу была трагедистки. Не успев получить диплом актрисы из-за закрытия театра и театрального училища, она сумела поступить на заочный юридический факультет, получила диплом юриста, и, хотя по этой профессии не работала, но знания советского законодательства очень пригодились ей для помощи Эмилю Горовцу.

Маргарита Полонская была его, как сказали бы сегодня, менеджером, продюсером, импресарио, улаживала все его проблемы, то есть была гораздо больше, чем женой. Как-то мы сделали с ней монолог «В очереди за счастьем». (Через много лет в Нью-Йорке я рассказал об этом кинорежиссёру Валерию Шатину, и он вставил эту историю в документальный фильм о жизни Эмиля Горовца.) Бывшие актёры ГОСЕТа – Горовец, Полонская, Нэлин, Галицкий, Этель Ковенская, Григорий Лямпе, Иосиф Колин, Владимир Шварцер, Нехама Сиротина и многие другие каждый раз занимали длинную

очередь за счастьем, но пока доходила их очередь, счастье заканчивалось. Это должно быть хорошо понятно тем, кто жил в Советском Союзе с его постоянным дефицитом всего и с постоянными очередями.

Еврейские актёры, физически оставшиеся в живых после убийства Михоэlsa, после закрытия театра, закрытия еврейской театральной школы, закрытия еврейского издательства, расстрела еврейских писателей, поэтов, актёра Вениамина Львовича Зускина 12 августа 1952 года, после срока в лагерях, после лет безработицы, крайней бедности, – все эти осколки ГОСЕТа были изгнаны из своей культуры, из своего языка, из своей национальной общности.

В каждом из этих осколков Театра умирал их Театр, их ГОСЕТ. Они ещё надеялись его воскресить, перебравшись кто в театр «Шалом», кто в Америку или в Израиль, и надеясь Там найти своё еврейское счастье, Там изменить свою судьбу. Как будто Там «живёт один такой закройщик, чтобы по-новой мог скроить судьбу мою», как пел Эммануил Нэлин в фильме «Цепная реакция» (слова Окуджавы).

Ирина Роскина

Иерусалим, Израиль

Из семейного архива. Переписка Льва Копелева и Раисы Орловой с Натальей Роскиной. Часть 1

Публикация и комментарии Ирины Роскиной

В ноябре 1980 года литературовед-германист, писатель, правозащитник Лев Копелев (1912-1997) и его жена филолог-

III. Предметы старины и искусства (картины, рисунки, иконы, скульптуры и др.)

Нет

IV. Советские рубли

V. Другая валюта Марки ФРГ 965 Девятьсот шестьдесят пять

Дорожный чек 500 Пятьсот

Багаж... в количестве двух мест

Принадлежащий другим лицам <...> любые предметы Нет

12 ноября 1980

ЛКопелев

Наташенька, ты прелесть.

12.XI.80

ЛКопелев

Наташенька, спасибо, родная.

РОрлова

От Н.А. Роскиной Копелевым

28 января 1981

Милые мои, дорогие! Весь мир о вас думает, и я в этом мире тоже где-то не на последнем месте... Конечно, больно смотреть на слезы ваших самых близких, Люси⁶, Светки⁷, но, ей-богу, могло быть легко такое, от чего слез было бы куда больше⁸. Вообще мне кажется, что

---

⁶ Люся – Валерия Давыдовна Медвинская (урожд. Либерзон, 1924-2002), сестра Р.Д. Орловой. Подробнее написала мне о ней дочь Раисы Давыдовны, Мария Николаевна Орлова (род. 1945), математик, ставшая биографом Л.З. Копелева и Р.Д. Орловой и членом правления Форума им. Льва Копелева (Lew Kopelew Forum), находящегося в Кельне. Валерия Давыдовна «закончила английский факультет ИнЯз, преподавала английский язык в школе, потом в МГУ на юридическом фак-те. После смерти мужа в 1998 году уехала в Германию, жила в Кельне. Две ее дочери Ирина (1955 г.р.) и Марина (1947 г.р.) тоже живут в Кельне. Люся очень много печатала для Льва, и подруги ее тоже печатали и перепечатывали (после правки) бесконечные варианты его книг, рукописи которых нельзя было дать простой машинистке. Мама ее очень любила и Лев тоже. Ее близкие друзья – Лев и Марина Шемилиовичи – стали близкими друзьями и мамы севой, и были долго «семейными врачами» для всех родных. По любому поводу им звонили».

⁷ Света – Светлана Леонидовна Иванова (род. 1940), дочь Р.Д. Орловой от первого брака, жена лингвиста В.В. Иванова, с 1990-х гг. живет в США.

⁸ Через много лет кто-то говорил, что Копелев просил разрешения на выезд из-за болезни жены – это совершенно не так. Л.З. Копелев и Р.Д. Орлова уезжали в Германию, поскольку оставаться в Москве им было опасно. Угрозы, которые Копелевы получали от КГБ, были вполне реальными. Я хорошо помню черное лицо моей мамы, вернувшейся как-то от Копелевых. Раисе Давыдовне позвонили по телефону и мужской голос сказал с насмешкой, что труп ее мужа валяется на углу – это было предостережение.

чувство у всех тут двойное: с одной стороны жуткая скука, пустота, оскудение – с другой стороны облегчение, спад того многолетнего напряжения, которое могла разрешиться убийством и чем угодно. А теперь у меня одна мысль: надо жить долго, долго жить и вам и нам, а тогда – увидимся обязательно, помяните мое слово. А вы должны мне верить, так как я ни одной минуты не верила в возвращение после этой поездки⁹, а значит, зарекомендовала себя в ваших глазах как человек трезвый, разумный, лишенный иллюзий (какая я и есть с раннего детства).

Теперь же я заклинаю вас не воспринимать происшедшее как трагическую неожиданность, а воспринимать как избавление от страшной опасности и как освобождение от пут (ибо Лев, лишенный

В отличие от определенной части диссидентов, Копелевы были противниками эмиграции. Они считали, что борьба за права советского человека должна осуществляться внутри страны. Друг Копелевых литературовед Е.Г. Эткинд (о нем будет ниже) так сформулировал взгляды противников отъезда в письме к зятю, попавшем в самиздат под названием «Воззвание к молодым евреям, уезжающим в Израиль»: «Зачем вам чужая свобода? Что с того, что вы сможете на площади перед Капитолием провозглашать лозунги? Ведь вы и теперь можете выйти на Красную площадь и требовать свободы для Анджелы Дэвис. Оттого, что вы воспользуетесь чужими демократическими свободами, у вас дома не введут многопартийной системы и не вернут из ссылки Павла Литвинова.» (http://magazines.russ.ru/novy_i_mi/2002/1/azadovsk.html).

⁹ Поездка по приглашению Г. Белля оформлялась на ограниченный срок «с исследовательскими целями для работы в архивах». Конечно, не одна только Н.А. Роскина считала, что Копелевых обратно в СССР не впустят, однако многим хотелось верить в их возвращение. Копелев писал потом: «Мы оба не хотели эмигрировать. Но я надеялся, рассчитывал, убеждал себя и Раю, что если нам разрешат поехать в гости к Беллю или по приглашению Дармштадтской Академии, то должны будут разрешить и вернуться. И для таких расчетов были основания. Когда весной 1980 года Эгон Бар, представитель с.-д. партии (тогда правящей) приехал в очередной раз в Москву, он сказал мне, что ему обещали: если в Германии я не буду выступать на политические темы, то через год-два могу вернуться. И я понадеялся на здравый смысл властей: ведь они бы на это время избавились от одного из настырных инакомыслящих, а я кончил бы книгу о докторе Гаазе и работу «Гете и театр», многое повидал бы, часть написанного оставил бы там на сохранение. Когда в ОВИРЕ нам сказали, что визу предоставят не на два года, как мы просили, а на год, я обрадовался: это ограничение подтверждало мои оптимистические прогнозы. «Неужели вы не хотите уехать?» – так меня спрашивали множество раз и московские, и зарубежные знакомые, приятели, корреспонденты... «Хочу не уехать, а поездить. Очень хочу, но только с обратным билетом». И мы действительно улетели из Москвы с обратными билетами: Франкфурт – Москва, 12 ноября 1981 года...» (Лев Копелев, Раиса Орлова. «Мы жили в Москве» www.imwerden.info/belousenko/books/kopelev/kopelev_orlova_moskva.htm). Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1981 о лишении Р.Д. Орловой и Л.З. Копелева советского гражданства был для них неожиданностью.

возможности сказать слово о Сахарове¹⁰, так сказать, «не смотрелся», и все вместе выглядело бредово и гораздо больше похоже на

1981. Январь. Копелевы узнали о лишении гражданства

---

¹⁰ Л.З. Копелев многократно выступал в защиту А.Д. Сахарова. См., например, заметки В. Корнилова «Бурная и парадоксальная жизнь Льва Копелева»: «Все больше друзей попадали в лагерь, и мы с Копелевым продолжали подписывать письма в их защиту. А в начале 1977 года в очередной раз сгустились тучи над А. Д. Сахаровым, и тогда мы с Львом обратились к главам государств и правительств ведущих стран мира с призывом защитить академика. Это письмо мы составили вместе: он написал шесть страниц, а я сократил их до одной; но что куда важнее – вместе его подписали. Реакция властей последовала мгновенно и была одинаковой. И его и меня исключили из Союза писателей, а вскоре вызвали в КГБ. Но вот его и моя реакции на этот вызов были разными. Получив повестку, я явился на Лубянку, где в течение нескольких часов меня выспрашивали, от кого я получал те или иные самиздатские книги и т. д. Я не отвечал и был доволен собой. Через несколько дней такую же повестку получил Копелев, и тут я понял, кто есть кто. К этому времени телефон у Копелева был отключен, и он пришел ко мне позвонить на Лубянку. До сих пор жалею, что не записал тот разговор! Лева был обаятелен, прост и одновременно величественен. Он сказал лубянскому собеседнику, что явиться к нему не может, поскольку такой приход противоречил бы нравственным правилам, которые он, Лев Копелев, изложил в своей изданной на Западе книге «Вера в слово». – Я надеюсь, вы читали ее? – спросил Копелев. Телефонный собеседник ответил, что не читал. – Прочтите, – сказал Копелев, – это расширит ваш кругозор.» (<http://www.lechaim.ru/ARHIV/113/kornilov.htm>). Естественно, и находясь за границей, Л.З. Копелев не переставал думать об А.Д. Сахарове, который в тот момент находился в ссылке в г. Горьком и прямо просил Копелева помочь, если не ему лично, то его родственникам (см., например, письмо А.Д. Сахарова от 9 октября 1981 – <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/4/kopel.html>).

сумасшедший дом, чем сейчас). Берегите себя, дорогие, именно в смысле здоровья и долголетия, которое оказалось так необходимо в наших условиях!

А кстати: ведь вы, наверное, получите гражданство ФРГ¹¹? Вот Гитлеру бы рассказать, во что Германия превратится, он бы удавился от злости.

О себе не могу сообщить ничего интересного. Сейчас я на бюллетене¹² – представьте себе, по депрессии, обычному спутнику рака [...]. Был у меня Барабанов¹³, хотел написать Струве¹⁴, что издать полностью дневник Суворина для него (Струве) честь (!!!) и

---

¹¹ Копелевы получили гражданство ФРГ в мае 1981 г., а паспорта и удостоверения в конце июня.

¹² Бюллетень «по болезни» членам Союза писателей, не состоящим в штате каких-либо учреждений, и литераторам, членам группомов при разных издательствах оплачивал Литературный фонд (официальное название «Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным»). Н.А. Роскина состояла членом группкома при Гослитиздате. Членство в группоме, помимо получения денег по бюллетеню (из расчета гонорарного заработка в предыдущие годы), давало и некоторые другие блага (не говоря уж о преимуществах, даваемых членством в Союзе). Например, помощь по организации похорон, право на путевки в Дома творчества, получение некоторых продуктов. В тяжелые по продовольственному обеспечению страны восьмидесятые годы члены Союза писателей и группомов получали еженедельные продовольственные пакеты – «заказы»: мороженая курица, банка консервированного зеленого горошка, банка майонеза, пачка печенья Юбилейное, ну, и еще по мелочи. А главное – членство в группоме было необходимо, чтобы иметь справку о своем социальном лице, то есть чтобы тебя не сочли тунеядцем.

¹³ Евгений Викторович Барабанов (род. 1943), историк русской философии и литературы.

¹⁴ Никита Алексеевич Струве (1931-2016), французский русист, издатель и переводчик. Н.А. Струве возглавлял в Париже русскоязычное европейское издательство «УМСА-Press». Через посредничество Е.Г. Эткинда в 1980 г. в этом издательстве была опубликована мемуарная книга Н.А. Роскиной «Четыре главы» (см. http://www.vtoraya-literatura.com/publ_1000.html). С конца 1970-х гг. Н.А. Роскина работала над прочтением и комментированием дневника известного журналиста и издателя А.С. Суворина (1834-1912). Единственное имевшееся в то время издание «Дневника» (редакция, предисловие и примечания Мих.Кричевского. М.; Пг., 1923) не отражало всей ценности его содержания, так как многие записи были опущены или прочитаны ошибочно. По разным причинам – в основном цензурным – публикация постоянно откладывалась и осуществилась только после смерти Н.А. Роскиной (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Текстологическая расшифровка Н. А. Роскиной, подготовка текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. М.: Изд-во Независимая газета, 1999). В переписке с Копелевыми обсуждаются разные возможности издания «Дневника А.С. Суворина» за границей и предположительные последствия такого шага. Эти темы затронуты также в переписке Е.Г. Эткинда с Н.А. Роскиной – см. Ефим Эткинд: переписка за четверть века. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

что он (Барабанов) готов написать предисловие; но с другой стороны, тут некоторые умоляют меня не делать этого, так как я могу причинить неприятности Волковой¹⁵. Хотя условия работы в архиве изменились чудовищно, стали похоже на 19 век, когда попасть в архив можно было только по особому распоряжению директора библиотеки или по царскому разрешению. Для того, чтобы получить материалы, надо принести отношение от издательства, что книга стоит в плане выпуска, а отношения из Союза писателей, к примеру, мало. Так что уж тут Волкова? Но говорят, что все же надо ее беречь, она хоть не антисемитка и не хамка.

Была я на похоронах Надежды Яковлевны¹⁶. Отпевание произвело на меня огромное впечатление. Да, это не коммунальные услуги, которые оказывает Литфонд¹⁷. Изумительно пел хор. Этот хор потом пел и у могилы, причем зажженные свечи стояли прямо среди живых цветов, что было неопишимо красиво, и Иру спросили какие-то простые старушки: «Это что, святую хоронят?» Можете себе представить, какое бешенство вызвал этот рассказ у Эммы Григорьевны¹⁸, она вопила: «Значит, надо оболгать полмира, чтобы тебя назвали святой?!?!»

Там же были и Маэль Фейнберг с Саней¹⁹. Маэль поскользнулась и упала, ударившись головой. Саня сказал: «Ну как же это ты, мамусик...» А чере две недели в писательском доме на проспекте Мира разыгралась такая драма: Саня со своей женой-мингрелкой (бывшей женой сына Маевского²⁰) поссорившись с матерью на тему раздела библиотеки Ильи Львовича и их 70-метровой квартиры, истязали Маэль, связали ей руки телефонным шнуром, сломали два ребра, а когда появилась милиция, вызванная Мстиславом Козьминым²¹, Саня кинулся убежать через окно и свалившись со

---

¹⁵ Наталья Борисовна Волкова (р.1924), филолог, в то время директор ЦГАЛИ.

¹⁶ Надежда Яковлевна Мандельштам (1899-1980), вдова поэта Осипа Мандельштама, была похоронена 2 января 1981 г. на Старо-Кунцевском кладбище, после отпевания по православному обряду.

¹⁷ См. прим. №7.

¹⁸ Эмма Григорьевна Герштейн (1903-2002), литературовед, смолоду дружила с Мандельштамами и с А.А. Ахматовой. О ее крайне критическом отношении к «Второй книге» Н.Я. Мандельштам см. в книге: Э.Г. Герштейн «Мемуары». СПб.: Инапресс, 1998

¹⁹ Маэль Исаевна Фейнберг-Самойлова (1925-1994), литературовед, вдова пушкиниста Ильи Львовича Фейнберга (1905-1979), и их сын, филолог Александр Ильич Фейнберг (1947-1980).

²⁰ Видимо, речь идет о дипломате Викторе Васильевиче Маевском и его сыне Евгении (род. 1944).

²¹ Мстислав Борисович Козьмин (род. 1920), литературный критик, в 1979-88 гг. главный редактор журнала «Вопросы литературы».

второго этажа, покалечился до смерти (умер наутро в больнице). Все трое, видимо, не вполне нормальные люди. Эта трагедия потрясла всех. Когда-то меня с Маэль познакомила Лидия Корнеевна²², тогда любившая и меня, и Маэль, но потом разлюбившая как Маэль (сначала), так и меня.

Звонила мне Сара Бабенышева²³ – по поводу того, что прочитала мои воспоминания о Заболоцком (в журнале)²⁴. Очень хвалила. На мой вопрос о ее новостях неохотно ответила, что их нет...

30 декабря хоронили Верочку Острогорскую²⁵. Похороны были ужасно трудные – ехали из дому далеко-далеко в морг, а потом еще дальше – в новый крематорий²⁶. Дома Юра²⁷ не захотел никого собирать и просто разошлись. В гробу она была неузнаваемая – во-первых, парик (все волосы вылезли от химии), во-вторых, цвет лица желто-серый, в-третьих, все черты как-то исказились, хотя умерла она во сне, ничего не почувствовав (а впрочем – кто это знает?). Народу было немало, но удивляло отсутствие, к примеру, Трифонова с Олей²⁸, да бог с ними...

Раечка, я читала в Вашем письме к Инне²⁹, что Вы прочитали роман Гроссмана³⁰, я по этому поводу пишу Ефиму³¹, прошу Вас, если

---

²² Об отношениях Н.А. Роскиной с Лидией Корнеевной Чуковской (1907-1996) см. в комментариях к их переписке, опубликованной на <https://www.chayka.org/node/7713>.

²³ Сара Эммануиловна Бабенышева (1910-2007), литератор, в 1970-е годы сотрудница Фонда помощи политзаключенным и их семьям, мать диссидента Александра Бабенышева, была близкой подругой Р.Д. Орловой.

²⁴ Воспоминания Н.А. Роскиной о Н.А. Заболоцком были напечатаны в журнале «Время и мы» №48.

²⁵ Вера Давыдовна Острогорская (ум. 1980), редактор издательства «Советский писатель», приятельница и соседка Копелевых и Н.А. Роскиной по писательским домам у метро «Аэропорт».

²⁶ Николо-Архангельский крематорий, открытый в 1973 г.

²⁷ Юра – Юрий Михайлович Острогорский (род. 1947), сын В.Д. Острогорской, врач.

²⁸ В.Д. Острогорская дружила с писателем Ю.В. Трифоновым (1925-1981), с его последней женой Ольгой Мирошниченко (род. 1938) и сама по себе и через друга и редактора Ю.В. Трифонова Софьей Дмитриевной Разумовской (ум. 1981), женой писателя Даниила Семеновича Данина (1914-2000). Это был один «круг».

²⁹ Инна Густавовна Варламова (1923-1990), писательница и переводчица, с 1970-х гг. стала «подписанткой», то есть подписала несколько писем в защиту диссидентов, после чего ее перестали печатать. Она близко подружилась с Копелевыми и была в курсе всех их дел, тем более что после переезда Копелевых в дом 29 из дома 21 они оказались в одном подъезде. До переезда Копелевы жили на первом этаже, что было для них опасно см. в книге Л.З. Копелев и Р.Д. Орлова «Мы жили в Москве»: «В 1976 году в нашей квартире на первом этаже дважды разбили окна. В первый раз это произошло через несколько дней после того, как в соседнем доме «неизвестные» проломали голову Константину Богатыреву» (цитируется по <http://coollib.net/b/27149/read>).

нетрудно, ему переслать, меня этот роман потряс и я счастлива, что и Вас тоже (как Вы успели так быстро прочитать такую громадину?), сейчас даю ее Инне, вернее, даю предыдущее³², а то она успела забыть начисто все содержание, кто-кто. Ефим-благодетель прислал мне, дай ему бог здоровья.

Милые мои, как часто иду и думаю – вот мелькнет длинная дубленка на стройной фигурке или же короткая дубленка на огромной фигуре, но увы, многих я тут уже не вижу, кто создавал нам настоящую жизнь и заплатил за это...

Целую крепко, крепко, Ира присоединяется.

Любящая НРоскина

От Н.А. Роскиной Копелевым

10 марта 1981

Дорогие! По просьбе Жени Пинской³³ и Гриши Померанца³⁴ посылаю Вам гришину речь – они мечтают, что ее где-нибудь напечатают³⁵. (Кстати, телеграмму вашу Женя получила, благодарит).

---

³⁰ Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба».

³¹ Ефим Григорьевич Эткинд (1918-1999), филолог, историк литературы, теоретик перевода. В 1960-1970-х годах – диссидент. С 1974 г. жил в Париже. С Копелевыми Эткинд дружил издавна, во время войны они вместе работали пропагандистами на фронте (см. <http://www.lechaim.ru/arhiv/113/kornilov.htm>). В письмах Е.Г. Эткинду (см. Из переписки Е. Г. Эткинда с Н. А. Роскиной / Комм. И. В. Роскиной и А. А. Раскиной. Russian Studies: Ежеквартальный русский филологии и культуры, III/4, СПб.: Эрмитаж, 2001. Стр. 321-[398]) Н.А. Роскина часто упоминает Копелевых. Там же Н.А. Роскина подробно благодарит Е.Г. Эткинда за то, что ему удалось издать роман В. Гроссмана. Например в письме Е.Г. Эткинду от 28 января 1981 г. Роскина пишет: «Спасибо Вам и кроме спасибо еще и низкий поклон за то, что Вы сделали для издания этой книги». (Эткинд и большую текстологическую работу провел и буквально пробил книгу в печать – многие издатели считали, что роман слишком длинный). Н.А. Роскина высоко оценила роман «Жизнь и судьба», а кроме того к В.С. Гроссману у нее было личное отношение: Василий Семенович дружил с ее отцом и был одним из немногих, кто считал нужным проявлять заботу о дочери погибшего на фронте друга.

³² Роман В. Гроссмана «За правое дело».

³³ Евгения Михайловна Лысенко (1919-2005), переводчица, вдова литературоведа и философа, диссидента Леонида Ефимовича Пинского (1906-1981).

³⁴ Григорий Соломонович Померанц (1918-2013), философ, диссидент, публицист.

³⁵ Речь Г.С. Померанца на похоронах Л.Е. Пинского была опубликована в парижском журнале «Синтаксис» (№9, 1981 – в том же номере впервые по-русски, в переводе Е.Г. Эткинда, опубликована беседа Л.З. Копелева и Г. Белля «Почему мы стреляли друг в друга?»). Г.С. Померанц говорит о трагической судьбе Л.Е. Пинского, о его страсти к правде и попытках постичь Господа разумом. В книге «Мы

жили в Москве» Копелев говорит: «Мой старый друг Леонид Ефимович Пинский, философ, литературовед, бескорыстный покровитель молодых поэтов и художников, самозабвенный собиратель, изготовитель и распространитель всяческого самиздата...». Дома у Пинского (он жил в тех же писательских домах у метро Аэропорт, в доме №25) проводились регулярные встречи, где обсуждались вопросы философии, литературы, искусства и общественной жизни. В работе этих семинаров принимал участие и Г.С. Померанц. Считается, что именно Пинский ввел в обиход слова «диссидент» и «диссидентство» как обозначение сообщества инакомыслящих (см. А. Ю. Даниэль. «Диссидентство: культура, ускользящая от определений?»: «По устному сообщению Александра Гинзбурга, приоритет в изобретении слова «диссидент» принадлежит не иностранным корреспондентам, а писателю Л. Е. Пинскому, человеку, который хотя и не участвовал активно в диссидентской деятельности, по несомненно является одним из духовных отцов диссидентства — во всяком случае, многие известные диссиденты относили его к своей «референтной группе»). Слово «диссидент» Пинский употреблял исключительно в ироническом контексте.» (<http://ec-dejavu.ru/d-2/Dissident.html>). Сейчас это сообщество представляется довольно однородным. Однако тогда в инакомыслии было много разных аспектов. Копелевы, посещавшие встречи у Пинского и как слушатели и как выступающие, считали необходимым отмежеваться от ярлыка: «Многие из тех, кто придерживается иных взглядов, кто становится приверженцем какой-либо религии, идеологии, участвует в комитетах, редколлегиях, группах и др., внушают мне глубокое уважение, симпатию, некоторые вызывают восхищение... Но я хочу жить по-своему и могу состоять лишь в таких организациях, которые, подобно ПЕН-клубу, предполагают неограниченную индивидуальную свободу, разномыслие, исходя из того, что все независимые друг от друга участники согласны между собой в самых общих принципах и никто никому не начальник... У нас понятие «диссидент» приобрело почти партийную определенность. Таковы уж, видно, традиции... Универсальность этого понятия, как его толкуют многие инкоры и, конечно же, власти, по-моему, ложна... Недавно я выбросил в мусорную корзину послание некой группы «бывших политзаключенных», которые злобно носят «либеральную интеллигентшину-образованщину», призывают к борьбе против «сахаровщины». Сегодня я убежден, что в России, подчеркиваю, именно в России, так как не решаюсь судить о других частях нашей империи, любой нелегальной, подпольной или даже полуполигальной оппозиционной группе почти неизбежно угрожает заражение БЕСОВЩИНОЙ и вульгарнейшим провокаторством. Иногда я слышу возражения, что все же польза от оппозиционной деятельности перевешивает вред, причиняемый такими попутными явлениями. Ссылаются на пример большевиков, которые победили, несмотря на бесовский фанатизм Ленина и на всех провокаторов. Но я думаю, что побеждали они не столько вопреки, сколько благодаря своей бесовской природе. И «спасибо за такую победу!» Другие возражающие полагают, что сила добра, заключенного в нашем диссидентстве, преодолет в конечном счете бесовщину и мрак будет отеснен светом. Готов согласиться с этим... Но главное для меня все же в том, что не только злые бесы, но и самые добрые, самые благородные деятели, претендующие на то, что именно они «знают, как надо», убежденные в своем праве руководить, предписывать, настойчиво советовать, указывать, призывать под знамена, мне совершенно противопоказаны. Как правило, подписываю только такие коллективные письма, которые защищают конкретных людей или содержат конкретные предложения (например, политическая амнистия, отмена смертной казни, возвращение крымских татар на родину и др.). ...И если окажусь за рубежом... то надеюсь жить и поступать именно так, как живу и поступаю здесь, оставаясь

Итак, еще одни похороны за эту тяжелую зиму. Первую речь в крематории сказал Аникст³⁶, это было немножко бесцветно, в особенности по сравнению с Гришей³⁷, но все же тепло и симпатично, вообще он очень верный друг, в этом все мы уже давно успели убедиться. Потом дома, на поминках, он хорошо сказал. Народу были толпы, как при выносе из дому, так и в крематории, и дома – но, конечно, обращало на себя внимание, что большинство было моего возраста, то есть тех поколений, кому он еще читал курс, а молодежи было меньше, чем могло бы быть. Помню, как в 56 году я встретила с ним у Н.Я. Мандельштам и познакомилась уже не как студентка, а как взрослая; он был только из лагеря и сказал мне, что не жалеет о том, что его не взяли обратно в университет, так как он больше не мог бы лгать студентам («я и при Сталине-то говорил так, что они опускали глаза...» – да, я это отлично помню!) Гриша рассказывал, что когда они начали свои философские беседы, еще до войны, Пинский развивал ему такой марксизм, что Гриша спросил: «С такими взглядами, почему же вы не в партии?» И он ответил, что во время коллективизации был в деревне... Умер от метастазов в мозг, сорок один день лежал уже совсем обездвиженный, почти без речи и т.д.

предельно свободным и неподвластным никому, кроме своей совести...» (см. «Мы жили в Москве»).

³⁶ В предисловии к книге Л.Е. Пинского «Магистральный сюжет» (М.: Советский писатель, 1989) А.А. Аникст пишет: «Я не встречал за всю мою жизнь такого огромного, поразительного интеллекта, как у Пинского, хотя всегда старался дружить с теми, кого считал умнее себя».

³⁷ Сравни с воспоминаниями П. Нерлера: «Сегодня хоронили Пинского, прощались с Пинским. И в квартире в 12 часов, и в крематории (Донском) было много народу. Леонид Ефимович в гробу был очень красив, только губы искусаны (умирал он, говорят, в страшной агонии – у него был рак легких). На двух рисунках, изображающих его в гробу и уже висящих на стене его кабинета (как я себя корю, что откладывал и откладывал свою просьбу о встрече с ним!), он даже как бы силился, что ли, приподнять в гробу голову. «Блаженны умершие» – это была его первая фраза в нашу первую встречу. «Воистину блаженны». В крематории говорили только два человека – Аникст и Г. С. П. Оба говорили хорошо и от сердца, но оба по-разному и о разном. Аникст – поставленным голосом, немного риторически, нег, ораторски - подводил итог значению Пинского-ученого и доблестям Пинского-ученого. Для него Пинский не только литературовед, но еще и - сквозь литературоведение - еще и философ. Для Померанца (он говорил тише, человечнее - волнуясь и волнуя) этих «не только» и «еще и» не существует. Пинский для него - мыслитель, причем религиозный мыслитель, достигший стадии «томления по томлению». Во-вторых, Пинский для него еврей и в этой связи, поэтому (вот что интересно!) правдоборец. Он говорил об исконной тяге еврейского народа к правде, о борьбе за это. Да, еще меня поразила мысль Г. С. П. о разговоре каждого со смертью: хотя бы минутном». <http://www.lechaim.ru/ARHIV/253/nerler.htm>

Сегодня я видела страшный сон, длинный, сюжетный – смысл его был тот, что Войновича³⁸ уговорили вернуться и убили, и я на его похоронах. Я думаю, сон этот у меня возник из-за того, что я видела Софью Ханановну³⁹, которая мне сказала, что до нее долетел слух, будто вы хлопчете о возвращении⁴⁰. Боже вас упаси от этого безумства. Может быть, мое письмо, в котором я пишу – вот видела того-то, была там-то – ранит вас своей невозможностью увидеть то же самое, но вокруг вас жизнь, нормальная и гуманная, а вокруг нас мертвечина и депрессия, а то и похуже кое-что.

Если будете общаться с Ефимом Григорьевичем⁴¹, то, пожалуйста, ему скажите, что я получила его записочку, посланную на Лидию Корнеевну⁴², но не получила тех пяти экземпляров моей книжки⁴³, о высылке которых он в этой записочке меня извещает еще в начале января. Прошел год, а я так и не получила ни хрена, обидно, хочется же дарить... надписывать... словом, упиваться, авторством.

Из книжных новостей – вышел двухтомник Цветаевой⁴⁴, очень хорошо составленный Саакянц⁴⁵, комментарий ее замечательный. Членам Союза ее уже не в лавке⁴⁶ распределяют, а выше. Я купила за 60 р. Вышел мифологический словарь⁴⁷, говорят, что из всего, что когда-либо издавало изд-во Энциклопедия, это самое лучшее, там и

---

³⁸ Владимир Николаевич Войнович (род. 1932), писатель. С конца 1960-х принимал участие в правозащитной деятельности, в декабре 1980 был выслан из СССР и в начале 1981 лишен гражданства. В 1990-м году, восстановив гражданство, вернулся в СССР.

³⁹ Софья Ханановна Минц – секретарь А.Т. Твардовского в журнале «Новый мир».

Софья Ханановна с семьей жила на Красноармейской в доме 25. Кажется, они эмигрировали в США.

⁴⁰ Это были ложные слухи.

⁴¹ Е.Г. Эткинд.

⁴² Л.К. Чуковская.

⁴³ Мемуарной книжки Н.А. Роскиной «Четыре главы» (Париж, YMCA-Press, 1980).

⁴⁴ М. Цветаева «Сочинения в двух томах». Москва, Художественная литература, 1980.

⁴⁵ Анна Александровна Саакянц (1932-2002), литературовед, специалист по творчеству М. Цветаевой.

⁴⁶ О создании и первых годах работы Книжной лавки писателей см. воспоминания М.А. Осоргина в журнале «Наше наследие», 1989, №6 (публикация С. Шумихина) http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0100.shtml. Примечательно, что Осоргин рассказывает, что «каждый человек, пришедший с улицы, мог купить [в Книжной лавке] книгу без разрешения». В наше время многие книги продавались там только по предъявлению членского билета Союза писателей, а иногда и этого мандата было недостаточно.

⁴⁷ Мифологический словарь - энциклопедия Мифы народов мира. Москва: изд-во Советская энциклопедия, 1980.

Запад и Восток, и античность; но пока не достала. Еще пользуется успехом «Золотая ветвь»⁴⁸ – история религий и мистических учений, тоже удалось только полюбоваться. В общем, вы же знаете, что тут много хорошего, но только это хорошее недоступно, зато плохое доступно каждому и каждый его хлебает. Может, мне и грешно бранить эту жизнь, в которой остались ваши дети (да и сама я на бюллетене и хлебаю из Литфонда), но что поделаешь, если на ум ничего другое не идет, как чертыхать ее... Вот и с Инной⁴⁹ на днях говорили, что мы с ней в этом смысле одинаковы – выключились из жизни и воспринимаем ее как какую-то настоящую чертовню.

О вас много знаю, но чего-то внешнего, вроде встречи с Крайским⁵⁰ в театре, конечно, весьма эффектная сцена, но хочется больше про ваше душевное состояние.

Я чувствую себя неважно, вылезти из депрессии не могу, хотя принимаю массу лекарств. Всю жизнь я считала Пинского безумцем, а вот теперь принимаю все его лекарства (Женя отдала целый мешок), да еще в больших дозах, и безо всякого толку, видимо, нужно их сменить, жду Дашевского⁵¹, который в отпуске.

Масса людей спрашивает о вас, кланяется, конкретно вот Софья Хан<ановна>, Юра Дружников⁵², Данины, Рунины⁵³. А также

---

⁴⁸ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. М. К. Рыклина. - Москва: Политиздат, 1980.

⁴⁹ Инна Варламова – см. выше.

⁵⁰ Бруно Крайский (1911-1990), австрийский государственный деятель, в 1970-1983 гг. федеральный канцлер. Встреча с ним была потом описана в книге Л.З. Копелева и Р.Д. Орловой «Мы жили в Кельне» (Фортуна Лимитед, 2003, стр. 48): «Мы сидели рядом с Крайским. Он заговорил: «Вы меня не знаете, а я Вас знаю, я – Крайский». Об отношении Крайского к Копелеву при их последующей встрече на конференции см. в письме Л.З. Копелева к М. Орловой от 24 мая 1982 года в ее публикации писем Л.З. Копелева и Р.Д. Орловой в журнале «Знамя» №4, 2012 - <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/4/ko10.html>

⁵¹ Игорь Яковлевич Дашевский, врач-психотерапевт в поликлинике Литфонда.

⁵² Юрий Ильич Дружников (1933-2008), писатель, диссидент. До 1987 г. «сидел в отказе» (то есть ему не давали разрешения на выезд). В эмиграции опубликовал несколько книг, над которыми работал еще в Москве. Ю.И. Дружников ценил свою дружбу с Н.А. Роскиной, в частности, неизменно тепло и уважительно вспоминал, что именно она ввела его в дом к В.С. Гроссману. Только сейчас я заметила, что неоднократно перепечатываемый мемуарный отрывок Дружникова, многолетнего члена редколлегии нью-йоркского журнала «Время и мы», впервые был опубликован в первом (самом первом) номере журнала «Чайка» в 2001 г.

множество совершенно неизвестных вам людей, которые за вас болеют. И всем тут чрезвычайно нравится Люся⁵⁴, мне в том числе – такая умная, ироничная, обаятельная. Мы мечтаем, чтобы она подольше тут пожила со своей собакой – я с ней частенько прогуливаюсь. Мне кажется, их гнать не будут, никто не настроен агрессивно, думаю, что и деньги отдадут⁵⁵. (Конечно, план Левы, что она переведет пай на себя, произвел обалденное впечатление – нет, Леву, видно, уже ничто не научит практическому разуму, если уж и Кант не научил).

Неожиданно скоропостижно умер актер Олег Даль⁵⁶. Инфаркт у Евстигнеева⁵⁷. Тяжелый инфаркт у Коли Котрелева⁵⁸ – в сорок-то лет! И при четырех детях. Жена Азадовского⁵⁹ получила полтора года, а на днях будет суд над ним, но обвинение, вопреки ранее ходящим слухам, только в хранении наркотиков, и он тоже не получит более полутора лет. Так сказал его адвокат.

---

⁵³ Борис Михайлович Рунин (1912-1994), литературный критик, публицист, его жена Анна Дмитриевна Мельман (1916-1984), переводчица и редактор (литературный псевдоним Анна Дмитриева). Рунин и Данин (см. выше) подружились еще во время Великой Отечественной войны, когда служили, вместе с отцом Н.А. Роскиной, в московском писательском ополчении. Рунин тепло вспоминает А.И. Роскина, как и других не вернувшихся с войны, в очерке «Писательская рота» («Новый мир», 1985, №3). С середины 1960-х гг. Данины, Рунины и Н.А. Роскина стали соседями по дому 27 на Красноармейской улице.

⁵⁴ Сестра Р.Д. Орловой, см. прим. №1.

⁵⁵ По уставу кооператива «Советский писатель» (наверное, единому для всех кооперативов) в случае убывания (проще говоря, в случае смерти) ответственного съемщика наследник имел право пользоваться квартирой в течение шести месяцев, после чего он должен был сдать ее в кооператив и получить пай, то есть уплаченные за квартиру деньги за вычетом амортизации. Если наследниками оставались члены семьи убывшего, с ним проживавшие, то квартира (лицевой счет вместе с паем) переводилась на них, и они могли продолжать жить там. Наследники, не проживавшие с убывшим и не принадлежавшие к писательской братии, в наш кооператив обычно не принимались. А уж в случае лишения гражданства – случае уникальном и беспримерном – предполагать такую возможность было наивно.

⁵⁶ Олег Иванович Даль (1941-1981), актер.

⁵⁷ Евгений Александрович Евстигнеев (1926-1992), актер.

⁵⁸ Николай Всеволодович Котрелев (род. 1941), филолог, переводчик.

⁵⁹ Константин Маркович Азадовский (род. 1941), филолог, германист. В 1980 г. против него и его жены Светланы КГБ сфабриковало обвинение, по которому он отбыл два года в лагере в Магаданской области. Азадовский был знаком с Копелевым с начала 1960-х гг. и обычно бывал у них, приезжая из Ленинграда в Москву. После лишения гражданства Копелев сделал заявление, транслировавшееся по радио «Немецкая волна» и опубликованное в газете «Русская мысль» (19 февраля 1981), где говорил, частности, о несправедливом осуждении Азадовского – См. также письмо Р.Д. Орловой от 12 октября 1981. Впоследствии Азадовский неоднократно писал и рассказывал о Л.З. Копелеве (см. например, <http://echo.msk.ru/programs/time/883196-echo/>).

Напишите, что вам хочется? Ну, из реального, а то еще Лева скажет, перевести пай на Люсю, а это не в моей власти.

Крепко целую.

Любящая Роскина

От Н.А. Роскиной Копелевым

28 апреля 1981

Дорогая Рая! Если мои письма интересны вам, то это для меня отрада, ведь это лишь малая компенсация того, что вы давали нам тут, весь наш уровень жизни был иным – по насыщенности, по обилию информации, чтения, бесед и пр. Сколько мы этим цинично пользовались – стыдно вспомнить, а вместе с тем иногда же все же и стеснялись тоже, а это уже утрачено безвозвратно... Что же касается меня лично, то я после вашего отъезда просто рухнула. Причин много – полное истощение всех физических и душевных сил накапливалось, конечно, годами, да и генетически я дохлая; но ваш отъезд, представьте, отразился на мне больше, чем я ждала. Ощущение того, что больше нет защиты, не к кому бежать, что все, все кончилось, и если начнется что-то плохое, то теперь уж оно рухнет на меня. Ходила ко мне тут Инна Лисн<янская>⁶⁰ – брала и возвращала Гроссмана⁶¹ – и говорит, что вызывали печатавшихся в «Континенте» и в «Вестнике» («Время и мы» будто бы пока нет)⁶², но так все темнила, не называла имен, не называла даже места, куда вызывали, якобы дала слово, в общем тот род сообщений, который я ненавижу (волнуйтесь, подробности письмом). Про Гроссмана она сказала «потрясающе», однако книгу мне истрепала до того, что она развалилась; другие говорили «скучно», «допотопно», «нехудожественно», зато возвращали в аккуратном виде. Вот и выбираю теперь, кто мне ближе по духу.

«Я чувствую сумерки во всем моем существе, и все впечатления доходят до меня, как звуки удаляющейся музыки. Хорошо или плохо, но я чувствую, что я достаточно жил», – пишет Тютчев своей жене в 1866 г. Значит ли это, что сумерки во всем? Вправе ли я переносить свое ощущение на моральную обстановку вокруг? Увы, боюсь, что да,

---

⁶⁰ Инна Львовна Лиснянская (1928-2014), поэтесса.

⁶¹ То есть книгу В. Гроссмана «Жизнь и судьба» (Lausanne, L'Age d'Homme, 1980).

⁶² «Континент», «Вестник русского христианского движения», «Время и мы» - эмигрантские журналы, чтение их в СССР грозило неприятностями, не говоря уж о печатании в них.

да и мои сумерки вряд ли так страшно углубились бы... Вспоминаю и Ваши попытки сформулировать свой отход (диссиденты узки, люблю внуков и проч. и проч.) – ведь по сути дела это было то же самое истощение, общее истощение, а не личная усталость.

Счастлива я, что Вы перестали воспринимать Европу сквозь призму своего «крушения». В юности у меня было стихотворение со строкой «и капли слез качают мирозданье» (впрочем, может быть, я откуда-то ее сперла). Ой, милая Рая, сколько раз мы все тут представляли ваши слезы и плакали с вами. Но, как говорится, «делайте конец». Совершенно ясно, что постепенно все дети так или иначе к вам перекажутся (вот когда вы особенно начнете ценить мою готовность писать вам подробно).

Острота про Шостаковича «Невозвращение Максима»⁶³ – дошла уже до Парижа?

Я ничего не делаю по работе, а занимаюсь тем, что вкладываю свои сбережения в ценные вещи. Инне⁶⁴ я вообще даже не рассказываю про это, настолько у нее нет ни денег, ни подобных интересов, а Эмме Григорьевне⁶⁵ рассказываю, чтобы побесить ее. Ира в отчаянии от моего оскудения умственного и сберкасного, но я думаю, что я делала неглупо (учитывая полную неспособность к умственному труду – ведь не зря же мне три месяца подряд давали больничный). Да, кстати, напишите, имели ли успех подарки⁶⁶ – или вы совсем не соображали в те дни? Это я к тому, что быть может от вас пойдут еще подобные запросы, так прошу их направлять ко мне.

Одному приятелю я сказала: «У меня в жизни были три страсти. В молодости любовь, потом научное и литературное творчество, потом – в старости – серебро. Он ответил: «Примерно так же говорил о себе Россини. У него было три ярких впечатления. Первое – когда он услышал игру Паганини. Второе – когда его собственная опера (забыла, какая⁶⁷) провалилась. И третья – когда был пикник на море и жареная пулярка упала в воду».

---

⁶³ Максим Шостакович, дирижер и пианист, сын композитора Дмитрия Шостаковича, в 1981 г. не вернулся из ФРГ, где был на гастролях. Обыгрывается название известного советского художественного фильма «Возвращение Максима» («Ленфильм», 1937 г., режиссёры Григорий Козинцев и Леонид Трауберг) о рабочем-революционере Максиме.

⁶⁴ И.Г. Варламовой.

⁶⁵ Э.Г. Герштейн.

⁶⁶ Перед своим отъездом Копелевы попросили Роскину купить им мелочей для подарков за границей.

⁶⁷ «Севильский цирюльник».

Большое спасибо за хлопоты о моем Суворине. Я, возможно, пошлю свою статью о дневнике⁶⁸, если бог даст силы написать ее. (Частично она написана, но надо в другом ракурсе). Для этого нужно ожить физически и нравственно, поверить, что еще что-то кому-то интересно. Но пересылать дневник целиком, пожалуй, все же не буду по ряду причин: качество публикаций низкое; боюсь навредить Волковой⁶⁹, последнему порядочному человеку в московских и ленинградских архивах; боюсь, новой угрозы себе. Да, боюсь, боюсь! Я готова признаться вам, что какую-то долю моего теперешнего депрессивного состояния следует отнести за счет зажатого страха. Я ждала реакции (да ведь и кто знает, она могла же быть) на выход книги⁷⁰, и вот теперь, когда год уже миновал, я осознала это и призналась в этом себе. А ваш отъезд усилил это чувство, как смерть родителей снимает преграду между нами и смертью...

Читаю мало и неохотно. Впрочем, сегодня прочитала 4 номер «Нового мира», в котором Инна Гофф⁷¹ подробно разбирает вопрос об отношениях Чехова с Авиловой. Воображаю, какую рожу корчит Чехов на Новодевичьем, но так как туда не пускают⁷², мы этого не видим. Переживает и пережевывает Гофф общеизвестные вещи (письма, мемуары, за исключением дневника Авиловой, которого раньше не знали и в котором нет речи о Чехове, ибо его мог прочитать муж). Послушайте, это же обалдеть! Значит, так. Есть ли Бог на небеси – этого в «Новом мире» обсуждать нельзя. Есть ли творог в нашей молочной – этого тоже обсуждать нельзя. А вот какие нюансы были в отношениях Чехова с Авиловой – это чудно, это как раз для нашего журнала, дорогая Инна Анатольевна, как тонко вы все это поняли. Кстати, эта Анатольевна звонила мне, нудила по телефону часа два, и я честно сказала ей свое мнение: если бы Чехов и Авилова нормально трахнулись, как все порядочные люди, все было бы в порядке. И умора, что отражение моего высказывания я нашла в журнале, но, разумеется, сказано так, что дочери детей членов правительства могут читать и не развратиться.

---

⁶⁸ Эта статья – «Дневник Суворина как архивный документ» - была напечатана уже после смерти Н.А. Роскиной в журнале «Новое литературное обозрение» (1995, № 15. - С. 130-136).

⁶⁹ См. выше.

⁷⁰ То есть на публикацию за границей книги «Четыре главы» (Париж : YMCA-press, 1980).

⁷¹ Повесть писательницы Инны Анатольевны Гофф (1928-1991) «Двух голосов переключка: [о взаимоотношениях А. П. Чехова и Л. А. Авиловой]».

⁷² В конце 1970-х-начале 1980-х гг. кладбище было закрыто на реконструкцию. О памятнике Чехову на Новодевичьем кладбище см. публикацию http://www.ng.ru/archivematerials/2010-01-01/44_memorial.html.

Еще, по-моему, не было письма, в котором я не описывала бы вам чьи-нибудь похороны. Теперь – Трифонов. Умер он точно так же, как Левка Гинзбург⁷³, врач шел на камень, а нашел рак, а на вскрытии уже выяснилось, что рак был и во второй почке. Оля⁷⁴ всегда была неслыханная врунья, патологическая, и вот она наплела Данину, что якобы уже летом в Париже было известно, что у него рак, что он обречен, что она дала себе слово никому не говорить, одна носила в себе тайну и проч. и проч. Наш доверчивый добряк (с Лево⁷⁵ могла бы быть история в этом роде) взял, да и брякнул все это вслух на панихиде на кладбище. И вот дикий скандал: во-первых, как она могла скрыть от родной дочери⁷⁶, во-вторых, где же были врачи, отпускавшие его не только в Париж, но и в Пицунду, в-третьих, всякие денежные склоки. Если бы не эта мерзкая деталь, то похороны были достойные, народу было (именно не литературного, читательского) множество. Данин сказал еще: «А не побоятся ли нам слова «гений»? Это взбесило всех присутствующих членов СП, и на обратном пути некоторые не скрывали своего благородного гнева. А честно говоря, лучшие вещи Трифонова ничуть не хуже не лучших (но и не худших) вещей Чехова, и вся разница в том, что с Авилевой он бы переспал за милую душу.

Когда уезжал Володя Войн<ович>, он спрашивал, нет ли поручений. Я сказала, что не против получить хоть что-то за книжку, ведь она же явно очень хорошо разошлась, ну пусть хоть дублинку или кожанку пришлют, пока что – ни ответа, ни привета. А между тем в Ленинграде посадили какого-то историка, печатавшегося в загранке, за то, что он получил гонорар какими-то магнитофонами. Я, конечно, не жду, что мне прямо угрожает лесоповал, но все же если это будет делаться, то поконспиративнее.

Ефим прислал мне на Л.К.⁷⁷ записочку, что наконец-то может выслать мне 5 экз. моей книги, но до меня дошла одна лишь записочка, а книги нет как нет, хотя он пишет именно, что посылает все вместе. Не Л.К. же ее зажилила! Просто бог знает что происходит. И это, кстати, тоже один из симптомов общего развала, дезорганизации, опустошения.

---

⁷³ Лев Владимирович Гинзбург (1921-1980), переводчик (в основном с немецкого) и публицист, автор ряда антифашистских статей.

⁷⁴ Ольга Романовна Трифонова (урожд. Мирошниченко) – см. выше.

⁷⁵ Имеется в виду Л.З. Копелев.

⁷⁶ Ольга Юрьевна Трифонова (в замуж. Тангян; род. 1951), дочь писателя Ю.В. Трифонова, филолог, живет в Дюссельдорфе (Германия). Ее воспоминания о семье печатались в журнале «Чайка».

⁷⁷ Л.К. Чуковская.

Что слышно про Сережу Дедюлина⁷⁸? Как хочется, чтобы ему было хорошо!

О приговоре Кости Азадовского вы, конечно, уже знаете. На суде он был похудевший, осунувшийся, его тюкнули по голове так, что было сотрясение мозга (только не пойму, кто тюкнул, надзиратель или уголовник); все это, конечно, очень действует на нервы читателей Инны Гофф [...].

Сегодня заходила Сашенька Раскина⁷⁹, но, увлеченная созданием детского праздника по случаю рождения дочери⁸⁰, не могла сесть за письмо, а просто просила всех целовать, кланяться, передать лучшие чувства. У них все в порядке и Кот⁸¹ тоже нормализуется после своей тяжелейшей истории с переломом ноги. Их жизнь какая-то естественная, не так деформировавшаяся, как у других. Они продолжают наслаждаться играми, устраивать детство детям и прочее.

С евреями плохо:⁸² вызовы совершенно не доходят, а продления перестали принимать, и вот эта категория людей, так близко связанная с всей интеллигенцией двух столиц, тоже оказывает свое мрачное действие на общую психику.

Мое письмо адресовано Рае, Леве, Ефиму, – упоминаю это потому, что Ефим сетует на мое молчание, хочет переписываться открытой почтой. Предлагает больше кодировать, а дело доходило до того, что иногда я в его письмах понимала половину (это при том, что они были очень коротенькие); мне же некоторые друзья давали строгаха за то только лишь, что я в письмах к нему упоминала об их болезнях. Получалась форменная ахинея. Нет, уж лучше длинно и откровенно, закрытыми путями, пока они у нас еще есть. (Боюсь, что ненадолго).

---

⁷⁸ Сергей Владимирович Дедюлин (род. 1950), литератор. Занимался историей самиздата, составлял его биобиблиографический словарь. Участвовал в выпуске сборников «Память». В 1981 эмигрировал во Францию, работал в редакции газеты «Русская мысль».

⁷⁹ Александра Александровна Раскина (род. 1942), лингвист, переводчик, автор мемуарных очерков. С 1991 г. живет в США. Копелевы знали Сашу Раскину с детства, так как дружили еще с ее родителями, писателями Фридой Абрамовной Вигдоровой (1915-1965) и Александром Борисовичем Раскиным (1914-1971).

⁸⁰ Дочь А.А. Раскиной и ее мужа математика Александра Дмитриевича Вентцеля (род. 1937) Анна (род. 1967).

⁸¹ Елена Сергеевна Вентцель (1907-2002), математик и писатель (под псевдонимом И. Грекова). Мать А. Д. Вентцеля. Кот – ее домашнее прозвище.

⁸² «В начале 1980-х гг. политика советских властей в отношении евреев изменилась, число разрешений на выезд сократилось (1980 г. - 21,5 тыс., 1981 г. - 9,5 тыс., 1982 г. - 2,7 тыс.)» - это данные из Электронной Еврейской энциклопедии - <http://www.eleven.co.il/article/11732>.

Письмо мое мрачное, еврейское, в следующий раз постараюсь написать веселее.

Ира делает попытки перехода на другую работу⁸³. Это связано с обращением к таким лицам, что вам стало бы тошно при одном... не имени, а только инициалах. Кё фер?⁸⁴

Целуем, обнимаем, любим, вспоминаем, жалеем, надеемся и... простите, очень завидуем.

Ваша НР

Ольга Трифонова-Тангян

Дюссельдорф, Германия

Подарок Шагала

К 130-летию со дня рождения художников Марка Шагала и Амшея Нюрнберга

В нашей московской квартире долгое время висела литография Марка Шагала. Поскольку родители не привлекали к ней моего внимания, я даже не могу сказать, что на ней было изображено. В памяти осталось лишь место на стене, где она когда-то висела. Узнала

---

⁸³ Я работала в Госфильмофонде СССР, находящемся за городом, дорога ежедневно занимала четыре часа. Попытки перехода на работу в Москве не увенчались успехом.

⁸⁴ Ке фер - от французского que faire – что делать.

о содержании работы из рассказа моего отца писателя Юрия Трифонова *Посещение Марка Шагала*. Отец сам прекрасно рисовал и, видимо, с большим интересом, долго и внимательно, изучал работу знаменитого мастера:

Из небывалой дали долетел и сохранился – висел в укромном месте в мастерской – автопортрет молодого Шагала, литография с карандашной подписью. Лицо было круглое, с безумным удивлением в глазах и странным образом перевернутое: оно казалось неестественно кривым, как бы на сломанной шее, и в то же время бесконечно живым. Лицо человека, застигнутого врасплох. И чем-то смертельно пораженного.⁸⁵

Когда моя мать Нина Нелина внезапно умерла в 1966 году, картина исчезла. Как сложилась дальнейшая судьба картины Шагала, я узнала совершенно случайно. Работая в Отделе рукописей Третьяковской галереи над архивом моего деда художника Амшея Нюрнберга, я внезапно обнаружила справку:

РАСПИСКА О СДАЧЕ В МУЗЕЙ ОФОРТА ШАГАЛА

1 февраля 1967 года.

Квитанция № 12

А.Нюрнберг, 2-я Песчаная, д.6, кв. 187.

Сданы в отдел рисунка Пушкинского музея рисунки Ж.Бернара, офорты М.Шагала и 22 рисунка А.Нюрнберга.

Каким образом литография Марка Шагала сначала попала в нашу квартиру на Песчаной улице, а затем канула в запасниках Пушкинского музея? Этому предшествовала следующая история.

***

Марк Шагал и мой дед художник Амшей Нюрнберг были одного года рождения — 1887. Оба родились в многодетных семьях еврейских лавочников. Только Шагал был родом из еврейского поселения в Витебске (Белоруссия), а Нюрнберг — из местечка в Елисаветграде⁸⁶ (Украина). Мальчишки еще в детстве увлеклись рисованием. Картин или книг по искусству в домах не было, их не водили в школы для вундеркиндов. Домашним воспитанием попросту некому и некогда было заниматься. Отцы хотели бы дать своим сыновьям более практичные профессии, хотя уступали желаниям детей. Матери же были идеалистками и поддерживали своих сыновей.

---

⁸⁵ Ю.Трифонов. Посещение Марка Шагала в кн. Ю.Трифонов Избранные произведения, т.1, М. Литература, 2005, с.442

⁸⁶ Елисаветград не раз менял названия. Долгое время он назывался Кировоград. В настоящее время – Кропивницкий.

Так в семьях необразованных и малоуспешных провинциальных торговцев появились одаренные дети. Позже Шагал стал учиться в частных академиях в Петербурге, где его главным педагогом и покровителем стал известный театральный художник Леон Бакст. С помощью мецената немецкого происхождения Беренса мой дед получил образование в Одесском художественном училище, в классе Кириака Констанди. В начале 1910-х годов меценаты начинающих художников практически одновременно послали своих протеже продолжить образование в Париже.

Мне казалось, что Шагал и Нюренберг были внешне похожи, особенно в старости. В молодости они были разными: Шагал был блондином со светлыми глазами, а Нюренберг был брюнетом с гривой черных кудрей и горящим взглядом. Оба художника были похожими и по характеру: оптимисты, поглощенные искусством, с прекрасным чувством юмора. Оба преклонялись перед Рембрандтом. Нюренберг часто писал старых людей, отчего в 1930-е годы некоторые его называли «московским Рембрандтом». Под впечатлением картины Рембрандта Шагал создал свой вариант *Возвращения блудного сына* (1975), где изобразил себя вернувшимся в Белоруссию и обнимающим своего отца. Оба художника прожили очень долго: Нюренберг 91 год, Шагал – 97 лет.

Марк Шагал, Париж, 1920-е и Амшей Нюренберг в Бресте на пути в Париж, 1910

Впервые судьба свела Шагала и Нюренберга в 1911 году в Париже, где они снимали одну мастерскую на двоих в фаланстере художников *Ля Рюш* (Улей). Когда в начале прошлого века на последнем этаже в мастерской, «как пчелки», вместе трудились

Шагал и Нюренберг, жизнь в *Ля Рюше* была особенно неустроенной: не было элементарных удобств, еду грели на печке. Художники так нуждались, что зимой вынуждены были топить печку для обогрева помещения по очереди. Также по очереди они угощали друг друга бутербродами и чаем. В перерыве между работой они вели беседы, вспоминая родные места. Шагал вспоминал витебские заборы, посетителей лавки своего отца, Нюренберг рассказывал о бескрайних степных просторах, о речке Ингул и высоком украинском небе.

Аркадий Шульман в статье *Расстрелянный мир* писал:

*Зимой 1911 года Шагал жил в Париже на улице Данциг... Но по вечерам, когда в комнате было холодно, когда на улице шли бесконечные дожди, Марк Шагал и его друг и сосед художник Амишей Нюренберг садились на пол у маленькой, в складчину купленной печки и начинали рассказывать друг другу то, что согревало их память. Амишей говорил об одесских пляжах, о степях под Елизаветградом, Шагал любил рассказывать о своем первом учителе Пэне и о дяде, который держал в Лиозно парикмахерскую. Марк очень красиво рассказывал о клиентах, которые приходили к дяде. Рассказ у него получался живой, выразительный, окутанный каким-то особенным юмором.*⁸⁷

В своих мемуарах Нюренберг называл *Ля Рюш* «отелем для бедных художников». Именно в этом отеле, по свидетельству очевидцев, спали на полу, укрывшись газетами, Модильяни и Сутин. Когда их спросили, почему они спят на полу, ответом было: «Клопы заели». Шагал позже заметил: «Там либо помирали с голоду, либо становились знаменитыми». Список молодых дарований, погибших от чахотки, покончивших с собой от отчаяния и несбыточных надежд, был достаточно велик. Но некоторым удалось преодолеть все трудности и прославиться. Среди них был Марк Шагал.

*Мы, его друзья, удивлялись, откуда у приехавшего из Витебска такие знания, такой вкус? Мы начали к нему присматриваться, анализировать его работы. И только одно поняли — перед нами большой самородок, оригинальный, светящийся всеми цветами спектра талант, почувствовали, что этот скромный на вид провинциал, с неисчерпаемой способностью трудиться и с редчайшей волей творческой жизни, рано или поздно овладеет Парижем.*⁸⁸

Ля Рюш существует по сегодняшний день. Как и раньше, там трудятся художники. Однако теперешние условия жизни в нем

---

⁸⁷ Шульман А. Расстрелянный мир. Сайт Музей Марка Шагала. <http://chagal-vitebsk.com/?q=node/190>

⁸⁸ Нюренберг А. Одесса–Париж–Москва. Воспоминания художника. М., «Мосты культуры», 2010, с. 355

несопоставимы с прежними. Теперь там есть центральное отопление, газ, электричество. Никто не погибает от недоедания и чахотки. Но жизнь свободных художников остается непростой. Они по-прежнему зависят от милостей галеристов и меценатов. И каждый справляется со своими проблемами как умеет.

В Париже Шагал сразу проявил себя как смелый экспериментатор, великолепный колорист, обладавший уникальной фантазией и невероятной работоспособностью. Нюренберг вспоминал, как его поразило впервые замеченное им у Шагала качество – писать картину по памяти:

Он повел меня в свою мастерскую и показал большое полотно (приблизительно два метра на полтора), над которым он работал. Тема, как он объяснил мне, была приподнятая и волнующая — «Рождение человека». Все полотно было покрыто вишневыми, красными и красно-охристыми красками.

Шла подготовка — подмалевки. В левой руке Шагал держал большую парижскую палитру, эскиз и несколько крупных, мягких кистей. Растворитель в банке стоял на высоком испачканном красками табурете.

Я его спросил:

— Марк, такую большую картину вы пишете по такому незначительному наброску?

— А мне, — ответил он, — больших размеров эскизы не нужны. У меня все готово в голове. Я картину вижу уже в законченном виде.

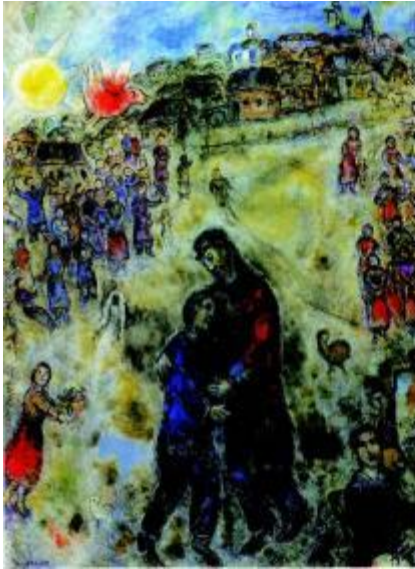
Меня, помню, удивила впервые увиденная картина, написанная по памяти. Я запомнил содержание картины. Большая комната, обвешанная яркими тканями, широкая кровать с лежащей на ней бледной роженицей и суetyающиеся вокруг страдальцы женские фигуры. В глубине комнаты были написаны печь, стол с самоваром и большие хлеба. Все было сделано в плане увеличенного детского рисунка.

... Картина «Рождение человека» меня глубоко заинтересовала. Я в ней почувствовал взволнованное состояние ее автора. Шагал очень увлекался этой работой и говорил, что все, что он делает, тесно связано с воспоминаниями пережитого.⁸⁹

В своем очерке *Шагал* Нюренберг анализировал творчество своего коллеги не как друг, сосед или искусствовед, а как художник, с тонким пониманием своего ремесла:

---

⁸⁹ Там же, с. 343–344

М. Шагал. Возвращение Блудного сына, 1975–76, холст, масло. 162 × 122 (частное собрание, Париж). А. Нюренберг. Инвалид войны, картон, масло, 91 × 60 (Осенний салон, Париж, 1927 г.)

Значительную композиционную роль в его творчестве играл еще один прием, может быть позаимствованный у итальянских футуристов. Это – на одной картине изображать ряд моментов природы в динамике. Фрагменты улиц, авто, кафе, женщин, друзей, животных. Все на полотне смешано, слито, и все в движении. Так писали футуристы Северини, Балла и другие итальянцы.

Передо мной характерная для Шагала работа «Воскресенье» (гуашь). На переднем плане изображены: парижский собор Нотр-Дам, Эйфелева башня и кусок Парижа. На заднем плане озаренный закатом зимний Витебск с хатой и церковью. На детских санях мужичок, а над ним какая-то лиловая символическая птица. Вся картина освещена двумя круглыми женскими головами. В гуаши я насчитал шесть моментов, написанных разными красками и разной фактурой.

... Париж в росте и формировании творчества Шагала сыграл, разумеется, большую роль. И хотя во Францию он приехал с богатыми живописными идеями, но палитра его была еще скромна и сдержанна. И только прожив долго рядом с такими большими колористами нашего времени, как Анри Матисс и Пьер Боннар, Шагал сумел обогатить свою палитру.

Теперь Шагал известен как блестящий живописец с богатейшим колоритом. Его работы всегда насыщены цветовой гармонией. Его желто-лимонные, оранжевые, голубые, фиолетовые, вишневые и красные краски, наделенные нежной радостью, доставляют большое наслаждение...

Примечательно, что его палитра, пережившая много влияний, не знает эклектизма. Шагал-колорист ни на кого не похож и остался самим собой.⁹⁰

В 1912 году врачи обнаружили у Нюренберга признаки чахотки. По совету врача Островского, любившего художников, которых он лечил бесплатно (те расплачивались за медицинскую помощь своими картинами), Нюренберг решил для поправки здоровья вернуться к своей семье в Украину. Он болезненно переживал вынужденный отъезд, прощание с «городом своей светлой мечты», как он называл Париж.

Вернувшись в Одессу, Нюренберг создал группу «Независимые», которых впоследствии назвали «Одесские парижане». Переехав после революции в Москву, он работал у Маяковского в Окнах РОСТА, был профессором западной живописи во ВХУТЕМАСе и сблизился с группой «Бубновы валет», члены которой (Кончаловский, Фальк, Осмеркин), называли себя «русскими сезаннистами», используя в работе законы композиции и цвета, провозглашенные французским мастером. Нюренберг настолько высоко ценил творчество этого художника, что в 1924 году опубликовал в типографии ВХУТЕМАСа книгу *Поль Сезанн*, в которой утверждал, что именно Сезанн определил главные направления современной живописи – кубизм, футуризм и другие. Близость Нюренберга «Бубновому валету» угадывается в его картине *Портрет жены* (1930).

В 1926–1928 годах Нюренберг получил второй шанс остаться в Париже. После восстановления дипломатических отношений с Францией нарком просвещения Анатолий Луначарский направил его во Францию «культурным послом» для чтения лекции о новом советском искусстве. Луначарский покровительствовал Нюренбергу, и, возможно, то была подсказка с его стороны. Известно, что некоторым своим командировочным он открыто говорил: «Не возвращайтесь». Когда он полушутку-полусерьез давал такой совет, то полагал, что конкретному артисту или художнику в Европе будет лучше. Неизвестно, говорил ли он эти слова Нюренбергу, но, несомненно, намек угадывался.

---

⁹⁰ Там же, с. 348–349.

Нюренберг приехал в Париж вместе с семьей — с женой и четырехлетней дочерью. Жена Полина стала посещать курсы по дизайну моды, дочь Неля — ходить в детский сад. Планировалось, что Нюренберг прочтет серию лекций не только об искусстве, но и о своих любимых Маяковском, Бабеле, Багрицком. Однако его выступления вызвали такой бурный протест у белых эмигрантов, что Нюренбергу пришлось отказаться от этой затеи и полностью переключиться на творческую деятельность. Это не противоречило его устремлениям. Он снова почувствовал себя свободным художником и выставил на Осеннем салоне 1927 года две свои картины: *Инвалид войны* (1926) и *Крымский пейзаж* (1924).

Нюренберг не утратил дружеских связей с теми, кого оставил в Париже в 1912 году. Многие из его друзей-художников уже добились заметных успехов: Федер, Мещанинов, Инденбаум. В 1928 году Нюренберг посетил Шагала и его жену Беллу вместе с женой и

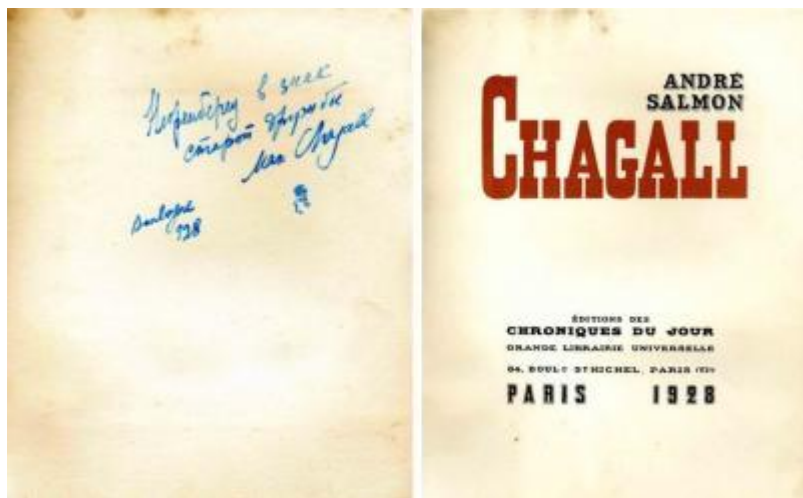

М.Шагал, Обрученные и Эйфелева башня, 1913. А.Нюренберг. Портрет жены (Полины), 1930

дочкой. Шагал работал над книжными иллюстрациями по заказам галериста и коллекционера Амбруаза Воллара. Дела его шли неплохо, но он далеко не всем был доволен. В этот визит Нюренберг привез своему другу подарок из Москвы — журнал «Прожектор», в котором была опубликована его статья о Шагале с иллюстрациями. Тот был так растроган и взволнован публикацией о своем творчестве на Родине, что в знак признательности предложил Нюренбергу взять на память пару офортов. Так в нашей семье и появилась литография Шагала. В добавление к этому Шагал подарил ему книгу Андре

Сальмона *Шагал*, сделав свой шарж-автопортрет и оставив дарственную надпись:

Почему Нюренберг не воспользовался вторым шансом сделать карьеру во Франции? Одна из причин состояла в том, что он опасался потерять одновременно двух своих любимых «девочек» — жену и дочь. Жена Полина — балерина и красавица — вскружила голову одному богатому французу. Нюренберг поспешил увезти свою семью в Москву. Вторая причина заключалась в том, что в те годы он верил Советской власти и надеялся сделать карьеру на Родине. Ему казалось, что его положение довольно прочное. Конечно, он не мог предполагать, что его покровитель Луначарский будет в 1929 году смещен с должности и вскоре умрет. Не мог предвидеть и того, что

Форзац и титульный лист подаренной Шагалом Нюренбергу книги Андре Сальмона Шагал, Париж, 1928

отныне границы СССР будут наглухо закрыты. И третья причина, самая главная, он не обладал одержимой целеустремленностью Шагала. Как гласит французская пословица, «характер — это судьба».

Всю последующую жизнь Нюренберг оставался франкофоном, приверженным французским традициям, хранил верность дружбе с оставшимися за границей художниками. Он продолжал восхищаться Шагалом, отдавая должное его таланту, невероятной продуктивности и упорству в достижении цели. Вспоминая свою юность в Париже, иногда отмечал с грустью:

Но к Шагалу счастье относилось более дружески, чем ко мне, и порой заглядывало к нему. И согревало. Ему изредка помогал разбогатевший после триумфа русского балета известный театральный художник — Леон Бакст... А мне никто не помогал. Счастье проходило равнодушно мимо моих дверей...

Не погружаясь в тягостное раздумье, не терзаемый мучительной тревогой за судьбу своего творчества, он делал все, что мог. Художник, не знавший разрыва между надеждой и уверенностью. И победил.⁹¹

Он никогда об этом открыто не говорил, но в глубине души его мучили сомнения, насколько правильно он распорядился собой. Эти сомнения особенно часто стали посещать его в 1950-е годы. Отчаяние закрадывалось в его душу чаще всего зимой, так как, будучи южанином, он не выносил длительные холода. Весна и лето возвращали ему бодрость и оптимизм. Из дневника Нюрнберга:

Январь 1954 год

Порой меня преследует мысль неотвязная: увидеть себя в разные прошедшие годы. Примерно в трех, пяти возрастах за прошедшие 30–40 лет. Поставить перед собой троих Амисеев и поговорить с ними по душам. Вот так забавное было бы зрелище. Увидеть себя в годы Гражданской войны. В голодной, холодной Одессе. В дни бегства из Елисаветграда и сиденья в контрразведке. Потом поговорить с наиболее молодым о Москве 1921–1922 годов. О работе в РОСТА. О суровых, незабываемых днях — опять о голоде, холоде, нищих пайках. Потом о Париже. О встречах с друзьями, о салонах, кафе. Федер, Мещанинов, Константиновский, Шагал. Потом Москва. АХР. Выставки. Сибирь.

Сколько ярких страниц! И сколько ошибок, неверно сделанных ходов. Сколько промахов, цейтнотов.

Спросить их: может быть, можно было по-другому сыграть, другие сделать ходы?⁹²

Последующие годы жизни в СССР оказались для Нюрнберга тяжелыми. В стране была провозглашена борьба с формализмом, от которой особенно пострадали его друзья из «Бубнового валета». Его друг детства по Елисаветграду художник Александр Осмеркин был обвинен в формализме и изгнан из Суриковского института, после чего с ним случился инсульт, и в 1953 году он умер. Вслед за ним в 1956 году умер главный мэтр «Бубнового валета» Петр Кончаловский, который тоже под конец жизни подвергся травле и

---

⁹¹ Там же, с. 530

⁹² Нюрнберг А. Дневники. Отдел рукописей Государственной Третьяковской Галереи.

унижениям. Одновременно развернулась кампания против космополитизма и преклонения перед Западом. Советские чиновники из Министерства культуры посчитали искусство импрессионистов враждебным русской реалистической живописи. Все эмигранты, в том числе Шагал, оказались под запретом. Его имя нельзя было произносить, сохранившиеся работы канули в запасниках музеев. Нюренбергу приходилось делать над собой усилие, чтобы скрывать свою любовь к импрессионистам, дружбу с Шагалом. Он даже уничтожил ряд своих ранних «формалистических» работ.

Однако внутренне он с этим не смирялся. Юрий Трифонов, живший с ним в эти годы в Доме художников на Верхней Масловке, вспоминал, как Нюренберг иногда восклицал с безумной смелостью:

«Ах, к черту! Надоело! Я им скажу все, что думаю о Марке: о его синем цвете, о неподражаемой фантазии. Ведь эта фантазия не имеет себе равных... Он подарил мне литографию в тяжелую для себя минуту... Разве я могу забыть? Да и времена, слава богу, не те: пятьдесят первый – это вам не тридцать первый...»

Времена, конечно, не те, но слово *шагализм* по-прежнему звучало зловеще: что-то среднее между *шаманизмом* и *каббализмом*.⁹³

Однажды, в ходе творческой дискуссии уже пожилой Нюренберг пустился в рукопашный бой с молодым соседом из Дома художников. Он всегда защищал репутацию Шагала перед невежественными «мазилками». Трифонов вспоминал:

Однажды в доме на Масловке он ударил по лицу художника Царенко, который сказал, что Шагал халтурщик, что он не умеет рисовать, – нет, не то чтобы ударил, а в приступе гнева и со слабым возгласом: «Вы лжете!» – дал Царенко легкую пощечину кончиками пальцев, но и то был с его стороны отчаянный поступок, потому что вырвалось тщательно и давно скрываемое преклонение Ионы Александровича перед Шагалом, которое он всегда отрицал, на что Царенко ответил здоровенным тумаком, который сбил старика на пол, и радостным криком: «Сам ты лжешь!» Потом их делом занимался товарищеский суд. Я жил тогда на Масловке. Это было лето пятьдесят первого или, может быть, пятьдесят второго года.⁹⁴

Из воспоминаний Нюренберга следовало, что в начале 1930-х годов он еще имел возможность обмениваться с Шагалом письмами, которые, к сожалению, не сохранились. Есть упоминание об одном из писем в статье Нюренберга *Русские в Париже*:

---

⁹³ Трифонов Ю. Посещение Марка Шагала, в кн. Ю. Трифонов. *Избранные произведения в двух томах*, т. 1. М., «Мир книги», с. 445.

⁹⁴ Там же, с. 441–442

*В моей памяти сохранилось его неувядаемое письмо, написанное в 1930 году. Оно кончалось трогательной фразой: «Дорогой друг, если вам посчастливится попасть в мой Витебск — обязательно передайте мой сердечный привет деревьям и заборам — моим верным, старым друзьям».*⁹⁵

Позже переписка с Францией на долгие годы стала слишком опасной. Нюренберг обратился к Шагалу лишь в 1965-м г., причем через посредничество главного редактора еврейского журнала «Наша Родина» Арона Вергелиса. Поэт, публицист и главный редактор журнала Вергелис был в Советском Союзе «официальным» евреем, которому доверялись заграничные контакты.

Письмо А. Нюренберга – М. Шагалу, 1965 г.

Дорогой старый друг!

Недавно я был в редакции «Советская Родина», и мне редактор т. Вергелис прочел Ваше письмо, которое меня очень взволновало. Я вспомнил наше романтическое прошлое, наши первые пробы жизни и искусства. Вспоминаю, в 1912 году Вы писали, кажется, картину «Рождение». Потом участие в Салоне Независимых ярким полотном. Затем 1928 год, когда я бывал у Вас со своей женой и дочкой. Тогда была еще жива Ваша первая жена. Вы тогда работали для Воллара. Недавно я видел большую книгу «Образы Монпарнаса» и под Вашей редакцией. Я очень рад всем Вашим успехам, но я не в курсе последних Ваших достижений.

Здесь у Вас много друзей, но очень мало литературы о Вас. У Вас был какой-то юбилей и какая-то годовщина. Напишите мне, какие. Я теперь пишу книгу «Записки художника» и, конечно, напишу о Вас как о выдающемся художнике нашей современности. По-моему, история живописи не знает второго Шагала.

Если не трудно, напишите, в каком году Вы впервые выставлялись в Париже и что выставляли? Последние отзывы всемирной критики о Вас. В каких музеях наибольшее количество Ваших работ. Если можно, пришлите последние каталоги.

Тоскуете ли Вы по-прежнему по Вашим витебским заборам?

Обнимаю Вас крепко, крепко и жду от Вас скорого ответа.

Сердечный привет от моей жены и дочки, певицы Нелиной, которая проработала в Большом театре 13 лет.

Амшей Нюренберг

---

⁹⁵ А.Нюренберг. Одесса-Париж-Москва, с. 336

Эта попытка Нюренберга установить с Шагалом контакт через железный занавес произошла незадолго до туристической поездки Нелиной и Трифонова в Париж в 1965 году. Возможно, родители сами об этом попросили деда. Мне тогда было 12 лет, но я хорошо запомнила их возвращение. Мама, которая мечтала посетить Париж, приехала оттуда задумчивая, неразговорчивая. Это было на нее непохоже. Я ждала заморских подарков. Но она сказала мне, что их багаж потерялся и придет только на следующий день. Возможно, их багаж перетряхивали и проверяли? Ведь они повели себя самовольно, встречаясь с запрещенными эмигрантами. Это только мое предположение. А багаж, действительно, вернулся на следующий день.

Тогда моим родителям не удалось встретить Шагала в Париже, художник находился на Юге. Но они встретили другого близкого друга Нюренберга по Елисаветграду — художника-анималиста Иосифа (Зосю) Константиновского, работавшего во Франции под укороченной на французский манер фамилией Констан (Joseph Constant). Отзвук этой встречи запечатлен в очерке Трифонова «Начало» (1976):

Десять лет назад в Париже я искал одного художника⁹⁶, который переселился в Париж до революции. Он начинал когда-то вместе с Марком Шагалом и другим художником, оставшимся в России⁹⁷, который дал мне адрес и просил передать привет Шагалу и этому второму. Шагал оказался на юге, второго я нашел на окраине Парижа. Он был анималистом, теперь уже давно не работал. Жил на пенсию.⁹⁸

Вскоре Нюренберг получил от Шагала по почте каталог своих работ:

Недавно я получил от Шагала толстый, очевидно, итоговый каталог с эффектной обложкой: «В честь Марка Шагала. Дар не маршианов, а Франции».

В каталоге 450 страниц! Я долго, внимательно рассматривал этот редкий увесистый каталог и подумал: «Ни Мане, ни Сезанн, ни Матисс, ни Пикассо не знали таких почестей».⁹⁹

Письмо М. Шагала – А. Нюренбергу, 1966

---

⁹⁶ Иосиф (Зося) Константиновский. Во Франции известен как Констан. Художник-анималист.

⁹⁷ Амшей Нюренберг

⁹⁸ Трифонов Ю. Начало. В кн.: Трифонов В. Как слово наше отзовется. М, Советская Россия, 1985, с. 108

⁹⁹ Нюренберг А. Одесса-Париж-Москва. М., «Мосты культуры», 2010, с. 354.

St. Paul de Vence

France

1966

Дорогой Амшей Нюренберг!

Спасибо за письмо Ваше и фото, и рисунки. Смотрел. Вспоминал. «Минувшее проходит перед мною». Но моя «совесть» чиста... Я работал, оставаясь «по-своему» преданным моему городу... В этом снова весь мой «колорит», все мечты. Я «люблю» и не слышу «ответа». Ответ этот внутри меня. Долго, давно Вас не видел. Но я помню все. Мне трудно писать, что я делал все это время. Я думаю, если у Вас есть где либо какие-нибудь книги обо мне – Вы увидите.

Я жалею, что не видел Вашу дочь с ея мужем. В другой раз, надеюсь.

Ваш преданный

Марк Шагал

Следующий обмен письмами с Шагалом был связан с выходом в свет первой книги Нюренберга *Воспоминания, встречи, мысли об искусстве* (1969). Он собирался включить в это издание свои статьи о Франции и о Шагале, но цензура их не пропустила. Весь французский раздел воспоминаний Нюренберга увидел свет лишь в книге *Одесса–Париж–Москва* (2010).

Письмо А. Нюренберга – М. Шагалу, 1970

Дорогой друг Марк!

Посылаю тебе мою книгу, над которой я работал три года. В ней имеется текст и мои работы, начиная с 1926 года. Книга разошлась по всему Союзу и пользуется успехом. Получаю много хвалебных и благодарных писем. Верю, что по прочтении книги, ты мне напишешь свое впечатление. Верю также, что ты мне скажешь спасибо. Пишу об этом потому, что на статью о тебе, помещенную в «Советской Родине», ты совершенно не реагировал. Я был очень удивлен твоим отношением.

Как будто бы речь шла не о тебе и твоём искусстве. Редакция получила много писем, в которых читатели тепло о статье отзывались. Я привык о тебе думать, как о сердечном друге – и вдруг такое холодное молчание. Я был уверен, что ты мне пришьешь каталоги или книжки о себе, но ошибся. Я вспоминаю знаменитую фразу Спинозы: «Я не огорчаюсь и не радуюсь. Я стараюсь понять поступки людей».

Обнимаю тебя! Тысячу раз желаю тебе и твоей супруге здоровья! Твой старый, искренний друг.

Амшей Нюренберг

Письмо М. Шагала – А. Нюренбергу, 1970

6/3 – 1970

St.Paul

Дорогой Нюренберг,

Да, я редко пишу – время, годы проходят. Но я не забываю. Как можно забыть те годы, когда мы были так молоды. Спасибо за присланную книжечку мемуаров с репродукциями картин. Мне было приятно читать о том времени (когда я сам тоже был в Витебске и после в Москве). Мне было приятно читать, где ты говоришь об этих старых художниках в Одессе, вроде Костанди... Я вспоминаю, как мне всегда любопытно было смотреть на картины старых художников. Это было до Парижа, но и после Парижа на Родине я также любил смотреть на картины многих русских художников, это что-то прирожденное.

Послезавтра закрывается здесь в Grand Palais моя большая выставка. Она переходит часть в музей Копенгаген и после в Royal Academie в Лондон. Я был рад, что с Родины послали некоторые мои старые картины для выставки. Я тебе постараюсь послать каталог.

Прости, что сразу не послал тебе письмо с благодарностью за твою статью в еврейском журнале обо мне. Прости. Спасибо. Я часто рассеянный и с годами не становлюсь лучше. Ну, крепко, сердечно жму руку. Спасибо, что не забываешь. Пиши иногда и что в области искусства на Родине.

С приветом,

Преданный Марк Шагал

В 1973 г. после долгих лет запретов и замалчивания Марк Шагал со своей второй женой Валентиной (Вавой), по приглашению министра культуры Фурцевой, посетил Москву и свой первый выход сделал в Третьяковскую галерею. Нюренберга пригласили при этом присутствовать, куда он приехал, чтобы встретиться со старым другом. Они увиделись, обнялись и, кажется, прослезились. Старейший сотрудник Третьяковки Лидия Иовлева присутствовала при знаменательной встрече. Она рассказывала мне, как волновался Нюренберг, как у него дрожали руки. Конечно, спустя 45 лет, он волновался от предстоящей встречи со старым другом и столь прославленным художником. Когда Шагал вместе с женой Вавой появился в Третьяковке, его окружило множество людей. Будучи одновременно и звездой, и персоной «нон грата», он находился под

бдительной охраной советских чиновников. Хотя русский был для него родным языком, его постоянно сопровождали переводчица и референт ЦК. Он все еще оставался блудным сыном у себя на Родине, которая принимала его с оговорками. Шагал чувствовал это двойственное отношение. Увидев свой шикарный номер в гостинице «Россия», он иронично спросил: «Как это Брежнев (он сделал ударение на Ё) не пожалел такие апартаменты для неизвестного художника?»¹⁰⁰

Десятидневная программа Шагала была великолепно организована, но строго регламентирована. Он посещал лучшие театры и концерты, но желание съездить в советский колхоз или совхоз (мотивированное интересом к кибуцам — израильским аграрным коммунам) не было услышано. Он снова попал в «зону оседлости», не имея возможности поехать туда, куда хотел. А его заветное желание устроить в России свою персональную выставку осуществилось лишь посмертно в 1987 году в Пушкинском музее (выставка была приурочена к 100-летию со дня его рождения).

В 1973 году Шагал не смог обстоятельно поговорить с Нюренбергом, а может, тот сам растерялся и не проявил достаточной настойчивости. Либо сопровождающие Шагала чиновники не дали им возможности пообщаться. Это очень огорчило деда, хотя он не подал виду. Он привык к многочисленным ударам судьбы.

Последнее (неотправленное?) письмо А. Нюренберга – М. Шагалу, 1974

Москва 15 м. 74 г.

Дорогой Марк,

В Москве, когда Вы были — свободного часа, чтобы посидеть с старыми друзьями и по душам поговорить не было — и поэтому я с Вами почти не виделся. А поговорить нужно было. Тем было много. Но теперь, вспоминая это шумное прошлое, только скажешь: жаль, жаль! ...

Я окончил вторую книгу, где имеется статья о Вас. О творчестве молодых лет и последних периодов. Хотелось узнать от Вас лично кое-что. И рассказать это Вашими словами, стилем. Пример: когда Вы на приветствие Фурцевой отвечали благодарным письмом, я стоял позади Вас и все слышал. Я подумал тогда, хорошо было бы напечатать (*его*) в моей статье. Читатель советский был бы очень тронут, узнав о Ваших мыслях, чувствах. Ему бы все это льстило. «Художник с мировым именем, а держится просто и сердечно.

---

¹⁰⁰ С.Деспюжоль–Июшпа А я иду с Шагалом по Москве... В альманахе: Из Парижска (Русские страницы) № 6, 2016, с. 142.

Тянется к Советской власти, наш друг». Если у Вас есть оригинал (*Вашего выступления*), отпечатайте и пришлите мне копию. Буду очень Вам благодарен.

Пришлите, если сможете, снимки последних работ. И каталоги.

Если можно, достаньте фото и вырезки из парижских газет, показывающие Вас в Москве. Как открылся Ваш музей в Paris?. Очень хочется поглядеть. За все это буду душевно благодарен.

P.S. Еще одна просьба. В Москве нет хорошей гуаши и сангиновых карандашей. Немного. Маленькую посылочку.

Обнимаю Вас,

Ваш старый и верный друг

А.Нюренберг

Сердечный привет Вашей милой супруге.

А.Н.

Мой новый адрес:

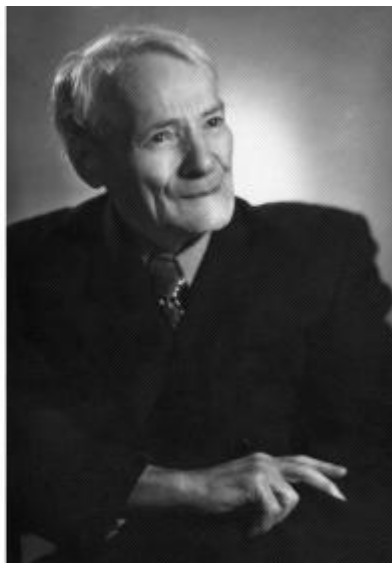
Москва,

Ленинградское шоссе, д.22

кв.37, корпус 5

Амшею М. Нюренбергу

P.S. Живу в новой квартире, которую мне подарил т. Брежнев.

80-летний Марк Шагал и 85-летний Амшей Нюренберг

Последнее свое письмо Нюренберг написал Шагалу после их несостоявшегося общения в Москве в 1973 году. Нюренберг, возможно, даже не отправил ему это письмо. Оно хранилось в его архиве в рукописном виде. В письме прочитывались некоторые обиды, сожаления, просьбы. Имело место наивное хвастовство. Дед гордился тем, что свою скромную двухкомнатную квартиру около метро «Войковская» он получил лично от генсека СССР – Л.Брежнева, после своего прошения. Практически всю жизнь Нюренберг и его семья прожили в коммунальных квартирах – сначала в Доме художников на Верхней Масловке. Там у него была большая квартира и огромная мастерская. Сам Дом художников и его обитатели были замечательные, но бытовые условия примитивные. Затем он с женой переехал на метро Сокол поближе к дочери в одну комнату с соседями. И только под самый конец жизни им удалось получить отдельную квартиру. Брежнев пожалел старого художника и его жену, потерявших единственную дочь. Говорили, что у Брежнева было доброе сердце.

В конце концов, мне кажется, Нюренберг передумал посылать Шагалу это письмо. Оно так и осталось лишь в черновом варианте.

***

После смерти Нюренберга Юрий Трифонов в 1980 г. поехал во Францию по своим делам, но попросил переводчицу своих книг Лили Дени отвезти его на юг, в город Сен-Поль-де-Ванс, где жил Шагал. Он мечтал увидеть не только чудесного художника, но и друга юности своего бывшего тестя Нюренберга (фигурировавшего в рассказе Трифонова под вымышленным именем).

*Я думал об Ионе Александровиче. Они были ровесники. Один называл другого Марк, а другой говорил тому Иона. В 1910 году судьба столкнула их в Париже, потом они встречались там же в двадцатых, когда Иоана Александрович жил в Париже в командировке, не знаю точно какой. Я не мог не вспомнить о нем.*¹⁰¹

Трифонов стремился встретиться с Шагалом отчасти из ностальгических соображений. Ему хотелось убедить самого себя, что его прошлое — не сон. Он пытался доказать себе, что его первая жена Нина Нелина была реальной: «Летающие любовники Шагала — это мы все, кто плавает в синем небе судьбы»¹⁰².

---

¹⁰¹ Трифонов Ю. Посещение Марка Шагала, в кн. Ю.Трифонов. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., «Мир книги», с. 441.

¹⁰² Там же, с. 442

*Про самого Иону Александровича спросить почему-то боялся. Почему-то казалось, это будет все равно, что спросить: существовала ли моя прежняя, навсегда исчезнувшая жизнь?*¹⁰³

Он долго не решался спросить Шагала про Нюренберга. Поэтому спрашивал про других знакомых. Старый художник реагировал всегда одинаково, задавая один и тот же вопрос: «Да, да. Он умер?» Когда Трифонов, наконец, спросил про Нюренберга, Шагал опять без всякого выражения задал тот же вопрос: «Он умер?», чем разочаровал моего отца. Он ждал другой реакции. Он долго готовился к этой встрече, собирался написать рассказ о Нюренберге (имеется в виду рассказ «Посещение Марка Шагала»). Звонил мне: «Хочу писать рассказ о старике. Ты что-то помнишь?»

Однако Шагала можно понять. Ему было 93 года. У него скопилось много собственных драм и могил: погибли в концентрационных лагерях многие витебские родственники, умерла первая и горячо любимая жена Белла. И надо было срочно заканчивать дела. Ведь он имел по-прежнему много заказов – витражи, эстампы, иллюстрации к книгам. Надо было отвечать за свой личный музей в Ницце. Некогда было сентиментальничать. Приходилось спешить. И ему уже было не до друзей юности.

Ю.Трифонов за работой на даче в Красной Пахре. 1977 год

¹⁰³ Там же, с. 449

Возвращаясь после встречи с Шагалом на машине в свой отель, Трифонов думал о двух художниках — столь похожих по биографии, но разных по судьбе:

На обратном пути мы ехали побережьем, и море лежало в сумерках громадной сине-голубой простыней, под которой можно было спрятать всех, всех, всех¹⁰⁴.

Море - как вечность - способно поглотить великих, знаменитых, забытых, одиноких, богатых и бедных. Всех.

Переписка Шагала-Нюрнберга хранится в Отделе рукописей Третьяковской галереи. Последнее письмо Нюрнберга находится в личном архиве О.Трифоновой-Тангян.

---

¹⁰⁴ Ю.Трифонов, Посещение Марка Шагала. В кн.; Ю.Трифонов. Избранные произведения, т.1, М., «Мир книги», 2005, с.450.

Часть 3. Сегодня в Америке

В. Маяковский. Эскизы костюмов к пьесе «Мистерия-буфф», 1919.

Роман Солодов

Нью-Джерси, США

Трайбализм в политике Трампа

В лексиконе многих политических обозревателей появилось слово «tribalism». В ГУГЛе нет адекватного перевода, хотя оно не новое. Есть перевод слова «tribal» – «племенной». Наверно, ближе всего к истине будет такое объяснение: это предпочтение перед остальными племенами (народами, верованиями), отдаваемое членам своего племени. Для удобства назовем это предпочтение «трайбализмом». Соплеменники выше остальных. Эти остальные могут быть в меньшинстве, и тогда они подвергаются разного рода притеснениям. Либо в большинстве. В таком случае, притеснения называют апартеидом, когда законодательно вводятся ограничения для обладателей другого цвета кожи или другой веры.

В своих крайних проявлениях трайбализм может принимать изуверские формы. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» г-н Фридман был свидетелем такого проявления в Ливане в конце семидесятых годов в разгар гражданской войны. Фалангисты установили пост на одной из улиц города и останавливали все машины. Они подносили к лицу водителя помидор и спрашивали, что это. Если шофер отвечал «помидор», его отпускали – это был свой. Фалангист. Но если шофер отвечал «томат» его выводили из машины и тут же расстреливали, ибо палестинцы произносят это слово иначе, нежели жителя Ливана. Во всей своей красе трайбализм проявился в истреблении палестинцев в лагерях Сабра и Шатила в том же Ливане. Только у читателей не должно создаться впечатление, что они были невинным овечками. Из-за них процветающая страна стала адом.

Как явление трайбализм пришел к нам из далекого прошлого, но его проявления видны и сегодня. Мы опустились до уровня, когда он стал определять нашу повседневную жизнь. Трайбализм мы видим в Сирии, когда ради сохранения господства алавитов уничтожаются сотни тысяч суннитов той же страны. Трайбализм проявляется в многочисленных террористических атаках на тех же мусульман, которые не придерживаются изуверской доктрины салафитов или ваххабитов. Могу честно признаться, что разницы между этими двумя разновидностями ислама не вижу. И те, и другие изуверы, на мой взгляд. Не забыты ими и христиане. Европа прошла через целую серию террористических атак. По мнению приверженцев Исламского Государства, европейцы просто недостойны жизни. Так что примеров крайнего проявления трайбализма сегодня больше чем достаточно.

А ведь было время, когда он отступал. Конец восьмидесятых ознаменовался падением Берлинской стены и вместе с ней коммунизма, разделявшего народы на пресловутые лагеря. Либеральная демократия пошла по Центральной Европе, пал апартеид в Южной Африке, начался процесс Осло, предвещавший мир на Ближнем Востоке... Общество посчитало, что достижения демократии непреходящи, и потому не приобрело навыков защиты ее достижений. Став демократами уже по привычке, мы не научились защищать нашу систему с необходимой для этого твердой верой. А она необходима хотя бы потому, что демократия – единственная система, построенная на уважении человеческого достоинства мужчины и женщины, на моральном праве каждого человека бороться за свою свободу и справедливость.

А теперь о нашей с вами стране Америке, дорогой читатель.

Перед анализом выдающегося события, случившегося в Алабаме, хочу извиниться перед жителями штата. Я не верил в победу демократа Дага Джонса, как не верил словам одного из комментаторов, что народ Алабамы изменился качественно. Там открыли университет. Промышленность, бывшая в зачаточном состоянии, заняла достойное место. Уровень образования людей повысился. Известно, что образование ума не прибавляет. Об этом я и думал, совершенно упустив из виду, что оно расширяет кругозор. К урнам пришел избиратель, отринувший со своих плеч тень Джорджа Уоллеса (1919-1998), известного мракобеса, выдвигающего свою кандидатуру на пост президента страны четыре раза! С тех пор его идеология довлела над гражданами Алабамы. Она продолжает довлеть над половиной граждан этого штата. По счастью, меньшей половиной.

Выборы в Алабаме показали, насколько эта меньшая половина была готова голосовать по племенному принципу, забыв, какое подозрение висело на республиканском кандидате. Только потому, что Рой Мор был республиканцем и нельзя было отдавать место в Сенате демократу, они отдали ему свои голоса. Эти люди готовы были доверить ему судьбу своей страны, при том, что своего ребенка они бы ему никогда не доверили. Для них Мор с его неандертальским подходом к проблемам нашего общества являлся своим человеком. А умеренно либеральный Даг Джонс был чужаком. Это уже не политика, но трайбализм. Сейчас Мор ушел с политической арены. Будем надеяться, навсегда. Но остался на вершине власти человек, который его поддержал. Хорошо бы, ненадолго. Но может сложиться и так, что он пробудет в Белом доме два срока.

Прошло немногим больше года, как избран Трамп. За этот короткий срок у меня, либерала, возникло ощущение, что я оказался в другой стране. Стране, которая стремительно движется к самоизоляции. За неполный год Америка вышла из Парижского соглашения по климату и из Транстихоокеанского Партнерства. Признав Иерусалим столицей Израиля, практически отказалась от роли посредника в мирных переговорах между Израилем и палестинцами. В одностороннем порядке разорвала договор с Ираном. Беспочвенно запрещает иммиграцию из ряда стран, фактически ушла из Сирии – русские уже нагло требуют от нас полного ухода из этой страны. Разрушается «мягкая сила» Америки с помощью самого бездарного руководителя Госдепа за всю историю страны. Президент оскорбляет народы, называя иммигрантов из Мексики насильниками, убийцами, наркоторговцами, а гаитян – стопроцентными носителями СПИДа... Ради дополнительной тонны угля отменены многие природоохранные регулировки, введенные Обамой для сохранения нашего с вами здоровья. Трамп сцепился с ФБР и либеральными масмедиа, называя последних «врагами народа». Нам, бывшим жителям Совка, это выражение слишком хорошо знакомо. Мы знаем, что следовало за этим ярлыком. Он атакует ФБР, ибо его не устраивает позиция этой организации в отношении русского вмешательства в наши выборы. И сколько же у него оказалось союзников в консервативных средствах масмедиа! Ими поднят такой крик за прекращение расследования, что создается впечатление, будто этого требует нация! И все это случилось меньше чем за год.

Думаю, что это ощущение разделяют практически все демократы, большинство независимых, и даже часть республиканцев. Люди наблюдают, как правит страной этот человек и как он безостановочно лжет своим согражданам. Досужие журналисты уже посчитали, что

он за это время солгал 101 раз. Обама за четыре года сделал это 18 раз. Тоже не идеал, но у Трампа еще все впереди.

Здравый смысл в явном упадке, порядочность отстывает... Я видел, как республиканцы славословили Трампа, когда они праздновали победу по поводу закона о налогах. Это был Совок в чистом виде. Его уже назвали самым великим президентом за всю историю страны. Вице-президент Пенс на заседании так льстил своему боссу, что покраснел бы и Брежнев. Трамп его не останавливал. Говори, говори...

Все это лизоблюдство наблюдалось уже после поражения Мора. После того, как граждане Алабамы дали понять, что племенная риторика Трампа на них уже не действует. Наелись. Но не наелись боссы республиканцев. Более того, они откровенно демонстрируют народу свою лояльность человеку, который подогнал эту партию под свои стандарты, весьма далекие от порядочности. Эту партию уже смело можно называть «морпубликанцы».

Посмотрите, что произошло. Поначалу они отказали Мору в своей поддержке. Это сделал лидер сенатского большинства Макконнел, заявивший, что он верит обвинительницам. Отказал в поддержке и Республиканский Национальный Комитет. Но после того, как Трамп откровенно заявил, что плевать ему на личные качества Мора, главное, чтобы он голосовал вместе со своей партией за все идеи Трампа, республиканцы изменили свою позицию. Но ведь Трамп опустил моральную планку до самого низкого уровня, когда откровенно поддержал Мора. Получается, что кандидат, подозреваемый во всех смертных грехах – в убийстве, педофилии, грабежах и так далее, годится на должность законодателя, если он твердо придерживается партийной линии. И республиканцы, отбросив свои возражения против кандидатуры Мора, уже официально поддержали его. РНС стал давать деньги на его избирательную кампанию. Куда деваться. Голос нужен! Митт Ромни криком кричит, что нельзя выбирать такого человека. Но это уже не партия Митта Ромни. Для Макконнела (он изменил свою позицию) и прочих партийность стала выше морали. Такого в Штатах еще не было. Это тоже «благодетельное» влияние Трампа.

Когда Трамп комментировал события в Шарлотсвилле, его слова еще можно было расценить как высказывания человека не совсем понимающего, что такое нацизм. Хотя для президента такое незнание недопустимо. Уж кто-кто, а президент должен был знать, что среди неонацистов, по определению, на может быть «nice people». И потому нельзя ставить мерзавцев на одну доску с теми, кто вышел сражаться против них. Но допустим, он не знал...

Однако, когда мы говорим о выборах в Алабаме, то здесь нет и не может быть никаких недоговоренностей. Президент открыто сказал, что ему нужен голос республиканца. Он будет нужен ему не только в случае принятия закона о снижении налогов, но и в дальнейшем. Ему нужен голос Мора, чтобы остановить преступность (демократ Джонс, который был весьма успешным прокурором, против этого?), нелегальную иммиграцию (демократ Джонс ее приветствует?), построить стену на границе с Мексикой (вот в этом вопросе в лице Джонса он союзника вряд ли найдет), запретить аборт (здесь его и голос Мора не спасет, ибо против запрета пока что большинство членов и его партии). Но еще не вечер. У Трампа обширная программа по перестройке страны. Ему надо вогнать Америку в установленные им рамки.

Как уже отмечено, примеру Трампа последовала и его партия. Такое развитие событий приводило к мысли, что Мор победит В его пользу заработала хорошо отлаженная партийная машина. Голос того же Ромни, предупреждавшего о позоре, который ляжет на партию и страну в случае избрания педофила, был заглушен хором республиканских пропагандистов, твердивших, во-первых, что Мор не виновен, ибо ничего не доказано, а во-вторых, что для партии и страны его голос жизненно необходим. Об этом и Трамп говорил. Поддержка Трампа выразилась еще и в том, что он атаковал Джонса как марионетку демократических лидеров в Конгрессе. Для него все демократы слабы в вопросах борьбы с преступностью, усиления армии, охраны границы и так далее... Добавьте сюда традицию штата, согласно которой республиканцы на любых выборах просто громили всех остальных. Многие уверовали в твердую победу Мора, и потому голоса людей стали звучать тише – зачем же ссориться с будущим коллегой, которого, тем более, поддерживает сам президент?! Далеко не каждый из них может рассчитывать на такое внимание босса. Их почему-то не смущало, что Трамп уже пролетел в этом штате (9 поинтов), когда на праймериз поддержал соперника Мора, относительно умеренного кандидата.

Вообще-то Трамп не горел энтузиазмом в отношении Мора. Его усиленно отговаривали от поддержки этого человека. Но он видел в нем союзника и хотел присоединиться к победителю. Не помешает для повышения популярности. Всегда можно будет сказать – я помог! Я протолкнул даже такого кандидата, хуже которого трудно отыскать. Куда вы без меня денетесь!

Сторонники Мора были счастливы такой поддержкой, называя ее «наилучшей помощью», которую они получили во время этой кампании. Лидер Сенатского большинства М. Макконнел уже заявил,

что пусть жители штата сами определяют победителя. Все складывалось в пользу Мора. Утреннее начало выборов, да и дневное продолжение также, не давало шансов демократу.

Однако Даг Джонс выиграл. Сейчас можно долго говорить о том, каков масштаб этой победы. Но хочется о другом. О позиции президента, который открыто избрал стратегию трайбализма, разрушающего целостность нашего общества.

В кадровых вопросах, в вопросе разделения нации Трамп недалеко ушел от коммунистов.

Соня Тучинская

Сан-Франциско, США

«Дети Цветов» вернулись в Сан-Франциско. Постаревшие хиппи

Великолепный городской парк, который простирается от тихоокеанского побережья через добрую половину Сан-Франциско, напоминает по форме гигантскую прямоугольную сковородку с длинной тонкой ручкой на конце, но называется почему-то Golden Gate Park – Парк Золотые Ворота.

А еще у нас есть океанский пролив и знаменитый подвесной мост над ним, названные все тем же, полюбившимся горожанам, помпезным именем. Помните, как замечательно описано

строительство этого моста в главе «Сан-Франциско» «Одноэтажной Америки»?

Всех гостей – из Америки ли, Израиля или России, впервые приехавших в наши края, мы непременно возем на берег пролива «Золотые Ворота», пешком в толпе туристов пересекаем с ними одноименный мост, а потом привозим их в наш знаменитый парк. В парке мы показываем им местные аттракционы: Японский Сад, старую ветряную мельницу, вольер с зубрами...

Однако, у наиболее вдумчивых из наших гостей наибольший интерес вызывает огромная поляна, на которой в январе 67-года проходил общеамериканский слет 30-ти тысяч хиппи – «Human Be In» – «Сбор всех племен». Зимний слет интересен не только сам по себе, но и тем, что стал генеральной репетицией Лета Свободной Любви в Сан-Франциско – сходки, собравшей в летний сезон того же 67-го года в городском квартале Хэйт-Эшбори до 100 тысяч «детей цветов». Январь в наших краях не многим отличается от июня, поэтому зимой в парке происходило примерно то же, что и через полгода – под летним небом на улицах Сан-Франциско.

Участникам обоих слетов раздавался бесплатная еда, которая нередко была приправлена главной пищевой добавкой 70-х – ЛСД, тысячи людей слушали на открытых площадках своих любимых рок-музыкантов и поэтов, до одури обкуривались травой и под звуки психоделической музыки, в полном соответствии с именем, под которым это лето вошло в историю, предавались свободной любви там, где заставлял их этот прекрасный зов природы. Новомодный хит сезона зимы-лета 67-го года подхватил тогда весь Сан-Франциско, сделав его своим неофициальным гимном: «Если ты собираешься в Сан-Франциско, не забудь вплести цветы в волосы».

Девушки-хиппи, не дожидаясь этого совета, давно уже ему следовали, вплетая живые цветы и яркие ленты в свои по-русалочьи длинные волосы и украшая ими же цветастые платья и сарафаны. Нижним бельем девушки демонстративно пренебрегали. Молодых людей, в свою очередь, изобличали драные джинсы-клеши, бороды «а ля мужик русс» и обобщенная лохматость. У обоих полов наблюдалась страсть к живописно изношенной несовременной одежде и к самодельным разноцветным «фенечкам» («friendship bracelets») на запястьях и лодыжках, а кроме того, презрение ко всему, снабженному фирменной этикеткой, то есть престижному, модно дорогому и оттого узко доступному. Именно оттуда, из Лета Свободной Любви 67-го, пошел новый демократический тренд, открывший всем нам свободу одеваться по своему выбору. «Прикид» длинноволосых хиппи, своего рода –

антимода, то есть стремление одеться вопреки всем трендам, незаметно сам стал на западе модным трендом. Это уравнило (в одежде) богатых и бедных до такой степени, что одеваться

«с иголки» в развитых странах сделалось просто неприлично.

С тех пор прошло, «протекло, как песок в корабельных песочных часах», 50 лет. И вот летом 2017-го в Young Museum, расположенном в центре окультуренной части парка, буквально в 15 минутах ходьбы от той самой памятной поляны, открыли ностальгическую выставку «Summer of Love – 50 years». Вообще говоря, именно с этого анонса,, напрямую, опустив длинный разгон, и стоило бы, наверное, начать. Ну, раз так написалось, пусть будет. С разгоном.

Итак, музей, выставка.

Когда лет семь назад городские власти решились на реновацию старого музейного здания, прекрасно, кстати, вписанного в парковый ансамбль, – почему-то победил именно этот проект – ни дать ни взять, гигантский лагерный барак неопределенно-мрачного цвета, увенчанный трёхъярусной крематорской трубой. Правда, к дизайну самих выставок этот дорогостоящий архитектурный ублюдок никакого касательства не имеет.

Экспонаты на выставке трогают своей аутентичностью. Субкультура хиппи представлена на ней во всех ее мыслимых и немыслимых проявлениях. Манекены в радужных, «психоделического» расцвета одежах 70-х выглядят как ряженые на веселом карнавале. Глаз радуется, глядя на все это этнически (с преобладанием индийских и индейских мотивов) расцветенное

разнообразие. «Девушки Покровского» хорошо бы смотрелись в этой компании.

На специальных дисплеях – аксессуары – от тяжелых «скифских» браслетов до тех самых обручей из бисера, кожи, шнурков и мулине, которые независимо от пола носят, как уже было отмечено, на запястье и/или щиколотке. Из аннотации можно узнать, что «язык», определяемый цветом этих милейших самоделок, их сочетанием и типом узоров на них, несет в себе определенное информативное послание. Уникальный, чаще всего, любовный код «фенечек» работает на манер «языка веера» у испанских мах 17-го века.

Негромким фоном звучат на выставке миролюбивые гимны «детей цветов», музыкальный манифест их неприятия войны, насилия, границ, страсти к наживе, и... их жизнелюбивого пофигизма. «Strawberryfield», «Love is all you need», «Feelin' groovy»... По всем залам экспозиции развешены подлинные постеры того времени. От выцветших под солнцем 67-го года «make love, not war!» пестрит в глазах. Они являют посетителям главное мотто «детей цветов» во всех формах, размерах, и материалах, от ручных вышивок и значков до баннеров, размером со скатерть. Еще бросается в глаза постер «Don't pay anyattention to anyone over 30» – Игнорируй любого, кому больше 30.

Но самым интересным экспонатом на выставке были те ее посетители, которые тыча подагрическими пальцами в фотографии кумиров своей молодости, узнавали рядом с ними себя или своих друзей. А групповых снимков – с легендарным рок-гитаристом Джерри Гарсиа, нежноликим Скоттом Маккензи, автором той самой песни о Сан-Франциско, мятежным поэтом-битником Алленом Гинзбергом, или никому дотоле неизвестной Дженис Джоплин, было на выставке без счета.

Эти люди, узнававшие себя на снимках 67-года, пришли на встречу со своей юностью. Согнутые жизнью женщины были все еще живописны на самый что ни на есть хипповый манер: в сборчатых цыганистых юбках или цветастых платьях в пол, с торбами из грубой мешковины через плечо и – пускай с поредевшими и полуседыми, – но, наперекор времени, распущенными волосами. Мужчин жизнь искромсала еще сильнее, но и они превратились не в обычных стариков, а скорее, в каких-то старых мальчиков. Большинство их друзей и возлюбленных, неумеренно потреблявших когда-то «расширяющие сознание» психоделики, уже давно в могиле. А эти вот чудом додержались до осени. И не только физически. Дожив до старости, они так и не сделались добропорядочными обывателями. Полвека прошло, а прежняя повадка – осталась.

Хотя и других примеров хоть отбавляй. Юным любителям мороженого марки «Ben & Jerry» может быть невдомек, что два удачливых антрепренера, давшие свои имена многомиллионному бизнесу по производству мороженого, провели Лето Свободной Любви в Сан-Франциско. В память об этом свою первую мороженицу они открыли на культовом перекрестке Хэйт и Эшбори. Мы обычно ведем своих гостей отведать там hippie ice-cream под рассказ о городе образца 67-го года.

И эти двое, со временем подавшиеся из хиппи в капиталисты, и те, оставшиеся верными себе, что своей обособленной группкой бродили в тот день по выставке, наверняка, помнят не только причудливо-романтическую, но и другую, менее парадную сторону Лета Любви. В прежде благополучнейшем районе города из-за страшной скученности (в квартире, сданной одному, проживало через какое-то время до двух десятков человек) развелись полчища крыс, началась вспышка менингита. Свободная любовь, сиречь, свободное от всяких условностей удовлетворение полового инстинкта, привели в многотысячной коммуне к вспышке венерических заболеваний такого небывалого масштаба, что власти вынуждены были открыть рядом со знаменитым перекрестком бесплатную клинику. Интересно, какими глазами они увидели сегодня себя, тогдашних? Как насчет девиза игнорировать тех, кому за 30? 50 лет назад они страстно исповедовали этику свободной любви и гедонизма. Не обернулось ли это для них печально-одиноким старостью? Однако, не подойдешь и не спросишь, и поэтому пора покидать мир прошлого, так любовно воссозданный создателями выставки.

Странное двойственное чувство остается после знакомства с субкультурой «детей цветов». С одной стороны – наркотики, неупорядоченный секс, сознательное неучастие в жизни общества, презрительное игнорирование всех его институтов. С другой – жажда самовыражения и свободы – «будь собой, не будь как все», непоказное равнодушие ко всему материальному, миролюбие, ненасилие, практикуемое и во время протестов.

А между тем, есть простой способ разрешить этот когнитивный диссонанс. Сравните мирный протест хиппи 70-х годов с молодежным протестным движением наших дней «Antifa». Костяк его, как явствует из названия, составляют новоявленные борцы с несуществующим фантомом американского фашизма. Один единственный раз, увидев их в деле, вы, отбросив все сомнения, проникнитесь искренней симпатией к длинноволосым безумцам 70-х.

Члены Антифы – все как один, сторонники мира, любви и терпимости, – обвязав физиономии черными тряпками, бросаются на

несогласных с их «антифашистскими» взглядами сограждан и безо всяких интеллигентских рефлексий начинают крошить им черепа с помощью бейсбольных бит и велосипедных цепей. Им все равно, где и против кого претворять в жизнь свои «гуманистические идеалы». На кампусах американских университетов из-за их угроз отменяют одно за другим выступления консервативных писателей, журналистов и политиков. У входа на ралли Трампа они избивали всех, на ком замечена фирменная красная кепка с ненавистным им лозунгом «сделаем Америку великой опять». В последние две недели они яростно крушат памятники конфедератам по всем городам и весям Америки. Им все равно – где. Им все равно – кого. Им нравится сам процесс насилия и победы над инакомыслящими, над их культурными символами. А куда в будущем направлять священную ненависть молодых погромщиков-антифашистов, будут решать левые элиты, чьими боевыми отрядами все эти Antifa, Black Lives Matter, Democratic Socialists of America, по сути, давно уже являются.

Ознакомившись ближе с сегодняшней практикой борьбы против традиционных американских ценностей, поневоле с нежностью вспомнишь босоногих хиппи, с их невинными фенечками и веночками, с их культом промискуитета и бродяжничества, с их склонностью к восточным философиям и практикам. А главное, с их органической неспособностью к физическому насилию, в том числе, и против представителей общества потребления и традиционной культуры, столь чуждых мятежному духу «детей цветов» полвека назад.

Яков Фрейдин

Сан-Диего, США

Сексуальные домогательства

— Нет, не могу я на это спокойно смотреть, — сказал мой друг Вилли, когда мы уселись за столик в ресторане и уставились на большой телеэкран над баром, — это ужас какой-то! Они режут перед телекамерами, слезами умываются, эти бабуся. Просто сердце щемит на них глядеть, на бедняжек этих...

— А что их так разобрало на старости лет? Чего они убиваются? — спросил я.

— А ты послушай о чём их страдания, тогда поймёшь. Вот эта мордатая бабка, гляди, как она захлёбывается, как слёзки бумажной салфеткой с косметики стирает. Слышишь, на что жалуется? Оказывается сорок лет назад, — нет ты не ослышался, я сказал сорок, этот политик в седых усах и ковбойской шляпе, вон он там на фото в верхнем углу, он тогда сорок лет назад был молодым холостяком и гулякой. Так вот, он эту мордату, что ныне в слезах, как-то в порыве эмоций ущипнул за задницу, один лишь разок.

Ну, не знаю зачем он это сделал — может, она тогда была на вид и ощуп поаппетитнее, чем сегодня, и он, наверняка, был в те годы менее разборчив. Да и нравы тогда было не такие ханжеские, как сегодня. Ну ущипнул и ущипнул, велико дело! Молодость, гормоны играют, было бы о чём говорить! Я даже допускаю, что она при этом взвизгнула, не то от боли, не то от радости — поди сейчас узнай. Так он, этот негодник усатый, представь себе, ущипнуть-то ущипнул, но дальше в нужном направлении не продвинулся, не стал её домогаться! Даже погулять не пригласил.

Уверен, она по этому поводу сильно огорчилась и затаила на него в душе хамство. На том они и распрощались, жили своими жизнями все сорок лет, как могли, пока он не остепенился и не стал знаменитым политиком, да при деньгах. Вот тут-то она и вспомнила про тот щипок. Кабы он по жизни получился работягой и без больших денег, она бы про этот пустячок и не вспомнила. Но он-то вышел в люди, стал известной личностью, а тут как раз в Америке открыли охотничий сезон на сексуальных приставал, тут она и вспомнила. И щипок вспомнила, и что затем ею пренебрёг, тоже.

А дальше что? Своих-то мозгов у неё явно не достанет, что с этим старым щипком делать, но всегда найдётся знаток, который сообразит, как из этого можно извлечь выгоду. Объявился какой-то адвокатишко, а может, даже открыл кошелёк сам мистер Сорос, которому надо для своих грязных амбиций этого политика, что в ковбойской шляпе, сковырнуть. Сорос любит свои миллиарды

втихаря тратить на развал этой страны и пропихивания наверх тех, кто ему послушен. Я не знаю, может, они даже эксперта по щипкам наняли, чтобы исследовать её задницу, не осталось ли там отпечатков пальцев этого престарелого политика? Но за сорок-то лет задница быльём поросла, так что и не разглядишь. Впрочем, им это не так важно, они эту мордатую бабуся всё равно нанимают, обучают денёк-другой, как перед камерой реветь, — и пошло-поехало! Рыдает новоявленная лицедейка, античный щипок переживает, хоть Оскара ей давай.

Пронырливый адвокатик чувствует, что каша заварилась и готова уже к употреблению, значит, пришло время этого старого щипуна судить. Только суд — дело рискованное, поди докажи, щипал ли он её за задницу сорок лет назад, или это ей в мечтах примерещилось? Свидетелей-то нет. Он говорит: «не щипал», она говорит: «щипал». Кому верить? Но адвокатик и не хочет дело до суда доводить, он этого даже боится. Ему надо сговориться с другой стороной, чтобы дело уладить до суда, договориться за кругленькую сумму. Такая у них, адвокатов, игра. Суд это ведь не для поиска справедливости, это как пугало, чтобы деньги высосать эффективнее.

Ну, а для ТВ и газет это тоже кормушка. Надо же о чём-то говорить и писать! На их счастье арабы постоянно терроризируют Европу и изредка Америку. Каждый такой случай кормит журналистскую свору лишь несколько дней, а о чём говорить потом, когда наступает затишье между стрельбой и наездами? Эта братия впадает в такое уныние, что доходит до крайности — начинает брать интервью друг у друга! К их счастью, тут поспекает клубничка: кто кого домогался, и каким способом, и что было, и чего не было. Золотая жила! Об этом можно говорить всегда и без остановки — плебсу подавай зрелища и ниспровержение богов, особенно таких, что отведали клубнички.

А потом, глядишь, каждый своё получит — бабуся заработает какую-то мелочишку на тряпки, адвокатик заграбастает кругленькую сумму, Сорос скovyрнёт этого консервативного политика и своего пропихнёт, а наш бедный политик будет доживать свои дни, сидя в Алабаме на веранде в сраме и ковбойской шляпе.

Тут подошёл официант и принёс нам с Вилли по большой кружке пива с копчёными куриными ножками, которые в Америке поэтично называют «крылья буйвола». Вилли сдул с пива пену, сделал глоток, куснул буйвола за крыло и продолжил обрисовывать для меня своё видение американского политического развлечения под названием «сексуальное домогательство».

—Я тебе сейчас про это дело объясню, только ты здесь здравого смысла не ищи. Это вопрос клинический. Кто эти бабуся, которые

много лет спустя начинают грустить, что к ним когда-то приставали, но в жёны не взяли? Это особая порода, таких поискать надо. Такой бабёнке радоваться бы, что она когда-то нравилась. А если к ней даже приставали супротив её желания, так что за беда, она разве не знала слова «нет»? Не хотела бы — не приставали бы. Я тебе сейчас нарисую типичный портрет такой запоздалой жалобщицы. Начнём издалека.

Знаешь, как называется женщина, которая недомогает? И от чего она недомогает! Что с ней? Может, голова болит, может язык износился. Это раньше было сложно диагноз поставить, а теперь просто — если она недомогает, значит, её никто не домогается. Вот и всё. Одной бабе, что поумнее, на это плевать, она от такого недомогания своим умом вылечится и будет жить спокойно и счастливо. Другая, что поглупее, злится и просто себе места не находит. В основном злятся те дуры, которые не вышли, как говорится, ни рожей, ни кожей. Иными словами — не женщины, а крокодилы в юбках. Кто их будет домогаться, кроме таких же крокодилов, как они? Хоть мужского пола, хоть женского, хоть даже среднего, который недавно тут у нас в либеральной Калифорнии узаконили. А если и ущипнули когда за задницу или за талию обняли, — так это сладкое воспоминание на всю жизнь! Только дура будет зло в душе держать.

Вокруг столько удачливых и порой бесхозных мужиков — и тебе крупные менеджеры, и голливудские продюсеры, и всякие иные профессионалы, вроде врачей или писателей, а есть даже сенаторы и конгрессмены! Они, эти мужики, ежели и будут кого домогаться, так не крокодилок, а уж таки-и-х женщин! Ого-го каких! Мы эдаких только на картинках видели и в мечтах. Ну ещё, может, таких красавиц, как наши с тобой жены. Шучу-шучу, мы с тобой не допустим, чтобы наших девчонок домогались. Ну так вот, бедных крокодилок зло разбирает от ревности к своим более удачливым сёстрам, коих природа наделила и рожей и кожей и всеми прочими прибабасами. Нет у крокодилок гормонального счастья, мне их даже жалко. Что им делать? Куда-то надо им свою кипучую энергию направить. Вот они, чтобы себя занять, ходят в турпоходы или кидаются в борьбу непонятно с кем и с чем. Или чего-то там спасают: то ли планету, то ли таёжную белую сову, то ли палестинский народ. Какая разница? — любая дурь годится. А иные, что ещё глупее, ударяются в феминизм. Всё по той же причине — никто их не домогается.

– Вилли, — перебил его я, — ты, мне кажется, насчёт крокодилок утрируешь. А что красивые женщины — их разве не домогаются? Я

думаю, даже больше, и они тоже жалуются на приставания. Вот возьми Голливуд и этого кабана Вайнштейна. У него-то рыло точно в пушку по отношению к кинозвёздам...

— О, господи, — вздохнул Вилли, — ты разве не знаешь, что Голливуд — это бардак по определению? Голливуд — бардак, и любой театр или цирк — тоже всегда бардак. А что, Сенат разве не бардак? А Конгресс не бардак? Там, где есть мужчины с властью и деньгами и много молодых женщин, — всегда бардак. Всегда! Такой уж закон природы. Но поговорим о Голливуде, это нагляднее. Теперь представь ситуацию — актёрское агентство присылает дебютантку на пробу к такому всесильному продюсеру, как этот кабанчик Вайнштейн, а он её начинает лапать. Это у него такой способ отбирать таланты — кто может понять художника? Сукин сын, конечно, но ведь это бардак, как там без лапанья? Специфика производства, понимаешь, а у дебютантки дилемма. Вариант первый: пусть себе лапает или даже кое-что позабористее затеет, но лишь бы дал роль. И тогда быть ей звездой.

Другой вариант: топнуть ножкой и хлопнуть дверкой, но тогда звездой не быть. Что она, бедняжка, выбирает? Если топнет-хлопнет, поедет домой к маме. А если выберет стать звездой, значит её устраивает эта голливудская цена. И ещё это значит, что она была и есть шлюха, которая продаётся, лишь бы цена была подходящая. Всё дело только в цене. Как продалась, становится у неё всё хорошо — снимается в кино, звездит на Оскаре, гламурит на обложках журналов, публика её любит.

Проходят годы. Внешность уже не та, ботокс и силиконовые накачки не помогают, ролей поубавилось или вовсе нет, публика забывать её стала. Никто никакую цену уж не предлагает — товар устарел. Что делать? Но вдруг адвокаты идею подают — суди этого негодника продюсера за то, что он много лет назад тебе цену высокую назначил, а ты с перепугу и жадности приняла. Гробь его, какой с него теперь прок? ТВ и газеты сразу крик поднимают, её имя опять на слуху. Ах, как стало снова хорошо!

Я тебе так своё мнение скажу. Он, продюсер этот, конечно сукин сын, и мне его ничуть не жалко, но и они, актриски эти, ему под стать. Все они в том бардаке одним миром мазаны. Так что от этой болтовни про приставания и сексуальный харассмент дурно пахнет, и особенно дурно пахнет от этих баб, которые через много лет вдруг ударились в слезы. Тем не менее, я считаю, что ежели такой властный приставала, когда ему говорят «нет», этого слова не понимает, а того хуже, если начинает ей мстить, вот его точно надо гнать поганой метлой. А если поприставал, отпор получил и всё забылось, да никакого зла ей не

сделал, так что об этом даже говорить? Зачем превращать нормальный человеческий флирт в цирк? Обществу от этого балагана один только вред.

– Я с тобой в общих чертах согласен, — сказал я, — хотя и от сексуального харассмента иногда может быть польза.

– Ну какая может быть польза от такой дури? — удивился Вилли.

– Сейчас объясню, вот послушай мою историю. Это кондо, что мы с женой купили лет десять назад и где сейчас живём, находится в чудном месте, парк рядом, до шопинга десять минут пешком. Ты ведь бывал у меня много раз и наверняка заметил, что в нашем комплексе есть много соседей. У нас с ними хорошие отношения, но в общем — никакие. Здравоваемся, ручкой машем при встрече, вот и всё.

Однако случилось так, что один сосед (он через три кондоминиума от нас живёт) проникся ко мне лютой ненавистью. Сначала я не понимал его хмурых взглядов, с чего бы это? Мы даже знакомы не были. От других соседей я узнал, что он врач-проктолог, провел несколько лет военврачом на вьетнамской войне, и там у него поехала крыша. После демобилизации он какое-то время поработал в госпитале, но его оттуда выгнали за нервные срывы и хамство пациентам. Доктор, даже если проктолог, должен всё же иметь на плечах голову. Человек он был ещё не слишком старый, образованный, но с вывихнутыми мозгами. Видимо, когда он узнал, что я родом из России, в его воспалённом мозгу проснулась старая ненависть к врагу, то есть к русским, с которыми он воевал во Вьетнаме. Тогда ему захотелось со мной тоже воевать и меня победить. Но как?

Мы с ним изредка встречались на улице, проктолог на меня как-то злобно фыркал, а я вежливо посылал его по месту его работы. Таким образом мы мирно сосуществовали пару лет. Но потом он избрал кляузное оружие — стал писать на меня жалобы в наш жилищный кооператив. Вернее, не на меня, а на нашего пёсика Тимми, мол, эта собака непрерывно и оглушительно лает и мешает ему наслаждаться жизнью на пенсии. А надо сказать, что Тимми был ну совершенно тихий пёс — он не то что лаять, даже повизгивать не умел. Тишайшее существо. Написал проктолог одну кляузу, потом вторую, третью. Из жилищного кооператива мне стали приходиться требования, чтобы я собаке заткнул пасть, или будет хуже. Я сначала вежливо отписывался, мол, это всё неправда, а потом плюнул и перестал обращать внимания.

В один не очень прекрасный день, пришёл конверт из адвокатской конторы, где было суровое письмо с требованием, чтобы я или отправил Тимми на операцию по удалению ему голосовых связок, или

сдал его в собачий приют, или вообще сам съехал из этого жилищного комплекса, а иначе дело будет передано в суд. Вот тут я разозлился. Ах, думаю, сукин ты сын, проктолог! Ну ладно, меня не любишь, так я это переживу. Но за что на моего пёсика нападать? Он-то к вьетнамской войне никакого отношения не имел, просто по причине своего молодого возраста. Тогда я придумал такой ход.

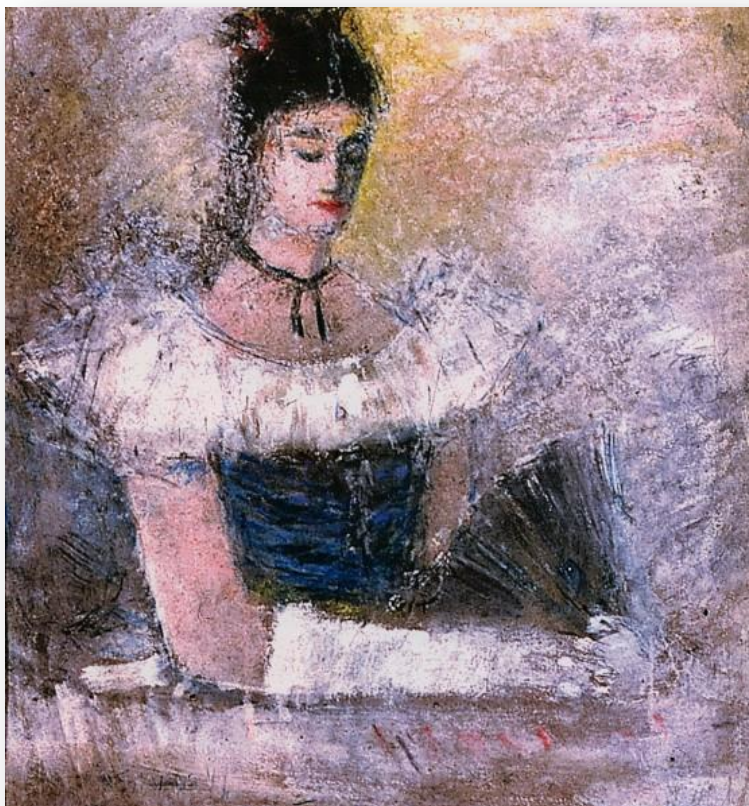
Я сел к компьютеру и написал этому адвокату вежливое письмо, что, мол, спасибо, дорогой Эсквайр (адвокаты в Америке любят, когда их величают старым британским титулом, хотя они такие же эсквайры, как я непорочная дева). Итак, говорю, спасибо, дорогой Эсквайр, что вы нашли время мне написать. Я совершенно согласен с вашими обвинениями по поводу моей собаки. Я полностью признаю, что Тимми действительно лает, притом громко. Однако тут есть нюанс. Он лает лишь в одном случае — когда наш сосед-проктолог втихаря заглядывает к нам в окна, чтобы подсмотреть как переодевается моя жена. Примите моё уважение, и прочая, и прочая...

Я письмо отправил, а через три дня, когда я в парке выгуливал собаку, ко мне подбежал Винс, председатель нашего жилищного кооператива, нежно принял меня под локоток и заискивающе сказал: «Мы совершенно не возражаем, если ваша чудная собачка лает. Даже приветствуем, пусть себе лает сколько ей заблагорассудится. На то она и собака, чтобы лаять. Только, пожалуйста, пусть всё будет тихо-спокойно, не надо никаких претензий насчет... ну сами знаете чего. Очень вас прошу. Договорились? А собачка... пускай себе лает».

— А как же проктолог? — спросил Вилли. — Он как на это среагировал?

— С того дня проктолог воспылал ко мне нежной любовью — стал вежливо здороваться, раскланивался, справлялся о здоровье Тимми и жены и даже подносил ей гостинцы, то есть собачке, а не жене. А через месяц сам завёл себе собачонку — маленькую, злобную и с совершенно оглушительным лаем, от которого просто спасу не было. Но я на него кляузы писать не стал. Не мой стиль... Так что, как видишь, и сексуальный харассмент тоже можно использовать на благое дело.

Часть 4. О литературе

М. Соколов. Дама с веером. 1944.

Марина Кацева

Бостон, США

Нет, надо заводить архивы... ¹⁰⁵

«Непереводимых стихов нет...»
Марина Цветаева – Полю Валери

«Поэт – издалека заводит речь./Поэта – далеко заводит речь...». Эти цветаевские строки настолько часто цитируют, что повторяющие их порой и не знают само стихотворение, которыми оно начинается. Их обычно используют как оправдательную «присказку» за многословие, что присуще, увы, не только поэтам. Вот и я начинаю издалека потому, что по ходу «статьи на тему», предпосланные ей название и эпиграф неожиданно раздвинулись, предоставив место личному.

125 лет тому назад, 26 сентября 1892 года, родилась Марина Цветаева. И хотя сегодня во всём мире день её рождения празднуют по новому стилю 8 октября, она сама до конца жизни отмечала свой день по старому календарю. Подтверждение тому – краткая запись в дневнике в её последний земной день рождения 26 сентября 1940 г.: «Поздравляю себя с 48-ю годами н-е-п-р-е-р-ы-в-н-о-й души...».

В который раз перечитываю эту запись и, как после любой цветаевской строки, возникает чувство горечи. Но ведь можно вспомнить и совсем другие слова, например, сказанные Мариной во

---

¹⁰⁵ В сокращении

время прогулки по московскому парку уже после окончательного возвращения в Россию. Их донесла до нас дочь Цветаевой, Аля:

«– Хорошо, что я здесь!

– Где?

– В России!.. Как меня будут любить! Читать – что? – любить через сто лет!»

И это сбылось! Причём, гораздо раньше предречённого срока: Цветаеву читали и любили ещё при жизни. И тогда, и сейчас многие ей «служат служеньем добровольца»; уже давно отысканы дома «где родилась я – или/В котором я умру»; и до сих пор бросаются проклятья «во мглу могил» тем, кто не помог ей нести её крест.... Казалось бы, всё выполнено, а радости нет. Что-то мешает. Что же? Комок в горле... Выходит, «жаркой рябины горькая кисть» – это цветаевский символ уже навсегда?...

Марина Цветаева. 1911 год. Фото Максимилиана Волошина

Тогда как же быть, например, с таким признанием юной Марины: «У меня роман с собственной душой, и я бесконечно счастлива!» Ведь так открыто заявлять в письме другу молодости может только действительно счастливый человек, уверенный в силе своего дара и точном знании собственного предназначения. Она знала:

Я сказала, а другой услышал
И шепнул другому, третий — понял,
А четвертый, взяв дубовый посох,
В ночь ушел — на подвиг...!

... Предвкушаю упрёк скептика: «Роман с собственной душой? Да это же чистой воды романтизм!» Согласна: мало кому было дано так знать и любить свою душу, как Цветаевой. Вот мы, к примеру, что обычно желаем друг другу в поздравительных тостах? «Мира с самим собой» или – как почти недостижимое! – «гармонии со своей душой»... До «романа» – никто не договорился... А в цветаевский «роман» веришь, потому что с этим чувством она жила «в просторах своей души», то есть в стихах и письмах.

«Дайте мне возможность быть счастливой, и я покажу вам, как я это умею...» (это из письма, цитирую по памяти, но за смысл ручаюсь). А это в стихах:

Да, я, пожалуй, странный человек,
Другим на диво!
Быть, несмотря на наш двадцатый век,
Такой счастливой! ...

Дело в том, что романтизм – это её «родимое пятно»! Природный строй её души, причина всех её поэтических взлётов и душевных порывов. Этот «романтизм», кстати, она ценила в себе больше всего и на вопрос, что такое романтизм, отвечала словами Жуковского: «Романтизм – это душа!»

Вообще «душа» – одно из главных слов в цветаевском словаре. Да, что слово! В литературный обиход давно уже вошло понятие «цветаевская душа». Потому что они – слово и поэт – неразделимы. Потому что Цветаева всю себя определяла только через свою душу, и даже там, где слово «душа» не произносится, оно подразумевается.

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший сер,
Где вдохновенье хранят, как в термосе,
С этой безмерностью в мире мер.

А теперь обратимся к эпиграфу: «Непереводимых стихов нет». Это цветаевское утверждение тянет за собой сложную тему. Условно назовём её: «Цветаева и теория стихотворного перевода». На самом деле тема уже достаточно разработана, правда, узким кругом специалистов, и пока ещё малоизвестна широкому читателю. Я не филолог, не переводчик, иностранными языками свободно не владею

и о теории перевода знаю только, что она существует. Однако, цепочка случайностей дала и мне повод задуматься над этой важной областью в поэтическом наследии Цветаевой.

М. Цветаева. Портрет работы Маши Кулешовой (холст, уголь). Из архива М. Кацевой
(Публикуется впервые)

Переводами Марина Цветаева, в совершенстве владеющая тремя языками, занималась всю жизнь. Началось это в раннем детстве, видимо, неосознанно, просто на слух. Окружающие вспоминают, что уже в четыре года маленькая Марина начала рифмовать слова, и если ей не хватало русской рифмы, с лёгкостью подставляла немецкую или французскую. В юности она сделала полный стихотворный перевод «Орленка» Ростана (не сохранился – сама сожгла его), а потом... – и уже до конца дней своих переводила поэзию с разных языков на русский, а любимых русских поэтов на французский.

В мае 1934 года, в минуту сильной депрессии, поэт Владислав Ходасевич прекратил писать стихи. Цветаева тут же бросилась ему на помощь – письмом. Это даже трудно назвать письмом. Я бы назвала это цветаевским завещанием поэтам на все времена. Каждое предложение её послания – формула. Каждое слово – подставленное плечо и протянутые руки. Цитирую, не столько потому, что трудно удержаться, а потому что цитата «в тему»: «Нет, надо писать стихи... Вам (нам!) дано в руки что-то, чего мы не вправе ни выронить, ни переложить в другие руки (которых – нет).... Не отрешайтесь, не отрекайтесь, вспомните Ахматову:

А если я умру, то кто же

Мои стихи напишет Вам? –

Не Вам и даже не всем, а просто: кто – мои стихи... Никто. Никогда. Это невозвратно... И именно потому, что нас мало, мы не вправе... Это меня беспокоит до тоски,... ибо я давно перестала делить стихи на свои и чужие, поэтов – на «тебя» и «меня». Я не знаю авторства... <...> Нет, надо писать стихи. Нельзя дать ни жизни, ни эмиграции <...> – этого торжества: заставить поэта обойтись без стихов, сделать из поэта прозаика, а из прозаика – покойника...».

При первом прочтении последние слова вопросов не вызвали.

Теперь же, в связи с затронутой темой, возник вопрос: почему Цветаева в предложенной цепочке «поэт – прозаик – покойник» не упомянула «переводчика»? Ведь могла же дать поэтам ещё один «шанс» – сделать их сначала переводчиком, а уж потом прозаиком?..

Вопрос, конечно, риторический и ответ ясен: Цветаева сделала это намеренно, потому что труд переводчика ценила так же высоко, как труд поэта. Стихотворный перевод для Цветаевой – это не промежуточная ступень, а не менее важная работа поэта в целом. Чешский писатель-переводчик Франтишек Кубка вспоминает, как взыскательно относилась Цветаева к своим переводам: «Это был мучительный труд. Строка за строкой – одни существительные, без глаголов. Как у импрессионистов. И всё же это был не импрессионизм, и не поэтизм, и не сюрреализм. Рифмы ассонансные. Слова разделены паузами по напевности и ударению. Видение мира иллюзорно, но в то же время ритм, мелодия стиха в высшей степени реальны...».

Размышления и поиски Цветаевой в области стихотворного перевода разбросаны по всем её писаниям, а суть сконцентрирована в трёх словах, вынесенных в эпитафию: «Непереводимых стихов нет». Правда, за этим категорическим утверждением последовала развёрнутая тирада-отповедь, но сначала...

Краткая справка. В 1931 году, задумав перевести на французский свои самые любимые стихи Пушкина, Цветаева обратилась к нескольким французским поэтам с просьбой принять участие в этом проекте. Поль Валери отказался под предлогом того, что такой гений, как Пушкин, не может быть адекватно переведён ни на какой другой язык. Вот тогда в Цветаевой во весь голос и заговорил переводчик. Пересказывать Цветаеву, как известно, дело неблагодарное. Её можно только цитировать, причём, максимально точно – заменишь одно слово – рушится формула. А цветаевские формулы – умные, точные по слову, мощные по мысли – это ведь тоже подарок свыше, как и её стихи...

Вот послушайте: «...Как может быть неперево́дим уже переведший? Уже переложивший на свой язык несказанное и неСказанное? Но переводить такого переводчика (Пушкина, – МК) должен поэт». Далее Цветаева упорно убеждает французского коллегу в том, что любой поэт уже «переводчик с ангельского, с родного, небесного языка... Я просто перевожу на общечеловеческий язык и тут уже не важно какой – французский или немецкий», – заключает она.

Проблема поэтического перевода настолько волновала Цветаеву, что она решилась оспорить даже Гёте, которому среди поэтов отвела место Бога. В 1926 году она пишет Рильке: «У Гете где-то сказано, что на чужом языке нельзя создать ничего значительного, – я же всегда считала, что это неверно... Поэзия – уже перевод, с родного языка на чужой – будь-то французский или немецкий – неважно. Для поэта нет родного языка. Писать стихи и значит перелагать. Поэтому я не понимаю, когда говорят о французских, русских и прочих поэтах. Поэт может писать по-французски, но не быть французским поэтом. Я не русский поэт и всегда недоумеваю, когда меня им считают и называют. Для того и становишься поэтом (если им вообще можно стать, если им не являешься отродясь!), чтобы не быть французом, русским и т.д., чтобы быть – всем... Орфей взрывает национальность или настолько широко раздвигает её пределы, что все (и бывшие, и сущие) заключаются в неё. И хороший немец – там! И – хороший русский!».

Кажется, что если только собрать все-все мысли и суждения Цветаевой на эту тему, они вполне могли бы стать основой её собственной теории стихотворного перевода. Да она и сама так считала: «Могла бы сейчас написать теорию стихотворного перевода, которая сводилась бы к транспозиции, перемене тональности при сохранении основы. .. Вещь надо не столько переводить, сколько создавать вновь на другом языке. Не только другими словами, но и другими образами...».

Именно так, видимо, и переводила Цветаева русские стихи на французский язык. Несмотря на то, что некоторые французские поэты так и не приняли цветаевские переводы Пушкина, сама Цветаева отвечала на это столь же категорично: «Переводы х-о-р-о-ш-и и таковыми останутся, если даже Поль Буайе их н-е одобрит... Отвечаю за каждое слово. У меня слишком свой язык (соседство слов)...».

Друзья! Знание этих положений вам пригодится, если вы дочитаете данную статью до конца.

Теперь о названии. Знаете ли вы, что такое «цветаевская анкета» и почему понадобились кавычки? На второй вопрос ответить просто:

кавычки потому, что на вопросы отвечала не Цветаева, а читатели. А вот откуда взялись эти анкеты и как конкретно та, о которой пойдёт речь, оказалась в Бостоне, – объяснить можно, снова начав издаലെка.

О существовании подобных анкет я узнала очень давно, в 1982-м году. Это был год 90-летия М. Цветаевой и тогда, в рамках юбилея, в Москве состоялись первые в России Всесоюзные цветаевские чтения. В перерыве организатор чтений Лев Мнухин вручил мне бланк с вопросами и попросил раздавать его «известным людям», с которыми я пересекалась в стенах Московской филармонии.

Пробежав глазами анкету, отложила в сторону: покорило начало – «Имя, фамилия, отчество»! Запахло отделом кадров: «не был, не служил, не состоял...» Вопросы тоже в стиле допроса с пристрастием: «любите ли Цветаеву? а за что? а какие именно стихи? не любите? а за что?...». Однако, вскоре моё отношение к этим вопросам поменялось с точностью до наоборот. Произошло это после встречи, посвящённой анализу собранных к тому времени анкет. На доске крупно были выписаны вопросы, а Л. Мнухин зачитывал полученные ответы.

Та встреча осталась незабываемым событием в моей жизни. Больше тридцати лет прошло, а помню, как будто это было вчера. Поразили и ответы, и особенно реакция зала. Люди кому-то неистово аплодировали, кого-то столь же неистово захлопывали, выкрикивали с места, рвались к микрофону, негодовали... Видимо, составители анкеты сами не предполагали, какой лакмусовой бумажкой окажутся вопросы и как отношение к Цветаевой сразу проявит, кто есть кто...

После этой встречи я уже раздавала анкеты знакомым знаменитостям с прицельным интересом. Взяли многие, но откликнулся один-единственный человек – незабвенный Зиновий Гердт. Прислал ответы письмом. Оригинал я передала Мнухину, а себе оставила копию, которую и привезла в эмиграцию. Когда же Бостон начали посещать именитые гости из России, появилась идея продолжить прерванный эксперимент в Америке. И надо признать, что бостонский опрос оказался намного результативнее московского – более двадцати анкет. Листаю их, имена сменяют друг друга – поэты, писатели, музыканты, учёные... Поразительно: ведь на самом деле между обложками обычного скоросшивателя хранятся бесценные свидетельства духовной жизни нескольких поколений читателей Цветаевой, оставленные рукой её знаменитых соотечественников, а по сути – кусочек истории, кусочек жизни...

Помните, мы когда-то любили гадать по книгам: что первым прочтётся, то и сбудется. Цветаева, кстати, доверяла такому гаданию и часто к нему прибегала, особенно в последние годы. Вот и мне вдруг захотелось. Почему-то первое, к чему потянулась рука, оказалась вовсе не книга, а папка с «цветаевскими анкетами». И раскрылась она на анкете – кого бы вы думали? – Сергея Юрского. Надо же! Гаданье – что называется «в руку»! Последние дни я часто думаю о Юрском, о его неповторимом актёрском даре, пересматриваю свои выписки из его книг... И вдруг – анкета Юрского, о которой, признаюсь, я совершенно забыла. Когда пыталась вспомнить, как она попала ко мне, пришлось пойти, по совету Цветаевой, «по обратному следу», и ... – звенья цепи соединились.

Дорогой друг!
Ваши ответы на вопросы данной анкеты нам интересны и важны. Спасибо.

АНКЕТА

Фамилия, имя, отчество Юрский Сергей Юрьевич

1. Как Вы относитесь к творчеству М.И. Цветаевой?
С благодарным восхищением.
Благодаря от безмерности её таланта

2. Какие жанры её творчества и какого периода Вами наиболее любимы?
Не объявлю значащим.
Но самым важным – женские стихи – если взгляды – и даже сепаратно.
Проза – мощная чужая стихия

3. Какие стихи Цветаевой Вы считаете лучшими?
не знаю на заре её творчества
остаёт, особенно рядовыми

4. Оказала ли Цветаева влияние на Ваше творчество?
Исполнено её переводов Пушкина
на французские языки. Но зато раз
иногда даже поэзия

5. Что в личности Цветаевой Вас привлекает особенно всего?
Безграничная мощь

1987 год, Москва. Юбилей Аркадия Райкина. Все театры послали гонцов для приветствия юбиляра. Ленинградский БДТ делегировал Сергея Юрского. Поставив в стороне подарок – огромный конверт – актёр сразу перешёл к «номеру» и объявил: «Пушкин. Цветаева. «Бесы»... Определить словами впечатление не берусь..., но одним попробую – в-о-с-т-о-р-г!!! С той минуты я мечтала хотя бы ещё раз услышать этот «номер». Не пропускала чтецких программ Юрского с тайной надеждой. Но, увы...

Прошло восемь лет. 1995 год, Бостон. Юрский и Тенякова гастролируют по Америке со спектаклем «Стулья». Один спектакль в Бостоне. За кулисы к Юрскому не пробиться, вне театра и подавно не поймать. Удалось взять интервью у Натальи Теняковой. В конце беседы я задала вопрос: «Какое место в вашей жизни занимает Цветаева – поэт и личность?»

Для справки. Это интервью под названием «Мы совсем не ощущаем, что мы в Америке» было тогда же, в 1995-м, опубликовано в газете «Новое Русское Слово». Так как сейчас это интервью найти невозможно, так как газета уже давно не существует, как, кстати, и её архив, пользуюсь случаем познакомить вас с ответом актрисы:

«Честно сказать, я её боюсь. Её нужно либо безумно любить, быть её фанатом, и тогда она тебе откроется, понимаете, тогда это станет твоим..., либо – я её боюсь. А вот Серёжа относится к Цветаевой со страстью. Это слышно в его исполнении её переводов. Пушкина вообще-то перевести адекватно ни на какие языки невозможно. Переводы же Цветаевой Юрского сразили. С одной стороны, они буквальны. С другой, это и Пушкин, и Цветаева, и ещё целый мир. Это просто какое-то чудо! Обычно Серёжа делает свои программы сам с собою. Он только просит меня перед самым показом зрителю послушать его дома, в комнате. Потом мы обсуждаем какие-то детали. А тут – я просто задохнулась. Ничего не могла говорить. Да и что здесь обсуждать. Одно слово – восторг...»

Уходя, я оставила чистый бланк анкеты и вскоре по почте пришли ответы. Перед вами полный текст ответов Сергея Юрского, написанные его рукой.

Фамилия, имя, отчество – Юрский Сергей Юрьевич

1. Как Вы относитесь к творчеству Цветаевой?

– С боязливым восхищением. Боязнь от безмерности её таланта.

2. Какие жанры её творчества и какого периода Вами наиболее любимы?

– Не являюсь знатоком. Но пьесы люблю меньше. Стихи – если вчитаешься – любое. Проза – мощная, умная, ёмкая.

3. Какие стихи Цветаевой Вы считаете лучшими?

– ...но если по дороге куст встаёт, особенно рябина...

4. Оказала ли Цветаева влияние на Ваше творчество?

– Исполняю её переводы из Пушкина на французский язык. Каждый раз бываю сам потрясён.

5. Что в личности Цветаевой Вас привлекает больше всего?

– Безоглядная мощь.

6. Кто из поэтов XX века, по Вашему мнению, ей «равносилен»?

– Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Бродский

7. Считаете ли Вы, что современные поэты находятся под влиянием Цветаевой? Если да, то кто именно?

– Не думаю. Не дотянуться.

9. Что Вам не нравится в творчестве Цветаевой?

– Временами излишняя экзальтация.

10. Чем Вы можете объяснить все более возрастающий интерес к её личности и творчеству?

1. Просветлением умов. 2. Модой.

11. Ваша профессия?

– Актёр.

... А мечта ещё раз услышать «номер» Юрского всё же осуществилась – спустя тридцать лет! Не так давно какой-то хороший человек поставил на youtube запись того самого его выступления на юбилее Райкина. Послушайте! Не пожалее! Всего несколько минут... – и вы испытаете в-о-с-т-о-р-г, каким может одарить только искусство.

Однажды Цветаева получила из Америки от незнакомого литературного критика, Петра Балакшина, восторженный отзыв на её прозу. Он писал: «Как это ценно и важно, какой глубокий памятный след оставляют эти Ваши прекрасные, взволнованные вещи..». Цветаева ответила ему: «Такой отзыв – дороже дорого. Чистый восторг – чистейшее из чувств».

Именно это «чистейшее из чувств» привело меня к рассказу о «цветаевских анкетах», об анкете Юрского, о встрече с Натальей Теняковой и к попытке прикоснуться к теме «Цветаева-переводчик».

Юлий Зыслин

Вашингтон, США

Несколько слов о раннем цветаеведении в Америке

Непосредственно цветаевской тематикой в той или иной степени в Америке занимались многие учёные. При этом ещё до 1997 г., т.е. до открытия «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки», по этой тематике было издано более 40 книг и опубликовано множество журнальных и газетных статей. Многие из них находятся в собрании музея.

Заметим при этом, что в 1950-е годы и позднее много внимания уделялось Марине Цветаевой в таких знаменитых русских изданиях, как журнал «New Review» («Новый журнал», основан Алдановым и Цетлиным в 1942 г. по идее И. Бунина), например, в 1953, 1959, 1963, 1967, 1974, 1976, 1978, 1986, 1990 гг. и газета «Новое русское слово» (1910-2010), с 1953 г. много раз. Более поздние русские журналы Слово/Word, «Вестник», «Вашингтон и его окрестности», «Большой Вашингтон», «Зеркало», «Чайка», «Форум», Russian Community Journal (Massachusetts) и др. и газеты «Континент», «Панорама», «Контакт», «Взгляд», «Бостонское время», «Бостонский курьер» и др. опубликовали немало материалов по цветаевской тематике и вообще по Серебряному веку.

Активные авторы: Светлана Ельницкая, Ирина Чайковская, Лилия Панн, Марина Кацева, Ирина Машинская, Юлий Зыслин, Александра Свиридова, Элла Кричевская, Феликс Пресс, Майя Левянт, Виктор

Финкель, Александр Лейзерович, Елена Левенсон-Чернохвостова и др. В литературных передачах Ильи Граковского на русском телевидении Америки RTN-WMN не раз звучали стихи Марины Цветаевой и шёл разговор о ней.

Многие годы и во многих городах Америки проходили (проходят и сейчас) литературные и литературно-музыкальные вечера, клубные встречи, фестивали, исполнялись композиции и спектакли по русской поэзии, в том числе, по Цветаевой. Назовём некоторые известные нам, но наверняка далеко не все, города США, где проходили и проходят сейчас подобные мероприятия: Вашингтон, Нью-Йорк, Балтимор, Филадельфия, Бостон, Чикаго, Миннесота, Сан-Франциско, Сан-Диего.

Некоторые активисты этого процесса: Елена Якобсон, Белла Данцкер, Жанна Владимирская, Майя Левянт, Надежда Брагинская, Марина Кацева, Юлий Зыслин, Феликс Пресс, Анна Гольдберг, Ирина Волкович, Рустем Галич, Елена Строгонова, Евгения Лебедева, Bill Parsons, Борис Розенфельд, Тамара Белорусец, Рива Богомольная, Ирина Панченко, Борис Казинец, Элла Кричевская, Марина Тюрина-Оберландер, Нина Паулова и многие другие.

Большие заслуги перед русской литературой, в частности, у знаменитого нью-йоркского «Издательства имени Чехова». С трепетом беру в руки книгу: Марина Цветаева. «ПРОЗА» (1953 год) – дарение проф. Марка Альтшуллера (Питтсбург). Издание этого тома

Марина Цветаева. Фото Петра Шумова

осуществила по государственному гранту (не без организационных и технических трудностей) Екатерина Исааковна Альтшуллер-Еленева (1897-1983) — дальняя родственница дарителя и чешская подруга Цветаевой. Её отец лечил в Крыму писателей Толстого и Чехова, а брат, доктор медицины, Григорий Исаакович Альтшуллер принимал роды у МЦ, когда та рожала сына Мура в Чехии в 1925 г..

Екатерина общалась с МЦ в Чехии, любила её поэзию, переписывалась с МЦ, собрала о ней некоторый архив, сведениями которого, живя в Нью-Йорке, поделилась с Семёном Карлинским, когда тот работал над своей диссертацией и биографией МЦ, и с дочкой МЦ Ариадной Эфрон, которая после освобождения из советского Гулага, готовила к изданию первую послевоенную книгу стихов МЦ в СССР.

Издатель-просветитель, переводчик, критик, эссеист, главный редактор издательства «Руссика» (RUSSICA PUBLISHERS, INC., NEW YORK), человек энциклопедических знаний Александр Сумеркин (1943-2006), составил и подготовил текст собрания сочинений Марины Цветаевой (2 тома прозы и 5 томов поэзии), на издание чего ушло 12 лет работы. Русско-американский писатель Александр Генис назвал его работу над этим изданием «тихим филологическим подвигом». Сумеркин и крупный биограф МЦ Виктория Швейцер сделали необходимые комментарии. Первому тому поэзии предпослан её биографический очерк.

Участие Иосифа Бродского (1940-1996, в Америке с 1972 г.) свелось к тому, что он написал, по просьбе Сумеркина, предисловие для двухтомника прозы МЦ, которое стало потом эссе «Поэт и проза», а его эссе «Об одном стихотворении» было использовано в качестве предисловия к пятитомнику поэзии МЦ. В резерве осталось эссе «Примечание к комментарию».

В этих эссе поэт Иосиф Бродский проявил себя как серьёзный американский литературовед. Нобелевский лауреат 1987 года любил и высоко ставил МЦ («Крупнее Цветаевой в нашем столетии нет поэта»), но не посвятил ей ни одного стихотворения (неужели для этого требовалось взять слишком высокую ноту?). При этом он много говорил о ней в своих американских выступлениях и в интервью с искусствоведом и историком Соломоном Волковым. МЦ была ему близка и оказала существенное влияние на его творчество. Он считал, что МЦ «возможно, самый искренний <поэт> в истории русской поэзии» (в то же время у МЦ было богатое воображение, склонность к мифотворчеству, неучёт чего ввёл в заблуждение биографов МЦ и

не позволяет, по-видимому, создать строго научную биографию поэта).

Александр Евгеньевич Сумеркин окончил филфак МГУ и уже в студенческие годы подрабатывал как синхронный переводчик, обладал высоким литературным слогом, любил и знал музыку, играл на фортепиано. Приехав в США в 1978 году, сотрудничал с издательствами «Руссика» и «Ардис», с журналами СЛОВО\WORD и New Review («Новый журнал»), с газетой «Новое русское слово» (1910-2010). В НРС он помещал свои неординарные критические статьи по музыке в раздел «Арена искусств» у Майи Прицкер и по литературе в раздел «Глаголь» у Ирины Лейкиной. Под редакцией Сумеркина вышел литературный альманах «Руссика-81», книга Иосифа Бродского «Римские элегии», книги Нины Берберовой, Владимира Высоцкого (1988) и др. Он, тесно сотрудничая с Иосифом Бродским, был его литературным секретарём и переводчиком. Вместе со Львом Лосевым он подготовил посмертное многотомное собрание сочинений своего друга.

Теперь остановимся на трёх крупных американских цветаеводах. Это С. Карлинский, В. Швейцер и Д. Таубман.

Проф. Семён Карлинский (1924-2009), родом из русского Харбина, прибыл в Америку в 1938 г., ученик Петра Струве, Глеба Струве и Романа Якобсона, по первой специальности музыковед и композитор, служил в американской армии в 1943-1946 гг. (позже был военным переводчиком и офицером связи). С 1957 г по совету Петра Струве обратился к литературоведению, закончил в 1960 г., Калифорнийский университет (Беркли), где впоследствии стал заведующим кафедрой Славянских языков и литературы. Известен как историк, популяризатор («кучер») русской литературы в Америке, который открыл Западу Марину Цветаеву, автор более 250 работ (Kasinec E. In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky, Berkeley Slavic Specialties, 1994, p.1-2). После магистратуры в Гарварде у друга Маяковского Романа Якобсона он вернулся в Беркли, где для темы диссертации, которую защитил в 1964 г., выбрал неизвестную тогда в Америке Марину Цветаеву, с которой были знакомы Пётр Струве и его жена (рассматривалась также тема по писателю А.Ремезову, другу семьи Эфронов во Франции).

Диссертация Карлинского вышла в 1966 г в Америке отдельной книгой «Cvetavaeva. Her Life and Art» и явилась едва ли не первой крупной работой по Цветаевой в мире, и поэтому, естественно, неполной, спорной и с неточностями (в России она стала известна как будто только после издания в 1985 г. его книги «Marina Tsvetaeva: the woman, her world, and her poetry» / Simon Karlinsky. New York:

Cambridge University Press). Долгие годы имя Семёна (Симона, Саймона) Карлинского в России упоминалось только в негативном контексте, а его работы игнорировались.

Единственная официальная публикация Карлинского в СССР – это статья в «эротическом» 11-м номере «Литературного обозрения» за 1991 год. Вообще эротическая тема при изучении русской литературы (131. Karlinsky, S. *Russia's Gay Literature and History (11th– 20th Centuries)* / Simon Karlinsky // *Gay Sunshine*. 1976. – № 29 / 30. – P. 1-7.) – это конёк Карлинского (в 2009 г. его бой-френд, тоже профессор, обнародовал в некрологе сведения о его гомосексуальных наклонностях). Используя опубликованные в Америке работы советского литературоведа С.Поляковой о поэзии лесбиянки Софьи Парнок и о её взаимоотношениях в 1914-1916 годов с МЦ, автор особое, возможно, чрезвычайное внимание уделяет этим взаимоотношениям (с тем же, если не с ещё большим рвением и сомнительными обобщениями, последовали ему и другие американские филологи – Лилия Фейлер и Диана Бургин. Хотя интимная сфера жизни любого человека, конечно, важна и разговор об этом – это элемент свободы выражения и самовыражения, но попытки это сделать носили следы сенсационности и моды, т.к. об этом многие годы говорить было не принято).

Литературовед Виктория Швейцер, выпускница филфака МГУ, сестра известного кинорежиссёра Михаила Швейцера, автор одного из первых и, наверно, лучшего жизнеописания Марины Цветаевой (по комплексному подходу, по цельности и общему уровню изложения). Эту работу В. Швейцер закончила в 1987 г. уже в Америке, где она проживает с 1977 г. в городе Амхерст (штат Массачусетс). Многие годы вела здесь семинары по русской литературе в частном колледже – Amherst College.

Книга Виктории Швейцер «Быт и бытие МЦ» была впервые опубликована в 1988 г. в Париже в издательстве Андрея Синявского и его жены «Синтаксис», после чего была издана на английском – дважды в США и других странах. В СССР книга издана в 1992 г.

Виктория Александровна в середине 1950-х годов стала собирать стихи МЦ, несколько лет регулярно посещала РГБ и переписывала их от руки. Собранную подборку предложила журналу «Новый мир», где та была опубликована в 1965 г. без указания её имени. Отдельные стихи, письма и проза МЦ напечатаны в этом журнале, по данным Льва Мнухина 1992 года, ещё и в 1969, 1971, 1976, 1977, 1979, 1983, 1985, 1988 и 1990 годах. Изучая Цветаеву, Швейцер общалась с Алексеем Кручёных, Ариадной Эфрон, Саломеей Андрониковой,

Людмилой Чириковой, подругой МЦ Маргаритой Лебедевой. Встречалась с Анастасией Цветаевой, ездила в 1966 г. в Елабугу.

Живя в США, Швейцер помогала Александру Сумеркину в издании первого в мире собрания сочинений МЦ, консультировала коренную американку с российскими корнями Джейн Таубман в её цветаевских исследованиях (о Таубман см. ниже). Наезжая изредка в Россию для работы с новыми материалами в архивах, она переосмыслила жизнь и творчество МЦ, убедилась в правильности своих прошлых заключений, кое-что прояснила и издала новое уточнённое и расширенное в связи с новыми материалами жизнеописание МЦ. Здесь появились и спокойные, взвешенные рассуждения о взаимоотношениях МЦ и Парнок. В 2002 году эта книга была опубликована в московском издательстве «Молодая Гвардия» в серии «ЖЗЛ» и несколько раз переиздавалась, в частности, там же в 2007 году.

Коренная американка Джейн Таубман, потомок в третьем поколении выходцев из Бессарабии и Литвы, хорошо зная ещё в школе английский и французский языки, заинтересовалась русским языком (дома по-русски уже не говорили). Обучаясь в колледже и относясь к послеспутниковому поколению американцев (первый в мире искусственный Спутник Земли был запущен в СССР 4 октября 1957 г), которые были уязвлены успехом России в космосе и загорелись желанием обогнать Россию в науке, Джейн, как она рассказывала в 2001г в интервью нью-йоркской газете НРС, захотела лучше узнать Россию и Восточную Европу.

При подготовке дипломной работы в Гарварде (опять Гарвард, как у Карлинского, о котором тогда Джейн ничего не знала), ей предложили обратиться не к Ахматовой, а к Цветаевой, видя её интерес к женскому творчеству. Это был 1963 г., с этого началась её будущая книга о Марине Цветаевой. Дипломная работа называлась «Ребёнок в работах Марины Цветаевой». Потом была защищённая в 1972 г. докторская диссертация в Йельском университете «Между письмом и лирикой: эпистолярные дружбы Марины Цветаевой», знакомство в Москве в 1973 с Викторией Швейцер, которая в течение 25 лет уже в Америке ее неоднократно консультировала.

Книга Джейн Таубман о МЦ «A life Ththrough Poetry» была завершена в 1987 г. и издана в 1989 г. в Slavica Publishers, Inc., причём стихи МЦ приведены там на двух языках – по-русски и по-английски (последние в переводе автора). В данной книге автором поставлена задача «изучить творческий метод Цветаевой при помощи последовательного чтения её стихов в хронологическом порядке как «лирический дневник». Книга свежая, добрая, тёплая. Попытка

описания жизни МЦ в основном по её творчеству отличается от предшествующих ей жизнеописаний советских исследователей. По предложению директора Московского музея Цветаевой (ДМЦ) Э.С. Красовской, книга Джейн Таубман «Живя стихами...». Лирический дневник Марины Цветаевой» в 2000 году была издана музеем на русском языке в переводе с английского Татьяны Бабёнышевой.

В последующие годы в Америке опубликовано немало работ по цветаевской тематике, что может быть предметом отдельной статьи...

К 125-летию Марины Цветаевой

Ирина Чайковская

Б. Вашингтон, США

Сестры Марина и Анастасия Цветаевы: отражения

В июле в ретроспективе документальных фильмов Марины Голдовской было показано много интересного. Среди прочего – неоднократно мною виденный фильм об Анастасии Цветаевой «Мне девяносто лет. Еще легка походка». В этот раз вызвал он у меня другие мысли – я подумала о сходстве-несходстве двух сестер, об их непохожих и в чем-то сходных судьбах.

Но прежде – скажу вот о чем.

Картина эта, кроме всего прочего, – еще и рассказ о старости, о старости советской, удручающей не столько разрушением человеческой плоти, сколько неухоженностью и нищетой. Нигде – ни в Европе, ни в Америке не видела я таких нищенски одетых пожилых

женщин. Анастасия Ивановна и две ее подруги – Татьяна Лещенко-Сухомлина и Евгения Кунина – дожили до поздней старости (99, 95, 99 лет), и стоит взглянуть на их убогий скудный гардероб, на глубокие складки на замученных, хотя и просветленных лицах, – как тут же понимаешь, в каких страданиях, лишениях и борьбе за выживание протекли их годы.

Да, две из них прошли через ад Гулага, но ведь после... после были десятилетия советской жизни, при которой «старость» – не на словах, а на деле - ассоциировалась с маленькой пенсией, отсутствием медицинского присмотра, неуважением общества.

Да, эти три девяностолетние женщины, родившиеся до революции в обеспеченных интеллигентных семьях, читают стихи, поют, горюют, что больше не увидят Парижа, но боже мой, почему, почему им не было дано то, что давно имеют их сверстницы на Западе: возможность красиво одеться, сделать прическу, воспользоваться услугами врачей и косметических кабинетов?

Анастасия Цветаева (справа) и Евгения Кунина

Почему, если я вижу на экране, скажем, Майю Туровскую, Софью Бернштейн-Богатыреву или Людмилу Штерн, я тут же, по их ухоженному виду и одежде, определяю, что живут они не в России, что съемки ведутся за границей?!

Но это к слову. Писать я хочу о сестрах Цветаевых, об их сходстве и несхожести.

Марина (Маруся, Муся) родилась в 1892, Анастасия (Ася) двумя годами позже, в 1894. Родились в семье немолодого профессора Цветаева, создателя Музея изящных искусств в Москве.

Судьба отпустила им годы неравномерно – Ася прожила вдвое больше Мусиного. Муся оборвала свой жизненный бег сама, в эвакуации, в Елабуге, 31 августа 1941 года, 48-и лет отроду. Ася умерла в Москве в 1993, в своей постели, почти достигнув столетнего возраста, на восемь месяцев пережив сына Андрея.

Марина мечтала о внуках, судя по чудесному стихотворению «Бабушка» («Когда я буду бабушкой», 1919). Уже и имена придумала внучке и внуку – Маринушка с Егорушкой. Бог не привел. Муж Сергей Эфрон был расстрелян (на Лубянке?) в октябре 1941, сын Георгий Эфрон погиб в 19 лет на фронте Великой Отечественной. Из всей Мариной минисемьи могила есть только у Ариадны Эфрон, похороненной в родной для всех Цветаевых Тарусе.

Анастасия и Марина Цветаевы с Николаем Мироновым. 1912

Могила самой Марины в Елабуге затеряна, точного места захоронения нет. Правда, в Тарусе есть камень, на котором написано: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». А ведь какие удивительные строки были сложены Цветаевой в молодости, (в 21 год), в Коктебеле! «Идешь на меня похожий». Там о могиле, о кладбищенской землянике, которой нет «вкуснее и слаще». Думала, что могила будет. Но, может быть, так и нужно, чтобы могилой поэту был этот «Тарусский камень», где витает дух, а не лежат останки?

Младшая сестра Ася покоится вместе со старшими Цветаевыми и сыном Андреем на Ваганьковском кладбище. Ее линия живет, у нее есть внуки.

Но вернемся к фильму. Думаю, что его бы не было, если бы Анастасия Ивановна не носила фамилию Цветаева, прославленную старшей сестрой Мариной. Рассказ идет о цветаевской семье. Отец,

мать, дом, распорядок жизни, Рождественские елки... О Марине Анастасия говорит неустанно, на протяжении всей картины, что еще раз доказывает первенствующую роль старшей сестры.

Книга Анастасии «Воспоминания», вышедшая в 1971 году, вызвала небывалый ажиотаж, ее тираж в 100 тысяч экземпляров был мгновенно распродан – таков был интерес к Марине. В те годы цветаевские стихи, стараниями дочери, Ариадны Эфрон, начали издаваться, читатели их узнали – и полюбили.

Марина Цветаева

Да, Анастасия жила в тени славы старшей сестры. Она это сознавала. И напрасно Ариадна Эфрон укоряла «Воспоминания» за то, что там много самой Анастасии, а Марина показана без должного пиетета.

Пиетет был. С первых же страниц заявлялось: «Ее (Маринина, – И.Ч.) одаренность была целым рангом выше моей, она с первых лет жизни – по народной пословице – «хватала с неба звезды».

Или такое: «... самая главная из нас, самая выдающаяся – и умом, и талантом, и характером – Маруся».

Тут нужно сказать вот что. Младшая сестра тоже была наделена писательским даром, правда, была она не поэтом – прозаиком. Все написанное ею до 43-х лет (до ареста в 1937 году) пропало, было уничтожено органами ГБ. Судя по книге «Воспоминаний», младшая Цветаева была талантливой писательницей. Книга получилась интересная, с большим количеством живых черточек, описаний, с

любовным портретом Марины. Мне даже кажется, что подробностей слишком много, книга огромная, больше 600 страниц. Нет того пристального внимания к слову, о котором говорила Марина Цветаева в своих письмах к редактору Рудневу, печатавшему в парижских «Современных записках» (1920-1940) ее прозу. Она считала, что проза поэта отличается от таковой писателя тем, что материалом для нее выступает слово и даже слог. Проза Марины – чудо, она потрясает. Проза Анастасии обстоятельна, она интересна фактами и подробностями.

Анастасия Цветаева

Ну и от себя рассказчица не бежит, у нее своя жизнь, своя судьба. Было ли между сестрами соперничество? Тут мне вспоминается стихотворение, ставшее очень популярным, благодаря фильму Эльдара Рязанова, где оно положено на музыку, «Мне нравится, что Вы больны не мной».

Все ли знают, что посвящено оно Маврикию Александровичу Минцу, второму мужу Анастасии, которого Марина увидела в 1916 году, когда приехала навестить сестру в Александров. В Марининых стихах явно живет некоторая ревность к сестре, строчки о «ночном покое» так и хочется понимать наоборот – оно и понятно: Марина была безмерна в своих притязаниях, ей всего и всех было мало. «Маленький рыжий еврей» Маврикий Минц, гражданский муж ее сестры, был для нее чем-то привлекателен.

Вообще Цветаеву тянуло к евреям. Их отверженность казалась ей сродни отверженности поэтов: «В этом христианнейшем из миров/ Поэты – жидаы». Конечно же, соперничество было, было и непонимание, и временами разлад, неизбежное следствие того, что они носили одну фамилию, занимались творчеством и имели общий круг друзей и знакомых.

Мицц умрет от перитонита в 31 год, их с Асей годовалый сын Алеша погибнет в 1917 году – от дизентерии. Малыш, погибший в год революции от дизентерии, – бесспорно жертва разрухи и голода.

Марине тоже было суждено потерять дочь Ирину, умершую от голода в 1920 году в возрасте 3-х лет в Кунцевском приюте. Эту тяжелую историю, напоминающую сюжетом роман Уильяма Стайрона «Софи делает выбор», мы слышим в рассказе Анастасии. А потом она читает Маринины стихи:

Если душа родилась крылатой –
Что ей хоромы и что ей хаты!
Что Чингисхан ей и что Орда!
Два на миру у меня врага.
Два близнеца, неразрывно слитых,
Голод голодных – и сытость сытых.
(18 авг. 1918)

Марина в революцию не чувствовала голода, жила поэзией, театром... но вот дети... Они от голода умирали. С трудом удалось выходить и спасти Алю, заболевшую в приюте воспалением легких, малярией и еще какой-то пакостью. И вот ужасная констатация: «Старшую из тьмы выхватывая, – /Младшей не уберегла» (Две руки, легко опущенные, апрель 1920).

В эмиграции во Франции Марина родила сына – Георгия, Мура. Анастасия и в фильме, и в своих «Воспоминаниях» называет Мура косвенным виновником самоубийства матери. Против этого резко восставала Ариадна, восстаю и я. Писала уже неоднократно, что оба – и мать, и сын – были загнаны судьбой в капкан безвыходной ситуации. Винить мальчика, «Марину Ивановну» бесспорно любившего и ею до безумия любимого, нельзя. Оба оказались в тупике.

В биографии Анастасии значится, что в 1921 году ее, по рекомендации Михаила Гершензона и Николая Бердяева (высокая протекция!), приняли в Союз писателей. Теперь она стала получать карточки на продукты и могла питаться в писательской столовой, следовательно, могла прокормить себя и выжившего в голод Андрюшу. А в 1922 году поэт Павел Антокольский (герой Марининой прозы!) познакомил Анастасию с неким Борисом

Зубакиным, мистиком и розенкрейцером, впоследствии расстрелянным, из-за знакомства с которым ее трижды арестовывали в 1933, 1937 и 1949 году.

В первый арест ее спас Горький, во второй она была приговорена к 10 годам лагерей за участие в «контрреволюционной организации», отрубилась в БАМлаге от звонка до звонка и через два года была взята повторно, уже за создание «фашистской организации» – и приговорена к вечной ссылке в Сибирь. Реабилитирована со смертью Сталина. Сын прошел похожий путь, вслед за матерью был дважды арестован, был в лагере и на поселении.

Страшная, но вполне обыкновенная для того времени история. Читаю и соображаю, что, когда в 1939 году Марина Цветаева из Франции поехала в Советскую Россию вслед за дочерью и мужем, она ЗНАЛА, что ее сестра Ася томится в лагере на Амуре. Все же удивительный роман написал Маркес «Хроника объявленной смерти». Марина знала, *куда и на что* она ехала. И все сбылось.

Сестры были различны характерами и привычками. Ася из мистика превратилась в конце жизни в православную христианку. С 27 лет была вегетарианкой, блюла обет безбрачия, исповедовалась и причащалась, окуналась в Святой источник. Добивалась, чтобы Марину отпели в церкви, чего не делают с самоубийцами, – и получила разрешение на отпевание сестры от самого Патриарха Алексия II.

Что до Марины, то для нее не было запретов – ела и пила, что было в доме, курила, любила мужчин, случалось, и женщин, хотя душой тянулась к единственному – Сергею Эфрону, мужу перед Богом и людьми.

А как же Бог? В уже упомянутом стихотворении «Бабушка», о нем сказано так:

Ни ночки даром проспанной:

Всё в райском во саду!»

— «А как же, бабка, Господу

Предстанешь на суду?»

«Свистят скворцы в скворешнице,

Весна-то — глянь! — бела...

Скажу: — Родимый, — грешница!

Счастливая была!

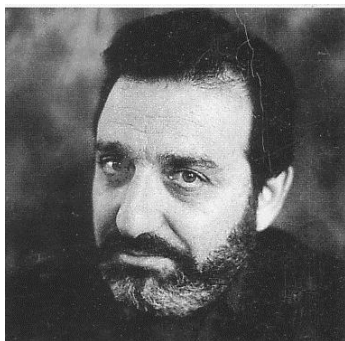
Была грешницей, но – счастливой. Написано сие в голодной, темной и холодной России 1919 года. И знаете, в чем, мне кажется, причина? Марина владела Божьим даром – поэзией, он и сделал ее – наперекор ужасу ее жизни – счастливой.

Порядок – и безмерность, пост – и грехи, жизнь на родине – и отъезд, смерть в своей постели – и самоубийство... Рожденные в одной семье, вместе нараспев читавшие стихи, обе с похожими голосами и интонациями, не закончившие гимназии, рано выскочившие замуж и потерявшие ребенка, дружившие с Пастернаком и Волошиным... Они такие разные, эти сестры Цветаевы, одна из них – талант, другая – гений.

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

К 80-летию Эрнста Зальцберга. Можно ли расчистить песок забвенья?

Из цикла «Откуда и куда. Писатели Русского зарубежья»

Когда говорят о Торонто, я всегда вспоминаю Эрнста Зальцберга – геолога, музыканта, романтика, который многие годы своей жизни безоговорочно посвятил одной цели. Что делает Зальцберг? Он инициирует исследования по истории российских евреев в Америке, а потом издает их на собственные деньги. Помню, однажды мы говорили с Эрнстом Абрамовичем об энтропии – мрачной силе, которая уничтожает труды человека. Особенно разрушительна энтропия в эмиграции, где отсутствуют многие культурные институты, призванные систематизировать и сохранить созданное людьми. «Конечно, нам никогда не справиться с песком забвенья, – сказал я. – Но мы, сообразно правилу, которое так любил Толстой,

должны делать то, что должно, и пусть будет то, что будет». Зальцберг помолчал, а потом воскликнул, как-то особенно аккуратно подбирая слова: «Знаете, а я всегда думал, что песок забвенья можно расчистить. Разве стал бы иначе выпускать РЕВА?»

РЕВА – это его сборники «Русские евреи в Америке». Предваряя нашу беседу с Эрнстом Зальцбергом, приведу сейчас несколько мнений об уникальной книжной серии. Известный московский профессор Владимир Телицын с удивлением констатирует: «Глобальное исследование по истории эмиграции из России». Знаменитый петербургский литературовед и критик Константин Азадовский утверждает: «Многие публикации, помещенные в этих томах, открывают совершенно новые темы». А вот обращение к Зальцбергу лингвиста и литературоведа Анатолия Либермана (Миннесотский университет, США): «Чужие дети быстро растут и редко болеют. Так и нам, с неизменным одобрением следящим за Вашим детищем, трудно оценить, чего стоит издавать том за томом РЕВА... Сотни имен в указателях – это не просто списки: это часто люди, воскресшие из небытия. Перед нами прошли великие деятели науки и искусства, писатели, политические деятели и, что не менее важно, люди, которые переселились в Новый свет из притеснявшей и травившей их Европы. И здесь улицы не были вымощены золотом, но эмигранты пробили стену упорством и способностями. РЕВА – памятник не только героям всех Ваших выпусков, но и Вам, Вашему бескорыстию и усердию... Продолжайте дело, которому Вы отдали столько сил, и слово отзовется не только в среде Ваших друзей, но и там, где Вы не ждете отклика».

Писательница Маша Рольникайте («литовская Анна Франк», которая тоже вела в гетто дневник) когда-то назвала Зальцберга одиноким мечтателем. А я подумал сейчас: парадокс нашего прагматичного времени состоит в том, что именно идеалисты часто побеждают в своей схватке с «песком забвенья».

ЕЦ. Ваша биография необычна. Сначала Вы окончили геологический факультет Горного института, а вскоре – Ленинградскую консерваторию как пианист. Шли годы. Вы защитили кандидатскую диссертацию по гидрогеологии, опубликовали множество научных работ, добились международного признания в этой области. Одновременно появлялись Ваши глубокие очерки о деятелях культуры, прежде всего – музыкантах. Как сосуществуют две столь разные сферы деятельности в Вашей жизни – конфликтуют или гармонично дополняют друг друга?

ЭЗ. Вспоминаю сейчас, как в 1955 году, окончив с медалью ленинградскую школу, я должен был ответить для себя на вопрос, который встает перед большинством людей: что же дальше? Сразу отмел смутное желание поступить в университет – для еврея это было практически невозможно. Подал документы в Горный институт, куда медалистов брали без экзаменов и который до войны окончил мой папа. Так и стал студентом геолого-разведочного факультета.

Но все это время – и раньше, и позже – со мной была музыка. Нередко рассказывают о том, как родители заставляют ребенка часами сидеть у инструмента. Меня никогда и никто не принуждал. Это было радостью. Уходом из серых буден. Естественно и без особого напряжения я окончил с отличием музыкальную школу и, уже будучи студентом Горного, три курса музыкально-педагогического училища.

Эрнст Зальцберг

В 1960-м начал работать гидрогеологом, но – почти одновременно – поступил на заочное отделение Консерватории в класс замечательного фортепианного педагога М.Я.Хальфина. Нравилась ли мне моя работа? Я изучал подземные воды в Ленинграде и на Северо-Западе России, их влияние на строительство и сельскохозяйственное производство. Звучит скучно, но, пожалуй, и здесь я находил гармонию, которую не хочу сейчас пытаться передать словами. В 1967 году с отличием окончил Консерваторию и, после

очередных долгих колебаний, решил все же остаться в геологии. В 1972-м защитил кандидатскую диссертацию и в последующие семь лет опубликовал ряд статей (некоторые из них перевели на английский) и две монографии по гидрогеологии. (Кстати, когда я приехал в Санкт-Петербург на празднование 50-летия со дня окончания института, то был приятно удивлен: обе мои книги до сих пор используются студентами в качестве учебных пособий).

Страсть «к писанию» проявилась у меня рано – это шло, наверное, от мамы. Она была хирургом, работала в научно-исследовательском институте, откуда ее уволили после пресловутого «дела врачей». Но и потом, служа в городской больнице и будучи оторванной от научной среды, мама стала автором многих публикаций по военно-полевой хирургии (во время войны она была военным врачом). А мои первые научно-популярные статьи о подземных водах появились в ленинградских газетах и журналах в 1960-е.

...И снова я должен был сделать выбор: после того, как в декабре 1979-го советские войска вторглись в Афганистан. Несмотря на сравнительно успешную карьеру, в 1980 году я покинул СССР и – оказался в Канаде. Об эмигрантских «хождениях по мукам» сказано много. Не хочу повторяться. Моя адаптация в новой стране проходила долго и трудно. Перебивался случайными заработками (здесь, кстати, пришлось вспомнить и профессию пианиста – играл на уроках в балетных классах). Наконец в 1988-м был принят в Министерство защиты окружающей среды, в котором проработал почти пятнадцать лет, а в 2002 году вышел на пенсию. Работа была увлекательной – поездки по стране, общение с разными и чаще всего интересными людьми (включая аборигенов), сознание нужности того, что делаешь. Могу похвалиться? За «трудовые успехи» был удостоен «Аметистовой награды». Я работал в области практической гидрогеологии, но опубликовал ряд статей теоретического характера – некоторые цитируются до сих пор.

Выход на пенсию, который был тогда обязателен для государственных служащих в Канаде по достижении 65-летнего возраста, оказался для меня тяжелой травмой. Иногда удавалось участвовать в каких-то проектах (в том числе канадско-российских), но это почти ничего не меняло в моем самоощущении: «лишний человек». Меня спасла музыка. Я стал больше играть на фортепиано и преподавать, находя в этом утешение.

На первый взгляд, неожиданно пришли ко мне издательские мечтания. Одно время хотелось составить антологию «Подземные воды в русской поэзии» (упоминания о них встречаются в стихах Пушкина, Лермонтова, Фета и других больших поэтов). Неосуществленным

остался и проект «Русские названия на карте Северной Америки» (здесь есть свои Москва, Санкт-Петербург, Одесса и т.п.). К числу осуществленных отнесу издание книги *Great Russian Musicians from Rubinstein to Richter* («Знаменитые российские музыканты от Рубинштейна до Рихтера», Mosaic Press, 2002), цикл статей о выдающихся российских исполнителях и (не удивляйтесь!) гидрогеологах: они появились в престижных американских журналах. И вот, наконец, книжная серия РЕВА.

ЕЦ. *Сейчас очевидно: издание сборников «Русские евреи в Америке» стало Вашей миссией. Как бы Вы ее сформулировали?*

ЭЗ. Главная цель РЕВА – подчеркнуть выдающуюся роль русских евреев в развитии американской экономики, науки, культуры, политических и общественных институтов. При этом я имею в виду не только США (хотя большая часть публикаций РЕВА посвящена этой стране), но и Канаду, и Латинскую Америку (Аргентину, Бразилию, Чили). Другая цель альманаха: вернуть в научный оборот имена и работы людей, как зачастую говорят, незаслуженно забытых. Боюсь замучить Вас перечислением, однако все же назову сейчас некоторых деятелей литературы, искусства, науки, военного дела, которые обрели «вторую» жизнь на страницах РЕВА. Об их путях и судьбах я много думал в минувшие годы.

Чарльз Спивак (1861, Россия-1927, Денвер), врач, писатель, администратор, борец за общественную систему здравоохранения, один из организаторов крупного туберкулезного санатория и Национального еврейского госпиталя в Денвере, пионер борьбы с туберкулезом в США. Абрахам Соломон Фрейдус (1867, Рига-1923, Нью-Йорк), библиограф, директор еврейского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки, создатель оригинальной системы классификации и поиска еврейской литературы. Соломон (Шломо) Давидович Зальцман (1873, Гродненская губерния -1946, Тель-Авив), книгоиздатель в России, Германии, США и Израиле. Продукция его издательств отличалась высоким полиграфическим мастерством и художественным оформлением. Осип Соломонович Габрилович (1878, Санкт-Петербург -1936, Детройт), пианист, многолетний дирижер Детройтского симфонического оркестра. Помимо исполнительской деятельности, занимался композицией; автор нескольких оркестровых произведений и фортепианных миниатюр, которые исполнял с блеском и элегантностью. Илья (Илиаху) Маркович (Мордухаевич) Троцкий (1879, Ромны -1969, Нью-Йорк), публицист, общественный деятель, ходатай за русских литераторов в изгнании, много сделал для присуждения Нобелевской премии И.Бунину. Артур Вели (Абрахам Велчер; 1881, Киев-1912,

Дейтон), первый в истории летчик-испытатель-еврей, погиб при испытании последней модели самолета братьев Райт. Александр Яковлевич Брашловский (1884, Ростов-на Дону -1958, Нью-Йорк), поэт, переводчик, эссеист, революционный деятель (...Придет пора, и, новый Муций/ Я шею протяну ножу/ В годину буйных революций). Давид Сарнов (1891, Узляны -1971, Нью-Йорк), генерал, президент радиокорпорации RCA, организатор радиоэлектронной промышленности США, основатель американского радиовещания и телевидения, общественный деятель, филантроп. Гизелла Сигизмундовна Лахман (Рабинерсон) (1893, Киев-1969, Вашингтон), поэтесса, которую называли «американской Ахматовой». Автор поэтических сборников «Пленные слова» (Нью-Йорк, 1952), «Зеркала» (Вашингтон, 1965) и многих публикаций в эмигрантской периодике. Менахем Риболов (1895, Чуднов-1953, Нью-Йорк), журналист и критик. Писал главным образом на иврите и отчасти на идиш. Редактор многих периодических изданий на иврите, составитель «Антологии поэзии на языке иврит в Америке». Иосиф Моисеевич Шиллингер (1895, Харьков -1943, Нью-Йорк), композитор, музыковед, педагог, поэт, скульптор, фотограф, математик. Разработал математическую теорию анализа произведений искусства, создал универсальную теорию сочинения музыкальных произведений. Среди его американских учеников был Д.Гершвин, автор первой американской оперы «Порги и Бесс». Сидор Беларский (Исидор Ливишиц; 1898, Крижополь -1975, Нью-Йорк) совмещал в одном лице оперного певца (газеты называли его «наследником Шаляпина»), исполнителя камерного репертуара, синагогальной музыки и еврейских народных песен, собирателя песен на идиш и иврите, аранжировщика и композитора. Хаймон Риквер (1900, Маков, Польша -1986, Арлингтон), адмирал, кавалер многих орденов и медалей. Возглавлял работы по созданию первой атомной подводной лодки «Наутилус» (1952) и атомного подводного флота США. В 1983 году была спущена на воду мощная атомная подводная лодка «Риквер». Евгений (Эжен, Юджин) Лурье (1903, Харьков -1991, Лос-Анджелес), художник, арт-директор и режиссер, работал во Франции и США с выдающимися режиссерами Ж.Ренуаром, М.Офлюсом, М.Аллегре и Ч.Чаплиным. Сол (Соломон) Алинский (1909, Чикаго -1972, Калифорния), создатель и пропагандист новых технологий социальных и политических движений; среди его ярых поклонников – Б.Обама и Х.Клинтон.

ЕЦ. Конечно, Вы помните, как родилась идея и сформировалась концепция РЕВА. Давайте перенесемся в те дни.

ЭЗ. Идея создания серии «РЕВА» принадлежит покойному Михаилу Ароновичу Пархомовскому. Еще живя в Москве, он стал одним из первооткрывателей темы «Евреи в культуре Русского зарубежья». Эмигрировав в 1990-м в Израиль, Михаил Аронович организовал Научно-исследовательский центр «Русские евреи в зарубежье» (РЕВЗ, 1997). Под руководством Пархомовского и при его участии было издано более 20 томов, включая тематические сборники о русских евреях в Англии, Франции, Германии и Австрии, Польше и Палестине/Израиле. В 2002-м вышла первая книга РЕВА, которую мы редактировали вместе с Михаилом Ароновичем. Начиная со второго выпуска, я стал единоличным редактором-составителем сборников РЕВА: с 2013 года они выходят под эгидой Научно-исследовательского центра «Русские евреи в Америке».

Вы спросили о моем спонсорстве? Когда-то на вопрос, как далеко простирается моя книжная филантропия, я ответил: на деньги, потраченные на РЕВА, мог бы купить новый «Порше». Спросивший меня человек выразил мне свое недоумение. А мне близки слова одного из псалмов: «Счастливы те, кто щедры во все времена».

В этом году вышла 16-я книга РЕВА. В каждом томе примерно 300 страниц; за 15 лет было опубликовано около 250 статей. Среди них немало биографических очерков, посвященных самым разным людям – от всемирно известных до полностью забытых. Нередко в статьях рассматриваются профессиональные группы (врачи, учителя, художники, музыканты, деятели театра и кино) и общественно-политические движения (Ам олам, рабочее движение, развитие социалистических и анархистских идей). Я стремился, чтобы эти публикации восполнили наши представления о русско-еврейской эмиграции, осветили те ее стороны и факты, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей. Иногда удается дополнить, а порой и внести коррективы в установившиеся взгляды и концепции. В альманахе участвуют авторы из России, Украины, США, Канады, Израиля, Польши, Германии, Австрии, Италии и Аргентины. Наличие РЕВА во многих университетских и государственных библиотеках этих стран позволяет специалистам легко найти нужный им материал.

ЕЦ. *С самого начала зарождения русско-еврейской периодики стали популярны альманахи. Этот тип издания отличает и Вашу серию. Здесь публикуются научные работы, популярные очерки, мемуары русских евреев об их первых шагах на чужой земле. Не раз Вы знакомили читателей и с образцами творчества Ваших героев – писателей, поэтов, журналистов. Как проходит работа над очередным номером?*

ЭЗ. По-моему, самое трудное – заметить очередное «белое пятно», а потом найти автора, согласного безвозмездно и, конечно, профессионально написать статью на заданную мной тему или предложить собственную, интересную для РЕВА. Как ищу авторов? Просматриваю публикации в Интернете, российские и англоязычные журналы, материалы конференций и симпозиумов. Иногда авторы находят меня сами, но это – не часто.

Затем начинается работа над рукописью (редактура, корректура, приведение цитат и библиографии к принятым стандартам). Объем и время работы зависят от того, кто автор. Если профессиональный исследователь или журналист, все сводится к минимуму (исправление опечаток, описок). Если автор непрофессионал, то нужно добиться логики изложения, выправить стиль, проверить имена, даты, библиографию. Бывают нерусскоязычные авторы, пишущие по-русски – здесь требуются большие усилия по переводу с «английского русского» на «русский русский». Случаются курьезы. Так, одна американская журналистка написала, что «дорога была усеяна уключинами»; мне пришлось долго убеждать ее заменить «уключины» на «ухабы». И, наконец, некоторые присылают рукописи на английском: их нужно в полном смысле слова перевести на русский, зачастую снабдив примечаниями. Если у меня возникают сомнения теоретического или методологического характера, я, к счастью, могу обратиться за помощью к членам редсовета РЕВА А. Либерману, Г. Кратцу, И.Обуховой–Зелиньска.

...А музыка? Я нередко слышу ее, редактируя очередную рукопись, и это – сам не понимаю, каким образом – неожиданно облегчает мою работу.

Владимир Солунский

Милуоки, США

Поэтический альбом. Борис Чичибабин¹⁰⁶

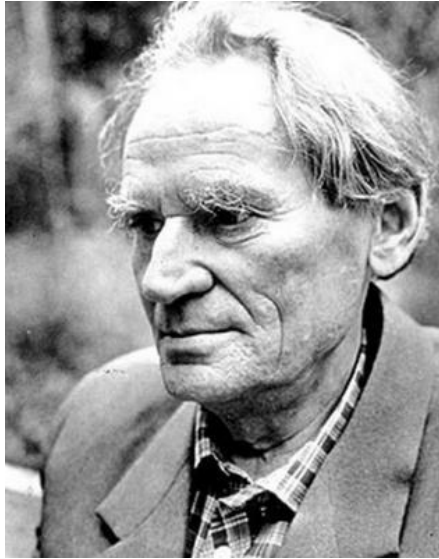
Несколько слов к читателю, который следит за «Поэтическим альбомом», буде такой читатель найдется. Недавно я рассказывал о «комиссаре» Б.Слуцком, потом о «контрике», как бы сказали в 20-х годах, Н. Гумилеве. И вот теперь, чтобы замкнуть треугольник, – о человеке, который был полной противоположностью и тому, и другому. Люди совершенно разные. А судьбы? Есть, о чем задуматься...

Этот очерк посвящен Поэту. Я не случайно написал это слово с большой буквы – поэзия была целью и смыслом жизни этого человека. Причем сам себя он называл поэтом только в стихах. Очевидцы рассказывают, что при первом знакомстве Евтушенко, протянув руку, представился : «Евтушенко, поэт» . И получил ответ: «Чичибабин, бухгалтер».

Чичибабин был погружен, скорее насильственно, чем по собственному желанию, в политическую жизнь страны. Его кратковременный публичный взлет для широкой публики прошел не слишком замеченным. Поэтому в нашем сегодняшнем рассказе недостаточно обычного цитирования. Многие из его стихов приходится приводить почти полностью.

---

¹⁰⁶ В сокращении

Борис Чичибабин

*Сколько вы меня терпели!..
Я ж не зря поэтом прозван,
как мальчишка Гекльберри,
никогда не ставший взрослым....
...Детство в людях не хранится,
обстоятельства сильнее нас, -
кто подался в заграницы,
кто в работу, кто в семейность.
Я ж гонялся не за этим,
я и жил, как будто не был,
одержим и незаметен,
между родиной и небом....
.... Не командовать, не драться,
не учить, помилуй Боже,-
водку дул заради братства,
книгам радовался больше.
Кем-то проклят, всеми руган,
скрючен, согнут и потаскан,*

*доживаю с кротким другом
в одиночестве бунтарском.
Сотня строчек обветшалых -
разве дело, разве радость?
Бог назначил, я вещал их,
дальше сами разбирайтесь...
...А когда настанет завтра,
прозвонит ли мое слово
в светлом царстве Александра
Пушкина и Льва Толстого?*

Борис Чичибабин (Полушин) родился в 1923 году, закончил школу в 40-ом, поступил на исторический факультет Харьковского университета, где проучился полгода. Дальнейший отрезок биографии предопределен. Как только исполнилось 18, призван в армию, где и служил до 1945 г. Место службы – Закавказский военный округ. В это же время там служил и Б.Окуджава, и тоже солдатом минометной роты. Кстати, если кто забыл, там тоже шли бои, служба была «не сахар». В результате Чичибабин был демобилизован по инвалидности с тяжелым артритом ног.

Вернулся в Университет, их было тогда довольно много, парней, донашивающих свои армейские шинели. Вернулся уже на факультет литературы, сдавая экзамены сразу и за первый, и за второй курсы. Из этого курса впоследствии вышло несколько довольно известных поэтов. В отличие от них, Чичибабин не только писал стихи, но и «издавался».

Делалось это так: покупалась школьная тетрадка, разрезалась вдоль пополам, а потом еще перегибалась вдоль опять пополам. Получалась такая узенькая книжечка, где он своим мелким, изумительно разборчивым почерком, этот почерк сохранился у него на всю жизнь, писал свои стихи. Этот, пожалуй, первый «самиздат» ходил по рукам среди сокурсников, что в конце концов и определило дальнейшее. В 1946 году Чичибабин был арестован. Шло общее «подмораживание» обстановки в государстве. Что было в этих стихах – неизвестно, они не сохранились, а Чичибабин не пытался их восстановить. Скорее всего – ничего в них не было. Срок, который он получил (пять лет лагерей), по тем временам считался «детским». И вот там, в тюрьме, родился настоящий поэт.

В 1951 году Чичибабин, отбыв заключение, был освобожден и, когда уже я учился в Университете (1954/ 59 гг), мы знали чичибабинские «Красные помидоры» и «Меняю хлеб на горькую затыжку»:

*«...Как я дожил до прозы
Горькою головой?
Вечером на допросы
Водит меня конвой.
Лестницы, коридоры
Хитрые письма...
Красные помидоры
Кушайте без меня!...»*

И еще:

*«Меняю хлеб на горькую затяжку,
Родимый дух приснился и запах.
И жить легко и умирать не тяжело
С дымящейся сигаркою в зубах.
И здесь, среди чахоточного быта,
Где камеры зловонны и мокры,
Все искушенья жизни позабытой
Слились в одну лишь пригоршню махры
Горсть табаку, газетная полоска...
И нету счастья проще и острей.
И вдруг в зубах погаснет папироска
И заскучает воля обо мне.»*

«И заскучает воля обо мне». Для тех, кто не курит, поясню. У курильщиков есть примета: когда вдруг гаснет папироса – это значит, что кто-то по тебе скучает.

Из «Вятлага» в 1951 году он вернулся вместе с Клавой Поздеевой – сотрудницей этого лагеря. Напомню, что Чичибабин был демобилизован из армии по инвалидности, и в лагере бывали случаи, когда с работ в барак его приходилось тащить буквально на руках. И вот, его, доходягу, Клава там не раз спасала. Она сама была очень больным человеком (тяжелая эпилепсия) и, освобождаясь из лагеря, Чичибабин уговорил ее поехать с ним – в Харькове климат помягче, врачам можно показаться. Не знаю, что это был за брак, но через пару лет Чичибабин радостно сообщал друзьям: «Клава выходит замуж!»

Возвращение поэта к нормальной жизни проходило тяжело. Ни о каком университете не могло быть и речи. Место работы – Харьковский драматический театр им. Пушкина, должность – «рабочий сцены». Не знаю почему, но время от времени Театр им. Пушкина служил прибежищем для таких неприкаянных. Так, через 10

лет после Чичибабина там же, и тоже «рабочим сцены», работал мой школьный товарищ, знавший и разговаривавший на 12 (двенадцати!) языках, так и не нашедший себе применения в нашей советской действительности.

Через пару лет, после окончания бухгалтерских курсов, Чичибабин стал бухгалтером в домоуправлении, а затем в Харьковском трамвайно-троллейбусном управлении «экономистом-товароведом», кем и оставался до 66-летнего возраста.

Писались стихи, как бы и созвучно времени, но все же «как-то не так». Ну вот же, напиши, как люди, что вот, мол, на 20 съезде Партия осудила культ личности, а получалось вот что:

*«Однако радоваться рано —
и пусть орет иной оракул,
что не болеть зажившим ранам,
что не вернуться злым оравам,
что труп врага уже не знамя,
что я рискую быть отсталым,
пусть он орет, — а я-то знаю:
не умер Сталин.
Как будто дело все в убитых,
безвестно канувших на Север.
А разве веку не в убыток
то зло, что он в сердцах посеял?
Пока есть бедность и богатство,
пока мы лгать не перестанем
и не отучимся бояться, —
не умер Сталин.
Пока во лжи неукротимы
сидят холеные, как ханы,
антисемитские кретины
и государственные хамы,
покуда взяточник заносчив
и волокитчик беспечален,
пока добычи ждет доносчик, —
не умер Сталин.
И не по старой ли привычке
невежды стали наготове —
навешать всяческие лычки
на свежее и молодое?
У славы путь неодинаков.
Пока на радость сытым стаям*

*подонки травят Пастернаков, —
не умер Сталин.
А в нас самих, труслив и хищен,
не дух ли сталинский таится,
когда мы истины не ищем,
а только нового боимся?
Я на неправду чертом ринусь,
не уступлю в бою со старым,
но как тут быть, когда внутри нас
не умер Сталин?
Клянусь на знамени веселом
сражаться праведно и честно,
что будет путь мой крут и солон,
пока исчадь не исчезло,
что не сверну, и не покаюсь,
и не скажусь в бою усталым,
пока дышу я и покамест
не умер Сталин!»
(1959)*

Да, прошло почти шестьдесят лет, а написано, как вчера. Грустно!
Ну ладно, напиши, что Партия осудила депортацию целых народов.
Но не так же:

*«Колонизаторам — крышка!
Что языки чесать?
Перед землею крымской
совесть моя чиста.
Крупные виноградины...
Дует с вершин свежо.
Я никого не грабил.
Я ничего не жег.
Проверить хотелось версийки
приехавшему с Руси:
чей виноград и персики
в этих краях росли?
...Люди на пляж — я с пляжа.
Там у лесов и скал
Я спрашивал: -Где татары?
Я всюду татар искал.....
Шел, где паслись отары,
желтую пыль топтал,*

*«Где ж вы,— кричал,— татары?»
Нет никаких татар...
.....Доля была их солона.
Брали их целыми селами,
Сколько в вагон поместится,
Шел эшелон по месяцу.
Девочки их зачали -
Ни очага, ни сакли.
Родина, оптом скажем,
Отнята и подарена,
А на земле татарской -
Ни одного татарина!...*

*... Умершим — не подняться,
не добудиться умерших...
но чтоб целую нацию —
это ж надо додуматься...»*

Все знают, что «..поэт в России больше, чем поэт...» (Евтушенко). Так получается само собой, если ты приличный человек. Выше я написал, что Чичибабин был вовлечен в политику. Это не совсем верно. Никакой политической жизни в теперешнем понимании этого слова не было. А было отвращение к происходящему. И вот тут стихам Чичибабина, любым, можно верить безоговорочно. Это все пропущено через сердце.

*«Покуда есть охота
покамест есть друзья,
давайте делать что-то,
иначе жить нельзя.
Ни смысла и ни лада,
и дни, как решето, -
но что-то делать надо,
хоть неизвестно что.
Ведь срок летуч и краток,
Вся жизнь — в одной горсти,
так надобно ж в порядок
хоть душу привести.
Давайте что-то делать,
чтоб духу не пропасть,
чтоб не глумилась челядь
и не кичилась власть...»*

Во время работы в домоуправлении Чичибабин регистрирует брак с паспортисткой того же домоуправления Матильдой Якубовской (домашние звали ее просто – Мотя). Про нее впоследствии друзья Чичибабина наговорили много недобрых слов и, по-моему, зря.

Из мелких обмолвок возникает примерно такая картина.

Мотя являлась владелицей «дворца» под самой крышей, т.е. комнаты то ли в десять, то ли в двенадцать квадратных метров, окно которой выходило прямо на крышу. А поскольку Чичибабин был личностью публичной, туда набивалось человек по двадцать гостей, и иногда приходилось открывать дверь на лестничную площадку. Для непоместившихся. Зная нравы харьковчан того времени, я догадываюсь, что выпивку гости соображали приносить с собой, а вот закуска, а потом уборка – все это доставалось хозяевам. И Мотя все это терпела, хотя она была настоящей украинской женщиной и могла при случае дать доброго прочухана и мужу, и его приятелям. Одного у нее нельзя отнять – даже по отзывам недоброжелателей она, далекая от поэзии вообще, безошибочно определяла, какие стихи мужа ему удались, а какие не очень. Вместе они прожили лет двенадцать.

А жизнь-то стала налаживаться. В 1963 году и в Москве, и в Харькове вышли сборники стихов Чичибабина, а в 1966 г. он был принят в Союз Писателей. И квартиру Борис получил, и дачка-сарайчик недалеко от источника Сквороды возникла, и даже деньги появились. Вот этого, по моему, Мотя вынести не смогла («Да я же его...Да... И кто теперь в доме главный? »). Отношения обострились.

«Уходит в ночь мой траурный трамвай.

Мы никогда друг другу не приснимся.

*В нас нет добра, и потому давай
простимся.*

*Кто сочинил, что можно быть вдвоем,
лишившись тайн в пристанище убогом,
в больном раю, что, верно, сотворен
не Богом?*

*При желтизне вечернего огня
как страшно жить и плакать втихомолку.*

Четыре книжки вышло у меня.

А толку? ...

...Я все снесу. Мой грех, моя вина.

Еще на мне и все грехи России.

А ночь темна, дорога не видна...

Чужие...»

Да, были и грехи:
*«Придет черед, и я пойду с сумой.
Настанет срок, и я дойду до ручки.
Но дважды в месяц летом и зимой
мне было счастье вечером с полочки.
Я набирал по лавкам что получше,
я брился, как пижон, и, Бог ты мой,
с каким я видом шествовал домой,
неся покупки вечером с полочки.
С весной в душе, с весельем на губах
идешь-бредешь, а на пути — кабак.
Зайдешь — и все продуешь до полушки.
Давно темно, выходишь пьяный в дым,
и по пустому городу один —
под фонарями,
вечером,
с полочки.»*

И как результат, да какой там результат, – просто сбежал.

А тут еще вдруг...Нет, слово «вдруг» тут не подходит. Прессовали его долго и со вкусом. В 1966-ом была закрыта литературная студия при Доме культуры работников связи, которой руководил Чичибабин. Как по команде, начали приходиться извиняющиеся отказы из редакций, а в 1973 последовало исключение из Союза писателей и последующие многочасовые допросы в КГБ. Нет, в этот раз его не посадили. Власть оставалась людоедской, но у этого людоеда зубы уже повывкрошились, и вместо того, чтобы разом проглотить добычу, он предпочитал ее долго и вдумчиво пережевывать.

Но самым страшным было то, что его, поэта, отлучили от литературы, более двадцати лет не появлялось ни одной напечатанной чичибабинской строчки:

*«...В тихом шелесте читален
Или так, для разговорца,
Глухо имя Чичибабин.
Нет такого стихотворца.»*

Я не был знаком с Чичибабиным, хотя встречал его почти каждый день в этот период. Дело в том, что более тридцати лет мы пили кофе в одной и той же кофейне. «Вот и еще один человек, сломленный властью,»— вот, пожалуй, основное чувство, возникавшее от этих

встреч. Я понятия не имел о «чичибабинских средах», где собирались харьковские поэты, я не знал, что он продолжает писать...

*«Не в игрищах литературных,
Не на пирах, не в дачных роцах-
Мой дух возвращался в тюрьмах-
Этапных, следственных и прочих
Я был одно с народом русским,
Я с ним ютился по баракам,
Я лес валил, подсолнух лузгал,
Каналы рыл и правду брякал.
На брюхе ползал по пластунски
Солдатом роты минометной
И в мире не было простушки
В меня влюбиться мимолетно...
...Влюбленный в черные деревья
И свет восторгов незаконных,
Я не внушал к себе доверья
Издателей и незнакомок.
Я был простой конторской крысой,
Знакомой всем грехам и бедам,
Водяру пил, с начальством грызся,
Тайком за девочками бегал.
И все-таки я был поэтом,
Я был взаврававшим поэтом...
Сто тысяч раз – я был поэтом!
И подыхаю, как поэт.»*

Поэты – Евтушенко, Межиров, Окуджава, другие – поддерживали с ним связь, безуспешно пытались помочь.

*«Сними с меня усталость, мать смерть!
Я не прошу награду за работу,
Но ниспошли остуду и дремоту
На мое тело, длинное, как жердь.
Я так устал, мне стало все равно...
Ко мне всего на три часа из суток
Приходит сон, томителен и чуток,
И в сон желанье смерти втелено.
Мне книгу зла читать не вмоготу,
А книга блага вся перелисталась.
О мать смерть, сними с меня усталость,*

*Укрой рядом худую наготу.
На голову и грудь дохни своим ледком,
Чтобы уснуть легко и беспробудно.
Я так устал, мне сроду было трудно
То, что другим привычно и легко.
Я верил в дух, безумен и упрям,
Я бога звал и видел ад воочью.
И рвется тело в судорогах ночью,
И кровь из носа хлещет по утрам.
Одним стихам вовек не потускнеть.
Но сколько их останется, однако?
Я так устал, как раб или собака,
Сними с меня усталость, мать смерть!»*

Неожиданной моральной поддержкой в это время оказался приезд в Харьков Мустафы Джемилева с подарками от татарского народа. Помните?

*«Умершим — не подняться,
не добудиться умерших...
но чтоб целую нацию —
это ж надо додуматься...»*

Кстати, не следует думать, что он как-то особенно любил крымских татар. Этот нелепый человек любил всех:

*«...Армения, горе твое от ума,
Ты-боли еврейской двойник.
Я сдуну с тебя облака и туман.
Я пил из фонтанов твоих...»
«...С украиной в крови, я живу на земле Украины.
И, хоть русским зовусь, потому что по русски пишу,
На лугах доброты, что ее тополями хранимы
Место есть моему шалашу...»*

И есть только один народ, который он позволяет себе ненавидеть. Ненавидеть потому, что любит больше всех. Это русский народ.

*«...Мы все привыкли к страшному,
На сковородках жариться.
У нас не надо спрашивать
Ни доброты, ни жалости...»*

*«...Я вижу зло и слышу плач,
И убегаю жалкий прочь.
Коль каждый каждому палач
И никому нельзя помочь...»*

Вся русская история (напомню, что до начала войны он учился на историческом факультете), все Иваны Грозные и Петры Великие, все представляется ему непрерывной кровавой смутой.

*«...Знать с великого похмелья
Завязалась канитель:
То ли плаха, то ли келья,
То ли брачная постель.
То ли к завтраму, быть может,
Воцарится новый тать...
И никто нам не поможет,
И не надо помогать...»
«...Тебе, моя Русь!
Не богу, не зверю -
Молиться молюсь,
а верить – не верю!...»*

А корни всех этих бед, по Чичибабину (и это, конечно, не позиция профессионала-историка, а религиозно-эмоциональная реакция поэта), находятся там, в старой истории убийства Бориса и Глеба. Вкратце напомню, если кто забыл:

В начале 11 века умер киевский князь Владимир. По стечению обстоятельств, ближе всех к княжескому столу оказался сын Владимира Святополк (его потом прозвали «окаянным»), который и стал править в Киеве. А к двум ближайшим соперникам на княжение Борису и Глебу Святополк подослал убийц. Вот это и был тот самый «первородный грех» братоубийства, за который Россия расплачивается уже целое тысячелетие. «Каин, где твой брат Авель?»

Эта трагедия для Чичибабина носит почти космический характер.

*«...Ночью черниговской с гор араратских,
шерсткой ушей доставая до неба,
чад упасая от милостынь братских,
скачут лошадки Бориса и Глеба...
...Ныне и присно по кручам Синая,
по полю русскому в русское небо,
ни колоска под собой не сминая,*

скачут лошадки Бориса и Глеба.»

Я на время отступил от последовательности событий, прервав рассказ где-то на уровне 1968 года, самого тяжелого для Чичибабина времени. Спасла его тогда встреча с Лилей Карась. Женщины вообще или спасают поэтов, или убивают их. Так вот – это было спасением! Очень мягко она сумела упорядочить его жизнь, возникли уже знаменитые «чичибабинские среды». Вместе они, в меру своих возможностей, побывали в разных уголках страны и прожили рядом 26 лет. После Чичибабина осталось большое число лирических стихотворений, посвященных Лиле, к которым я не смею прикасаться руками постороннего.

И все-таки вдумайтесь: четыре года войны, пять лет лагерей, более двадцати лет изгнания из литературы! Да отнимите у Мишеля Лермонтова хотя бы любые десять лет, что бы от него осталось?

*«Из всех скотов мне по сердцу верблюдо
Передохнёт – и снова в путь, навьючась.
В его горбах угрюмая живучесть,
века неволи в них ее вольют...
...Мне, как ему, мой Бог не потакал.
Я тот же корм перетираю мудро,
и весь я есть моргающая морда,
да жаркий горб, да ноги ходока.»*

А потом произошло триумфальное возвращение. Если память меня не подводит, это было то ли в 1987-м, то ли в 1988-м. Мы, харьковчане, были тогда одержимы идеей выдвинуть на предстоящих выборах в Народные депутаты В. Коротича и Е. Евтушенко. Мы бегали на митинги, милиция нас гоняла. И вот помню выступающего Евтушенко, под дождем возле вечного огня (а может быть, нас к этому времени уже перегнали к памятнику Гоголя на Театральный сквер?), но кто-то сказал Евтушенко, что здесь Чичибабин. И Евтушенко вытащил его из толпы, худого, высоченного, с какой-то нелепой кошелкой в руках. Он что-то прочел, но это было только начало. Следующее воспоминание: переполненный огромный зал «Дома культуры железнодорожников» и Чичибабин, более двух часов подряд читающий свои стихи. Наверное, в эти два часа он был счастлив!

Михаил Синельников

Москва, Россия

Семен Надсон. Ко дню рождения

26 декабря 155 лет Семену НАДСОНУ...

Что, казалось бы, от него сейчас осталось? Строчка немолодого Тарковского, оплакивавшего давние наивные времена своих благородных и вольнолюбивых родителей: «Где Надсона чахоточный трехдольник?»...

Когда Ахматова приезжала в Москву, то встречающим ее на вокзале задавала небрежно-пренебрежительный вопрос: «Ну, как, в Москве еще популярен рязанский Надсон?» Она имела в виду Есенина! Но, может быть, это странноватое сравнение, подразумевающее некоторую изначальную неряшливость, для бедного Надсона лестно... Что сказать еще? Крещение (а крещен был еще его дед!) и столбовое дворянство матери не спасло Надсона от ядовитых юдофобских выпадов. Вероятно, сокративших его жизнь. Но тогда интеллигенция русская ненавидела антисемитизм. И, пожалуй, тому студенчеству даже по душе была некоторая причастность любимого автора к еврейству.

ДАЮ ДАЛЬШЕ ОТРЫВОК ИЗ МОЕЙ ЗАМЕТКИ ДЛЯ РУССКОЙ АНТОЛОГИИ:

«Самые ранние литературные опыты Надсона относятся к девяти годам, а в гимназические годы он участвовал в рукописном школьном журнале. Первая публикация состоялась в журнале «Свет» — стихотворение «На заре» (1878). Успех дальнейших публикаций был феноменальным, и уже в 1885 г. вышло первое издание стихотворений Надсона, удостоенное Пушкинской премии Академии

наук. Эта книга была за один год издана трижды. Ранняя смерть поэта еще более способствовала его триумфальной известности, переизданиям (с включением неизданного при жизни) не было конца. Возникшая в период упадка поэзии слава Надсона была неправдоподобно велика. Сам поэт нередко испытывал сомнения в своих силах: «Умерла моя муза!.. Недолго она озаряла мои одинокие дни». Но читающая молодежь требовала именно надсоновских стихов, студентки и курсистки были от них без ума. Дело дошло до того, что революционные организации использовали в качестве основы для шифров стихотворения Надсона., как заведомо всем знакомые. Революционеров не смущала и религиозная окраска социальной проповеди Надсона. Целые поколения восприняли его гражданский пафос, его «боль за идеал и слезы о свободе», эту смесь поэтического пессимизма с историческим оптимизмом: «Верь, настанет пора — и погибнет Ваал, И вернется на землю любовь...» Читатели, привыкшие к монотонно-заунывной интонации Надсона (наиболее для него характерной), не замечали ни бедности словаря, ни скудости идей. В ту пору пышно расцвела высокопарность слога и громко зазвучало востребованное именно надсоновской поэтикой слово «аккорд».

Кончина «юноши-поэта» вызвала волну сочувствия. Утрату тяжело переживали юные Мережковский и Бунин, прочувствованный стихотворный некролог посвятил Надсону дряхлеющий Полонский, в сущности указавший на главное: «И был тот голос с нервной дрожью, Как голос брата, в час глухой, Подслушан пылкой молодежью И чуткой женскою душой». Имя Надсона в общественном сознании встало рядом с именами Лермонтова и Некрасова, как это ни удивительно для нас сегодня. Но Серебряный век покончил с этой сверхъестественной славой, надсоновщина была осмеяна, восторг сменился презрением. В советское время сборники Надсона трижды выходили в издании «Библиотеки поэта», печатались в антологиях, но некоторое пренебрежение сохранилось. Пожалуй, в этом проявилось неприятие всего народническо-интеллигентского наследия, той мечтательной беспочвенности, которые так дорого обошлись России. В едкой сатирической повести Зощенко «Мишель Синягин» изображен пустопорожний стихотворец с претензией на страдальчество. Здесь схвачены некие родовые черты, напоминающие знакомый нам прототип. И все-таки Надсон, искренний и благородный, проживший действительно мученическую жизнь, — далеко не Мишель Синягин. Были у него несомненные поэтические удачи и неожиданные интонационно-ритмические ходы. В своих тягостных раздумьях о будущем Надсон оказался дальновиден и в

А оно тебе сквозь зелень
В блеске солнца засмеется,
С белым парусом в тумане,
С белой чайкой, в даль летящей,
С белой пеною, каймою
Вдоль по берегу лежащей.
Ницца,

1885

* * *

Закралась в угол мой тайком,
Мои бумаги раскидала,
Тут росчерк сделала пером,
Там чей-то профиль набросала;
К моим стихам чужой куплет
Приписан беглою рукою,
А бедный, пышный мой букет
Ощипан будто саранчою!..
Разбой, грабеж!.. Я не нашел
На месте ничего, все сбито;
Как будто ливень здесь прошел
Неудержимо и сердито;
Открыты двери на балкон,
Газетный лист с кровати свеян...
О, как ты нагло оскорблен,
Мой мирный труд, и как осмеян!
А только встретимся, — сейчас
Польются звонко извиненья:
«Простите, я была у вас...
Хотела книгу взять для чтенья...
Да трудно что-то и читать:
Жара... брожу почти без чувства...
А вы к себе?.. творить?.. мечтать?..
О, бедный труженик искусства!»
И ждет, склонив лукавый взгляд,
Грозы сурового ответа, —
А на груди еще дрожат
Цветы из моего букета!..

1885

***

Я рос тебе чужим, отверженный народ,
И не тебе я пел в минуты вдохновенья.
Твоих преданий мир, твоей печали гнёт
Мне чужд, как и твои ученья.

И если б ты, как встарь, был счастлив и силён,
И если б не был ты унижен целым светом –
Иным стремлением согрет и увлечён,
Я б не пришёл к тебе с приветом.

Но в наши дни, когда под бременем скорбей
Ты гнёшь чело своё и тщетно ждёшь спасенья,
В те дни, когда одно название «еврей»
В устах толпы звучит как символ отверженья,

Когда твои враги, как стая жадных псов,
На части рвут тебя, ругаясь над тобою, –
Дай скромно встать и мне в ряды твоих бойцов,
Народ, обиженный судьбою

Часть 5. О живописи

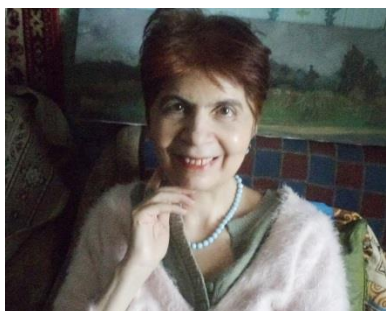

Марк Шагал. Автопортрет с семью пальцами. 1913

Вера Чайковская

Москва, Россия

Послание любви. Марк Шагал

О Шагале спорят Франция и Россия – чей он? Французы считают его своим и называют французским художником, что перекочевало и в некоторые российские энциклопедии. Но это неправда – его истоки в России. И мастер на славу потрудился, чтобы «еврейская нота» русской культуры звучала неслыханным земным счастьем, подсвеченным трагизмом. Ведь счастье, как и все настоящее на земле, хрупко.

Вспоминаю, как в злые дни (а дни были «злыми», потому что террористы удерживали заложников в помещении одного из московских театров), небеса нам послали Шагала. И недаром к нему в Московский центр искусств на Неглинной (теперь этого Центра нет, а его руководитель Марина Лошак возглавляет ГМИИ им. Пушкина) тянулась длинная очередь, несмотря на осеннюю промозглость. Душа истосковалась не по ненависти, агрессии, насилию, яду, не по житейской рутине, а все по ней, все по ней – немислимой, библейски-страстной и такой человеческой любви, которой напоен каждый, даже самый маленький холст мастера.

Работы Шагала были привезены из частных собраний Германии и Америки. Их собирались продавать, что само по себе событие. К несчастью, музеи наши бедны. Но, может быть, купили банкиры, предприниматели? Почему-то уверена, что купили. У лучших из них жив «комплекс» Третьякова.

Были такие «уникумы», художники-провинциалы в России конца XIX – начала XX веков. Им все казалось: чего-то они недобрали в родной

Марк Шагал. Прогулка, 1918

провинции – в Витебске (Шагал) или Саратове (Петров-Водкин). И где только потом они ни учились живописи! А для чего? Чтобы в конце концов отвергнуть все умопомрачительные «измы» и идти каким-то своим путем. Витебский, петербургский, парижский выученик Марк Шагал вовсе не заучившийся «архивный юноша», а художник, которому все «навороты» века открыли очень простые вещи: нужно любить и оставаться ребенком. И еще сохранить первозданную чистоту красок. Пожалуй, этому умению он и еще один строптивый провинциал, Петров-Водкин, научились у русских мастеров-вывесочников.

Вокруг клубились «важные» слова о прогрессе, цивилизации, партиях, судьбах монархии, революциях, съездах, манифестах, эксплуатации, позже – «зловещие» – о фашизме, оккупации, депортации, окончательном решении еврейского вопроса... А наш-то дурачок, худенький рыжий заика из Витебска, и в России, и в Париже, и в далекой Америке все о любви, все о любви! Самое дорогое место на земле – городок Витебск – покинул, чтобы без конца его воссоздавать под разными небесами. Безумная пастернаковская «любовь пространства» окружала его повсюду. И он отвечал

мировому пространству горячей взаимностью – сиянием красок, бесконечным кружением автопортретных (с женой Беллой) любовных пар, немислимым совмещением времен, реальности и грез, города и деревни. Сам шагаловский Париж – город художников – гораздо более деревня, чем город. И весь этот фантастический и обжигающе реальный мир утопает в цветах, в букетах, в нежном мареве которых затерялись самые главные в мире существа – шагаловские любовники...

Выставка русского искусства 20-х-50-х годов из собрания Романа Бабичева в Москве

Музей современного искусства на Петровке, сентябрь 2017 – январь 2018 г.

Я-то давно ожидала подобной выставки. Но я не в счет, я искусством этого времени профессионально занимаюсь. А вот зрители, особенно те, что постарше, наверняка, были удивлены. Они привыкли связывать с послереволюционной эпохой картины типа «Ленин в Смольном» Исаака Бродского, до сих пор висящей в Третьяковке.

Мои претензии не к фигуре Ленина, которая, конечно же, должна была привлекать внимание художников, как привлекает и сейчас. Но вот Евгений Миронов в фильме Владимира Хотиненко «Демон революции» попытался представить живого вождя, противоречивого, одержимого «большой» идеей, но и разрывающегося между двумя женщинами, между долгом и чувством, как говаривали в старину. Ленина, любящего сильное и сложное искусство...

А у Бродского – очень тускло и боязливо исполненный портрет старательно что-то пишущего в кабинете лысого человека, никого не задевающий за живое.

И вот такое боязливое или чрезмерно пафосное, фальшивое, потерявшее живое человеческое лицо искусство, выдавалось за «стиль эпохи», за социалистический реализм. Оттого-то одно упоминание о нем вызывало и вызывает брезгливую гримасу. Не потому ли авторы обозначили показанные на выставке произведения словечком «модернизм» («Модернизм без манифеста»), которое словно бы повышает статус этих работ?!

Между тем, в 20-е-30-е годы наблюдалось интереснейшее явление – многие завзятые или даже «отъявленные» российские модернисты вполне сознательно резко порывали с «новейшими», очень модными на Западе, да и у нас, формальными поисками вроде кубизма или абстракционизма – и обращали взоры к захватывающей реальности, к земле, вставшей «дыбом», что ужасно хотелось запечатлеть во всей чувственной определенности.

Р.Фальк. Натюрморт с подсолнухами, рябиной и грушами. 1945

Это был, конечно же, реализм, но реализм новой пробы, впитавший прежние плодотворные художнические дерзания. Недаром два талантливейших «бубновых валета» Фальк и Лентулов, тяготившие прежде к кубизму, после революции почти одними и теми же словами пишут, что им надоело изображать что-то «по поводу» реальности, а хочется – саму реальность. Вот цитата из письма Лентулова еще одному «бубнововалетцу»– Куприну (1921 год): «Под давлением времени, течений и т.п., под влиянием отдельных личностей мы пришли к тупику, к академии методов, принципов и т.п., бездушным, мертвым формулам (супрематизм, отчасти кубизм), формулам, которым я теперь объявил войну».

И если окинуть выставку взором, то мы действительно встретимся с желанием художников изображать вот эту, живую, удивляющую, устремленную в будущее и подсвеченную «революционными» мечтами о человеческой свободе и счастье жизнь. Но изображать не

по старинке, а свежо и живо. Творчески претворяя уроки всевозможных «измов».

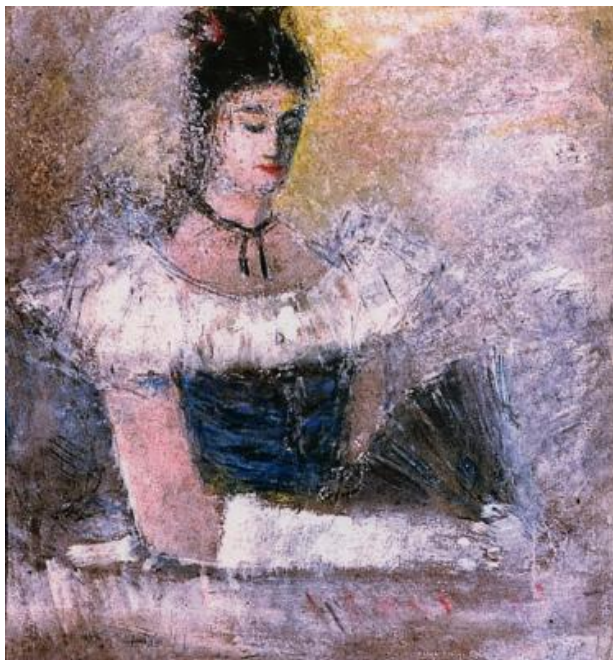
А. Лентулов. Пристань в Сухуми ночью. 1934

Называйте это как хотите – социалистический или, положим, поэтический реализм, но это, несомненно, реализм, настроенный на познание и творческое отображение самой реальности в ее «всемирной» перспективе и достаточно определенно противостоящий «авангардному» буму эпохи. Ему не в шутку «объявили войну». А вот излишне «пафосные» и часто фальшивые творения, которые в те времена выдавались за «реализм» с пометкой «социалистический», в большинстве своем или вовсе не являлись искусством по причине низкого художественного качества (как «Ленин в Смольном» Исаака Бродского или, положим, «Сталин и Ворошилов в Кремле» Александра Герасимова), или же представляли собой «имперский классицизм» (Какой-нибудь «репрезентативный» и по-своему даже красивый портрет увешанного медалями и горделиво выпрямившегося маршала Жукова работы талантливого Павла Корина, 1945, х.м.).

На выставке мы встречаем весь набор тем, интересовавших тогдашних художников: созидательная работа рабочих или, положим, моряков на кораблях, портреты простых людей – «баб, слобожан,

учащихся, слесарей», как выразился Борис Пастернак, смотревший на прежние «социальные низы», «превозмогая обожанье», праздничные гулянья в парках, пейзажи старых и обновленных улиц...

Коснусь произведений, в которых время отобразилось, может быть, наиболее утонченным и прихотливым образом. Эти «камерные» работы более всего мне запомнились.

М. Соколов. Дама с веером. 1944

В конце 1937 года вернувшийся из Франции в Россию Роберт Фальк, вовсе не апологет нового французского искусства, о котором он будет читать лекции студентам в Самаркандской эвакуации. Он ищет в живописи нечто свое, связанное с окружающим миром в его чувственной неповторимости и смысловой наполненности. Художник становится в живописном плане гораздо «архаичнее», чем был прежде, но это продуманный и по-своему новаторский архаизм.

На выставке показан совершенно замечательный натюрморт Фалька («Натюрморт с подсолнухами, рябиной и грушами», 1945), где желтое свечение подсолнухов и яркое красное пламя рябиновых ягод (красный – любимый цвет художника, создающий некий сильный смысловой акцент), – передают состояние праздничного ликования. Все же это год победы. Но мне еще более запомнился помещенный в

каталоге небольшой рисунок ветки красной смородины («Ветка смородины», 1949), сделанный карандашом и гуашью. Здесь «красочный» Фальк уступает место Фальку тончайших душевных движений, еле ощутимых намеков, поразительной восприимчивости к живому, трепетному, прелестному по виду и по цвету, но не по вкусу. В отличие, положим, от Штеренберга, Фальк не передает «съедобность» изображаемой им «еды». Истончающиеся формы зеленых листьев, едва тронутых зеленой краской, каплями красной гуаши изображенные ягоды смородины, ажурная свобода природных «трепетаний», – вот внутренняя тема прекрасного рисунка.

Поражает изысканной тонкостью и «Натюрморт с апельсином» (1944, картон, масло) бывшего «остовца» Юрия Пименова, где все строится на противостоянии старинного декоративного блюда и свежей апельсиновой мякоти половинки апельсина, увиденных откуда-то сверху. Натюрморт писался с явной оглядкой на «патриарха» Оста, мастера натюрморта Давида Штеренберга с его острым контрастом угловатых форм столов, смещенной перспективой и чувственной фактурностью предметов. Но Пименов как-то мягче, плавнее и едва ли не артистичнее. А ежели кто-то спросит, где же тут время? – можно смело ответить, что время – в самом аскетизме выбора темы – половинка апельсина рядом с лимоном. Но эта скудная трапеза украшена чудом сбереженным «бабушкиным» фарфором. Художник не желал отдавать «красоту быта» даже в трудные времена.

В этом отношении поражает и Александр Лабас, тонкий лирик и мастер колорита, который, находясь на крыше дома на Мясницкой и подбирая во время фашистского налета зажигалки, ухитряется оценить феерическую красоту ночи («Тревога» из серии «Москва и Подмосковье в дни войны», 1941, бумага, масло).

Задевает и еще одна ночь, теперь уже Аристарха Лентулова («Пристань в Сухуми ночью», бумага, акв., граф. карандаш, 1934). Этот «солнечный» художник, прославившийся написанием музыкально – кубистических церквей («Звон», 1915), в послереволюционные годы сменил манеру, перейдя от «кубистических» архитектурных композиций к реалистической образности. Не все тут убеждает и достигает прежних высот. Но есть удивительные взлеты. Особенно меня потрясают его ночные пейзажи конца 20-х – начала 30-х годов, где появляется символическая глубина, прежде художнику не свойственная. Вот и этот небольшой ночной пейзаж, где таинственность фиолетово-черного ночного неба контрастирует с суетливым движением смазанных фигурок пассажиров, ярко освещенных желтыми фонарями пристани,

оставляет двоящееся ощущение «теплой» земной домовитости и затаенной «космической» грусти.

А вот и любимый мною Георгий Нисский со своими вечными железнодорожными мотивами («На путях. Зима», 2-я пол. 40-х гг., х., масло). Сколько же чувства вложено в эту непрехотливую работу с белесым небом, белым снегом на путях и маленьким черным паровозиком в центре! Тут тоже и грусть, и одиночество, и любовь к путям и паровозам, и чувство России с ее необъятностью, и тоска по дому, – пристанционные домишки едва видны сквозь зимний туман.

Александр Лабас. Москва. Тревога. 1941

Но, пожалуй, главное удивление связано у меня с работой Михаила Соколова, изобразившего «прекрасную даму» («Дама с веером»). Была у него такая ностальгическая серия в 20-е-30-е годы, в духе романтических фантазий художников «Мира искусства».

Посмотрела на год написания и ахнула. Работа создана в 1944 году, то есть через год после того, как мастер был «актирован» из лагеря, куда попал по ложному доносу в 1938. Как видим, ничто его не сломило. Все та же тяга к рафинированной «аристократической» и в то же время живой и захватывающей душу женской красоте.

А когда читаешь в надписи под работой, что художник использовал «самодельную» пастель (где же было взять в провинции пастель настоящую?), то просто восхищаешься талантом, мастерством и негибкостью этого большого художника, бывшего моряка. Из Сибири он посылал в письмах друзьям пейзажные миниатюры,

нарисованные на папиросной бумаге углем, мелом или обгорелой спичкой. А тут довольно большой лист и пастель, хоть и самодельная. Настоящий подарок судьбы! Поразительно одухотворенная получилась работа. Как таинственно мерцают кружева на воротах платья, намеченные белилами. Как «испанисто» смотрится веер в руке с надетой белой перчаткой. А тут-то где реализм?

Тут, конечно же, не взгляд на современность в перспективе будущего, как у многих художников этого времени, а романтическая ностальгия о прошлом в духе Борисова-Мусатова. Недаром в одном из лагерных писем художнице Надежде Розановой, дочери известного философа-эссеиста, Соколов вспоминает, как надел на свидание с ней свой «гамсуновский костюм». Романтическая попытка укрыться от «века-волкодава» в других временах! Однако поэтический отлет сочетается у художника с невыдуманной живой пластикой модели и ее неповторимым обликом.

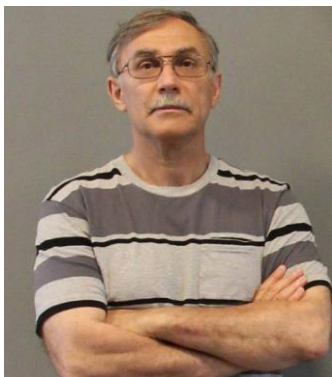
В целом же выставка показала громадный потенциал искусства послереволюционной поры, его богатейшие возможности в освоении новой, захватывающей реальности, которую художники домысливали и поэтизировали...

Игорь Волошин

Чикаго, США

Тодрос Геллер. Еврейский художник из Чикаго¹⁰⁷

Благодарю Марка Фукса и Наталию Невяжскую за помощь в подготовке очерка.

Несколько лет назад у одного из чикагских букинистов я увидел довольно старый, 1937 года издания, альбом графики неизвестного мне художника Тодроса Геллера. Альбом назывался From Land to Land, что можно перевести как «От страны к стране» или, возможно, «Из края в край». Я открыл альбом – и сразу же почувствовал рвущуюся из него энергию.

Выразительные, несколько грубоватые жители Америки, Палестины, Мексики, Испании жили напряженной жизнью, увиденной метким внимательным взглядом художника. Мощные вертикали чикагских небоскребов были вырезаны с чувством гордости за свой город. Гравюры были строги и лаконичны, они почти не требовали комментариев. Так смело вырезать на дереве мог только человек сильный, уверенный в себе и в важности дела, за которое взялся.

Я влюбился в Тодроса Геллера сразу, однако старая книга была дороговата и осталась в магазине, но, вернувшись домой, я залез в интернет, чтобы побольше узнать о художнике, и долго с увлечением рассматривал его работы. Вскоре я нашел тот же альбом онлайн в формате PDF, но изданный на идиш Fun Land tsu Land. С «родными

---

¹⁰⁷ В сокращении

языками» у меня проблема, поэтому переслал файл доброму израильскому знакомому Марку Фуксу. Марк, владеющий ивритом и не забывший идиш, быстро сделал перевод вступительной статьи альбома и названий работ, за что я ему искренне благодарен.

Тогда у меня и возникла мысль, что о Тодросе Геллере необходимо рассказать русскоязычным соплеменникам. Мы знаем немало имен еврейских художников, но зачастую своей популярностью они обязаны удачной рекламе артдилеров и прессы. Однако сколько еще осталось мастеров неизвестных не только широкой публике, но даже любителям искусства. Поэтому данный очерк является моим скромным вкладом в популяризацию творчества талантливого и самобытного художника.

Тодрос Геллер (Todros Geller) родился 1 июля 1889 в уездном городе Винница, Подольской губернии. Национальные еврейские вопросы в то время мало интересовали подростка, обучавшегося в греко-католической семинарии и получившего уже в 13 лет диплом преподавателя, что было его заветной мечтой. Возникает естественный вопрос – каким образом еврейский ребенок попал в католическую семинарию? Ответ может удивить – в Виннице в то время было 3 школы – государственная, еврейская и греко-католическая семинария. Еврейская школа была бедна, и отец Тодроса – бакалейщик – не хотел для сына повторения своей судьбы. Государственная школа давала хорошее образование, но прием еврейских детей в нее был ограничен, а отец не обладал достаточным влиянием в городе, чтобы устроить в нее сына, и это при том, что в

Виннице отношение к евреям было лучше, чем в большинстве городов черты оседлости. Таким образом, оставалась греко-католическая семинария, дававшая хорошее образование, принимавшая всех вне зависимости от конфессии, но куда евреи отдавать своих детей не стремились – в классе Тодроса, кроме него, были всего два еврейских мальчика. Стоит отметить, что присутствие учеников-евреев в греко-католической школе на уроках, связанных с богословием, не было обязательным и по этим дисциплинам они не аттестовались.

Наступил 1905 год. После неудавшейся революции в стране свирепствовала реакция, черту оседлости накрыла волна кровавых еврейских погромов. На всю жизнь подросток запомнил испуганные глаза отца и матери, прятавшихся на чердаке дома. Впоследствии этот взгляд нередко появлялся в картинах Геллера, а еврейская тема стала главной в его творчестве.

Оставаться в Виннице было небезопасно, и вскоре семья переехала в Одессу, где Тодрос начал изучать живопись, но уже в 1906 году родители решили оставить Россию и эмигрировать в Канаду. В Монреале он поначалу продолжил художественное образование, но финансовые проблемы заставили молодого человека заняться поисками работы, и ему пришлось переехать в Виннипег, где нашлась работа фотографа. Собрав наконец достаточную сумму денег и уже будучи семейным человеком, в 1918 году Геллер вырвался из канадской глубинки и отправился в США, чтобы продолжить обучение в Чикагском художественном институте (Art Institute of Chicago -AIC). Геллеру необыкновенно повезло с преподавателями. Одним из них, оказавшим на молодого художника большое влияние, был выдающийся художник-реалист Джордж Беллоуз, непродолжительный период преподававший в AIC. Беллоуз поощрял в молодых художниках стремление следовать собственным наклонностям, ломать установленные правила и ограничения, и Тодрос оказался наиболее последовательным его учеником.

Однако семью необходимо было содержать, а за учебу – платить, поэтому еще до окончания AIC Тодрос Геллер начал преподавать в Еврейском Народном Институте (Jewish People's Institute – JPI), с которым оказался связанным на многие годы. Будучи человеком левых взглядов, он рассматривал искусство как инструмент социальных реформ, поэтому стремился передать свой политический и художественный опыт молодым художникам. Геллер был талантливым преподавателем, и впоследствии его приглашали работать в школу для новых европейских эмигрантов Hull House, основанную будущим нобелевским лауреатом Джейн Аддамс (Jane

Addams), и в Колледж изучения еврейства (College of Jewish Studies) (1). В числе его учеников были известные американские мастера Митчел Сипорин (Mitchel Siporin), Аарон Бохрод (Aaron Bohrod) и Иреан Гордон (Irean Gordon).

После окончания АИС отношения с «Альма матер» не прервались, и, начиная с 1925 года, Тодрос Геллер участвовал во многих выставках, организованных институтом, а дважды его работы – Old Jerusalem (1929) and Reconciliation Dance (1930) – выбирались для иллюстрации выставочного каталога АИС.

Тодрос Геллер рано сложился как многосторонний мастер. Уже в 1920-е годы он с одинаковым успехом работал в станковой живописи, книжной графике, резьбе по дереву. Несмотря на то, что Геллер религиозным человеком не был, особое место в его творчестве занимало создание ритуальных предметов, эмблем, панно и витражей для синагог, еврейских культурных центров и театров в Омахе, Форт Уорте, Дэйтоне, Стэмфорде, Чикаго Хайтсе и Канаде, что принесло ему известность как ведущему специалисту по еврейскому искусству в стране. Хотя в своем творчестве Геллер преимущественно придерживался еврейских тем, таких как жизнь штетла (еврейского местечка) и гетто, однако немалое место в нем занимали темы социальной справедливости, морали и виды Чикаго.

Тодрос Геллер не обошел вниманием и такое популярное направление в американской живописи как Precisionism, возникшее под влиянием французских кубистов. Он не был ведущим мастером в этой области, таким как Чарльз Демут (Charles Demuth) или Чарльз Шилер (Charles Sheeler), но свой след оставил, создав большое количество гравюр с видами Чикаго.

В 1926 году в Чикаго возникает клуб художников «Вокруг палитры» (Around the Palette), одним из создателей которого стал Тодрос Геллер. Здесь художники обсуждали наиболее важные проблемы творчества, равно как политические и социальные проблемы. Впоследствии клуб стал называться Американский Еврейский Художественный клуб (American Jewish Art Club), а в 1940 году Геллеру присвоили почетное звание старейшины чикагских еврейских художников (Dean of Chicago Jewish Artists). Помимо Геллера, основателями клуба стали Эмиль Армин (Emil Armin), Дэвид Беккер (David Bekker), Аарон Бохрод (Aaron Bohrod), Фритци Брод (Fritzi Brod), Самуэл Гринбург (Samuel Greenburg), Уильям Шварц (William S. Schwartz), Морис Йохим (Maurice Yochim) и Луиза Дан Йохим (Louise Dunn Yochim), каждый из которых достоин отдельного рассказа. В жизни клуба бывали тяжелые времена, однако,

заложенные основателями традиции были так прочны, что даже спустя почти столетие, он по-прежнему занимает достойное место в чикагской культурной жизни.

Yiddish Motifs, 1926

В том же 1926 году начинается один из важнейших этапов в жизни Геллера – дружба и сотрудничество с близким по духу человеком – Л. М. Штейном (L.M. Shteyn – псевдоним Ицхака Фрадкина – Yitshak Leyb Fradkin), владельцем издательства L.M.Shteyn Farlag, публиковавшим книги еврейских поэтов, писателей, художников. Трудно было бы найти столь разных людей – вспыльчивый, неорганизованный, вечно куда-то мчющийся Геллер, и собранный, дипломатичный, тщательно вникающий в детали любого дела Л.М. Штейн. Однако друзья прекрасно понимали друг друга, у них были общие взгляды на жизнь, культуру и политику – оба были страстными пропагандистами языка идиш и еврейской культуры среди американских евреев, оба были левыми радикалами (radical progressives), поддерживавшими политику Советского Союза и одобрявшими еврейское переселение в Биробиджан. Справедливости ради стоит заметить, что, если в своей автобиографии 1940-го года, направленной в АИС, Геллер с гордостью подчеркивает наличие своих работ в Биробиджанском музее, то уже пятью годами позже в новой автобиографии этот факт упускается – отношение Геллера к Советскому Союзу начинает меняться, несмотря на общий подъем в мире левого движения под влиянием победы Советского Союза над фашистской Германией. Взгляды и литературные предпочтения Л.М. Штейна также менялись со временем, и уже к 1951 году издательство L.M. Shteyn Farlag отчетливо позиционировало себя как социалистическое, но антикоммунистическое.

Однако я забежал далеко вперед, вернусь в 20-е годы.

Старый Иерусалим, 1929

К середины 20-х годов чикагская еврейская община, в отличие от нью-йоркской, успела весьма американизироваться, и влияние еврейских организаций было ограниченным. Однако с появлением на чикагской земле Л.М. Штейна произошли значительные перемены. Он быстро стал признанным лидером в культурной и общественной жизни. Изданные им книги и репродукции работ художников становились событием среди чикагских евреев. Просветительские взгляды Л.М. Штейна и Тодроса Геллера привели к открытию ими школы имени Шолома Алейхема, в которой они сами и стали первыми преподавателями. Преподавание и общение шло только на идише. Эта школа в дальнейшем сыграла большую роль в объединении еврейских семей, послужив сближению американизированных детей со своими родителями, так и не освоившими английский в достаточной степени. Под непосредственным лидерством Л.М. Штейна Чикаго превратился во второй по значению город среди американских евреев. Мощная энергия издателя подхватила и Геллера, выдвинув его также в лидеры еврейской общины.

Вскоре L.M.Shteyn Farlag издает альбом графики Тодроса Геллера «Еврейские мотивы» (Yiddish Motifs).

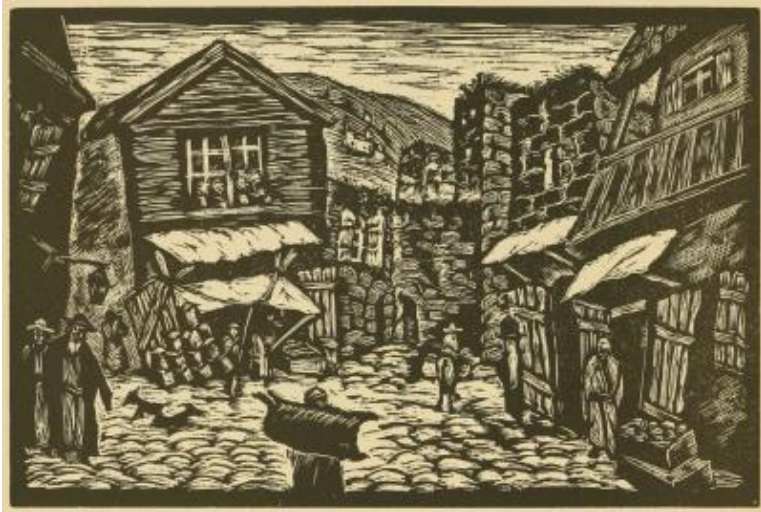
Альбом, быстро ставший популярным, представлял зрителям типичные еврейские религиозные и профессиональные темы. В первые же недели было продано 150 комплектов, что позволило Геллеру совершить исключительно важную для его творчества поездку в Париж, где он встретился с Марком Шагалом; Англию, где изучал средневековые манускрипты; Прагу, где посетил старые синагоги.

В 1929 году Тодрос Геллер впервые отправился в Палестину. Познакомившись с древним искусством Иудеи и Рима, с природой Палестины, он получил мощный эмоциональный заряд для создания новых работ на библейские темы и темы современности. В результате появились картины, насыщенные духом, цветом, очарованием Святой земли. Как я уже упомянул выше, одна из них – «Старый Иерусалим» (Old Jerusalem) – была включена в 33-ю ежегодную выставку АИС и украсила каталог. Кроме того, им была создана серия гравюр на дереве «7 палестинских мотивов» (Seven Palestinian motifs). В общей сложности за период сотрудничества Л.М.Штейном было издано четыре альбома Геллера и восемь иллюстрированных им книг. Благодаря этим изданиям, в первые годы Геллер был лучше знаком еврейским литераторам, нежели собратьям художникам. Стоит оговориться, что некоторые альбомы преданный Л.М. Штейн публиковал с убытком, в ущерб собственным интересам.

После возвращения из Палестины Геллер загорелся идеей создания Музея еврейского искусства – первого в мире музея такого рода. С 1928 года он организовывал выставки еврейского художественного наследия, демонстрируя в синагогах и общинных центрах редкие артефакты, которые вызывали живой интерес еврейских общин. С этой экспозицией он ездил по стране, читал просветительские лекции по еврейской культуре и еврейской истории. Он считал, что знание своей истории поможет вышедшим из глухих местечек соплеменникам не только узнать историю народа, но и послужит их духовному подъему и освобождению. И теперь, благодаря подвижнической деятельности Геллера, а также других энтузиастов, в каждом крупном городе Америки есть Еврейский музей.

Популярность Геллера в Чикаго быстро росла. Уже в 1931 году журналисты называют его местной знаменитостью, а в известном ресторане Café Royale его имя упоминается среди почетных посетителей, однако вся эта гламурная шумиха не отвлекала Тодроса от напряженной работы в самых разных областях живописи и графики. В том же году он иллюстрирует ставшую популярной детскую книгу Розы Лурье (Rose G. Lurie) «Великий поход:

Дождь в Иерусалиме, 1929

Постбиблейские еврейские рассказы» (The Great March: Post Biblical Jewish Stories), охватывающую период от разрушения Первого храма и до изгнания евреев из Испании. Книга, рассчитанная на детей 3-4 классов, пробуждала интерес к истории своего народа и древним еврейским героям. Этому же немало способствовали иллюстрации Геллера. Чье сердце не дрогнет от печальной истории изгнания евреев из Испании, кого не заставит ужаснуться разрушение храма, кто не восхитится отважными братьями Маккавеями, кто не посмеется над глупыми багдадскими евреями, поверившими нелепой выдумке двух жуликов, ограбивших их дома?..

В начале 30-х годов, страну захлестнула Великая Депрессия. Закрывались банки, замерла промышленность, остановилось строительство. Миллионы людей остались без работы и средств к существованию. Правительство США создало государственную структуру WPA (Work Progress Administration) для привлечения безработных к государственным работам по прокладке дорог, строительству общественных зданий, развитию сети национальных парков.

В полной мере безработица коснулась и людей творчества. В рамках WPA было создан проект Federal Project Number One, который предоставил работу музыкантам, художникам, писателям и актерам. Чикаго, в котором безработица к 1933 году достигла 50%, приняла самое активное участие в проекте. Под руководством профсоюзного лидера Джеймса Петрилло (James Petrillo) в помощь безработным

музыкантам в 1935 году был открыт Grand Park Music Festival. В центре города на большой поляне выстроили эстраду, на которой несколько раз в неделю проводили бесплатные концерты классической музыки для всех желающих. Этот прекрасный фестиваль существует до сих пор.

Странный мир

Чикагских художников также не оставили в беде. Тодрос Геллер принял непосредственное участие в программе, предусматривающей широкое участие художников и скульпторов в декоративном оформлении города, школ, почтовых отделений и так далее. Как сказала художница Луиза Йохим (Louise Dunn Yochim): «Художники впервые получили трехразовое питание». Многие ныне известные чикагские мастера открыли для себя новые творческие формы и темы. Главной темой работ была социальная справедливость, что неудивительно для периода глубокого экономического кризиса. Тодрос Геллер оформил 5 школ и 1 библиотеку. Прошло много лет, и немалое количество работ Геллера исчезло...Много бед принесли человечеству 30-е годы, однако не было беды страшнее, чем германский фашизм. Будучи его непримиримым врагом, Тодрос

Геллер в 1936 году принял участие в создании портфолио, посвященного Гражданской войне в Испании «Против войны и фашизма» (Against War and Fascism), изданного под эгидой чикагской секции Конгресса американских художников (First American Artists Congress). Средства от продажи пошли на помощь сражающимся республиканцам.

В том же 1936 году чикагское общество художников, под влиянием Геллера и под руководством одного самых радикальных художников Морриса Топчевского (Morris Topchevsky), опубликовало первый ежегодный художественный календарь The Artist Calendar – 1937, который включал 30 гравюр на дереве ведущих чикагских графиков. Выпуск календаря преследовал несколько целей. Первая и главная – обеспечить широкий круг рабочих произведениями искусства по доступной цене. Календарь также должен был способствовать сближению рабочих и художников, преследующих одни и те же политические и социальные цели. Таким образом художники выступали в роли защитников прав пролетариата. Кроме того, продажа календаря обеспечивала создание денежного фонда, способствовавшего привлечению художников к социальной активности.

Недорогие репродукции работ Геллера этого периода были необычайно популярны среди чикагских евреев. Одна из лучших работ – «Странный мир» (Strange World) – была приобретена АИС, где ее и сейчас можно увидеть в американском отделе музея на втором этаже.

Вглядитесь в глаза старого еврея. Вероятно, еще совсем недавно он проживал в небольшом еврейском местечке в российской черте оседлости, но его дети в поисках лучшей жизни покинули недоброе отечество, забрав старика с собой. Он попал в бурный водоворот чикагской жизни начала 20 века с грохочущими линиями метро, с яркими зазывающими витринами. За его спиной бурлит бесформенная толпа, со стенда кричат футуристические заголовки газет на неведомом языке, но... он этого не видит и не слышит. Его внутренний мир бесконечно далек отсюда. Его глаза обращены вглубь души, они полны спокойствия. Его не волнует действительность, ему все равно, где жить, ибо и запущенное местечко из черты оседлости, и индустриальный гигант Чикаго для него одинаково «странные миры».

На мой взгляд, это одна из самых мудрых картин, созданных когда-либо еврейскими художниками. Тодрос Геллер как никто сумел показать поразительный контраст между внутренним миром человека и внешним миром. Репродукции «Странного мира» в 30-е годы были

настолько популярны, что, по воспоминаниям чикагских стариков, их можно было найти чуть ли не в каждом еврейском доме...

Последний автопортрет мастера

Несмотря на безразличие к религии, Геллер всегда характеризовал себя как художника, стремящегося понять свой народ и искренне ему служить. Больше того, он с сарказмом относился к еврейским художникам, обратившимся к «зарубежным традициям», как к людям ловко маневрирующим между европейскими художественными стилями и еврейской традицией. Однако, несмотря на самооценку Геллера, специалисты рассматривали его творчество, скорее, как попытку уравновесить специфически еврейские мотивы с неким универсальным началом, поэтому во вступлении к *From Land to Land* автор предисловия поэтесса и переводчица Инез Каннингем Старк (Inez Cunningham Stark) метко заметила, что Тодрос Геллер создал новый стиль, который можно назвать «Современное народное (еврейское) искусство».

Творчество Тодроса Геллера не прошло незамеченным. Трижды он удостоивался призов национальной выставки графики библиотеки Конгресса (Library of Congress National Print Exhibition awards), участвовал во многих престижных выставках, в том числе New York World's Fair, 1939 года.

К сожалению, Тодрос Геллер прожил недолгую жизнь. Он скончался 23 февраля 1949 года в возрасте 59 лет. Свою личную жизнь он старался держать подальше от посторонних глаз; поэтому известно только, что у него остались жена Ольга Геллер, дочь Эстер Силверман и сестра. Однако мне не удалось найти информацию о них.

Чикагский The Spertus Institute, владеющий коллекцией работ художника, организовал посмертную выставку, на которой были представлены малоизвестные широкой публике картины, такие как *Landscape with Figure* (1924), *Portrait of a Man* (1929), *Crossroads* (ca. 1930), *Vase of Flowers* (1931), *Mexican Village* (1935), *Portrait of an Artist*, *Portrait of Ben Shalom*, *Jerusalem Courtyard*, *Mitzi*, *Church Landscape*, *Portrait of a Woman*, *Tenant Scene* (все без указания года создания) и *Park Scene* (1946), а также гравюры на дереве.

Комментарии:

1. College of Jewish Studies впоследствии был преобразован в Spertus Institute for Jewish Learning and Leadership).

Использованные материалы:

1. Todross Geller. Wikipedia (website).
2. Todross Geller. Modernism in the New City (website – chicagomodern.org).
3. Todross Geller. Artists of Chicago. Illinois Historical Art Project (website – Illinoisart.com).
4. Sarah Abrevaya Stein. *Illustrating Chicago's Jewish Left: The Cultural Aesthetics of Todros Geller and the L. M. Shteyn Farlag*. Jewish Social Studies. Indiana University Press.
5. Todross Geller. *From Land to Land*. L.M.Shteyn Farlag, 1937.
6. Zelig Heller «Alte Vegn», 1926.
7. Rose G. Lurie. *The Great March: Post Biblical Jewish Stories*, 1931.
8. Nathan Harpaz. *A gift to Biro-Bidjan, Chicago, 1937: from despair to new hope*. Des Plaines, IL. Oakton Community College, c 2002.

Часть 6. Кино и театр

П. Кончаловский. Портрет режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда. 1938.

Элеонора Мандалян

Лос-Анджелес, США

Кинообозрение от Элеоноры Мандалян. Величайший шоумен мира

Яркий, зрелищный фильм *The Greatest Showman* – «Величайший шоумен» (в полном варианте: *The Greatest Showman on Earth*), стал для американцев рождественским подарком Голливуда, он вышел на экраны 20 декабря (билеты на него начали продавать уже за месяц), а для россиян – подарком на новогодние каникулы – с 4 января.

По жанру фильм историко-биографический. Он посвящен зарождению цирка в Америке и его создателю Финеасу Тейлору Барнуму, основоположнику мирового шоу-бизнеса. Русскоязычные кинопропагандисты упорно называют «Величайшего шоумена» мюзиклом (что, в нашем понимании, эквивалентно оперетте), хотя в фильме просто много танцуют и поют – американской прессой он заявлен как музыкальная феерия.

Насколько удачно осуществлена задумка, много лет вынашиваемая студией 20th Century Fox, сказать затруднительно, поскольку не очень внушает доверие режиссер фильма – австралиец Майкл Грейси, по части большого кино абсолютный новичок. Практически о нем еще почти ничего неизвестно, даже – сколько ему лет. Следы его первых работ, в качестве коммерческого директора и художника по

визуальным эффектам в коммерческих рекламных роликах Австралии, прослеживаются с 2005 года.

Однажды он был объявлен режиссером фильма *Rocketman* («Человек-ракета») – автобиографической музыкальной кинофантазии Элтона Джона, который сам выбрал Грейси, потому что ему особенно хорошо удаются танцевльные и музыкальные элементы рекламы, удостоенные нескольких наград. Британская студия, на которой этот фильм должен был сниматься, называется соответственно – *Rocket Pictures*. Элтон Джон основал ее для кино- и телепроектов о себе самом. *Rocketman*, анонсированный еще в 2011 году, должен был стать режиссерским дебютом Грейси, но поскольку его так и не сняли, то дебют автоматически пришелся на «Величайшего шоумена». А нам, кинозрителям, предлагается посмотреть, что у Грейси-дебютанта получилось.

Впрочем, бесприкрытой гарантией его успеха должен стать крепкий, надежный состав съемочно-актерской команды. Над сценарием, в частности, работали опытные знатоки своего дела – оscarоносный Билл Кондон (мюзикл «Чикаго», «Красавица и чудовище», «Боги и монстры»); Майкл Арндт («Звездные войны: Пробуждение силы»); и одна дама – Дженни Бикс («Секс в большом городе»).

За музыку отвечал калифорниец из Глендейла, Джон Дебни, один из самых популярных композиторов и дирижеров Голливуда, автор саундтреков к девяти десяткам фильмов, номинированный на «Оскар» за музыкальное сопровождение к фильму Мела Гибсона «Страсти Христовы».

В «Шомене» звучат авторские песни молодых, но уже оscarоносных поэтов-песенников Бенджа Пасека и Джастина Пола, работающих вместе и известных, как «Пасек и Пол». (Свой «Оскар» они получили за «лучшую песню» в нашумевшем музыкальном

фильме 2016 года *La La Land*, собравшем невообразимое количество номинаций и наград.)

Что касается исполнителей, то их в фильме великое множество, включая артистов цирка. На основных ролях задействованы такие звезды, как Хью Джекман, воплотивший на экране «величайшего шоумена» Барнума; Мишель Уильямс (Чарити Барнум), Зак Эфрон – в роли преуспевающего театрального продюсера Филиппа Карлайла, партнера и ближайшего друга Барнума; Зендея (циркачка и возлюбленная Филиппа), Ребекка Фергюсон (шведская певица Женни Линд); актеры Дайэнн Кэррол, Пол Спаркс, Кила Сеттл и др.

Любопытно, что существуют две Ребекки Фергюсон, одна – британская певица (контральто), другая – шведская актриса. Обе красивые, молодые и почти однолетки. Вполне можно было бы предположить, что певицу воплотит на экране певица. Но шведку сыграла шведка. (О том, кто такая Женни Линд и какое влияние она оказала на Америку, речь пойдет в разделе «Линдомания».)

Ребекка-актриса с 13 лет работала моделью в журналах и снималась в рекламе. Потом было участие в телесериалах, с главными ролями, с плавным переходом на большой шведский экран. А оттуда уже мостик перекинулся через океан – в Голливуд, где Ребекке Фергюсон доверили одну из главных ролей в фильме «Миссия невыполнима: Племя изгоев», с Томом Крузом, что сразу высоко подняло ее планку. И теперь вот новая голливудская роль – в «Шоумене».

Зак Эфрон – американский актер, вызывающий большой интерес в основном у несовершеннолетних поклонниц как «красавчик и сердцеед» (с чем совершеннолетний зритель мог бы и поспорить). Звездой Голливуда он стал после участия в фильме «Классный мюзикл», продемонстрировав не только свой актерский талант, но и умение хорошо петь и танцевать – так хорошо, что теперь уже продюсерам он ставит условия: снимусь в мюзикле, если сам буду петь. И они соглашаются. Заку 30 лет. На его счету уже пять мюзиклов с его участием, включая Бродвейский – «Лак для волос», и, в общей сложности – десятка четыре сыгранных ролей. Попутно он успел попасть в список *Forbes Celebrity 100*, и переболеть «звездной болезнью», пройдя курс лечения от алкоголизма и токсикомании.

Мишель Уильямс, сыгравшая первую любовь и жену Барнума – 37-летняя американская актриса норвежских кровей, четырехкратная претендентка на Оскар. Среди многих созданных ею образов особенно запомнились: Мэрилин Монро в фильме «7 дней и ночей с Мэрилин»; доброй волшебницы Глинды в фильме «Оз: Великий и Ужасный»; умершей жены маршала США Эндрю Леддиса (Леонардо Ди Каприо) в фильме Скорсезе «Остров проклятых».

От мутанта до шоумена

О Хью Джекмане хочется поговорить побольше. Хью – личность весьма активная, сгусток энергии, можно сказать. Он много снимается в кино, причем в главных ролях, играет в театре, озвучивает мультипликационные персонажи. Мюзиклы – в кино и на сцене – его стихия. Причем поет везде сам. Особенно ему удалась роль Жана Вальжана в фильме-мюзикле «Отверженные», за которую он был номинирован на Оскар. Хью стал единственным в истории нью-йоркского театра актером, получившим в один сезон «тройную корону Бродвея» (все театральные премии сразу – «Тони», Drama Desk и Outer Critics Circle). И конечно же, он – звезда Голливуда, что запечатлено на Аллее Славы.

Hugh Michael Jackman родом из Австралии, там же и начиналась его карьера – в театре, в кино, на телевидении. Он родился в семье британских эмигрантов. Когда ему было восемь, родители развелись, поделив между собой пятерых детей – мать вернулась в Лондон, забрав дочерей, а сыновья остались с отцом, в Сиднее.

Хью Джекман и Зак Эфрон. Кадр из фильма

Хью был щедрым долговязым подростком, над которым подтрунивали одноклассники и учителя. Но ради актерской карьеры он, можно сказать, заново сотворил себя, буквально вылепив свое тело с помощью тяжелой атлетики, многочасовых тренировок и йоги (включая трансцендентальную медитацию). Ему уже почти 50, а на его, будто отлитом из бронзы теле легко просматривается каждый мускул. Будучи левшой, он научился стрелять правой. Он играет на

пианино, скрипке и гитаре, с удовольствием танцует и поет, владеет несколькими видами спорта, в том числе – прыгает с высоты, занимается винд-серфингом, ходит на каноэ. Может жонглировать сразу пятью мячами и много чего еще.

Хью – прекрасный актер и по-настоящему славный малый. В среде богемной публики Голливуда его считают редким однолюбом. Он образцовый семьянин, верный однажды выбранной жене (актрисе Деборре-Ли Фёрнесс, которая на 13 лет его старше) и двум детям, усыновленным новорожденными. Последние несколько лет у Хью Джекмана нешуточные проблемы со здоровьем – он перенес уже шесть операций на лице в связи с раком кожи. Но не унывает. По крайней мере, не подает вида. А ведь лицо для актера – его визитная карточка и его «основной инструмент».

За свой долгий актерский путь Джекман сыграл множество ролей. Но одна – супергероя-мутанта Росомахи, у которого в нужный момент вырастают из кистей рук длиннющие ножи, так прочно к нему прилипла, что с первого же взгляда на него ассоциация неизбежна. Вот уже 17 лет симпатяга Хью снимается в серии фантастических фильмов под общим названием «Люди Икс» (о мутантах, наделенных невероятными сверхспособностями), что принесло ему мировую известность и миллионные гонорары.

«Логан», финал Росомахи (2017) – очередной фильм серии, получивший «звание» лучшего супергеройского фильма всех времен (\$612 млн в прокате), для Хью, видимо, станет последним. Быть бессменным Росомахой он больше не хочет, но поскольку этот образ стал как бы его вторым лицом, жаждет узнать своего «преемника».

Своего экранного перевоплощения из мутанта в величайшего шоумена Хью ждал с 2009 года. Его ожидания увенчались успехом. «Этот фильм имеет для меня особое значение, – говорит он. – У нас ушло семь лет на его производство». А на подходе уже следующий биографический фильм и следующее перевоплощение – в основателя автомобильного концерна Ferrarо, итальянского автогонщика, конструктора и предпринимателя, Энцо Феррари, в фильме Майкла Манна.

Гениальный мистификатор

Рассказывать сюжет музыкального фильма «Величайший шоумен», думаю, не имеет смысла. Но вспомнить биографию человека, которому он посвящен, стоит. Хотя бы для того, чтобы понять, чем он так отличился, что потомки наделяют его исключительно

превосходными степенями, а сам он провозгласил свой цирк «величайшим шоу в мире».

Phineas Taylor Barnum (1810-1891) родился в Америке, в штате Коннектикут. (Согласно некоторым данным, его предки, по линии матери, были выходцами из Российской империи.) Свой долгий путь к успеху Барнум начинал подростком с торговой лавки, с лотереи (как бизнеса), затем – с редактора им же открытой газеты («Глашатай свободы»), на которой и погорел – после нескольких судебных исков, поданных на него и его газетенку за клевету, ему пришлось отсидеть два года. Выйдя на свободу, он подался в Нью-Йорк, где снова открыл бакалейную лавку. Поняв, что на этом «далеко не уедешь», начал искать иные пути к богатству и славе, о которых мечтал с детства. Наверное, правильнее будет сказать – начал, наконец, реализовывать заложенную в нем программу, свое истинное призвание.

Барнум рано обнаружил в себе способности ловко манипулировать сознанием людей. Он интуитивно чувствовал, как и чем можно подогревать их интерес, разжигать любопытство. К примеру – продавал снадобье, якобы способное человека с черной кожей превращать в белого. А потом ему подфартило купить древнюю, слепую, разбитую параличом негритянку-рабыню, выложив за нее, аж, тысячу долларов (ради этого ему пришлось продать партнёру свою долю в бакалейном бизнесе.) Зачем!? – удивится иной, непредприимчивый читатель.

Барнум знал, что делает. Он начал возить старушку по городам Америки, выдавая ее за 160-летнюю няню «отца-основателя», первого президента США, Джорджа Вашингтона, и демонстрировать публике за соответствующую плату. Почувствовав, что его лжереликвия вызывает у многих сомнения, он распустил слухи (теперь это называется рекламой), что старушка, на самом деле – искусно выполненная кукла-робот, и приток любопытствующих ему снова был обеспечен. А когда та отдала Богу душу, нашел весьма замысловатые способы еще какое-то время продолжать кормиться за ее счет.

Следующим экспонатом стал одиннадцатидюймовый лилипут Чарльз Страттон, которого, благодаря изобретательности Барнума, вскоре узнала не только Америка, но и Европа. Считается, что небывалый успех этого номера и заложил основы мирового шоу-бизнеса как явления. Барнум научил своего лилипута петь, танцевать и смешить публику, заказал для него генеральский мундир и дал ему

сценическое имя: General Tom Thumb (американский вариант «мальчика с пальчика»).

Фантазия Барнума продолжала работать – он устроил свадьбу двух лилипутов, предварительно широко ее разрекламировав – не свадьбу, а грандиозное массовое шоу с огромным количеством зрителей (или зевак). Затем в ход пошли сиамские близнецы Чанг и Энг, индейская танцовщица, дочь вождя племени, женщина-гигант, русский парень (Федор Евтищев) с лицом, сплошь заросшим волосами, которому – для пущего колорита – он не позволял на сцене говорить. Бедняга только выл и лаял.

Диковинных живых экспонатов становилось все больше. Уникальное «шоу уродцев» превратилось в бродячий цирк, с которым Барнум разъезжал повсюду – по городам Америки и Канады, по странам Европы, предвосхищая свое появление изощренной рекламой, настолько хитроумной, что в двух словах о ней и рассказать-то невозможно. Заранее подогретая публика – от самой бедной до самой богатой – жаждала увидеть собственными глазами живые чудеса Барнума. Не устояла перед соблазном даже сама королева Великобритании, Виктория. Она пригласила американского циркача вместе со всей его труппой во дворец и после представления уговорила задержаться с гастрольями в Лондоне на несколько месяцев.

Линдомания

При всей своей невероятной популярности, Барнум был и оставался цирковым предпринимателем, делавшим ставку не на высокое театральное искусство, а на зрелищность, ориентированную на нетребовательного, массового зрителя. Однако именно этот человек познакомил Америку с настоящим оперным искусством, преподнес ей величайшее сопрано Европы – шведскую певицу из Стокгольма, Jenny Lind.

Сам Барнум впервые услышал – не её, а о ней – во время гастролей по Европе, в 1849-м. Женни (или Дженни) Линд, за свой божественный голос прозванная «шведским соловьём», с огромным успехом выступала в Лондоне. Шоумен тут же сделал стойку и, даже не дав себе труда послушать, как она поет, послал Линд неслыханное по тем временам предложение: 150-дневный тур по Америке с гарантированной оплатой в \$1000 за каждое выступление. И певица согласилась.

Еще до появления оперной дивы в Нью-Йорке, Барнуму удалось вызвать в нем такое ажиотажное ожидание, что в день прибытия ее корабля в порту собралось более 40 тысяч человек. Нюх не подвел

Барнума – Женни Линд стала для Америки настоящей сенсацией. На протяжении года ажиотаж сопровождал, и даже опережал, их триумфальное продвижение по стране. Конечно же, дело было не столько в его рекламных ухищрениях, сколько в самой певице. Завораживающий любую аудиторию сладкоголосый «шведский соловей» был восхитителен. Любовь американцев к Линд достигла такого накала, что газетчики того времени окрестили это явление «линдоманией», а удачливый антрепренёр, вспомнив былую практику, начал распространять билеты через лотерею.

«Lindomania» продолжалась до 1852 года. Женни Линд дала 93 грандиозных концерта в Америке, после чего расторгла контракт с Барнумом и гастролировала самостоятельно. Даже после ее возвращения в Европу она долгие годы оставалась для американцев эталоном и символом красоты, женственности, таланта.

Добрый старый цирк-шапито

Заработанные деньги не оседали в карманах циркача, ухватившего-таки свою птицу Феникс. Он основал прославившийся на весь мир бродячий (или передвижной) цирк Барнума, затем купил в Нью-Йорке, на Бродвее, здание и, переоборудовав его, открыл в нем «Американский музей Барнума». Музей дважды сгорал до тла, и дважды он его восстанавливал.

В 1871-м Барнум организовал в Бруклине (вместе с компаньоном Уильямом Коупом) этакий развлекательный комплекс, в который вошли: музей, цирк, зверинец, «шоу уродцев» (freakshow), а позднее и театр, провозгласив все это «Величайшим шоу в мире» (The Greatest Show on Earth). Помимо музея-театра, Барнум построил в родном Коннектикуте, в Бриджпорте, четыре богато декорированных дворца, назвав их: Iranistan, Lindencroft, Waldemere и Marina. Только у всех у них почему-то была тенденция сгорать.

В 1880-м, объединившись со своим основным конкурентом Джеймсом Бейли, великий мистификатор создал цирк-шапито, за которым в конце концов закрепилось название Barnum & London Circus. Лондон, по-видимому, представлял шеститонный африканский слон Джамбо, купленный в лондонском зоопарке и ставший в Америке всеобщим любимцем и символом цирка.

«Цирк Барнума и Лондона» был огромен – штат в полторы тысячи человек, сотни животных и колоссальное количество оборудования. Для транспортировки одного только циркового имущества требовалось как минимум 65 вагонов. По величию и грандиозности

этот цирк-шапито, который и язык-то не повернется назвать «бродячим», не знал себе равных.

Его прибытие в тот или иной город обставлялось как яркое незабываемое зрелище – с торжественным шествием по улицам, под жизнерадостную музыку, всей двуногой и четвероногой труппы. Слоны и два десятка верблюдов гордо несли на своих спинах цирковых актеров, за ними – красочные повозки, «Храм Юноны», клетки с хищниками и экзотическими животными. Шатры для представлений раскидывались на площади в несколько гектаров. Цирк гастролировал по Северной и Южной Америке, по странам Европы, добрался даже до Австралии и Новой Зеландии. Продолжая набирать силу, цирковое объединение превратилось в настоящий синдикат цирковой индустрии.

Циркач и политик

Барнум еще долго оставался для американцев «гением авантюры», «королем весёлого надувательства» («Prince of Humbugs»). Эти прозвища его ничуть не смущали, ведь он сам открыто признавал, что надувательство и мистификация вполне приемлемы для шоумена и циркача. По крайней мере, для него это было призванием. Он даже всем своим обликом олицетворял этакого типичного, комедийного хозяина бродячего цирка.

Цирк Барнума

Однако, личностью Барнум был далеко не простой, щедро наделенной умом и талантами. Он несколько раз переиздавал свою автобиографию, используя ее как саморекламу и постоянно в ней что-то меняя и дополняя. Были и еще три книги – «Обманщики мира», «Сражения и победы», «Искусство делать деньги» – вышедшие огромными тиражами, по популярности, как сообщалось в прессе, уступавшие «разве что Библии». В них Барнум откровенно делился своими методами – как завлекать публику, чтобы добиться желаемого результата, как зарабатывать деньги с помощью эпатажа, мистификации (уловок, как он их называл), умело организованной рекламы и манипулирования человеческой психикой. Эти методы вошли в обиход как «эффект Барнума». А сам Барнум был провозглашен потомками родоначальником шоу-бизнеса. Его «уловками» по сей день пользуются маркетологи и рекламные компании.

С годами этот уникальный цирковой шоумен все больше перерастал в политического деятеля, в борца за отмену рабства, за равенство белых и черных. Он принимал участие в Гражданской войне. Он был щедрым, «практичным» меценатом. (То есть знал куда, как и когда жертвовать деньги с пользой для себя.) Два срока Барнум пробыл депутатом от республиканской партии города Фэрфилда, в родном Коннектикуте. Баллотировался в Конгресс США, и даже был мэром портового города Бриджпорта (в том же штате). Барнум дружил (без кавычек) с президентом страны Авраамом Линкольном и с писателем Марком Твеном.

Цирк Барнума и Бейли, между тем, продолжал процветать, но уже без него. Через 15 лет после смерти Барнума, Бейли, перед самой своей кончиной, продал его братьям Ринглинг. Старейшее цирковое объединение просуществовало без малого полтора века как широко известный передвижной «Цирк братьев Ринглинг, Барнума и Бейли» (Ringling Bros. and Barnum & Bailey Circus). В мае текущего года, не выдержав конкуренции с телевидением и интернетом, под натиском непокрываемых расходов и организации защитников животных (Peta), его последние владельцы с болью в сердце вынуждены были закрыть семейный бизнес. Защитники животных приняли это известие как свою победу, с ликованием объявив, что наконец-то «самое печальное для диких животных шоу на Земле» приказало долго жить.

Конечно, Голливуд не обошел вниманием такое яркое, историческое явление, как зарождение легендарного цирка-шапито. В 1952 году Paramount Pictures выпустила художественный фильм с заимствованным у самого Барнума заглавием – «Величайшее шоу мира» (The Greatest Show on Earth). В нем приняли участие артисты и

животные «Цирка братьев Ринглинг, Барнума и Бейли». Только в прокате по Америке он девятикратно окупил свой бюджет. Фильм выиграл два «Оскара» при пяти номинациях. Однако понравился он далеко не всем. Многие находили его скучным и непонятным, удивляясь, за что ему дали «Оскар».

Получается, что новый проект, своего рода, ремейк ленты 1952 года? Не совсем. Основные сюжетные различия обоих фильмов отражены уже в их слегка отличающихся друг от друга названиях – если ранний («Величайшее шоу мира») посвящен в основном самому цирку, то новый («Величайший шоумен мира») делает акцент на личности его создателя.

Александр Сиротин

Нью Йорк, США

Григорий Попович. Добрый клоун

С легкой руки авторов комиксов любимец детей цирковой клоун превратился в страшилку, злого джокера. Милый бродяжка Чарли, созданный Чаплиным, остался бабушкам и дедушкам. А их внуки стали бояться клоунов. Появилось даже новое психическое заболевание – клоунофобия. Трудно себе представить, чтобы дети боялись таких клоунов, как Олег Попов, Юрий Никулин, Леонид Энгибаров, Карандаш, Борис Вяткин, Слава Полунин, Марсель Марсо, Грок, Анатолий Дуров... Жестокие клоуны-убийцы стали

героями не только фильмов ужасов, но и народных уличных шествий на Халлоуин. Даже обычные клоуны в некоторых американских цирках носят пугающие маленьких детей костюмы, маски или грим. Их внешний вид, их клоунские антре часто лишены того обаяния, того доброго юмора, который был типичен для русского и европейского цирка. Исключение составляют такие американские клоуны, как рыжий Белло Нок или выступающий в роли бабушки Барри Любин.

К счастью, американская клоунада обогатилась таким добрым артистом, как Григорий Попович, который отметил 25-летие существования своего цирка в Америке. Это именно цирк, или, если хотите, цирк на сцене, хотя сам клоун называет его театром зверей. Григорий Попович временно покинул свой стационар в Лас-Вегасе, в казино «Планета Голливуд», чтобы отметить четвертьвековой юбилей гастрольным турне по разным городам США и Канады. С потомственным цирковым артистом, жонглёром, эквилибристом, дрессировщиком, клоуном, режиссёром цирка Григорием Поповичем мы встретились в Нью-Йорке.

– Этот тур для меня особенный, потому что я его называю юбилейным. 25 лет Театру зверей. Ровно 25 лет назад мы взяли одну кошечку и одну собачку и постепенно выросли до большого циркового коллектива, где более 30 животных. В юбилейное шоу мы включили самые лучшие номера, которые я подготовил за эти 25 лет. Я также показываю новые номера и, конечно же, классику цирка.

– Поскольку вы работаете не на арене, а на сцене, то вы показываете цирковое представление или спектакль?

– Если раньше я привозил и показывал дивертисментную программу, где были различные номера без единой сюжетной линии, то в этот раз я подготовил уже спектакль, решённый цирковыми средствами, где каждый номер вписывается в условный сюжет.

– Этот спектакль сделан в расчёте на детей или на взрослых тоже?

– Как правило, в цирк ходят, как раньше говорили, три раза в жизни: когда ты сам ребёнок, когда ведёшь своего ребёнка и когда ведёшь своих внуков. Но я подготовил спектакль, где, я надеюсь, будет интересно не только детям, но и взрослым. Там есть и ностальгические нотки. Многие, кто приехал из бывшего Советского Союза, наверняка вспомнят тот наш русский, советский цирк. Много музыки той, ностальгической. Это история о клоуне, которого выгнали из цирка. Он остался без работы, без крыши над головой, люди от него отвернулись, и тогда к нему на помощь пришли животные, которые помогают ему вернуться в цирк и добиться успеха. Эта трогательная и смешная, немного наивная история – для всех возрастов и всех национальностей. Я более 10 лет работаю в Лас-Вегасе, и американцам очень нравится моя история. Надеюсь, что и нью-йоркским зрителям она понравится.

– Ваше шоу идёт без слов или вы иногда говорите?

– Цирк – интернациональное искусство, где надо не рассказывать, а показывать. У нас всё без слов, только пантомимой, только визуальными номерами.

Я попросил Григория Поповича рассказать подробнее о своём коллективе.

– У меня большой коллектив: девять человек – помощников, артистов, но самые главные звёзды это – четвероногие, пернатые, хвостатые артисты-животные. Их более 30. Кстати, в моём юбилейном представлении участвуют собаки, кошки, гуси, попугаи и специальный гость – мини-лошадка Даймонд. Конечно, такие артисты требуют постоянной заботы, вот почему у меня столько помощников. У нас есть постоянный ветеринар в Лас-Вегасе, который следит за здоровьем животных, но когда мы выезжаем на гастроли, то, в случае необходимости, мы обращаемся к местным ветеринарам, и они нам всегда помогают. В Америке это не проблема.

– Вы в Лас-Вегасе начинали работу с казино «Circus Circus»?

– Да, я начинал в «Сиркус-Сиркусе». Это был мой этап становления. Там был интересный момент: это казино, в котором больше пяти минут ни одному цирковому артисту не разрешали работать, чтобы публика могла больше времени и денег тратить на казино. А когда я стал показывать новые номера, то они очень понравилось владельцу казино и он разрешил мне работать аж 30

минут. Но со временем я перерос и эти 30 минут, и, когда мне нужна была больше площадка, я пошёл на риск и самостоятельно арендовал помещение в «Планете Голливуд». Никто в мою идею не верил, и никто не хотел финансировать мой проект. Последние 15-20 лет идёт тенденция убирать животных из шоу-бизнеса. После грандиозного успеха цирка Дю Солей, все продюсеры и все хозяева театров просили меня делать что-то в стиле цирка Дю Солей. А я пытался им объяснить, что есть и другие направления в искусстве цирка, которые имеют право на существование. Но эти люди не понимали, что такое русский цирк, и не хотели мне финансово помочь, вложиться. Тогда я всё сделал сам, сам рискнул, сам арендовал сцену и доказал, что моему цирку тоже есть место: зрители пошли ко мне. И вот уже в течение 10 лет я постоянно выступаю в Лас-Вегасе.

– Защитники животных, фактически, угробили знаменитый, крупнейший в мире и старейший в Америке цирк «Ринглинг Бразерс энд Барнум энд Бейли». Во время ваших представлений активисты Общества защиты животных устраивают демонстрации протеста?

– Один раз ко мне пришли представители этих организаций, и я сразу сделал очень простую вещь: я их привёл на свою репетицию, а во время представления они находились за кулисами, и я пригласил их к себе домой показать, как животные мои живут, как отдыхают, и все вопросы были сняты, потому что у меня в Лас-Вегасе большой такой дом в стиле ранчо, где для каждого животного есть место в собачьем доме, в кошачьем доме. У собак даже бассейн есть. И ещё я держу дом для престарелых четвероногих пенсионеров. Гости были полностью удовлетворены. И ещё очень важный момент: я работаю с животными, которые не являются дикими. Это домашние животные. Ни кошка, ни собака отдельно от человека не живёт. Есть и воспитательная задача. Современная публика очень утилитарно относится к собакам, к кошкам. Например, родители подарили ребёнку щенка. А потом выяснили, что ни у кого нет времени с ним гулять, и они просто отдают его в приют для брошенных, бездомных животных. Я же беру животных из приюта, только из приюта, и своим представлением показываю: «Смотрите, обыкновенные животные, а какие они симпатичные, какие талантливые!» И если кто-то после моего шоу захочет «адаптировать» животное из приюта, я чувствую, что мой месседж достиг цели.

Григорий Попович очень интересно рассказывает о своём методе работы с животными. Он не обучает их каким-то не свойственным им трюкам. Взяв животное из приюта, он месяца три просто наблюдает за ним, изучает его характер, повадки, пристрастия. Если, например, кошка любит тереться о ноги, то выстраивается номер с

использованием именно этой особенности. Другие кошки предпочитают сидеть на руках или на плече человека. Отсюда рождается соответствующий номер. Можно сказать, что не дрессировщик учит животных, а наоборот, животные учат дрессировщика. Кошки требуют совершенно особого подхода. Они очень любят поощрения, любят, когда их гладят. Но это лучше делать не перед выступлением, а после, чтобы они знали, что их поощряют за хорошую работу. При этом погладить надо каждую, никого не пропуская, иначе они обижаются. И начинать надо с главной, признанной вожаком, в противном случае, возникает ревность и дело доходит до драки. У каждого кошачьего артиста есть, как правило, два дублёра. Потому что кошка может не захотеть выступить, её может что-то отвлечь, скажем, муха. И клоун-дрессировщик должен срочно заменить эту кошку дублёром.

– На каком языке вы разговариваете с животными?

– Когда беру их из приюта, они там или у прежних хозяев привыкают к английскому, к голосовой специфике американского английского. Я постепенно приучаю их к своему русскому, на котором мне общаться легче, и они быстро учатся меня понимать. Так что мои артисты – двуязычные, а если учесть, что у них ещё есть и свой собственный язык, то они у меня полиглоты.

Григорий Попович мог бы написать новую книгу о своих питомцах (две книги уже вышли), или снять новый полнометражный кинофильм (один уже есть под названием «The Voice of The Fabled American West» с Поповичем в главной роли). У него многое может получиться, ибо таланта, упорства, терпения и бесстрашия перед новым делом ему не занимать.

...Как объявляли когда-то: «Цирк приехал! Спешите видеть!..»

Лазарь Фрейдгейм

Калифорния, США

Sic transit gloria mundi... Так проходит слава мира. Балерина Тамара Туманова¹⁰⁸

Почти 100 лет прошло с рождения балерины Тамары Тумановой. Это имя вряд ли вызывает сейчас четкие ассоциации со славой русского балета Дягилева и последующих лет всемирной известности российских балетных труп и артистов. В этом вина не балерины, в этом наша вина, точнее, беда. Эта многоплановая беда беспамятства засела в моем мозгу и в поиске освобождения побудила меня рассказать эту историю.

О старых иконах и мифическом их происхождении говорят как о чудесном обретении. В дали лет кроется и момент обретения портрета балерины. Среди бессистемного множества документов, зарисовок, эскизов архива ее дома. Сегодня, обсуждая с людьми, знающими и заинтересованными, приходим к мнению, что это одно из наиболее выразительных изображений Тамары Тумановой; строгое, почти минималистское. Без всяких внешних сценических атрибутов. Портрет, явившийся нам, как птица Феникс, из «пепла» случайной распродажи.

Этот портрет остался особо ярким напоминанием о доме Т. Тумановой – запоминающиеся черты выразительного лица, сила и

---

¹⁰⁸ В сокращении

убедительность образа. (Портрет ныне находится в коллекции А. Смоляницкой, Лос-Анджелес).

Немного о предыстории и обстоятельствах, сведших меня с домом Тамары Тумановой. В пятницу 14 августа 1998 г. в выпуске

ежедневной газеты «The Outlook» появилось объявление о проведении распродажи вещей в ближайшие субботу и в воскресенье по адресу 305 North Elm Drive, Beverly Hills. Газета издавалась в Санта-Монике, одном из районов (по-американски, городов – city), входящих в состав Лос-Анджелеса. Именно в этом приокеанском благостном районе находится госпиталь, в котором 29 мая 1996 г. скончалась балерина.

Для тех, кто не знаком с некоторыми привычными явлениями американской жизни, – небольшое «лирическое» отступление. Уличная распродажа – это некоторая специфика американцев. К удивлению впервые видящих такую торговлю, – продавцы не собираются вместе на специальной территории, а выкладывают товар в гараже или прямо на траве около дома. Это рассредоточенный, индивидуальный рынок. В американском быте существуют несколько разновидностей таких барахолок, объединяемых понятием Garage sales (GS).

Это также «Moving sale» – распродажа при переезде на новую квартиру, и «Estate sale» – продажа более дорогих вещей. Такое

объявление часто соответствует распродаже всего содержимого дома при его продаже. Последние два вида обычно не исчерпываются уличным развалом, а включают выкладку вещей внутри дома или квартиры. Потенциальный покупатель узнает адреса по объявлениям в газете или в интернете, обходит – объезжает эти места в поисках своих сокровищ. Чичиков в былые времена объезжал в своей бричке помещиков, надеясь выцганить у ничего не понимающих соседей непригодные для них мертвые души, чтобы потом вдохнуть в них иллюзорную жизнь в подложных ревизских сказках. Покупатель на GS забирает у владельцев умирающие или мертвые душой предметы, чтобы, в соответствии со своими знаниями и вкусом, вдохнуть в них новую жизнь. И они восстают из забвения и ненужности для новой жизни.

Объявление, относящееся к дому в Беверли Хилз, – это приглашение на распродажу. Без молотка аукционера и конкуренции покупателей. Объявление о двухдневной распродаже, свободный доступ – заходи, смотри, выбирай. То, что подпадает под названные выше *Garage sale* или *Estate sale* (это более точно применительно к этому случаю).

Мир меняется в большом и малом... Уже не стало издававшейся более 100 лет упомянутой газеты, затмились многие события собственной жизни. Давно уже ежедневный путь на работу сменился сидением у монитора компьютера, а, кажется, совсем обычное событие нескольких часов жизни – распродажа в частном доме – не кануло в Лету, осталось в памяти и будоражит сложными, почти философскими откликами.

Это короткий рассказ о встрече с домом балерины, домом, уже за несколько лет до этого покинутым артисткой. «В капле воды отражается весь мир»... Шемящее чувство бессилия перед рассеиванием памяти о человеке, мгновенно возникшее тогда, сохранилось на многие годы.

Дом расположен в дорогом районе Лос-Анджелеса, как бы Остоженка или Пречистенка для Москвы. На продаваемых предметах грошовые ценники. На выходе, у въездной арки, два контрольных стола организаторов распродажи, которые суммирует стоимость выбранных вещей и получают деньги.

В доме был стенд с дорогими старинными вещами, в частности, русским серебром. Этот стенд опекал относительно молодой красивый мужчина, говоривший на русском языке с сильным акцентом, вероятно, наследник дома и всего хозяйства. Он любезно, но с несимпатичной деловитостью, отвечал на вопросы пришедших – о доме, вещах и их хозяйке. Собственно, из фрагментов этих

минилекций-ответов мне довелось услышать историю Тамары Тумановой и воспринять все происходящее в особом свете...

Известная американская балерина Тамара Туманова родилась в трагических условиях послереволюционной России. Эта трагичность относится не только к обстановке тех лет в стране, но и к самому

факту появления на свет девочки в поезде, едущем на Дальний Восток. После семья Тамары оказалась в Париже. Там девочка дебютировала в девять лет в балете «Веер Жанны» («L'Eventail de Jeanne»). Её заметил Джордж Баланчин, который в 1933 году взял её в труппу «бэби-балерин» вместе с Татьяной Рябушинской и Ириной Бароновой. Вскоре её прозвали «Чёрной жемчужиной русского балета».

Начиная с 30-х годов, Тамара Туманова прочно завоёвывает многие ведущие балетные сцены Европы и Америки — Парижскую Оперу, Ковент-Гарден, Ла Скала. Балерина сотрудничала с самыми знаменитыми труппами мира. Под неё ставили свои сочинения Серж Лифарь, Леонид Мясин, Джордж Баланчин, Бронислава Нижинская. С ней репетировал свои балеты Михаил Фокин. Близкие творческие и дружеские отношения связывали Туманову с Александром

Глазуновым, Сергеем Прокофьевым, Пабло Пикассо, Марком Шагалом и другими крупнейшими деятелями культуры того времени.

Но время неумолимо. В 1970-м она перестает выступать. В 1996-м она ушла из жизни. На кладбище Hollywood Forever в Лос-Анджелесе я увидел амура, дежурящего у надгробья актрисы. Увы, память упокаивается навечно именно в этой тишине...

На распродаже в доме на Беверли Хилз множество бытовых мелочей, фарфор, хрусталь, серебро, книги, эскизы костюмов и постановок, сами костюмы. Вещи были выставлены в небольших комнатах дома, на стенах в рамках эскизы костюмов и декораций. На некоторых надпись: «Not for sale», на других – ценники. Во дворе выставлены столы с мелкими предметами, в глубине двора – полки с книгами (более дорогие, по мнению организаторов, книги были выставлены в доме). Тут же металлические передвижные рамы для одежды, на которых во множестве висели вечерние и бытовые костюмы и платья – предметы разновременного гардероба актрисы.

Когда ты примеряешь на свой вкус на базаре выложенные на продажу изделия, ты оцениваешь вещи только с позиции собственной заинтересованности. Когда же ты попадаешь в обстановку ликвидации хозяйства ушедшего человека, восприятие кардинально изменяется. Вплоть до полного отрицания: это не для меня... Обстановка, костюмы, предметы быта, книги, программки балетов... Этакое изыятие каждого предмета из среды его обитания. Среда – привычной, исторической, нормальной. Среда жизни человека, обустроившего свой быт. Ты невольный участник этого преобразования истории в пепел. Этакое разграбление личного музея... Кромсание среды... Испепеление... Глеющие (истлевающие) вещи, подбрасываемые временем в кострище.

Особое впечатление произвели документы на уличном столе непосредственно у входа в дом. На нем лежала большая папка со многими десятками эскизов и зарисовок, на непрофессиональный взгляд, несущественно отличавшихся от вывешенных в рамках в интерьере дома. В одиночестве (других посетителей, это, по-видимому, не интересовало) я долго переключал рисунки... Каждое прикосновение – как ритм барабанных ударов «Болеро» Равеля, исторически слившегося с балетом. Как тема судьбы, линии жизни, пепелища... Вероятно, за несколько десятков долларов можно было приобрести всю эту россыпь целиком. Я подумал об этом, о возможности предложить это для хранения фондам театрального музея имени А.А. Бахрушина, уютно разместившегося в Москве на Павелецкой в эффектной особняке создателя коллекции. А если это вовсе и не интересно для нынешних кураторов коллекции музея?..

Омертвление страниц истории (может, маленьких страничек) в моем домашнем архиве... Может, это будет полезней более сведущему посетителю... Сейчас пришла вновь мрачная мысль: а нашелся ли в те два дня этот более сведущий посетитель?..

Смушение вызывала распродажа одежды актрисы. Даже в этой обстановке дальнего угла двора бросалась в глаза ее неординарность. Вместо случайных покупателей нарядов выдающейся балерины, касавшихся ее души и тела, хорошо бы представить замечательного историка моды, коллекционера и искусствоведа Александра Васильева с несколькими сотнями долларов в кармане и большим траком. Шкафы, шифоньеры, гардеробы уже ушедших времен Art nouveau и Art Deco, заполненные гардеробом актрисы, формировавшимся десятилетиями. Они могли бы создать отдельный бокс или зал в парижских или московских выставочных коллекциях специалиста.

Проза, поэзия, отдельные книги славного издательства «Academia» – все на продажу. Бесплатно лежали стопочки программ гастрольных спектаклей балерины и концертов в разных частях мира. В развале во дворе дома было много книг на английском, французском, русском языках...

Разрозненные (возможно, из-за выбора ранее прошедших покупателей) тома юбилейного издания сочинений Пушкина – Париж, 1937 г. Это пятитомное издание в наши дни является недешевой библиографической редкостью. На первый взгляд, тома воспринимались как бы варварски вырванными из переплетов, с торчащим, как уши, корешковым материалом. Однако вспоминается, что в былые времена, а в Париже, по-видимому, это проявилось в этом издании, книгоиздатель выпускал текст в виде прошитого книжного блока, а покупатель по своему вкусу мог заказать переплет – в коже, в коленкоре, с золотым тиснением или с серебряными накладками.

В память о былом – несколько предметов оказались у меня. Книги, программа гастрольных концертов, чайная ложка... Подробней расскажу о двух книгах, найденных там.

Первая из них: А. Черный, Солдатскія сказки, Изд. ПАРАБОЛА, Парижъ, 1933, стр. 271. Обложка в стиле Art Deco работы замечательного русского художника И.Я. Билибина. На строгой бумажной обложке от руки написано: «№13. Изъ книг Тамары Тумановой». Сама подпись автора – А. Черный – непривычна.

В действительности, Саше Черному, Александру Михайловичу Гликбергу, стало тесно в его псевдониме еще в России (есть письма, подписанные «А. Черный – бывший Саша Черный»). Но во Франции

после обсуждения с Куприным он стал окончательно пользоваться именем А.Черный. (Замечу, что на титульном листе этого издания автор вообще указан как «А.М. Черный»!) Я мало знаком с прозой Саши Черного, но эта книга доставила мне колоссальное

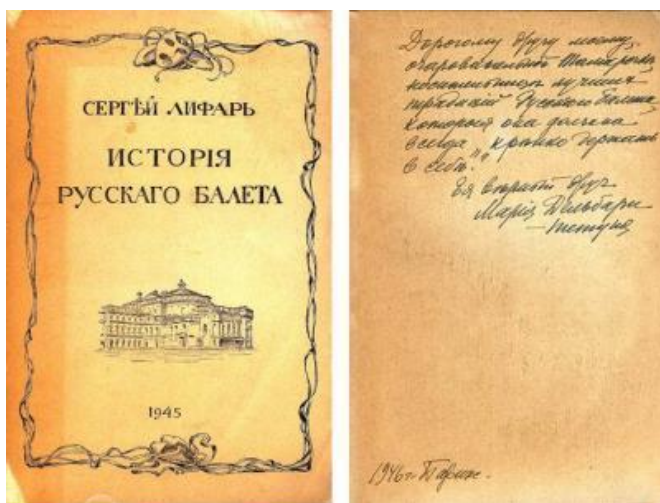

удовольствие простотой сюжетов при удивительном изяществе авторского русского языка. Для справки я обратился к одному из наиболее полных изданий Саши Черного в Большой серии Библиотеки поэта (1960 г.) со вступительной статьей Корнея Чуковского и очерком о творчестве поэта Л. Евстигнеевой. Там указано, что последней книгой А. Черного была «Несерьезные рассказы», включавшая несколько солдатских сказок и изданная в Париже в 1932 г. В перечне изданных книг А. Черного, содержащем 48 наименований, найденного мной издания также нет. Приобретенная мной книга – первое посмертное издание, впервые включившее все солдатские сказки А. Черного. Книга, по-видимому, из-за мизерного тиража оказалась малоизвестной даже исследователям творчества Саши Черного.

приобретенная мной там же (Сергей Лифарь, История русского балета, Париж, 1945, стр. 304), оказалась тесно переплетенной с событиями середины XX века. Книга издана по старой российской орфографии. Обложка и рисунки выполнены художником В.П. Нешумовым. Работа была написана Лифарем до второй мировой

войны. Книга «была начата набором в 1940 г., но, по обстоятельствам времени, была приостановлена и закончена печатанием в 1945 г.».

Книга дает анализ особенностей русского балета от XVII века до «Русского балета» Дягилева. Она проникнута глубоким уважением к традициям русского балета и их влиянию на мировой балет. Лифарь еще не представлял, что Большой балет может быть славен не только замечательными артистами, но и большими дрязгами с гонениями на известнейших танцоров.

История издания книги Сергея Лифаря по истории русского балета, На форзаце рукописная дарственная надпись (в силу отсутствия в клавиатуре «ять» привожу в современной орфографии): «Дорогому другу моему, очаровательной Тамарочке, носительнице лучших традиций Русского Балета, которые она должна всегда «крепко держать в себе». Ее верный друг Мария Дельбари – тетуня. 1946 г. Париж». Эта дарственная надпись также наглядно констатирует, как сильно изменился русский язык за ничтожный исторический период, даже укладывающийся в короткий век балерины.

Как дополнительное свидетельство изменяющегося быта и трансформации языка приведу рождественскую открытку 1970 г., оказавшуюся между страницами книги Лифаря.

Тамару Туманову в жизни отличал позитивный настрой. Об этом писали многие друзья и гости дома. Прислушайтесь к ее короткому высказыванию: «У меня есть всё, что я хочу на земле. У меня красивый муж. Красивый дом, три собаки, два ручных голубя, прекрасные автомобили». Радостное мироощущение, по-видимому,

находило выражение во всем, что окружало этого человека. Посмотрите на небольшой набор книг: профессиональные работы по истории балета, хорошая проза и поэзия, редкие издания... А вот чисто женское проявление – «Русский повар» – кулинарная книга русских рецептов, изданная в 1944 году в Нью-Йорке. Можно не поверить такой детали применительно к почти мифическому облику балерины. Для достоверности привожу фотографию этой книги, также приобретенной на распродаже.

Рождественская открытка

Возможно, это проявление еще одной ипостаси актрисы, – именно в это время Тамара вышла замуж за американского сценариста и продюсера Кейси Робинсона, и ей хотелось проявить свои таланты молодой хозяйки красивого дома. Отмечу при этом, что ее сознательная жизнь началась совсем не в России. В ее рационе вряд ли преобладали блюда русской кухни. Ничто не чуждо этому талантливому человеку...

Домашние порой звали балерину нежно Уточкой (происхождения прозвища я не знаю). Я приобрел там старинную российскую серебряную ложечку с такой гравировкой на ручке, подаренную балерине близкими людьми.

Обратная сторона портрета, который показан в начале этого эссе, подарила неожиданность. На обороте картона оказался эскиз – мужская фигура, похожая на гладиатора. Мои познания репертуара балерины не позволяют установить, с каким сценическим образом ее партнеров связан этот рисунок...

C'est la vie. Невольно задумываешься о безмолвных для других спутниках жизни – «живых» предметах, среди которых бытуют и перемещаются их владельцы. Об их послежизнии...

Есть множество предметов, окружающих человека, которые в личном общении дополняют самого человека. Это не произведения, достойные музейных стен или стендов. Но в них – взаимообмен

теплом между владельцем и принадлежащей ему вещью, порой верно исполняющей роль музы. Терпсихора как муза танца и балета – в своих многочисленных реинкарнациях могла принимать самые различные одушевленные и неодушевленные образы. Эти символы вдохновения, столь необходимые для творчества, создают ауру человека.

Как являлась Терпсихора Тамаре? Наверняка, дом был наполнен символами. Именно такие предметы столь привлекают в экспозициях мемориальных музеев известных людей. Предметы самые обыкновенные, совсем не уникальные, но творившие жизнь и образ интересующего нас человека. Далеко не всем достойным людям выпадает существование собственного музея. А тем более эмоциональное прикосновение посетителей к жизни ушедшего человека. Может быть, именно поэтому особый смысл проявляется в захоронении подобных предметов вместе с ушедшим владельцем. Символика древних похорон личных вещей – вместе с их владельцем.

Пока жив человек, все окружающее живет его жизнью, установленным порядком на полочках и стеллажах быта. В укромных уголках мозга, источниках ассоциаций и воспоминаний. Уход человека приводит к изгнанию из мозга всех ассоциативных связей. Вещи становятся обездоленными, горемыками, ждущими решения своей судьбы от не очень надежных новых (порой случайных по отношению к этим вещам) владельцев. Новая табель о рангах: вместо мемориальной ценности возникает ценность базара, ранг качества. Такое преобразование, вероятно, вполне закономерно и реально. Нужно только при жизни воспринимать эту перспективу отстраненно от личного соучастия в жизни маленьких неодушевленных ее спутников. Все совершенно естественно: заканчивается земная жизнь человека – заканчивается устоявшаяся жизнь вещей его окружения. И не стоит пытаться заглянуть за незримо проведенную черту – будь она красной, розовой или иссиня-черной...

«Не спрашивай, по ком звонит колокол, он всегда звонит по тебе».

Он звонит по мне, по тебе, читатель. Он звонит по смене поколений. В нем шум ветра времени, засыпающего предыдущие поколения песком вневременья...

Борис Казинец

Б. Вашингтон, США

Как это делается в Америке. Байка-быль

«Как это делается в Одессе» – так называется один из «Одесских рассказов» Иссака Бабеля, который мы, инсценировав, включили в сценарий по пьесе того же автора «Закат». Очень смешной, ироничный и где-то грустный рассказ о семье Менделя Крика.

Но если-бы мы чуть изменили название бабелевского рассказа и назвали бы нашу театральную – постановочную эпопею «Как это делается в Америке», – вышла бы не менее смешная и грустная история.

Итак ...

Ещё великий К. Чапек назвал один из своих великолепных рассказов «Как делается театр», высмеяв театральные проблемы своего времени с присущей ему иронией и юмором.

В наши дни в печати, с экранов телевизоров, в легко раздаваемых интервью, актёры и режиссёры самых разных масштабов и способностей рассказывают, как они «творят», приоткрывая зрителю «великое таинство театра». Теперь зритель знает всё, начиная с любого загадочного трюка и до того, как надо «выжать» слёзы у исполнителя и у него – у этого самого зрителя.

Нет тайн, нет загадочности и недостижимости на театре. Вот мы и решили, а почему бы зрителю нашего театра не рассказать о наших «эпопеях» по выпуску и эксплуатации спектакля.

Пусть знают ВСЁ ...

Мы – это «Театр Русской Классики» под руководством Бориса Казинца.

Исаак Бабель. «Закат»

Представьте себе, что группа людей, бесконечно преданных ТЕАТРУ, решила объединиться вокруг профессионала и создать спектакль на хорошем русском языке. Люди самых разных возрастов от восьмидесяти до восьми лет, самых разных профессий – инженеры, программисты, биологи, учителя, школьники и просто давно ушедшие на заслуженный отдых, но не поддающиеся возрасту театралы.

Так вот, эта группа энтузиастов должна хотя бы два раза в неделю вечером, после того как отработали и отучились весь день (а мы знаем, как надо «вкалывать» в США, чтобы удержать своё рабочее место!), должна собраться и начать репетировать выбранную ими пьесу.

И вот тут-то и начинается ...

Кто-то приписал великому Станиславскому реплику «Театр начинается с вешалки». Может быть ... Но, во-первых, в США почти ни в одном театре нет вешалок — зрители, даже в шикарном здании Кеннеди-центра, смотрят «Спящую красавицу» с не менее шикарными шубами на коленях ...

А во-вторых, чтобы иметь вешалку, надо иметь, по крайней мере, помещение хотя бы для репетиций.

Ну, на первом этапе работы над текстом роли – «застольный» период, когда идёт разборка «задач» и «сверхзадач» пьесы и ролей – можно порепетировать за столом у кого-нибудь из участников спектакля.

Или подпольно, чтобы в офисе не узнали, в каком-нибудь закутке «программных домов», где проживают ветераны нашего театра. Когда же начинается «разводка» – планировка, когда нужно «встать на ноги», – вот тут-то и понадобится пространство, площадка, соответствующая размерам предполагаемой сцены.

М.Барановский. «Последний еврей»

С этого момента вступает в силу закон «деньги-товар-деньги». Никто не даст вам репетировать, если не будет оплачено место вашей репетиции.

И тогда начинаются сюжеты, достойные пера Чапека и Бабеля ...

Чтобы заполучить помещение для репетиции, нужны опять же деньги, а где их взять? – ведь спектакль только готовится. Да и какие деньги при расценках на билеты в нашем театре?

Одному из актёров театра приходит в голову хитроумная идея: чтобы попасть в помещение «программного» дома, где можно было бы репетировать, нужно, чтобы кто-нибудь из участников этих самых репетиций проживал в этом доме. Нетрудно догадаться, что мы

находим таких «участников». Теперь необходимо найти убедительный довод для руководства офиса, – зачем нам нужно помещение два раза в неделю.

Первое, что можно попробовать: группа русскоязычных граждан США будут усовершенствовать свой английский и на этом языке показывать сценки из жизни эмигрантов.

Номер проходит – мы получаем бесплатное помещение для репетиций!

В помещении, а это что-то между библиотекой и банкетным залом, огромное количество мебели. А ведь нужно освободить место для установки предполагаемой декорации репетируемой пьесы. И вот каждый раз перед началом репетиции начинается «великое перемещение мебели»...

Надо сказать, что это довольно тяжёлый физический труд, тем более, что после репетиции надо всё поставить на место «один к одному». Если что-то вдруг оказывается не на том же месте, – сразу же докладная записка или устное заявление начальству от работника офиса, под пристальным и совершенно недоумевающим оком которого мы репетируем и потом возвращаем мебель на прежние позиции.

Ну вот мы и начали, наконец-то, репетиции ...

Здесь я опускаю, «как это делалось»... – зачем зрителю это знать? Посмотрит премьеру и сам решит, был ли этот репетиционный процесс полезным и продуктивным.

Спектакль готов к показу зрителю.

А вот где играть его, – это вопрос посложнее, чем гамлетовский «Быть или не быть ...» – это для нас на том же уровне!

Начинаются поиски помещения, удобного для уже поставленного спектакля, и со стоимостью, которую показ спектакля мог бы окупить. Ведь после оплаты аренды хотелось бы, чтобы осталась какая-то сумма на постановку следующего спектакля. А это – изготовление декораций, костюмов, реквизита, грим, музыкальное оформление и ещё сотни мелочей – всё это не даётся бесплатно.

Почасовая оплата самых разных театральных помещений, которые мы просмотрели, оказывается очень высокой и недоступна для нас. Ведь цены билетов на наши спектакли, как когда-то в дореволюционном МХАТе, – общедоступные ...

Останавливаемся на самом дешёвом варианте – зал, в котором мы показывали свои предыдущие работы. Зал абсолютно «голый» и не приспособлен к показу спектаклей – нет сцены, нет кулис, нет освещения. Со всех сторон большие окна, которые, конечно, надо наглухо занавесить. Более того, если раньше нам выдавали 30-35

стульев, то на этот раз отказали и в этом, и в большой лестнице-стремянке, без которой невозможно подвешивать наш «горизонт», кулисы (очень высокие потолки).

Но самая драматическая ситуация – условия аренды помещения: мы можем войти в зал для установки декораций только в 4 часа дня, а в 7 часов — начало спектакля ... Как же можно оформить сцену никогда не игранного спектакля за три часа?! И никакие уговоры и доводы до руководства офиса не доходят – они вообще не имеют никакого представления, что такое театр, и выдвигают условие ещё хуже прежнего: после показа спектакля в субботу, необходимо снять и убрать все декорации, а на следующий день, в воскресенье, в 4 часа дня всё установить снова ...

А это уже трагедия, опять же Шекспировского уровня. К тому же, мы взяли в аренду 100 стульев для зрителей (немалая сумма) и должны расставить их в зале, потом убрать и на следующий день заново расставить – противопожарные правила.

Что же делать? Мы уже не спрашиваем – «Кто виноват?»'

Идём на хитрость, граничащую с «преступлением»: вызываем трудоспособных членов коллектива вместо четырёх часов дня на 11 утра. Один из нас осторожно пробирается мимо дверей офиса в зал и открывает запасной вход с боковой стороны здания, вне видимости из окон этого самого офиса. Штирлицу такое и не снилось!

Приступаем к работе. После нескольких часов тяжёлого, утомительного труда, к трём часам, когда пришли остальные актёры, зал был готов к показу спектакля. А мы за два часа «пробегаем» основные сцены спектакля, входы, выходы, звучание голоса и музыки, освещение...

В 6 часов запускаем в зал зрителей, многие из которых приходят за час до начала, зная, что места не нумерованы и надо занять заранее наиболее удобные.

В 6.30 в зале «яблоку негде было упасть». А зрители всё прибывают.

К счастью, оказалась открытой дверь небольшого кладового помещения, в котором хранились те самые «запретные» 30 стульев. В конечном итоге, в зале было в три раза больше зрителей, чем мы предполагали. Но самое трагикомичное произошло в тот момент, когда перед началом спектакля руководитель театра вышел к зрителям и напомнил им о четырнадцати годах существования театра, об авторах поставленных за эти годы пьес – Пушкин, Островский, Чехов, Шекспир, Шолом-Алейхем, Горин, Твардовский, Шукшин, Бабель, Филатов.

В.Шендерович. «Потерпевший Гольдинер»

В этот самый момент появилась полицейская «дива», вызванная представителем офиса. «Нарушение правил эксплуатации помещения» – спектакль запретить, всё закрыть!

Огромных усилий стоило Светлане Казинец, чтобы убедить их, что спектакль уже начался и отступлений назад нет. Она мобилизовала весь свой прошлый опыт «уговорщика» – сколько раз ей приходилось иметь дело с похожими ситуациями, когда она проводила гастроли одного из лучших театров бывшего Союза – Русского Академического театра им. А.С. Грибоедова города Тбилиси, директором-распорядителем которого она была.

И уговоры увенчались успехом – а в это время, перед ничем не подозревавшими зрителями, постановщик спектакля читал фрагмент из поэмы Иосифа Уткина «Повесть о рыжем Мотеле», очень точно определяющий, о чём театр хочет рассказать зрителю, поставив пьесу «Закат».

Много дорог пройдено,
Много пройдено стран.
Каждый дом – своя родина,
Свой океан.
И под каждой маленькой крышей,
Как она ни мала,

Своё счастье,
Свои мыши,
Своя судьба.

Уговоры увенчались успехом! Спектакль сыгран! Море цветов!
Овации!

Я опускаю эти три часа волнений, переживаний, смеха и слёз ...

Рецензии и отзывы напишут зрители и театроведы. А я хочу назвать имена всех создателей этого спектакля и сказать, что это удивительные люди! В условиях того, «как это делается в Америке», целый год два раза в неделю репетировать, шить костюмы, делать реквизит, записывать музыку, печатать программки и афиши и всё это делать безвозмездно, только из любви к ТЕАТРУ, а стало быть, и к вам – зрителям, могут только удивительные и не всем понятные люди:

Аркадий Барский, Наталья Каневская, Цецилия Огородникова, Александр Грайновский, Илья Айзман, Ольга Лейтуш, Леонид Лейтуш, Илья Свиридюк, Артур Фельде, Татьяна Беляева, Леонид Бродский, Елена Черкасова, Андрей, Артём, Ольга Вовк, Исаак Загоскин, Никита Добкин, Александр Табенкин, Юрий Огородников.

Нельзя не назвать имена тех, кто по разным причинам не заняты в этом спектакле – Дарья и Дмитрий Шаховы, Анна Каневская, Евгений Мизин, Валерия Каган. Мы преклоняем головы перед теми, кто покинул этот мир, – Майя и Борис Рабиновичи, З.Шейнберг, М.Сапиро, Н.Дворкина, С.Кипнис.

У театра появился спонсор, благодаря которому мы сыграли два спектакля «Закат» в прекрасном зале-амфитеатре, с мягкими нумерованными креслами, с подъездом для инвалидов, бесплатной парковкой и всеми атрибутами профессионального театра. Спонсор – SHADY GROVE PHARMACY.

PS. Прошло десять лет после этой премьеры – в этом году 25 лет со дня первого спектакля нашего театра по сказке Л.Филатова «Фёдор — стрелец». Прибавились авторы – Н.Гоголь, И.Уткин, Мопассан, М.Барановский, В.Шендерович. Наш театр – Театр Русской Классики — получил статус «NON-PROFIT».

Появилось ещё несколько спонсоров. В декабре 2016 года театр стал Лауреатом Международной премии «ЗВЕЗДА ТЕАТРАЛА» в категории «Лучший Русский Театр за рубежом».

Сейчас мы готовим новый спектакль – «Эзоп» по пьесе бразильского драматурга Гильерме Фигейредо «Лиса и виноград»'.

Борис Голубицкий

С.-Петербург, Россия

«На бойком месте». История одной постановки

Всё началось с конфликта. В планах театра уже давно была утверждена комедия «На бойком месте», я же настаивал на другом названии, тоже Островского. Победила, конечно, точка зрения дирекции, и мне, молодому тогда режиссёру, предстоял выбор: либо

отказаться от постановки, либо подчиниться производственной необходимости. Впрочем, о выборе в те времена лучше не говорить.

Я полюбил Островского со студенческих лет, что удивляло однокурсников – уже можно было любить совсем других. А первым профессиональным спектаклем стало «Доходное место» в Куйбышевском театре драмы имени М. Горького, это было настоящее «боевое крещение». Там вместе со мной дебютировали молодые артисты Юрий Демич в роли Жадова и Жанна Романенко в роли Юленьки, Валерий Никитин сыграл Белогубова – будущие звёзды российского театра.

А эта пьеса мне почему-то не нравилась. Ни на сцене, ни на экране я её не видел, хотя ставилась она часто и профессионалами, и самодеятельностью. Привлекало театры это небольшое и очень «удобное» произведение: и место действия по существу одно, и персонажей немного, и зрительский успех обеспечит – кого не тронет драматическая судьба бедной влюблённой и обманутой девушки.

Видел фотографии давнего спектакля Малого театра с В. Пашенной в роли Евгении – всё там казалось бытово достоверным, исчерпывающе завершённым, каноническим. Эта постановка дала традицию, и трудно, ох как трудно что-нибудь в этой традиции изменить.

Мнения критиков о пьесе разноречивы – отдавая дань мастерству драматурга, её всё-таки не включают в число бесспорных шедевров первой величины. Отмечают увлекательность, почти детективность сюжета, яркий, как всегда, язык персонажей, удачные образы основных героев. Однако финал – свадьба вместо похорон – признаётся неорганичным, натянутым, да и образ положительной Аннушки не слишком-то удался. Это почти все так считают. И с жанром тоже не всё в порядке: написано «комедия», а на деле, скорее, драма или даже мелодрама со счастливым концом и некоторыми комедийными сценами. Над всем этим следовало серьёзно поразмыслить, да только времени не было.

Ещё и ещё раз читаю-перечитываю пьесу. Услужливое воображение помимо воли подбрасывает «видения»: мрачный дремучий быт, вросшие в пол лавки, двери неимоверно скрипят, низкий потолок навис, окна маленькие, тёмные. И такие же тяжёлые скрипучие ритмы, в которых существуют обитатели этого поистине «тёмного царства». И если не луч, то хотя бы лучик – бедная девушка Аннушка. И всё это было так невероятно знакомо по виденным постановкам Островского и напоминало какой-то уценённый вариант «Грозы».

За что же зацепиться? В самом начале есть указание автора: действие происходит лет сорок назад. Много раз читал, но по

существо просто не замечал этого – не всё ли равно для нас, сегодняшних, в какие годы это было, всё «дела давно минувших дней!» Однако, зачем-то ему понадобилось отправлять действие в старину, хотя разбой на Галичском тракте, по его же собственному свидетельству, существовал и в его время. Может, из-за цензуры? Чтобы облегчить путь прохождения, иногда прибавлял он такие ремарки. Но случаев конфликта с цензурой не так уж много, кажется, два всего: «Банкрот» и «Доходное место». И он уже маститый, известный драматург, брат министра. «Грозу», к примеру, пропустили сразу. Да и что такого крамольного в этой пьесе для цензуры? Неужели есть какой-то скрытый смысл, какой-то намёк?

Сопоставляю даты: 1865-й – год написания пьесы, 1825-й – сорок лет назад. И понимаю – такие писатели ничего зря не делали – вот какое время интересовало его!

Среди исторических событий того года для Островского, видимо, важно, что Россия осталась б е з ц а р я. Что это – своеобразно зашифрованная временная переключка? Пьеса написана всего через несколько лет после реформы 1861-го года. И реформа эта разочаровала многих. Островский не был радикалом, но осознавал: коренной уклад жизни в России не изменился. И он отбрасывает действие в дониколаевскую старину – тёмное царствование Николая Палкина ещё грядёт.

А внутри самой пьесы есть эпизод, когда хозяин постоялого двора Бессудный с тоской вспоминает о ещё более давних временах: «В старину, говорят, по этой дороге так дела делались! Место бойкое, сами знаете. Заедут купцы целым обозом, так дворники запрут ворота да без разговору перережут всех до единого; а который вырвется на улицу, так соседи поймают да ведут к дворнику-то! «Что, говорят, ты овец-то по деревне распустил?» Ха, ха, ха! овец! Вот поди ж ты, какое время было!»

Этот рассказ для современников звучал, вероятно, весьма актуально и был им понятен – через ретроспективу предчувствовалась безрадостная перспектива.

Стало ясно, что не уголовная история разбойничьего притона волновала драматурга, и даже не история обманутой девушки, всё же нашедшей счастье. Он ставит тему шире, гораздо шире, и уже на первой странице даёт точку отсчёта всей образной системы, задаёт уровень и масштаб. Разговор с нами идёт как бы через толщу времени, услышать живой голос иногда оказывается нелегко, но сделать это необходимо. Тогда возникнет ощущение непосредственного диалога будто с современником, и проблемы волнуют одни и те же. И он начинает отзываться.

Снова вглядываюсь в ремарки, в эти скрытые опознавательные знаки. Драматурги по-разному дают нам свои указания, и в них тоже характер пишущего. Ремарки Бернарда Шоу, например, читать не менее интересно, чем диалоги. А лаконичные ремарки Пушкина! Одна только «Народ безмолвствует» чего стоит. У Островского обычно всё очень деловито, конкретно: направо – то-то, прямо – дверь, налево – то-то. Ничего лишнего, всё очень толково, разумно, ценно и для режиссёра, и для художника, и для актёров. Так и в «Бойком месте».

И всё же что-то заставляет насторожиться, приглядеться повнимательнее, не сразу даже понимаю – что? Вот: часто, очень часто повторяется из акта в акт одно и то же – звон колокольчиков, бубенчики, свист! Чтобы охарактеризовать атмосферу постоянного двора на большой дороге достаточно пару раз дать этот звук. Обычно деликатный Александр Николаевич так и поступает. Здесь же явно видна какая-то настойчивость.

И тут вспомнилось из рассказов об Островском – он любил не смотреть, а слушать свои пьесы. Представилось, как сидя с удочкой где-нибудь на берегу Меры, недалеко от своего Щелькова, он обдумывает будущую пьесу и слышит, слушает звон бубенцов пролетающей по большой дороге тройки. Глубоко же вошёл в него этот звук. С этого момента мои взаимоотношения с пьесой резко меняются. Я начинаю понимать – так мне кажется, – ч т о же написал классик!..

Есть в русском искусстве одна тема, к которой обращался едва ли не каждый художник, писатель или композитор – т р о й к а ! Накрепко связана она с образом России: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка несёшься?» – закрепил эту связь Гоголь, учеником и продолжателем дела которого считал себя Островский. И он тоже написал свою т р о й к у ! Написал так, как только и мог написать драматург – в виде пьесы.

Прекрасно понимаю всю субъективность такой точки зрения, но даже трёхактное деление, довольно у него редкое, отношу в актив своей догадки.

Так появилось новое мощное действующее лицо комедии о жизни на большой дороге – тройка. Поминутно со свистом, звоном, гиканьем врывается она и так же по-бесовски исчезает, оставляя пыль, грязь, угар. На облучке восседает ямщик по фамилии Раззорённый, а в повозке пьяный седок с не менее выразительной фамилией – Непутёвый! Как вихрь налетает загулявший барин Павлин Миловидов – это он едет «обедать» к Гуляеву со своим придворным шутком Пыжиковым. А то нагрянет вдруг за мзду

капитан-исправник, и вышлет к нему хозяин постоянного двора Вукол Бессудный (Вукол означает – пастырь) свою молодую обольстительную жену Евгению. Да верный цепной пёс по кличке Жук прогонит не ко времени подъехавших гостей: «На что нам дряни-то!» Да увезут ночью с разбойным посвистом девушку Аннушку, бесчувственную, себя не помнящую!

«Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться...» Так и несётся жизнь постоянного двора и трактира у большой дороги под названием «На бойком месте»! «...куда ж несёшься ты?..» И Островский даёт свой ответ...

Вл.И. Немирович-Данченко подарил нам дивную формулу: «У Островского всё – в названии!» То есть весь смысл, всё содержание сконцентрировано, как в зерне. Слово «бойкий» – любимое слово Гоголя. А вот если взять, да на секунду вынуть его из названия – что получится? Конечно, рискованный эксперимент, но ведь только для себя. А получается – «На... месте»! Вся его тройка никуда не летит, хотя и место бойкое, и тройка тоже. Таков, мне кажется, его ответ...

Всё сжато по времени до предела – события разворачиваются на протяжении одного дня и части ночи. Пьесе вообще присущи все три классические единства – места, времени и действия. Но сколько же всего случается здесь, сколько нужно сделать «бойкому месту»!

Надо заманить, опоить и обобрать купчика; откупиться от не в меру настырного капитан-исправника; принять и заставить раскошелиться загулявшего барина; отпустить овса лошадям и подсмотреть за женой, которая всё равно успевает назначить свидание любовнику; рассказать притчу о старине, сплясать, утихомирить разругавшихся баб; подготовиться к ночному разбою, съездить и вернуться побитым; застать жену «с парнем»; сбить с рук сестру, которая успела отравиться зельем, и ещё, и ещё... а тут снова нагрянули гости!

Некогда скучать на бойком месте...

Постепенно само «бойкое место» начинает приобретать живые черты, становится почти одушевлённым существом со своим «лицом», что ли... нет, со своей ... рожей, с бесовскими ритмами, но и со своими законами! «Всё здесь не ладно, все здесь живут не по совести». Всё распалено, всё на пределе возбуждения, похоти, жадности, конфликтности. «У всех только деньги на уме, как бы ни добыть, только бы добыть». Нет, это «тёмное царство» не сонное царство, а царство обмана с государственной религией лицемерия.

А вот искреннему человеческому чувству – первой любви – места здесь не отыщется. И мечется, бьётся среди разгульной свистопляски обыкновенная девушка Аннушка, некуда ей податься. Как может, защищает она свою чистоту – «Во мне стыд есть!» – да только

«Кому это нужен твой стыд здесь?» Никто и слушать не хочет, а пуще других сам мил-дружок сердечный. И остаётся только обманутой девушке схватиться за бутылку с мутным отравным зельем да и выпить в сердцах от обиды и предательства «лишнего».

«Бойкое место» губит, растаптывает живую душу, которая «не хочет под мою дудочку плясать!» «Загубили душу, разве это пустяки? Аль тебе и душегубство нипочём стало?» – восклицает Миловидов, лицемерно не замечая, что именно он-то и загубил.

Так стал вырисовываться основной конфликт, главное содержание. Предельно насыщенными представились жизненные ритмы действующих лиц. Ничего не осталось от тех первых видений, улетучились, рассыпались тяжёлые лавки и скрипучие двери. Есть мнение, что первые ощущения от пьесы самые верные, – у меня в этом случае от них не осталось и следа. Изменились буквально все представления, и произошло это как-то вдруг, сразу, точно сверкнула молния и осветила всё строение будущего спектакля целиком. Отлично помню момент, когда это произошло. Я ходил по комнате с пьесой в руках и стонал, как от боли, что ничего не складывается. И наступил «миг отчаяния»: поднял пьесу над головой, чтобы бросить её на стол, – всё, завтра иду отказываться! И – застыл в этой позе: пришло озарение. Это чувство будто кто-то диктует мне всё об этой постановке не покидало затем весь процесс работы – с актёрами, с художником, с музыкой. Начались настоящие чудеса.

В театре не было достойной исполнительницы на роль Евгении. На первых репетициях пробовалась молодая одарённая актриса, но с которой надо было проходить долгий и сложный путь «выращиванья». И вдруг, в середине сезона, появляется актёрская пара, словно судьбой предназначенная для этой постановки. Их взяли в театр, и они с места в карьер ворвались в работу, она – Евгения, он – Жук. И стали украшением спектакля, получили впоследствии престижные награды и признание (Как, впрочем, и весь спектакль)...

Сцену ночного свидания Евгении и Миловидова я долго откладывал, не репетировал – никак не находил её образного решения. А ведь она одна из важнейших. И когда откладывать уже было невозможно, назначил репетицию, но так и не знал точно, что буду делать. А актёры уже были очень разогреты предыдущими пробами, ощущалась радость складывающейся новизны, вдохновляло взаимное доверие. Они прочли сцену и с готовностью ждали моих указаний. А я сидел у режиссёрского столика и думал: «Сейчас скажу им, что у меня ещё нет окончательного решения и отложу репетицию». Встал, чтобы произнести это... И – о чудо! – сразу увидел будущую сцену, целиком и во всех деталях. Репетиция пошла

как по маслу. Секрет был в том, что любовник явился вооружённым до зубов: ружьё, револьвер, патронташ, телохранители. Трусоват оказался. И всё их любовное объяснение искал – нет ли где засады? Это обстоятельство окрасило всё в такие тона, что вызывало у зрителя приступы просто гомерического смеха, чего мне и хотелось...

Итак, это должна быть к о м е д и я, в полном соответствии с указанием автора, в которой главным действующим лицом станет с м е х. Но не бездумный и беззлобный, а буквально раздевающий лихих обитателей «бойкого места», выворачивающий наизнанку их мнимые доблести. (Так в оформлении появилась вывеска над воротами с названием трактира «На бойком месте», обращённая в сторону дороги, а к зрителям – своей обратной стороной, и читается наоборот). У Островского если драма, так уж подлинно – драма, а комедия – так уж действительно комедия, а не так, как это часто расплывчато обозначается современными драматургами – пьеса. Но ведь всякая пьеса – пьеса и такое определение ровно ни о чём не говорит.

Жанр – понятие глубоко содержательное, можно сказать, идейное, тот угол зрения, под которым рассматривается главная суть произведения. Я сформулировал его как «весёлую жуть», и это стало зерном, из которого потом произрастало буквально всё.

Если уж сравнивать движение этой пьесы с движением тройки, то оно такое причудливое, такое непростое. Тройка то несётся, летит, то по ухабам трясётся, то вдруг ломается, останавливается вообще. Так же должно разворачиваться и движение спектакля – «то разгулье удалое, то сердечная тоска», не однообразно, а спотыкаясь в грусть, иногда выходя и в безмерную тоску. Это очень «гоголевская» пьеса – наваждение, чертовщина ходят по её жилам. Люди появляются внезапно, неожиданно, как черти из бутылки: Бессудный вылезает из самых разных щелей, Жук – то из конуры, а то вдруг над забором. Только что ушёл в одну сторону – через мгновение вышел уже с другой. То же и в поступках: решительно хотел уезжать – столь же решительно через секунду остаётся «здесь погулять». Только что любил, замуж хотел взять – а теперь бросает, глумится.

Фантасмагория. Наваждение. Свистопляска. Весёлая жуть.

Стала посреди двора, обнесённого высоченным забором, причудливая печь на каком-то огромном колесе и поворачивается то одной, то другой стороной в такт гигантской свистопляске: «Ходи, хата, ходи печь! Хозяину негде лечь!» А из всех щелей, со всех сторон повысовывались все обитатели и гости постоянного двора и пошло-поехало «разгулье удалое». Исступлённо, самозабвенно пляшут!.. Но вот отплясало, оттремело, оттопотало всё и вдруг на миг

замерло. И тогда стал слышен чей-то явственный вопль: «Я ж и т ь хочу! Х о ч у ж– и– и– и– т ь !..»

Судьба спектакля сложилась счастливо: он шёл с успехом много лет, был желанным гостем на разных гастролях и фестивалях, имел богатую прессу и снимался на телевидении. Музей Островского в Щельково приобрёл эскиз декораций, а сами декорации в натуральную величину выставлялись в большом зале музея, где водили экскурсии. К.С. Станиславский считал, что режиссёр в театре начинается не раньше, чем в 35 лет. Ровно столько мне было, когда создавалась эта постановка. И хотя за плечами уже был немалый опыт, свою режиссёрскую биографию я отсчитываю с этого «Бойкого места»...

Евгений Соколинский

С.-Петербург, Россия

Хочу волосатую грудь. К премьере «Милого друга» по Ги де Мопассану театра-фестиваля «Балтийский дом»

Нынче власти не требуют отразить в театре светлый облик героя нашего времени. Но потребность такая есть у публики и самого театра. Мопассановский Жорж Дюруа из «Милого друга», конечно, наш человек. Не только типичный персонаж XXI века, но и желанный. Невежественен и циничен, беспринципен и умеет приспособиться к любой ситуации любыми способами, в том числе, подлыми. Если он в кратчайший срок становится «лицом» газеты, партии, то и наши форварды становятся лицом чего угодно, хоть

фирмы по производству резинки для трусов. Лишь бы хорошо платили. Суть Дюруа-2017 ничем не отличается от Дюруа-1885. Разве что прежний француз больше соблюдал приличия.

Облик героя, само понятно, изменился. Кого сегодня потрясут пушистые усы, стоящие торчком? Гораздо привлекательнее волосатая грудь, видная под полурасстёгнутой белой рубашкой. «Сексуальность, – объясняет интернет — это не откровенно оголённый женский топ, это полурасстёгнутая верхняя пуговка на полупрозрачной блузке, которая, кажется, вот-вот лопнет от одного только мужского взгляда!» Приметы мужской сексуальности те же. Просто незастёгнутых пуговиц больше.

Егор Лесников /sub-cult.ru/

Молодой артист Егор Лесников – Дюруа, владелец вышеупомянутой волосатой груди, сидя в расслабленной позе, смотрит на нас с афиш на улице, в метро, других общественных местах. И дамы не проходят мимо. Новый Дюруа имеет изрядный успех. Не хочу обидеть театр-фестиваль «Балтийский дом», но огромный зал его заполняется, как правило, только на фестивальных показах. Вот приедет великий литовец Эймунтас Някрошюс или великий интернационалист Андрий Жолдак, тогда, в октябре (во время фестиваля), будут и на люстрах висеть, и в проходах стоять. К продукции межфестивального театра публика относится сдержаннее.

И вот на рядовом спектакле (не самом первом представлении) зал оказался полностью забит. Не думаю, что зрители собрались для

освежения в памяти романа Мопассана. Не освежат. Как водится, «Милый друг» драматурга Юрия Лоттина и режиссера Натальи Индейкиной лишь по сюжетной схеме напоминает оригинал. Прошу учесть, я не имел возможности сравнить инсценировку Лоттина и окончательный сценический текст. Где уж? Что уж? Заслуга аншлага, по крайней мере, на 90 % принадлежит Лесникову и хорошей рекламе.

С изумлением вспомнил, что впервые увидел молодого артиста на премьере «Театра-буфф» к 65-летию Победы («Женя, Женечка и «катюша»). Для исполнителя роли Жени Колышина в тогдашней рецензии 2010 года у меня нашлось немного слов (рецензия рассказывала про три военных спектакля). Зато все добрые. Я писал: студент Театральной Академии (ему было 19 лет) «доверчивый, открытый, веселый», «интеллигентный и нелепый». Лесникову, едва выйдя на профессиональную сцену, пришлось состязаться со знаменитым Олегом Далем, он играл эту роль в кино (сценарий Владимира Мотыля-режиссёра и Булата Окуджавы. 1967). Даль выглядел почти святым. Лесников, конечно, в личном масштабе уступал предшественнику, но в течение всего представления вызывал добрую, сочувственную улыбку.

И вот прошло 7 лет. Признаться, я почти не смотрю телевизор, тем более, сериалы. А наш Егор прославился за последние годы именно в них, уголовно-милицейских («Улица разбитых фонарей», 2016, и др.). И вот «Милый друг». Передо мной на сцене наглый, грубый, пьяный детина – (разумеется, персонаж) ростом 185 см. Наталья Индейкина, современная, резкая по характеру, актриса. Снялась в «Убойной силе», «Тайнах следствия», «Опера-2» и прочих сериалах. Сочинила мюзикл «Кровавая Мэри». И, что немаловажно, она – незаменимый ведущий (с 1998 г.) корпоративных вечеринок, свадеб, юбилеев. Станет ли эта женщина воспроизводить уклад Парижа XIX века? Да и зачем?

Развлекать на свадьбах – не позор. Многие акулы шоу-бизнеса не брезгают корпоративами. Однако для режиссера подобные занятия губительны. Пример тому – печальная судьба талантливого режиссера и продюсера Виктора Крамера. Либо ты режиссёр, либо Жорж Дюруа. Правда, бывают жизненные обстоятельства, когда не до нежностей. Индейкина – неплохая актриса. Сыграла в «Балтийском доме» с успехом шекспировскую Титанию, мольеровскую Дорину, ремарковскую Патрицию. Вот бы и играла. Но её манит, как и многих других актёров, искуса режиссуры.

Не суть важно, что в сценическом варианте мопассановский Алжир сменился на Марокко (Марокко появляется во второй половине

книги), газета на телеканал, скромное домашнее застолье на дефиле модных туалетов. «Милый друг» – современное шоу с громкой поп-музыкой – подобные шоу навострилась за 20 лет организовывать актриса, режиссёр и ди-джей. С быстрой сменой персонажей на подиуме, сомнительными шуточками и, конечно, сексом. Эротичный автор позапрошлого века (его в былые времена читали под партой подростки, дрожа от возбуждения) сегодня воспринимается при чтении как младенец. В театре, у рампы, выдвинутой поближе к зрителю, по-быстрому совокупаются Жорж с привлекательными дамами и девушками разного возраста и размеров (Викторией Жилиной, Инной Волгиной, Александрой Мамкаевой, Варварой Маркевич). Никакой порнографии, избави бог. Напоминаю, сексуальность – это полуобнаженка, мелькание голых, поднятых к небу ножек. Как поясняет наша новая звезда Егор своим поклонникам: «Будет ма-аленькая клубничка, земляничка будет точно», однако он-то, Егор Лесников, оказывается, однолюб.

А вы, уже не под партой, а на законных основаниях, купив билет, наблюдаете за кувырканием людей в постели, точнее, на полу. Как же без этого? Чем, собственно, занимался Жорж Дюруа? Кто виноват, что Егор Лесников столь привлекателен? Этот чубчик кучерявый, пухлые, чувственные губы, ленивый взгляд, лёгкая небритость... Актёр в интервью искренне поведал: «В 17 лет «Милый друг» – это пособие, как добиться успеха у женщин и в жизни... Я не считаю его злодеем». Он и в самом деле не злодей.

Чтобы добиться успеха, аналогичного успеху Дюруа, нужно потрудиться. Лесников через день ходит в спортзал, каждые 3 часа ест кусок хорошего мяса, потом фрукты. За время репетиций прибавил 7 кг. Результат налицо: смог утереть нос отцу Евгению Дятлову, популярному артисту на ролях знаменитых любовников («Дон Жуан», «Опасные связи»). Увы, нет полного счастья. Егору немного обидно – в нём видят нового Микки Рурка, а он себя ощущает интеллектуалом Питером О’Тулом (это всё из интервью). Подобно своему герою, Лесников от скромности не умрёт. Не знаю, как интеллект, но животная сила в Дюруа-2017, несомненно, есть.

Конечно, не сексом единым жив человек. В пьесе и спектакле смело обнажают беззастенчивую ложь в современной политике и прессе (само собой, французских). Режиссёр ничего не боится. Индейкина – актриса, но нам напоминают, что Станиславский, Мейерхольд и Вахтангов тоже вышли из актёров. Так-то оно так, но великие режиссёры не год и не два вырабатывали свою эстетику, свое понимание театра, мучались. Дюруа в брюках и юбках некогда мучаться и думать. Надо спешить, зарабатывать деньги, добиваться

успеха. Пока не слишком громкого, но у Индейкиной есть уже паратройка наград за постановку детских спектаклей. К своим 44 годам актриса получила диплом режиссёра в престижном столичном Театральном институте им. Б.Щукина. Институт (или сама дошла?) научил нескольким броским режиссёрским приемам. Допинг-музыка, быстрый ритм (надо умять роман в двухчасовое сценическое действие), непременно видео (с более смелой, чем у рампы, эротикой), настойчиво повторяющаяся метафора в виде гигантской акулы на экране, сюрреалистические гигантские надувные шары, нарушающие убогое жизнеподобие, шокирующий физиологизм в сцене смерти Форестье.

При этом моторный спектакль очень однообразен и после первого получаса скучен. Всё уже ясно и ничего не меняется. Действие отдаёт конвейером. Мне скажут: это дух нашей эпохи с её автоматизмом, грубостью. Так задумано. Чуть! В любую эпоху театру не вредит разнообразие. А эта постановка сделана по знакомым режиссёрским лекалам, без особой фантазии и оригинальности, без проработки деталей.

Перечитал Мопассана. У великого француза наглый герой эволюционирует. Дюруа романа, уже получив должность заведующего отделом хроники, способен «принимать близко к сердцу» деревенские новости от родителей. Как замечательно описаны его чувства перед и во время дуэли с оппонентом из газеты «Перо»! Как любопытна парадоксальная ревность, которую Дюруа испытывает к своему предшественнику, покойному Форестье. Он не кукла, не знак, а человек. Большую часть книги ещё стыдится, волнуется, когда подступает к очередной женщине-эксплуатируемой жертве. Интересно не то, как он пришел, соблазнил, а психологические подходы, сомнения. В Каннах, у постели Форестье, он испытывает ужас перед лицом смерти и только потом, после размышлений, бросается на abordаж госпожи Форестье. Здесь он, фактически, убивает спиртным своего благодетеля и над его трупом совокупляется с вдовой.

В оригинале Жорж отнюдь не глуп. Иначе не смог бы стать успешным хроникёром (без помощи умелого пера госпожи Форестье). В текст жены Форестье подбрасывает броские детали. Они сочиняют вместе. В трудные минуты умеет себя почти объективно оценить. В «Балтдоме» Дюруа – почти питекантроп, без мыслей и чувств. Живёт инстинктами. Исчезают мотивировки за ненадобностью, и обнажается примитивная, назидательная схема, комикс. У Мопассана драма с элементами сатиры – у Индейкиной простенький фарс, балаган. Однако фарс, балаган надо научиться играть (и ставить). Очень

сложные жанры. Легко впасть в пошлость. И впадают. Глупый скот трахает женщин и пользуется их связями, талантами – «больше ничего не выжмешь из рассказа моего», как писал А.С.Пушкин.

Понятно, мы живем в эпоху «постдраматического» театра. Какая психология? Темп, темп. Но у «постдраматического» театра должен быть свой сценический язык. Индейкина от старого театра пытается отойти, но не приходит к новому. С точки зрения профессии, она не обучена работать с актёрами, поэтому диалоги звучат суконно. Хотя среди исполнителей есть очень опытные: заслуженный артист России Валерий Соловьев или ведущий актёр театра Константин Анисимов. А ведь все второстепенные персонажи, между которыми крутится Жорж, которыми манипулирует, – люди иногда очень яркие. Чего стоит, например, поэт Варен с его монологом о смерти? Однако философский монолог мешает динамичному движению сюжета. Театр – не проза. Темп, темп. Лесников, каким вбежал на сцену в начале, таким и убежал. Пленяет лишь визуально.

Вспоминаю слова того же Варена: «Забудьте всю эту старческую воркотню и живите сообразно с возрастом».

На слова мои не стоит обращать внимания. Публика в основном довольна, хотя на форуме в интернете появились уничтожающие отзывы. Спектакль будет иметь успех. Индейкина скроила кассовый спектакль. За это ей нужно в ножки поклониться. Молодежи нужно руководство к действию, обновленный образец, которому стоит подражать в нашей циничной действительности. Натё! И театр будет долго кормиться «Милым другом», если Егор Лесников не найдет чего-нибудь повыгоднее.

Простите, что коротко, но нужен темп, темп. Следующая статья ждёт.

Даша Кашина

Киев, Украина

Любимец судьбы. Не стало Михаила Державина

Что происходит в России сейчас? Она прощается с недавней эпохой. Многие из тех, кто любит себя в искусстве или руководит им, еще не родились, когда страна уже знала умершего на днях актера Михаила Державина.

Он считал себя человеком с Арбата. Родился и вырос в кооперативном доме театра Вахтангова, где жили артисты. Даже пионервожатые были артисты. И для Михаила Михайловича действительно по-шекспировски мир был – театр, люди – актеры.

Ведь за столом у отца можно было видеть Николая Черкасова, сыгравшего Ивана Грозного. На лестнице – поднимающихся к племяннику Рихтера и Дорлиак. У подъезда – Рубена Симонова. Да и отец Михаила был народный артист РСФСР, всю жизнь проработавший в театре Вахтангова – Михаил Степанович Державин. О маме говорят, что она была кремлевской портнихой.

Дружба – понятие вечное. Недаром говорят: с дружбой – не шутят. Как бы допуская, что с другими отношениями – по-другому. Всю жизнь Михаил знал Александра Ширвиндта. Они и жили в одном доме, и родители ходили друг к другу в гости. Державин, который был младше Ширвиндта, любил наблюдать, как Александр играет в волейбол с артистами балета Большого театра, чей замечательно лагерь располагался неподалеку от дачи, где гостила семья Державиных. А было это в подмосковном дачном поселке Новый Иерусалим на Истре. Говорят, там были роскошные старинные дачи.

Семья Державиных гостила на даче известного чтеца Дмитрия Журавлева.

А дом свой на Арбате он любил так, что через много лет, получив отличную большую квартиру в центре Москвы, он поменял ее на свою старую освободившуюся квартиру. Квартиру своего детства.

Вся страна знала его как ведущего передачи «Кабачок 13 стульев». Играть в ней хотели многие – это была большая подработка. И многие актеры купили свои первые машины на эти деньги.

Ближний круг артистов ценил «капустники» Державина и Ширвиндта. Незабываемым был один из номеров, который назывался «Иностранец». Он был подготовлен к юбилею Эльдара Рязанова. Иностранцем был Державин. Переводчиком – Ширвиндт. Иностранец что-то лопотал. И в конце добавлял: «Софи Лорен и Марчелло Мастоаянни». А Ширвиндт переводил: «Нонна Мордюкова и Никита Михалков».

Неотразим Державин был и в женских ролях. Как-то он рассказывал в своем кругу, как подбирал себе к костюму босоножки. В магазине он не сразу заметил, как смотрят присутствующие на мужчину в драповом пальто и меховой шапке, меряющего серебряные женские босоножки. 42 размер нашелся. Они были чешской фирмы «Цебо». Но когда он сказал: «Беру!», все упали.

Говорили, что он знает толк в женщинах. Хотя он обычно отвечал: «Никогда специально не выбирал». Первый раз он был женат на дочери Райкина. Ей было еще девятнадцать лет, а он был уже

студентом. Райкина он знал с детства даже не как артиста, а как человека. Тот приезжал в его дом к отоларингологу. Когда подъезжала его «Победа», артист спрашивал: «Мальчик, врач дома?».

Второй раз он женился на дочери маршала Буденного. Маршал его потряс многим. И тем, что был полный георгиевский кавалер. И тем, как по-отечески он его принял в первую встречу. И тем, что был достаточно эрудирован. Михаил как-то спросил, иронизируя над ним по-юношески: «Вы и «Войну и мир» читали?». «А как же, – ответил теть. – Еще при жизни Толстого».

В кабинете Буденного был портрет Сталина. Маленького внука как-то спросили: «Кто это?» Тот ответил: «Какой-то приятель дедушки!».

Пришли другие времена. И Михаил Михайлович Державин был им рад.

Новую страницу в жизни Михаила Михайловича открыл брак с Роксаной Бабаян. И дело не в том, как простенько сформулировал ответ на вопрос об очередном разводе Державин: «Полюбил Роксану». Он взял на себя вину, хотя в этих ситуациях виновных нет.

Его родители не разводились. Родители Екатерины Райкиной – тоже. Нины Буденной – тоже. Но жены хотели этого идеального человека как человека, не богемной среды, оставить дома. И уставали. Уставали, как филолог и редактор литературного журнала Нина Семеновна Буденная.

В трудный для Михаила Михайловича момент родственник, которого мы знаем по роли Авдотьи Никитичны в известном дуэте, познакомил его с Роксаной. Она – инженер-строитель. Артистичный человек. Прекрасно готовящая хозяйка. И тут снова его принял с распростертыми объятиями весь ее армянский род и папа. «Наверное, я неконфликтный», – говорил Державин.

Роксана училась в ташкентском институте инженеров транспорта. Такую специальность имел ее отец. Ее дипломной работой был проект бассейна. Потом она числилась в лаборатории института. Там до сих пор в раме висит проект ее лестницы.

Михаил Михайлович был очень рад, когда им в девяностые предложили бесплатный участок под городом Чехов для дачи. На участке были мачтовые сосны, красивая природа. Впоследствии они высадили много смородины.

Семейный строитель, Роксана придумала, как откачать воду из подвала, и они начали строиться. К тому времени у нее уже была успешная карьера певицы. Она выступала с «Голубыми гитарами» со студенческих лет, участвовала в конкурсах, исполняла песни

Бюльбюль-Оглы... Заменяла Миансарову в концертах. И становилась все известнее.

Когда Ширвиндт на своем легендарном балконе познакомил ее с общими друзьями, он сказал Державину (и это стало известно) «Надо брать!» В дальнейшем тусовки перешли на достроенную дачу. Ее фрагменты – из разных материалов. Но особенно интересна огромная веранда. На ней помещаются пальмы. Друзья называют ее Гавайями.

Мне понравился рецепт Бабаян в недавней серии «Завтрак с Роксаной». Вот и вам советую: йогурт залейте растопленной плиткой хорошего шоколада. Просто и вкусно.

Очень жаль, что люди не вечны. Особенно – хорошие. Теперь, когда Александр Ширвиндт, которого Державин приучил к рыбалке, будет спать с дочкой на берегу реки, ему наверняка будет сниться, что Миша рядом.

Часть 7. Наука

М. Нестеров. Портрет академика Павлова. 1935.

Александр Рабинович

Москва, Россия

Новое в науке. Предсмертные муки современной космологии

В этих полемических заметках сделана попытка осветить ту трагикомическую ситуацию, в которой оказалась современная наука о Вселенной и которая является предвестником будущих революционных изменений в сложившихся научных взглядах.

1. На пути к краху

Современная космология за почти столетний период своего существования добилась значительных успехов в описании видимой части Вселенной. Этим она в немалой степени обязана теоретическому фундаменту – общей теории относительности Эйнштейна, на который она опиралась. Однако те или иные неприятности постоянно преследовали космологическую науку. До недавнего времени, путем различных ухищрений, из них удавалось выпутаться и космологи с гордостью заявляли о своих внушительных достижениях.

Но настоящий кризис разразился в самом конце прошлого века, когда на основе данных наблюдения по сверхновым звездам типа Ia сформировалось новое представление о таинственной темной энергии. До того момента космологам, как им казалось, было известно практически все о Вселенной. Красное смещение в спектрах далеких галактик говорило об их разбегании и расширении Вселенной. Причем, ввиду сил притяжения между галактиками, это расширение должно было происходить с замедлением, что

общепризнанные на тот момент космологические модели как раз и описывали. Однако данные по сверхновым звездам поставили жирный крест на всех этих моделях. Неожиданно оказалось, что галактики разбегаются не с замедлением, а с ускорением.

Это и привело космологов к выводу, что должно существовать особое состояние материи – темная энергия, обладающая свойством отталкивания и отрицательным давлением. По их мнению, она заполняет всю Вселенную, причем на ее долю приходится примерно 70% общей массы. Но притом, что, по мнению ученых, темная энергия находится везде и в огромном количестве, ни один эксперимент не указывал на ее существование. Начались ее новые поиски с применением самых совершенных технических средств. Но как тогда, так и сейчас их результаты оказываются абсолютно обескураживающими – ни одной частицы этого вещества не было обнаружено ни современными космическими аппаратами, ни Большим адронным коллайдером.

Помимо темной энергии, есть в космосе еще один вид загадочного вещества. Это темная материя, на долю которой приходится приблизительно четверть массы Вселенной. О ее существовании известно давно, так как видимой части галактик явно недостаточно, чтобы объяснить наблюдаемое движение их звездного населения. Поэтому в них должна находиться огромная скрытая масса. Но что она собой представляет – до сих пор совершенно неясно. При этом, как и в случае с темной энергией, ни одним современным прибором частицы темной материи так и не были обнаружены. Но тем не менее, ее существование не вызывает ни малейших сомнений.

Таким образом, возникает совершенно безрадостная картина современной космологии. В чем же причина возникшего тупика? Попробуем в этом разобраться.

2. Что струит ночной зефир?

Как говорится у Александра Пушкина, «ночной зефир струит эфир». Но основа современной физики и космологии – теория относительности – эфир отвергает. Так кто же прав – Пушкин или Эйнштейн? Забавно, что в современной физике говорится, что эфира нет, но есть физический вакуум. По сути, это то же самое, но позволяет уйти от неприятных вопросов. Физический вакуум – это не пустота. Он представляет собой особое состояние материи. Если из объема выкачать все вещество, то там все равно что-то останется. Это и будет физический вакуум. Его существование установлено во множестве экспериментов. Например, он проявляется в эффекте Казимира – притяжении в пустом пространстве близко

расположенных незаряженных проводников, в лэмбовском сдвиге уровней энергии атомов и целом ряде других эффектов. Но признавая существование физического вакуума, современные физики не признают за ним способности оказывать сопротивление движущимся относительно него телам – ведь это бы противоречило теории относительности Эйнштейна.

Конечно, теория относительности подтверждена большИм числом экспериментов, но ее принцип, говорящий об абсолютном отсутствии эфира, можно подвергнуть некоторой корректировке. Эйнштейн исходит из идеальной модели, но реальность может быть сложнее. Ведь влияние эфира (физического вакуума) на движущиеся тела может быть столь малым, что его трудно обнаружить в земных экспериментах. Однако оно может проявляться в космологических процессах, протекающих на протяжении миллиардов лет.

Так, может быть, Пушкин был прав?

3. Теория относительности и космология

Тупик, в котором оказалась космология, действительно ужасен. Ведь она не имеет ни малейшего представления о 95% вещества Вселенной. Но и об оставшихся 5% она тоже многого не знает. И здесь существует немало вопросов, на которые она не дает убедительного ответа. Например, почему большинство галактик имеют спиральную структуру, почему старые звезды располагаются преимущественно вблизи их центра, а молодые – на периферии, почему, чем старше спиральная галактика, тем меньше размах ее спиральных ветвей?

Большие проблемы космологии приводят к мысли, что не все в порядке с ее фундаментом – теорией относительности. Это великое творение Эйнштейна правильно описывает многие процессы на Земле и в космосе, но приводит к большим трудностям, как только его начинают использовать в космологии. Так например, теория Эйнштейна привела к фантастической идее Большого взрыва – рождению 13.8 миллиардов лет назад всей видимой части Вселенной из точки с бесконечной плотностью, что как раз и явилось причиной многих бед в космологии.

Не случайно в стане астрономов стали раздаваться голоса протеста против сложившейся парадигмы в науке о Вселенной. Так, в мае 2004 г. в *New Scientist* было опубликовано открытое письмо к научному сообществу <http://www.fisica.ufmg.br/dsoares/open-letter.htm>, подписанное значительным числом ученых и направленное против теории Большого взрыва. В нем отмечался целый ряд нестыковок этой теории с данными наблюдений и приводилось сравнение ее с

теорией Птолемея, считавшейся в течение многих веков единственно правильной, но оказавшейся в конце концов ошибочной.

Все это возвращает нас к вопросу: применима ли теория относительности к космологии и если нет, то в чем состоят ее возможные дефекты?

Пожалуй, главным из них может быть игнорирование в ней такой сущности, как физический вакуум и связанных с ним космологических эффектов, о чем уже было упомянуто. Тут следует сделать небольшой исторический экскурс.

Основной вопрос, который возникал при формировании существующих космологических воззрений, состоял в следующем: чем можно объяснить наблюдаемое красное смещение в спектрах далеких галактик? Официальный ответ, как известно, был и остается таким: это эффект Доплера, связанный с разбеганием галактик. Он согласуется и с общей теорией относительности, приводящей в космологии к эффекту постепенного расширения пространства. Но это означает, что первоначально все пространство концентрировалось в одной точке, что, мягко говоря, представить довольно сложно. Данная странность вызвала к жизни иную точку зрения – идею старения фотона. Она состоит в том, что фотоны, излучаемые звездами далеких галактик, при своем путешествии по просторам Вселенной в течение миллиардов лет постепенно теряют свою энергию. Это, по мысли приверженцев идеи старения фотонов, и приводит к наблюдаемому красному смещению в спектрах галактик. Но такой взгляд был признан ненаучным как не стыкующийся с теорией относительности. Но если теория относительности имеет некий дефект и не во всем права, так, может, зря не дали хода альтернативной космологической теории, у которой было немало сторонников?

В связи с этим возникает вопрос, нельзя ли внести некоторую коррекцию в теорию относительности, сохраняя все ее достоинства и хорошо проверенные следствия, но при этом прийти к альтернативной космологии без разбегаания галактик и Большого взрыва?

Попробуем дать ответ на такой животрепещущий вопрос.

4. Геометрия Вейля и новая космология

Общая теория относительности, созданная Альбертом Эйнштейном в 1916 г., базируется на геометрии Римана и описывает гравитационное влияние материи на свойства пространства и времени. Всего через два года другой великий ученый – Герман Вейль – предложил новую теорию пространства и времени, основанную на

обобщении римановой геометрии. В ней помимо гравитационного поля содержалось еще одно поле, похожее на электромагнитное. Поэтому у Вейля возникла мысль, что он создал единую теорию гравитации и электромагнетизма. Но в дальнейшем стало ясно, что построенная новая теория сильно отличается от эйнштейновской и противоречит известным данным наблюдения. Поэтому концепция Вейля, несмотря на всю свою красоту, не получила всеобщего признания. Хотя у нее по-прежнему остаются горячие приверженцы.

Герман Вейль (1885-1955)

Надо признать, что идея отождествления дополнительного вейлевского поля с электромагнитным полем оказалась неудачной, несмотря на всю свою привлекательность. Но встает вопрос, нельзя ли дать ему другую интерпретацию, чтобы не возникало серьезного разногласия с теорией Эйнштейна?

Этому вопросу были как раз посвящены моя статья, опубликованная в 2003 г. в известном английском журнале «Classical and Quantum Gravity» <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/0264-9381/20/7/310/meta>, а также основанные на ней космологические главы двух моих монографий А. S. Rabinowitch «Nonlinear Physical Fields and Anomalous Phenomena»», New York, Nova Science Publishers, 2009, 245 p. и А. С. Рабинович «Математические основы малоизученных аномальных физических явлений», Москва, Либроком, 2015, 328 с.

В этих работах было изучено обобщение уравнений общей теории относительности на основе геометрии Вейля. Причем дополнительное

поле Вейля рассматривалось как поле, обусловленное влиянием физического вакуума и дающее лишь очень малую поправку к эйнштейновской теории. В результате все известные экспериментальные и наблюдательные подтверждения теории относительности также согласуются и с новой теорией. Но при применении теории с малым вейлевским полем к очень большому пространственно-временным континуумам возникают серьезные отличия от стандартной космологии.

5. К каким же выводам приводит новая космология?

1. Физический вакуум оказывает сопротивление движущемуся относительно него веществу, но оно столь мало, что не может быть замечено в проводимых на Земле экспериментах. Однако его влияние постепенно накапливается и становится весьма заметным, когда оно осуществляется в течение миллиардов лет.

2. Нет расширения пространства и разбегания галактик, не было и Большого взрыва. Красное смещение в спектрах далеких галактик объясняется постепенной потерей энергии фотонами при их длительном движении по просторам Вселенной. Становится ненужным введение темной энергии, так как наблюдаемые особенности красного смещения находят естественное объяснение в новой теории.

3. Звезды в галактиках движутся по спирали, медленно приближаясь к галактическому центру. Это дает объяснение спиральной структуре большинства галактик, а также упомянутым выше особенностям их строения.

4. Возраст многих галактик оказывается значительно большим, чем пресловутые 13.8 миллиардов лет. Это позволяет объяснить сущность темной материи. Она просто представляет собой совокупность потухших звезд. Такая точка зрения не могла бы существовать в рамках стандартной космологии со столь небольшим возрастом Вселенной, как 13.8 миллиардов лет. Однако в новой космологии данное объяснение существования темной материи становится вполне естественным.

Хочется надеяться, что катастрофа, возникшая в современной космологии, будет преодолена в результате развития альтернативных взглядов на процессы, происходящие во Вселенной.

Генрих Голин

Нью Йорк, США

Герои и антигерои атомного проекта. Сотрудничество двух классиков: Харитон и Зельдович

Среди тех учёных, которые удостоились трёх звёзд Героев Социалистического Труда, не считая многочисленных Сталинских и Ленинских премий и орденов за создание отечественного ядерного оружия, почётных научных и академических званий, необходимо назвать ещё двух учёных. Их судьбы переплелись в попытке решить научные и технические проблемы ядерной физики и химии, вызванные необходимостью создания сверхмощного оружия. Многие их роднило: необыкновенная трудоспособность, преданность «линии партии», отрешенность от участия в каких-либо политических и общественных событиях и дискуссиях, скромность, настойчивость в выполнении поставленных целей. Но по стилю мышления, поведению среди коллег, темпераменту, отношению к прекрасному полу они были разными, если не сказать, совершенно противоположными.

Постараюсь познакомить читателя с этими учёными, их судьбами и достижениями.

В 2004 году довольно скромно отметили столетие Юлия Борисовича Харитона, родившегося 27 февраля 1904 года и прожившего долгую и плодотворную жизнь (он умер в 1996 году на 92 году жизни). Родился в Петербурге в еврейской семье, его отец был журналистом и работал в газете «Речь» – главном органе Кадетской партии. После революции несколько лет был директором

Дома писателей, центра литературной жизни Петрограда. В 1922 году по декрету Ленина был отправлен за рубеж на одном из «философских пароходов». Красная Россия не нуждалась в интеллектуалах типа Николая Бердяева и Ивана Ильина. Борис Осипович осел в Риге, и после прихода советской армии в Латвию, был схвачен органами НКВД и отправлен в ГУЛАГ, где и бесследно исчез. Мать учёного, Мира Яковлевна, была актриса, примкнула к сионистскому движению, и в 1930 году ей удалось одной достичь Палестины, тогдашней британской колонии. Будущий учёный оказался без родителей, и ему запретили какие-либо контакты с ними. Юноше удалось поступить в 1920 году (в легендарный год Гражданской войны) в Политехнический институт. В 1921 году, когда он был ещё студентом 2 курса Николай Николаевич Семёнов пригласил Харитона к себе на работу в Физтех (Физико-технический институт АН СССР), директором которого был Абрам Фёдорович Иоффе. После окончания Политехнического института Харитон продолжает работу в Физтехе уже в качестве научного сотрудника. Через два года Иоффе посылает Харитона в аспирантуру в Кембридж к самому Резерфорду. 1926-1928 годы были для Харитона годами формирования первоклассного исследователя-экспериментатора. Ему поручают исследовать чувствительность глаза к слабым импульсам альфа-излучения. Он успешно защищает диссертацию, сделанную под руководством Резерфорда, получает диплом доктора наук Кембриджского университета и возвращается в Советский Союз. По

пути он остановился в Германии, где в это время жила его мать. Много лет спустя он напишет, что этот визит убедил его в том, что политическая ситуация в Германии становится угрожающей и небезопасной для матери.

По приезде в Петроград он работает в Физтехе у А.Ф. Иоффе в лаборатории взрывов в должности заведующего, а в 1931 году его лаборатория становится частью вновь образовавшегося научно-исследовательского Института химической физики, директором которого стал Николай Николаевич Семёнов – академик, лауреат Нобелевской премии, зять (муж сестры) Петра Капицы (мир тесен!). В этой лаборатории Харитон проработал вплоть до 1946 года. Себя он считал учеником Н.Н.Семёнова, прислушиваясь к каждому совету выдающегося ученого. Здесь начинается его совместная работа с Яковом Борисовичем Зельдовичем, который был на десять лет моложе Харитона. В частности, в 1939 году они провели расчёты цепной ядерной реакции урана и построили теорию атомных реакторов. Однако эти и другие работы учёных нельзя назвать пионерскими во всемирной истории ядерной физики.

В первых частях нашего повествования мы упоминали пионерские теоретические и экспериментальные работы в этой области, начавшиеся в начале 30-х годов прошлого столетия такими учёными, как Ферми, Фредерик Жолио-Кюри, Ган, Штрассман, Лиза Мейтнер, Вигнер, Теллер, Сцилард, Оппенгеймер. Однако в условиях строжайшей секретности и изолированности страны от внешнего мира в 1930-60 годы прошлого столетия, вклад Харитона и Зельдовича в создании отечественных атомной и водородной бомб – вне сомнений. Их совместная работа по расчёту цепной реакции урана началась при следующих обстоятельствах. Летом 1939 года по дороге в Москву Зельдович услышал от своего спутника об интересной статье французского физика-ядерщика Фрэнсиса Перрена (сына знаменитого физика Жана Батиста Перрена – лауреата Нобелевской премии, борца против фашизма, друга Советского Союза, иностранного члена АН СССР), где он рассчитал величину критической массы урана, необходимой для начала цепной реакции. Зельдович рассказал об этом Харитону. Ядерная физика буквально «зацепила» взрывников, и они начали «штудировать» статью Перрена. В результате появилась их совместная статья в октябре этого же года в журнале «Успехи Физических Наук» с расчетами цепной ядерной реакции. Прочитав эту статью, Игорь Евгеньевич Тамм воскликнул: «Знаете ли вы, что означает это новое открытие? Оно означает, что может быть создана бомба, которая разрушит город в радиусе десяти километров от эпицентра взрыва».

На 4-ой Всесоюзной конференции по физике ядра, состоявшейся в ноябре 1939 года в Харькове, Харитон доложил о работе, выполненной совместно с Зельдовичем. На этом они не остановились и вечерами «на общественных началах» продолжали работать по этой проблеме. Однажды, когда они попросили у начальства 500 рублей на исследование, им отказали. Вскоре они поняли, что для получения реальных результатов, они должны посвятить этой тематике всё своё время, а для проведения экспериментов необходим большой коллектив учёных, конструкторов, инженеров разных специальностей. В 1946 году они вошли в группу Курчатова, став научными руководителями специальных подразделений атомного проекта. Харитон всегда сопровождал Курчатова при встречах со Сталиным и другими руководителями страны по поводу атомного проекта. У Харитона не было недоброжелателей, все относились к нему с уважением. Их покоряла, прежде всего, продуманность во всём, что он говорил и делал. Он никогда не спешил с выводами, не имея объективных доказательств, что, как известно, особенно ценится среди людей интеллектуального труда. Приведу отрывок из книги воспоминаний Бриша о Харитоне. Аркадий Адамович Бриш – один из первых сотрудников в Сарове (КБ-11) – центре, где создавалась первая атомная бомба. До Великой Отечественной войны он работал в Минске, в научно-исследовательском институте химии БССР. Во время войны был разведчиком штаба партизанской бригады имени К.Е. Ворошилова. Естественно, его привлекли к работе по созданию ядерного оружия. Так он оказался в 1947 году в Сарове. Вначале он был на рядовой работе, но постепенно «рос» и ушёл на пенсию уже в наше с вами время главным конструктором большого проектного учреждения. Для нас важно, что он где-то в 60-х опубликовал небольшую книгу воспоминаний «О коллегах, начальниках, друзьях». Свои воспоминания о Харитоне он начинает так: «Из всех людей, с кем я работал, я особенно верил Харитону. По науке, по морали, по отношению к жизни. Я понял, что это – идеальный человек. За свою жизнь я много людей встречал, но Харитон был выше всех. У остальных я замечал какие-то недостатки, а Харитон – идеален». Далее он описывает внешность учёного, когда он увидел его первый раз: «... невысокий, щуплый человек в безрукавке и аккуратно заштопанной рубашке (осенью 47 года, после войны мы все были бедными)». А.А. Бриш часто бывал в гостеприимном доме у Харитона, наблюдая как учёный бережно и преданно относится к своей жене Марии Николаевне. Бриш пишет, что с годами Ю.Б.Харитон начал терять зрение. Сперва он обратился к знаменитому московскому врачу Фёдорову, но он не помог, и Юлий

Борисович поехал лечиться в Америку. В одной из клиник Нью-Йорка его лечащим врачом оказался еврей из Одессы. Во время первого приёма Харитон попытался разговаривать с врачом на ломаном английском, но вскоре они перешли на русский. Как пишет Бриш, «этот врач сохранил зрение учёного на много лет без операции, просто подобрал нужное лекарство». К сожалению, Бриш не приводит имени врача, и я обращаюсь к вам, моим читателям, с большой просьбой отыскать этого врача, который смог бы дополнить портрет Харитона (конечно, если он жив). В конце жизни Юлий Борисович всё же ослеп, но продолжал работать. Он умер в глубокой старости, пережив своего друга и коллегу Зельдовича на девять лет. И после смерти они лежат на Новодевичьем кладбище почти рядом.

Приведу один эпизод, который я решил поместить в конце моего рассказа о Харитоне. Он мало касается непосредственно нашего героя, но дополняет представление о действительности, в которой нам пришлось жить и работать.

Эпизод не выдуманный, его поведал нам репортёр одной из московских газет Евгений Сеницын, он называется: «Несчастный охранник Ю.Б. Харитона».

Репортёр оказался в машине на пути из Переделкина в Москву примерно в 1964-1965 гг. За рулём машины сидела Светлана Аллилуева – дочь Сталина. Вот что она рассказала: «В прошлом году осенью я отдыхала в Сочи. Был уже ноябрь, и пляж был совершенно пустым. Я шла по берегу и вдруг увидела фигуру мужчины, который с унылым видом сидел на влажном песке. Приблизившись, я узнала его. Это был один из охранников моего отца. Он меня тоже узнал, вскочил на ноги.

– Светлана Иосифовна, дорогая! Ну как вы, как живёте?

– Нечего говорить, Иван Петрович. Дети растут. А вы-то сами как поживаете?

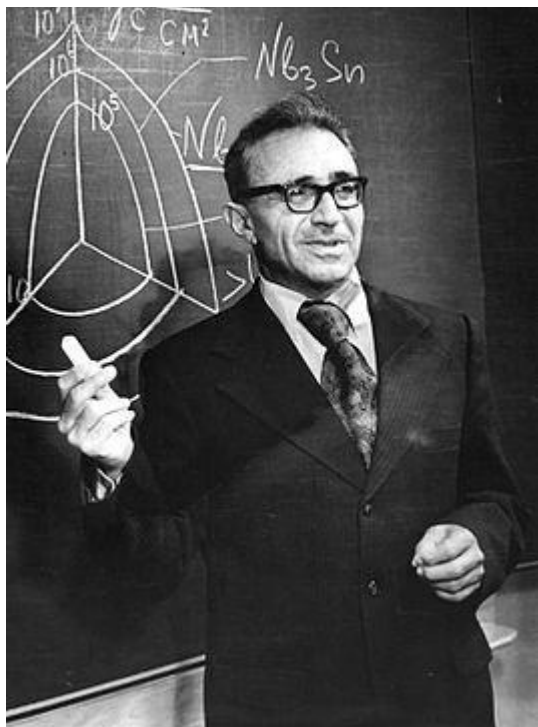
Тут он помрачнел и сказал:

– Ну что вы меня спрашиваете? Ведь я вашего отца охранял! А теперь вот какого-то жида охраняю.

И он указал рукою в холодные волны, где плавал академик-ядерщик Харитон».

Жизненный путь второго нашего героя Якова Борисовича Зельдовича мог бы служить иллюстрацией типичной судьбы еврейского мальчика, которому советская власть дала возможность стать тем, кем он стал. Удивляюсь, как Солженицын не включил его как типаж в своё исследование «Двести лет вместе». Кстати, этого не сделал и Семён Резник в замечательном контррасследовании: «Вместе

или взорь?». Я.Б. Зельдович родился в Минске 8 марта 1914 года, но четыре месяца спустя из-за начавшейся Первой мировой войны семья переехала в Петербург.

Как и Ю.Б.Харитон, он тоже родился в высокообразованной еврейской семье. Его отец был юристом, а мать изучала языки в Сорбонне.Трудовая деятельность будущего учёного началась в 16-летнем возрасте в Физтехе у Иоффе в качестве рабочего, а затем лаборанта. К этому времени он закончил среднюю школу и не стал поступать в институт: было неинтересно и надо было зарабатывать на жизнь.

В истории науки есть несколько уникальных случаев, когда выдающиеся учёные нигде не учились, не имели формального образования (такowymi были француз Андре Ампер, англичанин Майкл Фарадей в XIX веке и Пьер Кюри, получивший домашнее образование). Переноса оборудование из лаборатории в лабораторию, промывая пробирки и чиня аппаратуру, он пристаёт с вопросами к окружающим его учёным, занимается самообразованием, его интересуют физика и химия. Учёные берут покровительство над любознательным и быстро соображающим юношей, требуют от него

продолжить образование. Через некоторое время они уже делятся с ним своими научными проблемами, решать которые им помогает Яша, предлагая оригинальные идеи. Юноша сделал всё-таки попытку получить высшее образование: сперва на заочном отделении Ленинградского университета, в котором проучился всего год, а затем на физико-механическом факультете Политехнического института, деканом которого в те годы был А.Ф. Иоффе. И здесь он недоучился, хотя и признавался, что было интересно общаться с «по-настоящему интеллигентными и умными профессорами», имея в виду того же А.Ф. Иоффе и Я.И. Френкеля. Мы уже писали, что на базе Физтеха был создан Институт химической физики, который возглавил Н.Н. Семёнов. В этом институте Харитон создал и возглавил лабораторию горения – там проводил свои исследования юный Я.Б. Зельдович. Здесь в свои 22 года в 1936 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию. По этому поводу впоследствии он напишет: «Благословенные времена, когда ВАК (Высшая Аттестационная Комиссия– Г.Г.) давал разрешение на защиту учёных степеней лицам, не имеющим высшего образования». Через три года, в 1939 году он защищает докторскую. Обе диссертации были посвящены физико-химической теории горения и детонации. Эту тематику он называл своей «первой любовью» и на протяжении всей жизни периодически возвращался к ней. В августе 1941 года Институт химической физики АН СССР, где он работал, эвакуировался в Казань из окружённого немцами Ленинграда. Здесь Зельдовичу было поручено включиться в работу по созданию ракетного оружия. Первые испытания знаменитой «Катюши» были неудачными: при запуске она взрывалась в воздухе, не долетая до цели. К удивлению конструкторов, Зельдович очень быстро нашёл причину. Он рассчитал внутреннюю баллистику снаряда, что позволило внести исправления в конструкцию «Катюши», она «встала на ноги» и уже осенью 1941 года успешно участвовала в боевых сражениях Советской армии. Немцам так и не удалось разгадать тайну снаряда, придуманного Зельдовичем.

В 1943 году Институт переводят в Москву, и с тех пор семья Зельдовича (жена и три дочери) жила в Москве. В этом же году он начинает работать над атомным проектом в группе, возглавляемой Харитоном. Позже к этой группе присоединяются И.Е.Тамм, А.Д. Сахаров и многие другие. Координация всей работы осуществлялась И.В. Курчатовым. Основные участники проекта переезжают в Саров, где живут и работают безвыездно и в строжайшей изолированности от внешнего мира более 20 лет. Как вспоминает Я.Б. Зельдович, всё время и вся энергия участников атомного проекта были посвящены

только одному: «созданию ядерного щита Отечества. Это было само собой разумеющимся. А разве мы могли поступить иначе?». В эти годы по-прежнему Харитон и Зельдович были неразлучны. Харитон вспоминает: «Мне очень повезло в жизни: в течение примерно 25 лет я работал с фантастически интересным человеком и совершенно исключительным учёным – Яковом Борисовичем Зельдовичем. Широта его научных интересов поистинне невероятна. Я преклоняюсь перед ним как учёный и человек». И.В. Курчатов говорил проще: «Яшка-гений». А вот замечание упомянутого А.А. Бриша: «... Зельдович очень быстрый умом был, все задачи в уме решал. Когда мы сдавали ему экзамены и пытались решить задачу классически, он нам говорил, чтобы мы так не решали, а пытались быстро в уме решить. Да разве можно освоить то, что знал Зельдович!». Сам учёный впоследствии писал об этом периоде его жизни:

«Открытие деления урана и принципиальной возможности цепной реакции урана предопределило судьбу века и мою». Чуть позже в Сарове Зельдович и Сахаров со своими группами сосредоточили своё внимание на создание водородной бомбы. Работа этих двух групп была не соревнованием, а скорее, плодотворным взаимодействием. В эти годы, по воспоминаниям очевидцев, Зельдовича можно было видеть мчавшегося на мотоцикле по секретному городу, хотя у него была «Победа» (подарок Сталина) и «Волга» (подарок советского правительства). Для него было приятно ощущать на лице порывы ветра.

В отличие от своего друга Харитона – убеждённого семьянина, Зельдович ценил женскую красоту и не пропускал случая «завести роман». Несмотря на то, что у него была семья в Москве, он вдруг влюбился в свою секретаршу. Общеизвестна его непродолжительная связь с Шурой Ширяевой – московской художницей, попавшей «за длинный язык» в Саров. Она считалась расконвоированной заключённой и расписывала в Сарове стены местного театра, а также стены и потолки в домах чекистов. Зельдович забрал её к себе в «членохранилище» – так назывались коттеджи, где жило начальство. Когда закончился срок её заключения, чекисты выдворили её на вечное поселение в Магадан, где она родила Зельдовичу дочь. От разных женщин у него было 5 детей. И всем им он помогал материально и мечтал о том, чтобы собрать их вместе. Об этом написал в своих мемуарах Сахаров. Я пишу об этом, чтобы у читателя не возник образ Зельдовича как приторного ангела. Когда Якова Борисовича избрали академиком в 1958 году, его коллеги на «мальчишнике» вручили ему академическую шапочку с надписью:

«Академия Наук» и...плавки с надписью: «Действительный член». Учёные умели работать, умели и веселиться. И ещё нечто весёлое в духе Я.Б. Обычно он надевал свой пиджак со всеми регалиями, орденами и звёздами Героя, когда должен был встретиться с «сильными мира сего», особенно, если хотел что-то выпросить у начальства. Его сотрудники называли этот пиджак «Просительным». Это обычно производило впечатление, и зачастую Зельдович получал, что хотел. Так, он поехал в этом наряде к члену Президиума ЦК КПСС и «хозяину» Москвы Гришину за пропиской своему ученику, молодому и талантливому учёному Сергею Мишину.

В 50-е годы начался новый период творчества Я.Б. Зельдовича, связанный с физикой элементарных частиц, и параллельно с этим-астрофизикой и космологией. Изучение Большого Взрыва (Big Bang) он называл «эхом первой любви», а свои астрофизические работы считал главным достижением и вкладом в науку. С 1966 года – он профессор Московского университета, научный руководитель целого ряда молодых учёных, создатель школы физиков в области теории горения, физики элементарных частиц и астрофизики. С одним из его учеников – Октаем Гусейновым я дружил и однажды имел честь встретиться с Яковом Борисовичем. Это было в Баку – моём родном городе, где я прожил первые 30 лет своей жизни. Окай защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации по астрофизике в аспирантуре у Зельдовича. С 1980 года он – директор Шемахинской обсерватории в Азербайджане. Окай несколько раз приглашал Якова Борисовича погостить в Баку и его окрестностях. На одном из апшеронских пляжей где-то в 1967 году мы вчетвером (четвёртой была очаровательная девушка-аспирантка Зельдовича) купались, валялись на песке и беседовали на разные темы, в основном о современной физике. К этому времени Зельдович оставался невыездным (дальше Венгрии), что несомненно огорчало его, лишая возможности общаться с иностранными учёными. На меня Я.Б. произвёл сильное впечатление: я видел перед собой живого классика физики, такого простого в общении и одновременно глубокомыслящего и энциклопедически образованного человека. Хорошо известен случай, когда уже больной Ричард Фейнман – знаменитый американский физик-теоретик, участник атомного проекта в Лос-Аламосе, автор многотомного курса: «Фейнмановские Лекции по Физике», изданного в СССР в 60-е годы, по которому мы изучали в университетах физику, дал согласие приехать в Москву, чтобы встретиться с Зельдовичем. Он много лет, читая статьи Зельдовича, считал, что «Зельдович» – это вымышленный псевдоним большого коллектива авторов, пишущих на различные темы физики и

химии, наподобие «Бурбаки» в истории математики. Он был в изумлении, когда узнал, что автор всех этих работ – один человек. К сожалению, им не удалось встретиться. А вот другой выдающийся английский физик, тогда ещё молодой Стефан Хокинг появился на инвалидной коляске в конференц-зале МГУ во время 13-го международного конгресса по истории и философии науки в 1971 году, о котором я упоминал в первой части нашего повествования, в сопровождении Я.Б. Зельдовича. Им было о чём поговорить: оба разрабатывали основы современной космологической теории. Широта интересов Я.Б. Зельдовича поразила его, как и всех. Для меня – преподавателя по профессии – важно отметить ещё один аспект в многогранном творчестве учёного. Зельдович написал несколько популярных книг по физике и математике для учащихся средних школ. 19 ноября 1958 года в центральной газете «Правда» появляется статья Зельдовича и Сахарова: «Нужны естественно-математические школы», в которой авторы призывают руководителей органов образования создавать специальные школы для одарённых детей. Вся статья была пронизана заботой о воспитании нового поколения учёных и инженеров в стране.

В 1984 году коллеги и ученики Харитона и Зельдовича устроили для них празднование 150 – летнего юбилея: 80 лет Харитону и 70 лет Зельдовичу. Они родились оба с разницей в одну неделю и десять лет. Я мог бы на этом поставить точку в описании жизни и творчества Зельдовича, но это описание не будет полным. Конечно, у каждого человека есть черты характера и поступки, которые нельзя назвать положительными. В отличие от Харитона, наш герой отличался некоторой торопливостью, вызванной честолюбивым стремлением быть первым. Яков Борисович как-то писал: «Конечный результат, физическая истина меня интересует почти независимо от того, кто её найдёт первым. Хватило бы мне сил понять её первым...» В результате, некоторые его статьи полны догадок и ошибочных выводов. Иногда он публично извинялся за них, а в спорах с коллегами в конкретных вопросах не раз ошибался и проигрывал, за что расплачивался несколькими бутылками коньяка. Л.Д. Ландау укорял его за это, считая поспешность недопустимой для большого учёного. Среди физиков ходило анекдотичное и обидное для Зельдовича высказывание травмированного в автомобильной катастрофе Ландау, который на вопрос коллег о его возможности мыслить в области теоретической физики, ответил: «Ну, на уровне Зельдовича вполне могу!». Правда, чтобы быть объективным, приведу отрывок из статьи директора института, где Ландау возглавлял теоретический отдел, много раз упомянутого мною

академика Петра Леонидовича Капицы, о самом Ландау: «... Строгий научный подход не мешал ему (Ландау– Г.Г.) видеть в научной работе и эстетическую сторону, что приводило у Ландау к эмоциональному подходу не только в оценках научных достижений, но и в оценке самих учёных. Рассказывая о научной работе или об учёных, Ландау всегда готов был дать свою оценку, которая обычно бывала остроумной и чётко сформулированной. В особенности остроумным Ландау был в своих отрицательных оценках. Такие оценки быстро распространялись и, наконец, доходили до объекта оценки. Конечно, это усложняло для Ландау его взаимоотношения с людьми, в особенности когда объект критики занимал ответственное положение в академической среде». Мне кажется, эта фраза относилась, в первую очередь к Зельдовичу. Сахаров на протяжении многих лет именно с Зельдовичем обсуждал научные проблемы, очень ценил его замечания. Он также зачастую советовался с ним, как поступить в тех или иных жизненных ситуациях. Вместе с тем, в своих воспоминаниях, Сахаров отмечал у Зельдовича боязливость за своё благополучие, когда было необходимо общаться с «сильными мира всего». Он никогда не спорил с последними, не отстаивал свою точку зрения. Он искал обходные пути, зачастую «подставляя» других своих коллег. Сахаров вспоминает: «... Вскоре после присуждения премии (Нобелевской премии мира за 1975 год, -Г.Г.) мне позвонил Яков Борисович Зельдович. Он сказал, что я должен отказаться от премии. На мой ответ, что я не собираюсь этого делать, он раздраженно заявил: – Я вам напишу. Зельдович, конечно, понимал, что мои телефонные разговоры прослушиваются. Но тем более он должен был быть уверен, что просматривается и почта. На меня телефонный звонок и тем более письмо произвели тягостное впечатление нарочитой демонстрации верноподданнических чувств». Особенно неприятно читать о другом эпизоде, рассказанном независимо друг от друга И.С. Шкловским и А.Д. Сахаровым.

На «объекте» в Сарове под руководством Зельдовича был математический отдел, созданный и возглавляемый Меттесом Менделевичем Агрестом. Он был глубоко верующим человеком, соблюдающим все еврейские предписания. Зная это, Зельдович вызывал его на отчёты о проделанной работе именно по субботам. Сам Зельдович считал, что профессия учёного несовместима с религией и что он таким образом «перевоспитывает» зрелого математика, инвалида Отечественной войны. Конечно, Зельдович жестоко ранил Агреста, заставляя его работать по субботам. Вскоре Агресту пришлось уехать с «объекта», после того, как чекисты обнаружили, что у него оказались какие-то родственники в Израиле.

Потомки М.М. Агреста сейчас живут и работают в США, и с одним из них, Михаилом Агрестом, – профессором физики, живущим и работающим в Чарльстоне (Южная Каролина), я встречаюсь периодически уже много лет на научных конференциях Американской Ассоциации преподавателей физики(ААРТ).

После того как Сахаров был отстранён от секретной работы и вступил в борьбу с КГБ за права человека в СССР, он по старой дружбе несколько раз обращался за помощью к Зельдовичу и Харитону, но они отвернулись от него, боясь за своё благополучие. У Сахарова накапливаются разочарование и горечь. Но было и другое. Привожу отрывок из статьи Леонида Баткина «Характер и масштабы политического мышления А.Д. Сахарова»: «Как-то незадолго до своей кончины Зельдович сказал Сахарову: «В прошлом было всякое, давайте забудем плохое. Жизнь продолжается». Сахаров отвечает ему: «Да, конечно». Глава, посвященная Зельдовичу в книге Сахарова «Воспоминания», заканчивается трогательными словами: «Я иногда ловлю себя на том, что веду с Я.Б. мысленный диалог на научные темы».

Фигура Зельдовича была, как видим, противоречивой. Но у него есть некое оправдание: он жил и творил в условиях самого ужасного в истории человечества строя. Его еврейские гены, помимо его желаний, подсказывали, как бороться за своё самосохранение. И заключая своё повествование, я должен коснуться этой темы более широко, как бы это ни выглядело «неполиткорректно», я говорю о роли и значении учёных и специалистов еврейской национальности в атомной эпопее. Я напомнил вам имена Эйнштейна, Нильса Бора, Лизы Мейтнер, Вигнера, Сцилларда, Теллера, Оппенгеймера, Тамма, Харитона, Зельдовича, Арцимовича, Гинзбурга. Эти учёные стояли у истоков ядерной физики и создания атомного и водородного оружия. Но это только имена «генералов» эпопеи; сотни, если не тысячи не названных мною учёных и специалистов-евреев успешно участвовали в этом проекте. В письме Жданова Суслову вы найдёте антисемитские высказывания о 80% евреев в отечественном атомном проекте. Увы, надо назвать и антигероев–евреев: Фукса, Тедда Холла, супругов Розенбергов, Грингласа, резидентов советской службы по похищению секретов американского атомного проекта, возглавляемого Героем Советского Союза Семёном Кремером...

Владимир Левин приводит в одной из своих статей сакраментальную фразу:

«Случилось так: американские евреи изобрели ядерное оружие; разведчики-евреи похитили их основные секреты, а советские учёные-евреи ими воспользовались».

Боюсь, что найдутся среди моих читателей те, которые будут повторять слова из песни: «Евреи, евреи, кругом одни евреи...». Сегодня мы слышим подобные оскорбления и угрозы из России от таких деятелей, как Проханов, Шевченко и даже правнука такого великого писателя и защитника евреев, каким был Л.Н.Толстой, депутата Думы. Напомню осуждение великим Эйнштейном гитлеровского режима и всех антисемитов – в преддверии Второй мировой войны: «В прошлом нас преследовали вопреки тому, что мы – народ Библии; ныне, однако, гонения на нас обрушились именно потому, что мы – народ Библии. Зловещий замысел заключается в том, чтобы стереть с лица Земли не только нас самих, но и развеять вместе с нашим прахом заключённый в Библии и христианстве дух – основу цивилизации в Центральной и Северной Европе. Если эта цель будет достигнута, Европу ожидает участь безжизненной пустыни, ибо жизнь человеческого сообщества не способна сколько-нибудь долго выжить на грубой силе, жестокости и ненависти». Эйнштейну не удалось увидеть, как демографический вакуум, возникший в Европе в результате Холокоста, в наши дни заполняется пришельцами из Ближнего Востока, принёсшими в том числе глобальный терроризм во все части нашей планеты. Жители Нью-Йорка, Лондона, Манчестера, Парижа, Бостона уже испытали это.

Но сегодня становится реальной ещё более страшная угроза: глобальная ядерная война. Десяток стран имеют в своём арсенале ядерное оружие и среди них Северная Корея (полный аналог страны Советов 30-50 годов прошлого века), коммунистический Китай, Пакистан ... Прогнозы того же Эйнштейна полностью оправдываются. Начиная с 1945 года после трагедии в Хиросиме и Нагасаке, великий учёный и гуманист обращался к президенту США и руководителям всех стран с требованием полностью уничтожить существующее (тогда только в США) ядерное оружие и прекратить какие-либо его исследования и испытания. Эйнштейн предупреждал, что в будущем невозможно будет осуществить международный контроль и избежать гонки ядерного вооружения. Учёный подчёркивал, что найдутся страны и режимы, которые, используя ядерный шантаж, могут развязать новую мировую войну. Сегодня весь мир с содроганием следит за подобным шантажом со стороны маленькой, полуголодной, но милитаристской «страны». И многие с горечью и тревогой убеждаются в правоте слов Эйнштейна:

«Если вспыхнет третья мировая война, то в следующей люди будут воевать дубинками». По-видимому, он сожалел о своём поступке в 1939 году: «Знай я, что немцы не смогут сделать атомную бомбу, я бы и пальцем не пошевелил». Вначале нашего повествования мы

приводили это письмо Эйнштейна к президенту Рузвельту, с чего и началась атомная эпопея на нашей такой небольшой планете под названием Земля.

Евгений Раменский

Москва, Россия

Биолог Николай Воронцов (1934-2000). Начало жизни

Это начало автобиографии Николая Николаевича Воронцова, яркой личности, крупного биолога¹⁰⁹. Себя он именовал натуралистом. Определение весьма точное.

А вот что пишет в проникновенном предисловии к изданию А.В. Яблоков, известный учёный, его друг по кафедре в Московском университете. «Николай Николаевич Воронцов был звездой первой величины на небосклоне мировой териологии, эволюционной морфологии, систематики и цитогенетики, выдающимся организатором отечественной биологии и исторически значимым политическим деятелем». Я не вижу здесь преувеличений.

Текст превратился в книгу благодаря доктору биологических наук Елене Алексеевне Ляпуновой, жене и соратнице всей жизни автора. Мне довелось как младшему сверстнику наблюдать Н.Воронцова в Университете и в бытность его главой природоохранного ведомства СССР. Детство и юность его мне не были известны. А они во многом

---

¹⁰⁹ Николай Воронцов. Воспоминания и размышления // М. Новый хронограф. 2017

определяют личность. Генетик В.П. Эфроимсон даже считал, что главное внимание надо уделять не университетам, а детским садам.

Книга посвящена этим годам в жизни героя.

Воронцовым надо родиться. Но им ещё предстоит стать. Николай Николаевич был человеком сложным, творческой личностью. В том смысле, как его понимал социолог Д. Дондурей. В качестве антипода человеку примитивному, продукту современного телевидения. Известно, что эволюция не всегда прогрессивна. Николай был богато одарён. Выразительная внешность. Кудрявая густая шевелюра и музыкальный слух, унаследованные от обоих родителей. Прекрасный голос. Безотказная память. Жажда знаний. Жизненный азарт. Николай, по Яблокову, даже колебался, не поступить ли после Университета в Консерваторию?

Возникает и другой вопрос. Как вундеркинд сумел осуществиться в непростой жизни? Как далёкий от природы московский ребёнок стал натуралистом? Автор даёт подробный и убедительный ответ. Дар рассказчика, широкий взгляд и прекрасная память позволяют ему показать жизнь глазами рано осознавшего себя мальчика. Повествование начинается с жизни родителей. Это были бурные и трагические годы нашей истории. Восприятие ребёнка ярко и непосредственно. Николаю Николаевичу удалось без прикрас показать, «как оно было» в XX веке. Книга написана хорошим

языком. Она захватывает. Опыт моей семьи и свой собственный лишь подтверждает достоверность воспоминаний Воронцова.

Автор обстоятельно, с фотографиями, описывает семьи своих родителей. Отца, Николая Николаевича Воронцова, выходца из тверской деревни Слобода. Тот рано покинул свою крестьянскую семью, стал горожанином, а перед революцией и большевиком. Он был участником нескольких съездов партии и принадлежал большевистской номенклатуре. Мама, одесситка Елизавета Борисовна Вертмиллер, была дочерью служащего. Она появилась на свет в неполной семье, рано стала сиротой. Но училась в немецкой гимназии и сумела получить высшее образование. Николай Николаевич-младший даёт исторический и географический очерк родных мест своих родителей. Он много пишет о родственниках с обеих сторон. Его рассказ и дальше будет полон портретами современников, описанием событий и среды, окружающей Колю, вплоть до поступления в Университет.

Елизавета Вертмиллер преподавала, служила в советских учреждениях и даже была учётчицей на продрозвёрстке в деревне. Там она получила тяжёлую травму. Политика украинизации Одессы первых лет советской власти подтолкнула её переехать в Москву.

«Мама познакомились с отцом в 1929 году. Она стала его близким другом. Отец, шумный весельчак и балагур, в унтах и собачьем полушубке, прямо с «Полярного экспресса» вваливался в довольно чинную среду Дома учёных и забирал оттуда маму из библиотеки или вокального вечера профессора Доливо-Соботницкого. Мама ездила и в Ленинград, и в Хибинь, жила делами отца и была, наверное, неплохим советчиком ему. Ездила на оленях и аэросанях по тундре. Помогала отцу перепечатывать его автобиографическую пьесу...» Н.Н. Воронцов-старший – крупный руководитель-хозяйственник. По поручению С.М. Кирова, он осваивал апатиты на Кольском полуострове.

Коля Воронцов увидел свет в родильном доме «У Грауэрмана» близ Нового Арбата. Генетически мальчик – продукт крутого русско-немецко-еврейско-польского замеса. Он считал: «Я не могу отвергать нашу историю с её революцией. Если бы не революция, мои родители, принадлежавшие к разным классам (добавим: и этносам), просто бы не встретились». Такое о себе может сказать огромная часть нашего населения. Помимо ценных генов Воронцов-старший оставил сыну, будущему министру охраны окружающей среды, тяжкое наследство. Им стало загрязнение природы после добычи апатитов.

Воронцов вспоминает «центровую» квартиру на ул. Мархлевского (Милютинский переулок). Там они жили вдвоём с мамой. Это была типичная коммунальная квартира тех лет. В таких и обитала московская интеллигенция. Обшарпанное парадное. Дверь в квартиру со множеством звонков. Длинный коридор. На стенах оцинкованные корыта, велосипеды. Сундуки. Множество столов в кухне. В 1936 г. Елизавета Борисовна была признана инвалидом после травмы, полученной на продрозвёрстке. У них был суровый и скудный быт, но мама умела и тут создавать культурную среду.

Николай Николаевич пишет: «Папы у меня не было. Был отец, окружённый романтическим ореолом «старого революционера», приезжавший в Москву из многочисленных командировок по стройкам первых пятилеток...». Беспартийная мама первое поколение большевиков вспоминала с уважением. «Сталина мама мне не ругала. Он был каким-то божеством...Он был над всеми нами и вне нас». На плакатах и в скульптурах – повсюду.

Автор пишет: «Мой мир постепенно расширялся». Он помнит лошадей в городе, и как зоолог замечает сокращение популяции воробьёв с исчезновением навоза. Он хорошо запомнил встречу папанинцев после их ледового дрейфа. И радовался поездкам по первым линиям метро. «Пятнадцать и пятнадцать, получится один, не надо волноваться, не стойте, гражданин». Это детские стихи о 30-копеечных билетах в метро того времени. Вспоминаются и другие приметы времени. Значки ГТО («Готов к труду и обороне»). Цветные «пилотки-испанки». Они появились у нас в 30-е годы вместе с детьми республиканцев, вывезенных из охваченной гражданской войной Испании. Одежда того времени. Довоенное мороженое. Грохот самодельных самокатов на шарикоподшипниках. Игра «в классики» у девочек.

Ребёнок запомнил даже «ежовщину» 1937-1938 гг. Это был пик репрессий, проводимых, по поручению Сталина, страшным карликом Н. Ежовым. Исчезали соседи. «Мы недосчитывались сверстников. Репрессии коснулись каждой из квартир нашего парадного». Под окнами днём и ночами дежурили агенты НКВД. Воронцов пишет, что острие арестов было направлено на старых партийцев. Но исчезали и беспартийные, и сцепщики на железной дороге, и крестьяне. Ежовщина задела и отца героя. Тот чудом избежал ареста. «Отца восстановили в партии. Но на работе не восстановили. В состоянии безработного отец встретил 22 июня 1941 г.» Елизавета Борисовна сама пыталась устроиться на работу, Но, указав, что муж находится под следствием, получала отказ.

На прогулке в дни празднования XX лет Октября кудрявого малыша стал разглядывать молодой мужчина. А потом и фотографировать. Мать разволновалась, приняв его за агента НКВД. Но незнакомец оказался кинорежиссёром Юрием Фрадкиным. С января 1938 г. малыш делается киноактёром. Мама не скрывала, что отец находится под следствием. И Колю решили снимать в качестве главного героя фильма «Весёлые артисты» под фамилией Вертмиллер. Съёмки были построены как игра. Они воспринимались праздником. Были талоны на обед на студии и огромный по тем временам гонорар. При обоих безработных родителях он стал весомым подспорьем.

«Съёмки занимали много времени. Вечерами в свободное время я читал». Пробольшеви́стская мама сказок не рассказывала. Да их тогда и не издавали. Она читала сыну Пушкина. Только что разрешили детские ёлки. Первую книгу Коля прочёл сам в четыре года. Это была энциклопедия для маленьких детей «Что я видел» Бориса Житкова. Потом пошли книги о путешествиях и о животных. «Волк» и «Механик Салерно» Житкова. «Домино» Э. Сетона-Томпсона. «Оранг» Н. Плавильщикова. А из Виталия Бианки – «Музрук», книга о рыси, и «Лесная газета». Прочитанным Коля делился со своим другом и соседом Игорем Мельчуком. Гарик много читал и был старше. Годы спустя Мельчук станет советско-канадским филологом с мировой известностью.

Коля снялся в фильме «В кукольной стране» вместе со знаменитой актрисой немого кино Г.С. Кравченко. Марк Донской собирался даже дать ему роль Володи Ульянова в фильме «Детство Ленина». Но съёмки Донскому не утвердили. Колю баловали на Мосфильме. Его узнавали на улице. Изображали на конфетных коробках. На плакате в павильоне Пчеловодство на недавно открытой Сельскохозяйственной выставке.

Там упитанный кудрявый мальчик уплетает мёд. Увидев себя на фотомонтаже, 6-летний Коля устроил скандал. Ведь он не любит мёд. Как взрослые могут врать! Действительно, за год до этого в Домодедове его сильно покусали пчёлы. Воронцов вспоминает, как там же он впервые увидел лес, огромные муравейники, грибы и белку. Мир полей, лесов и лугов.

В 1939 г. уже под фамилией отца (стало безопасно) мальчик поступит в Гнесинскую школу по классу скрипки. Он застанет весь клан Гнесиных. Школа сыграет большую роль в его судьбе. Особенно Елена Фабиановна – глава семьи, глава школы. Уютный особняк на Собачьей площадке, «чудесный уголок исчезнувшей Москвы». Коля стал получать в училище не лишнее подспорье – маленькую

стипендию. Предвоенные занятия музыкой шли довольно успешно. По окончании второго класса Е. Ф. Гнесина подарила Коле детское издание «Жизни животных» А. Брема и путеводитель по Московскому зоопарку. Это были первые собственные книги Коли по зоологии. Случаен ли был подарок замечательного педагога? С ними Коля не расставался. С ними он уехал в эвакуацию. Съёмки в кино и занятия музыкой стали не только прививкой искусства. Они приучили дошкольника к труду.

Началась финская война, и в Москве исчез сахар. Стояли страшные морозы. Появились ночные очереди, номера на руках. Начались разговоры о финских снайперах-«кукушках», оборонительной «линии Маннергейма». Появились безногие, а порой и безрукие инвалиды — слышалось страшное слово «самовары». Начались ночные затемнения, а с ними синие лампы. А по радио бодро звучало: «Если завтра война, если завтра в поход» и «Три танкиста». Среди прочитанных мальчиком (с трудом) книжек было творение Н. Шпанова. В толстой книге писалось, как мы выиграем войну за 6 часов. Тяжелая «финская кампания» ничему не научила. Дело шло к трагедии 1941 г.

Известие о начале войны вызвало у него (семи с половиной лет) и у соседа Виталика (пяти с половиной лет) буйную радость. «Ура! Пойдём бить фашистов!» Встревоженные взрослые цыкнули на мальчиков. Начались налёты на Москву. А с ними затемнение. Тёмно-синие бумажные шторы. Заклеенные бумажными косыми крестами стёкла. Ночёвки в метро. Не молчавшее круглые сутки радио. Страшные потери. В том числе и родных. Отец, несмотря на больное сердце, ушёл на войну добровольцем. С войны не вернётся старший единокровный брат Коли, лётчик. Детей Гнесинской школы отправили в эвакуацию по Оке до пристани Елатьма. Мама присоединилась позже.

О Елатьме Воронцов пишет как о своей второй родине. Эвакуация длилась три года. Возраст от 7 до 10 лет велик и важен в жизни ребёнка. За эти годы СССР дорогой ценой научился побеждать лучшую армию мира. Они с мамой сначала жили в деревенском доме у Кашириных с их натуральным хозяйством. С козами, овцами и курами. А затем получили собственное жильё. «Понаехавших» здесь называли «куируемыми». «Нас, на Урале, жёстче — «выковыренными». Воронцов пишет: «Здесь я познакомился с сельской и деревенской жизнью». Его поразила словно ожившая картина «Русь уходящая». Осенью 1941 г. мальчик увидел возле мельницы двух высоких стариков-слепцов в лаптях и белых посконных рубахах и штанах. А с ними мальчиков-поводырей. Они

сидели на развилке дорог и пели псалмы. Как они сохранились в послереволюционной России? Это осталось загадкой. В Елатье Коля начал терять свои «столично-гнесинские привычки».

С питанием становилось все хуже. «Но зимой 1941-42 года голода у нас не было». Хотя есть хотелось всегда. А у мамы, отдававшей хлеб сыну, в следующую зиму от голода стали пухнуть ноги. Весной дети отправлялись на луга собирать щавель. Потом собирали дикий чеснок. К июлю-августу поспевала ежевика. В августе можно было заготавливать шиповник. Но его Коля сдавал в аптеку на нужды фронта. Мальчик высаживал махорку. Готовую засыпал в кисеты и сдавал в школу с записками для бойцов. Своё скудное городское добро по деревням выменивали на картошку. Летом 1943 и 1944 гг. детей собирали в летний интернат. Их там подкармливали американскими продуктами. Кукурузной кашей и бутербродами с белесым жиром, яичным порошком и сладким кофе.

Но жизнь этим не ограничивалась. Мама подарила Коле школьный «Атлас мира». Он был записан в библиотеку и много читал. «Всегда со мной был Брем». Мама стала работать библиотекарем в райкоме партии. Коля ходил к ней и читал газеты. «Мама учила меня читать между строк».

В «Воспоминаниях» гимном звучит тема провинциальной интеллигенции. Она ещё сохранила традиции земства. Поступив сразу в третий класс, Коля попал к уникальному сельскому учителю Петру Петровичу Петрову. «Думаю, что в Москве таких учителей начальной школы не осталось». Сурового вида лицо, ровное обращение. Ни крика, ни восторженности. Он учил до мировой войны, в революцию, в Гражданскую, при НЭПе, в коллективизацию, в Отечественную. Доработав до 50-х годов, Петров был награждён орденом Ленина. У вдовы-старушки земского интеллигента сохранилась большая дореволюционная библиотека. Там был «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, «Библия» с гравюрами Г. Доре, «Всемирная география» и многое другое. Мальчик получил туда доступ.

На песчаном пляже Оки Коля собирал окаменелости. У него оказалось 12 ящиков палеонтологической коллекции. Это были белемниты, брахиоподы, один отпечаток аммонита и кремниевый наконечник стрелы времён неолита. Разобраться в находках Коле помогли в маленьком краеведческом музее. Николай Николаевич произносит похвальное слово труженикам краеведческих музеев. Уездные музеи, созданные ещё до революции, собрали уникальные коллекции. Это зоологические, геологические, палеонтологические, археологические экспонаты. В 30-е годы краеведческие журналы

были ликвидированы. Краеведение как наука была разгромлена. Те музеи, которые есть сегодня, живут в нищете. «Мы много болтали и болтаем о любви к Родине. А она даёт не столько пресловутым военно-патриотическим, нередко милитаристским, сколько краеведческим естественно-историческим воспитанием». В Москву Коля вернулся с большим запасом знаний. Он решил, что станет либо зоологом, либо путешественником.

Возвращение домой, в Москву, в 1944 г. не стало простым. Свободное передвижение было запрещено. От Е.Ф. Гнесиной пришёл вызов. Но добраться до Москвы пришлось кружным путём. Московская комната была незаконно занята. Жили у Мельчуков. За столом Коле запомнилась «встреча с колбасой», забытым продуктом. Гарик быстро отучил Колю от елатомской речи: «а чо? какой?». За каждую оговорку полагался щелчок по лбу, «шелобан». Обитали и в Гнесинском училище... Когда, казалось, комнату отбили, пришла новая напасть.

Из Москвы стали выселять немцев. Брак у родителей не был официальным. Коля с мамой формально числились немцами. Им предстояла высылка в течение 24 часов в Караганду. Там погибнет высланный как немец Леонид Вертмиллер, дядя Лёня, разнорабочий. В оккупации немцами была уничтожена тётя Женя Вертмиллер. Как еврейка. Маму с сыном опять спасла Елена Фабиановна с помощью своих высоких связей. Она была депутатом и кавалером ордена Ленина. Позже она добьётся для Воронцова и некоторых других ребят продуктовых карточек нерядового разряда, «литера Б».

Гремели салюты. Иногда по несколько в день. 1 апреля 1945 г. отменили затемнение. Праздновали Победу. Ещё дружили с союзниками. Но Николай Николаевич пишет и о противоречиях послевоенной жизни. По теме: «Коля в школе». Общеобразовательной. «Школа наша была в ужасном состоянии (276-я мужская школа на ул. Мархлевского)». Учились в 3 смены. Безотцовщина. Полуголодное существование. «Отсутствие тормозов в семье и в обществе». Приток трофейных вещей. Спекуляция на улицах. Безработица. Хулиганство, пьянство. «Всё это сказывалось на детях». Бурсацкие – дикие нравы царили и в 276-й школе.

При этом Воронцов тепло вспоминает учителей и одноклассников. Он выделяет фронтовика Николая Михайловича Григорьева. Тот приводил в чувство мальчишек, «срывавшихся» с уроков. Это была неканоническая педагогика. Но Григорьев стал для них единственным непререкаемым авторитетом. Большого вопроса: когда начал курить, – Николай Николаевич не касается. Он был «ранний». Младше других в школе и в Университете. Рискну предположить – хотелось показать,

что он не домашний, «ботан», а настоящий, мужественный, экспедиционный зоолог. «Жили мы на мамину пенсию, мою стипендию в Гнесинской школе. Стал присылать деньги объявившийся после войны отец. Но и он долгое время после фронта был без работы. Потом стал прорабом. У него образовалась другая семья. Иногда мама писала за какого-то «полковника» политические статьи в «Блокнот агитатора», а иногда и в «Правду». Позже ей удалось устроиться корректором. Затем в «Совэкспортфильм» редактором. Коля в старших классах репетиторствовал.

Воронцов пишет об идеологических кампаниях, волнах послевоенных арестов. Об убийстве великого актёра Михоэлса. О расстреле Антифашистского еврейского комитета. О «Ленинградском деле». Там никаких публичных процессов не было. Люди просто исчезали. В Москве стали «брать» инженеров. Был арестован сосед по квартире К. Брагин.

Мужа тёти Нади, главного инженера А.Ф. Бычкова, арестовали как «родственника Черчилля». Летом 1951 г. арестовывали подросших детей репрессированных, что исчезли ещё в 1936-1938 гг. Николай Николаевич много пишет и о музыкальной и театральной жизни послевоенной Москвы. О великих актёрах и музыкантах, которых он застал. О московских музеях.

Мальчик много болел. Пропускал школу. Потому не задалась и кинопробы. А его звали на роль Дика Сэнда в фильм «15-летний капитан» по Жюлю Верну. В старших классах Николай делается отличником... Всё больше подростка манит зоология. «Чтения книг было недостаточно. Хотелось общения с животными. Лето 1946 года, месяцы, свободные от изнурительного лечения бруцеллёза, я стал проводить в Московском зоопарке. Вскоре я стал членом Клуба юных биологов зоопарка (КЮБЗа). Стал там пропадать не только в каникулярные и выходные дни, но и в дни занятий в обычной и Гнесинской школе».

Коля выбрал себе наблюдение над копытными. «Как-то раз мой учитель по классу скрипки, знавший о моих натуралистических увлечениях, попросил меня вынуть солому из шевелюры». Но это была судьба. Теряя музыкальную карьеру, он получил возможность войти в вольеру.

КЮБЗ, подростково-детская республика, была основана Михаилом Михайловичем Завадовским в 1924 г. Тот был из старшего поколения учеников великого Н.К. Кольцова. Завадовский возглавлял зоопарк. Первые кюбзовцы успели побыть скаутами. Их рыцарские традиции дожили до послевоенных лет. В 1946-1947 гг. кружковцы даже

обходилась без руководителя. «С приходом Петра Петровича Смолина КЮБЗ стал истинной школой для послевоенного поколения натуралистов». ППС был полевым натуралистом, орнитологом и блестящим педагогом. Он «умело руководил нашим самоуправляющимся демократическим государством». Десятки и десятки известных биологов прошли его школу. Воронцов убеждает нас: имя Смолина заслуживает не меньшей славы, чем имена великих педагогов Макаренко и Сухомлинского. Николай Воронцов решает поступать на биофак Университета.

Автор вспоминает, как кюбзовцы и он сам воспринимали ещё одну послевоенную идеологическую кампанию. Это была сессия ВАСХНИЛ 1948 г. На ней Т.Д. Лысенко и его приспешники, поддержанные Сталиным, обличали своих оппонентов. За сессией последовал погром биологии и изгнание с работы не одних генетиков. Среди уволенных с биофака был и М.М. Завадовский, построивший новую территорию зоопарка. Выгнали и «великого натуралиста нашего века А.Н. Формозова». «На его книгах воспитывалось всё наше поколение юннатов. Поэтому ни о какой справедливости и ни о какой вере в лысенковщину не могло быть и речи».

Под одной обложкой собрана не только ранняя автобиография Н.Н. Воронцова. Там есть записки, названные «С «Гринписом» к Муруроа». Это была полная приключений антиядерная экспедиция 1990 г. с участием Николая Николаевича как видного советского политика. Через девять дней после ареста экспедиции французскими властями Франция присоединилась к российскому мораторию на запрет ядерных испытаний. За этим следует рассказ об «Организации и деятельности соросовских программ по биоразнообразию».

Ключевую роль в нашей стране по поддержке учёных, работающих среди дикой природы, с помощью стипендий Сороса, сыграл Николай Николаевич Воронцов. «Анкета Н.Н. Воронцова» и «Послесловие» позволяют составить целостное представление о жизни учёного. «Послесловие» написано Е.А.Ляпуновой, спутницей и коллегой научной жизни нашего героя, участницей множества его экспедиций. Редакционные сноски успешно дополняют сведения о людях и событиях.

Николай Николаевич Воронцов «рассказал о времени и о себе». Дана история становления человека сложного, сумевшего вопреки множеству трудностей впитать в себя огромные богатства отечественной культуры и науки. И выбрать свой путь.

Часть 8. Проза

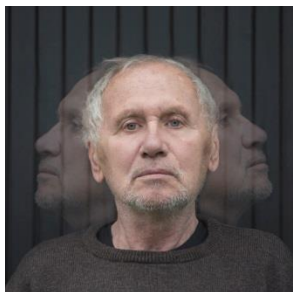

Г. Нисский. Полустанок. 1958.

Дмитрий Левицкий

США

Веровочка

Дебют

Глава из книги

Авторское предуведомление

И я спрашиваю себя: Зачем, Для кого, Почему и Откуда?

Зачем этот «роман» ВЕРЁВОЧКА? Не знаю.

Для кого он? Поначалу он писался для меня самого. Потом я почти уверился, что содержание и лингвистические изыски могут быть интересны и другим.

Почему и Откуда возникла идея и где искать «источники и составляющие части» романа? Отдаляясь от себя сегодняшнего и вышеледущая наслоения, пытаюсь заставить себя не врать, с возрастом я стал погружаться в золотое детство. Рахитичному мальчику Мите, переболевшему всеми немислимыми болезнями, дохляку, во сне постоянно виделся туннель и приближающийся пламень. Не сам как бы поезд метро, а неизбежность контакта с ним меня приводила в состояние помешательства при пробуждении. Контакт с пламенем представлялся неизбежным. Неотвратимый огонь в туннеле меня преследовал чуть ли не каждую ночь.

Ну вот, отсюда и паровоз. Ныне этот кошмар интерпретируют как смерть, встречу, не ясно где и с кем.

Так что это может быть одним из источников.

Наверняка есть и другие. Писать об этом и читать тем более скучно. Это как показ друзьям слайдов: «Это я, у новой машины, а вот грибы в корзинке, а это я и моя семья на пляже». Поэтому не

буду следовать линии доктора Фрейда и приплюсовывать сюда детские абьюзы и харасменты.

*Я начал писать, и меня понесло. Тема Конца стала превалирующей. Она подогревалась моим вхождением в золотую старость и мыслями о близких. Всё неизбежно. А если кофе сегодня утром не выпью или не высморкаюсь, по-другому всё пойдёт? Ясно, что это довольно примитивно. Но тема гибели человечества захватывала всё больше. Неизбежно ли его исчезновение? В чём причина? Предположение, а потом и ответ: «Нас слишком много». В результате в роман были вставлены мыслимые и немыслимые варианты предотвращения **хомокоста**...*

***

Предначало
Воруют все.

Если что слегка сильно слямзил, извиняйте. Готов предстать в соответствии (с) и с отбытием (в). Только денег не требуйте. Не потому, что они кончились. Просто не дам денег.

Глава 43N131E, в которой всё объяснено. Поэтому дальше можно не читать.

Карзир пти дор
Бепор веоп
Карзир памзи
Нум мок!

Из этого следует, что всё в мозгах сверху-вниз-шиворот-навыворот. А также взад-наперёд: Коммунизма призрак по Европе бродит. При-и-и-Зрак! Взад-наперёд ещё страшнее. И неприличнее.

Как это было? Зрак ослепило. Оно влетело в форточку или в пробоину в стене. И ослепило. Зрак. Если впереди туннель, а в туннеле том паровоз ИС и паровоз слепит фонарём, самое время отсылать прощальный СМС-привет ещё с этого света, мол, «Ни пуха, а я к чёрту».

Фанасий постепенно отходит от поту-посюстороннего бреда. На параллельных курсах проклёвывается слегка вониючий и сильно матерный мир. Базар. Или рынок. Грустная бездомная овчарка, прилавок с мясной свиной, «сало ароматное». Народ разный, иногда мелкий косоглазый, большая вода у горизонта. За соседним столиком хмырь в тельняшке, с подбитым глазом, лет тридцати от роду. Запросто может и шестидесяти. Другой подваливает того же калибра, но в ватнике и в ушанке козырьком назад:

– Мужик, свободно? – Ну. – Пиво где брал? – Маш, ты шо б..ять сало на пол скинула? Сама отмывать будешь. – За углом брал. – Хороль-Арсеньев-Уссурийск-Большой Камень. Недорого. – Маш, мясо не берут, воняет, говорят. – А ты кинь собаке. – Чжэли ёужень хуйшо эюй ма, биять? Жэ ши XXXL дэ биюнь тхао ма. Нихао биять женщина бири за сто. – Тебя как звать? – Роман. Тебя? – Меня по-разному, зови хоть Анатолий. – Годится, по-разному Талян. – Маш, подмети блевотину, чуть не поскользнулась Ё.Твою.М. – Ты Рома, откуда сам будешь?– С Хасанского. В зоне на вышке стою. В Барабашё. Знашь? – Не, даже не слышал про эту Чебурашку.– Ну ты, Талян, конкретно не прав. Если на верхнюю ветку залезть, кабанчика можно запросто взять. Аккуратно. И маленьких. Ну там утки, фазаны, это не в счёт. Леопарда не трогаю. Тигра тоже. – Уссурийск-Хороль-Сучан-Арсеньев...

– Талян, а это кто? Кореш твой?

– Не.

– Батя, ты конкретно, откуда такой?

– Я с того света, видите ли.

– Таво света не вижу. Но вижу, конкретно, руки.

– Какие такие руки?

– Да мои руки.

– И что ваши руки?

– Чешутся мои руки. Дать хочется.

– Вы что, ребята, бить меня будете?

– Батя, да ты чё, на тебе сто рублей. Аккуратно сходи освежись.

Зовут как?

– Не помню.

– Откуда будешь?

– Я вам, кажется, сообщил, что я с того света.

– Того ЁТМать чего?

– Рома, не залупайся Это обыкновенный жмурик, видать, с Морского кладбища приполз. Долго добирался, пинжачок на х.. порвался.

– Ну бывай, Талян, автобус, хундай с эркондишен, подали на Славянку. Аккуратнее с мудиком. Если будет опять ругаться, ну там «Я вам, кажется, сообщил с того света видите ли», очки ему протри. Чудилонудило очкастое.

– Что скажешь, жмурик?

– Талян, я где?

– Где-где – в...

– Нет, Анатолий, скажите, что это?

– Вторая Речка.

– Вы хотите сказать, что «я вернулся в мой город, знакомый до слез?»

– Нет, во Владивосток.

– «Это какая улица?» – Русская.

– Неправда, «улица Мандельштама. Что за фамилия чортова. Как её ни вывёртывай, криво звучит, а не прямо».

Афанасий зажмурил глаза.

– Чего ты там замышляешь, жмурик?

– Ничего не замышляю. Смотрю.

– И что же ты видишь?

А видел жмурик следующее. Из вагонов для скота выпрыгивали и падали в лужи грязные существа, бывшие когда-то людьми. Долго строились в нестройную колонну. Наконец, пошли. Чёрная масса прошла мимо рынка. Этого самого, вряд ли существовавшего в тридцать восьмом году. О.Э., вопреки всему, был узнаваем.

Знать бы, о чём думал Осип в полупомешательстве?

«Березы ветви поднимали...» здесь они не такие, как у нас. Чёрные и береста клоками отваливается. «Повисла на ветвях берёз». А что, Пушкин смог бы через такое вот пройти? Пушкин, пожалуй, нет. Какая красота впереди! На сопках «в багрец и золото одетые...». Не осилил бы Пушкин эту Голгофу. А Толстой прошёл бы с улыбкой. «На бледно-голубой эмали...». А здесь марь сизая. Ещё тепло, но уже печки топят, оттого небо не бледно-голубое, а ржавое.

Может, сегодня выходной, отчего публика нарядная? Не публика нарядная, это я, поэт в отрепьях. Кто с испугом, кто без особого интереса следит за ходом нашей процессии: зэки идут. Медленно идут. За месяц ходить разучились. Передвигаются. Бредут. Бред начинается. Мальчик у обочины, деревянное ружьё на взводе. Пионер, «взвейтесь кострами синие ночи». Как и куда ночи могут взвиться? И почему синие? «Мы пионеры, – дети рабочих». Глаза у дитя рабочего неласковы. Недаром фуражка с красной звездой. Маленький Ежов. Tautología.

Сколько ещё брести по этой улице чёртовой русской? Не знаю, верить тому или нет, говорят, Русская течёт сначала прямо на восток, а потом раздваивается. Один её рукав поворачивает на северо-восток и направляется как бы в Магадан, а другой продолжает течь предположительно в Калифорнию. Россия, вся она такая, левая рука не знает, что правая творит. «Но люблю эту грешную землю, потому что другой не видал». А что же, Анна Андревна и Марина Иванна, они ведь видали землю другую? И что, всё равно любят? Не землю любят, а страдания, и лучшей страны для страданий не сыскать. И

ещё одно: «Жить – так на воле, умирать – так дома». Даже под визг овчарок и мат конвоиров.

Одна пройдёт по Русской королевой в венце из колючей проволоки «равнодушно и спокойно». «Руками я замкнула слух, чтоб этой речью недостойной не осквернился скорбный дух».

Для другой «в большом и радостном Париже все та же тайная тоска». Всё ей немило, кроме... «На што мне облака и степи и вся подсолнечная ширь! Я раб, свои взлюбивший цепи, благословляющий Сибирь».

Сзади океан. В зиму по льду можно перебраться через залив. В этот самый Барабаш. А там рукой подать до русского города Харбинà...

– Заключённый Мандельштам, не выходить из колонны!

...А рябой тёзка прошёл бы? Наверняка. Иосиф. Сталин. «Брат по перу». Вот он, в канаву ныряет... Ну вот, опять бред.

– Рыжий, упырь усатый, встать в строй! Не на канаве!

Этого конвоирам усатый не простит:

Сволочи, я вам вспомню и рыжего и упыря! Я ведь тоже поэт был. Шесть стихов сочинил. «Раскрылся розовый бутон, прильнул к фиалке голубой, и, легким ветром пробужден, склонился ландыш над травой». Нэт, далэко мне до Мандельштама. И как это у него получалось? «Я качался в далеком саду на простой деревянной качели, и высокие темные ели вспоминаю в туманном бреду». Ведь совсем просто! Всего его прочёл. Нэкчему придраться. Нэт, было к чему. «Его толстые пальцы, как черви, жирны, а слова, как пудовые гири верны. Тараканьи смеются усища, и сияют его голенища». Надо признать, что «я не знаток литературы и, конечно, не критик». «Да что Сталин, Сталин человек маленький». Как могут мои тараканьи усы смеяться? И вообще, у всех пальцы жирные по сравнению с червяком.

Ну а потом совсем изменили ему и вкус и логика. «Правдивей правды нет, чем искренность бойца: Для чести и любви, для доблести и стали. Есть имя славное для сильных губ чтеца – Его мы слышали, и мы его застали.» Почему нет правдивей Правды? А Известия, а Песнь о буревице? Вот мне тут дали Известия для подтирки, читаем: «Выпуск автомашин за 19 января». Всё здесь правда:

<https://www.oldgazette.ru/izvestie/21011938/text4.html>

План Выпущено % плана

Автомашин грузовых (ЗИС): 222 222 100

Автомашин легковых (ЗИС): 11 11 100

Автомашин грузовых (ГАЗ): 419 419 100

Легковых (М1): 81 81 100

Далее, кто этот чтец с сильными губами? Если это Левитан, то мы его ещё не застали. А если товарищ Сталин, то с кем вы его застали? И если застали, то под статью попали.

Но ведь не пустил в расход, и Надежду его в АЛЖИР не сослал? Всего-то 5 лет дал за к.р.д.. Ну, не выдержал этапов, кого ж в этом винить? «Я от жизни смертельно устал». Есть надо было, что тебе дают! Ему бы с моё, сколько клопов выкормил и дров нарубил за три поселухи? А сколько раз выламывался из камеры, так того не счесть. И отсюда, если захочу, сбегу, пионер с ружьём мне не помеха. Кого же мне этот контролёр напоминает? Ежова Николая напоминает. Не посмел мне, паскуда, мусор недоразвитый, дать вышак, уверен был, что по пути на Колыму блатные козлом сделают, а потом заточкой завалят.

На прощанье папакарла Ежов похлопал по плечу меня: «Будешь в вагончике для мелкого рогатого скота, Сосо ». Сам будэш сосо! И кому доверили вэликую Россию? Этому пигмею с незаконченным низшим образованием. Он даже муму не смог осилить. Я сам виноват в выдвижении этого наркома наркомана и мужеложника, не зря в народе говорят, что товарищ Сталин из любого выдающегося государственного деятеля может дерьмо сделать, а из любого говна – выдающегося государственного деятеля. А скольких этот карлик пострелял, сгноил нэвинных жён изменников Родины? Цвет советской литературы, инженеров человеческих душ. И маршалов Тухачевского с Блюхером, включая Егорова и исключая Ворошилова (и недоумка Будённого).

Я тебе, гномик, с двумя классами такое классное головокружение от успехов устрой!

За месяц в вагоне для рогатого скота я сколотил из уголовников и троцкистов стальную дружину, способную вырвать страну из ежовых рукавиц. Уголовники, они мнэ, конечно, роднее лингвистически. Сплочённое племя, устав давно выработан, генсеки выбраны. А к врагам народа особый подход иметь надо, цитатами пичкать следует. Но те и другие «массы сами хотят, чтобы ими руководили, и массы ищут твердого руководства». В работе с обеими массами я руководствовался разработанным тезисом (в моем основополагающем труде «Наши разногласия», том 5, стр. 5). Тезис этот можно (вкратце) сформулировать следующим образом: «Существуют два метода: метод принуждения и метод убеждения. Первый метод отнюдь не исключает элементов убеждения, но элементы убеждения подчинены здесь требованиям метода принуждения и составляют для него подсобное средство. Второй метод, в свою очередь, не исключает элементов принуждения, но элементы принуждения подчинены здесь

требованиям метода убеждения и составляют для него подсобное средство».

Руководящие органы новой партии сформировались после озера Байкал. Я сказал: «Для правильного руководства партии необходимо, помимо всего прочего, чтобы линия партии была правильна». Согласились единогласно, гопникам и жопникам до лампочки ильича, а троцкисты испугались, что в отношении к ним будут применяться элементы убеждения, подчинённые требованиям метода принуждения.

Сразу после Биробиджана нами был составлен план вооружённого восстания, предусматривающий привлечение в революционные ряды (ещё не репрессированных) евреев, краснофлотцев с канонерок и вертухаев. (Кстати, а что потом с евреями делать? Ладно, сформулируем позднее). Владивосток к настоящему времени уже заражён антиежовской пропагандой. И вот я здесь, иду по Русской улице, малец-красноармеец мне честь отдаёт. Наше светлое будущее. (На всякий случай, надо будет его убрать).

Место и «день восстания должны быть выбраны целесообразно». Колонна наша – не то место. Поначалу следует за оградой справиться все надобности, троцкистам надо в баню сходить, там караульные лагерные им спинки потрут. Так что место определено; ВладПерПункт, координаты 43-кружочек 8-штришочек 53-два штриха СэШэ: 131-кружочек 54-штришочек 58-два штриха ВэДэ. Ну а «выбор момента зависит от многообразных условий, которые заранее трудно учесть». Ну, там бессонная ночь из-за клопов или бунт козлов... В любом случае, следует незамедлительно захватить Владивостокский телеграф и гастроном на ул. Американской б.Светланской б.Ленинской б.Светланской б.Американской.

Жаль, в этот решающий момент не будет с нами Троцкого. Как мы с ним Великий Октябрьский переворот учудили! На блюдечке поднесли агхиважному Ульянову-Ленину. Мол, милости пгосим, не побгезгуйте, гасслабьтесь после газлива в шалаше, туфельки не жмут? Троцкого необходимо из Мексики пароходом доставить и сделать главноком Дальневосточной Народной Армии. Ледоруб отложить. Будущего Героя Советского Союза Алена Делона ликвидировать.

Троцкий вкупе с атаманом Семёновым (проследить, чтобы не написали раздельно «в купе») расколет Россию пополам, перережет Транссиб и КВЖД у Читы (а может, и выше). Рельсы на пушки пойдут, а шпалы на лагерные бараки сгодятся. Три богатыря, покойные доблестные маршалы, будут охранять рубежи. Мы распахнём врата Колымских профилакториев и сконцентрируем в нашем светлом концлагере весь цвет русской науки и

общественности. Возродим Думу, сформируем Народное правительство.

Вертинский – министр культуры, Сонька-золотая-ручка – министр правосудия. И прочие монстры и министры. Пообещаем, конечно, многопартийность. В думу Дальневосточной Республики будут кооптированы: эсеры левые, эсеры правые, анархисты, атеисты, акмеисты, харбинские фашисты и их пособники, партия Любителей Зорких ФЭДов и Фотокоров, партия любителей поживиться за чужой счёт. ВКП(б) распушу и всех пушу по 58-й статье. С конфискацией. Имущество пополнит золотые резервы ДВР.

Необходимо будет решить две деликатные проблемы. Во-первых, что делать с евреями. Во-вторых, где взять деньги. В-третьих, куда вложить первое и второе? Первых – в Биробиджан, туда потекут евреи со всего света и доллары из копилки евреев. Второе: валюту я экспроприрую и пушу на производство пушек и на строительство бараков для евреев. А на флагштоках лагерей повесим... Нет, не повесим, взовьём алое знамя ДВР с серпом, молотом и магендавидом. Думаю, евреи это оценят.

Ну а Ежова я под духовой оркестр по улице этой Русской проведу, дай-то ему здоровья, он живой мне нужен. О чём гномик будет мыслить, взирая на юного пионера с ружьём?

***

... – Эй, жмурик, ты куда пропал? Глянь, по тебе клоп ползёт. Откуда это ископаемое насекомое?

– Из пересыльного пункта у сопки Сапёрной, с координатами по ГлосНаш, иными словами ЖёПээС 43°8'53»N 131°54'58»E. А где Мандельштам? А Сталин? Вы кто? Скорее, вы зачем?

– Неважно. Но, боюсь, надолго. Может, и навсегда.

– Но я ведь канул в лету?

– Слушайте, уважаемый, с этого момента вам следует избегать поэтической эквилибристики.

– А что за момент такой, и, «исходя из каких многообразных условий», он вами выбран?

– Вам было сказано: мо-жет, и на-все-гда. Так вот, навсегда, начиная с этой минуты. Do you understand, сука?

– А если я сбегу?

– Куда ты, падла, денешься? Сам приползёшь в дырявом пиджаке.

– Анатолий, я умер?

– Ну вроде того. Как бы.

- А вы реальный? И вертухай этот, он живой?
- Я живее всех живых, пока ты конкретно в полудохлом состоянии «как бы вроде того». А Рома был живой.
- Почему был? Расшифруйте.
- Съели его.
- Как это, съели?
- Натурально. Полгода тому назад. Тигр амурский, краевой символ, снял Рому с дерева и частично схавал. А остатки останков, ну там ногти на ногах, сапоги, тельник, на следующий день леопард подъял. Аккуратно, как Рома говорит.
- Кто говорит? Рома? И чем? Ведь у него язык переварен.
- Придёт время, объясню. Нам в этой параллели больше делать нечего.
- На этой параллели?
- Именно в этой. Через пару лет в ней будет не Русская улица, а Мудадзянская, а на прилавки выставят сало ароматное человеческое и собачатину.
- Пёс поджал хвост и залез под прилавок.
- Однако торопиться надо. Подойди к Маше, нагруби и заодно Манифест процитируй.
- Марья Ивановна, не будете ли вы так любезны... Мне надобно 250 граммов мясной свининки взвесить. Коммунизма призрак по Европе бродит. При-и-и-Зрак!
- Я тебе такой так любезна хрен недоё свининки навешаю!
- Удар ломтя ароматного сала аккуратно раскрошил череп. Со стороны почти идентичный Фоня с интересом смотрел, как Джек (или Рекс) сбивает его с ног: в жёлтых зубах Рекса трещат очочные стёкла. А впереди: Туннель. Паровоз. Фонарь...

Елена Сафронова

Рязань, Россия

Парадигма Леша Лещёва. Рассказ-фельетон на тему литературных нравов¹¹⁰

Мужская рука с траурной каёмочкой под ногтями лениво потянулась к системному блоку. Грязноватый палец нажал на кнопку включения.

Минутой позже, когда экран засветился, та же рука вяло кликнула мышкой по иконке электронной почты. Развернулся виртуальный почтовый ящик.

Мужчина скользнул по нему равнодушным, мутным взглядом – и инертность его как рукой сняло! Он привык встречать в своей электронной почте обидную пустоту. Она дразнила хозяина почти ежедневно на протяжении вот уже двух лет. Даже спам сюда не падал. Редко являлись письма, да и те были неприятные. И вот – новое письмо!..

Рука, сжимавшая мышку, задрожала. Вторая ходящая ходуном рука рывком подняла валяющийся возле компьютера запылённый стул на колёсиках. Человек плюхнулся на стул и приник к монитору, как умирающий от жажды приникает губами к воде.

Глаза его не обманули. В почте действительно красовалось письмо. Этого письма владелец ящика и ждал, и боялся, но всё-таки больше жаждал.

---

¹¹⁰ В сокращении

«Редакция журнала «Прапорец» – гласил электронный адрес. «На: Алексей Лещёв, «Крещенские рассказы», версия пятая, переработанная и дополненная».

Смирясь дрожь в пальцах, мужчина кликнул по письму.

Спустя несколько секунд утробный вой и сдавленные ругательства огласили тесную захламлённую комнату. Рука с чёрными ногтями сжалась в кулак. Кулак обрушился на клавиатуру. Клавиатура подпрыгнула и опустилась, но письмо с экрана не пропало.

«Уважаемый Алексей Дормидонтович! – было сказано в нём. – Редакция журнала «Прапорец» в третий раз сообщает Вам, что Ваша повесть «Крещенские рассказы», которую Вы почему-то называете полной версией, хотя она до мелочей соответствует двум ранее присланным Вами версиям, редколлегией отклонена.

Что же до литературного метода «реального крестьянизма», основоположником которого Вы себя считаете, о чём в вызывающей форме постоянно напоминаете редакции, по его поводу должны Вам сообщить следующее. Данный литературный метод был личным измышлением критика Рукопашинского, сформулировавшего программные черты онога в статье «Русская деревня в современной прозе: реальность или ирреальность», опубликованной за три месяца до смерти автора, последовавшей от злоупотребления алкоголем. После безвременной кончины Рукопашинского российское литературоведение, детально рассмотрев постулаты статьи, пришло к выводу, что оснований выделять «реальный крестьянизм» в отдельный жанр от хорошо известного и изученного жанра деревенской прозы, не имеется. Следовательно, и полагать Вас основоположником несуществующего литературного жанра – тоже. В связи с этим редакция не видит причин предоставлять Вам как автору довольно заурядных сельских зарисовок какие-либо преференции по части публикаций.

Примите и проч., секретарь редакции журнала «Прапорец» Высококолов».

Указанный Алексей Дормидонтович Лещёв от досады не выключил компьютер как положено, а вырвал его вилку из розетки и хорошенько пнул в бок системный блок. В комнате железно загудело. Лещёв бросился плашмя на диван, застеленный серыми простынями, и, кипя от горечи, стал вспоминать, как хорошо всё начиналось... Какие дерзкие авансы сулила ему коварная русская литература...

* * *

Писателем Лёша Лещёв стал в семнадцать лет – и навеки.

Лёша жил скучной размеренной жизнью мальчика из приличной семьи, пока не достиг сразу двух важных вех в жизни – семнадцатилетия и Крещения. День рождения Лёши совпадал с двенадцатым праздником, но шестнадцать лет подряд праздновать можно было только Лёшин день.

К семнадцатому дню рождения Лёши демонстрировать собственную религиозность стало не только можно, но и нужно. И дедушка Лёши Кашей решил отпраздновать рубежный возраст парня так, чтобы он по гроб жизни не забыл этот день.

Дедушка Кашей так и сказал:

– Устрою тебе, золоторотцу, праздник – по гроб жизни его не забудешь!.. Как и меня! А забудешь – прокляну! Из могилы!..

Дед решил показать внуку крещенские гулянья в деревне Нахреновка Голохреновского района Хренодёрской области. Из деревни Нахреновка дед Кашей Лещёв был родом. Здесь сохранилось родовое гнездо Лещёвых – старинная изба-пятистенка, поддерживаемая в непопадающем состоянии родной сестрой деда, бабылкой после гибели мужа в Потье Иегудиной Толстолобиковой.

В областном центре Хренодёре жил дедов сын Дормидонт с семьёй, к которой принадлежал и Лёша. Тот был старшим ребёнком в семье с тремя чадами. Но дед Кашей из троих внуков выделял почему-то Лёшу. Любил его и наставлял на путь истинный, в том числе и костылём по макушке.

В Нахреновку на Крещение Лёша был снаряжен с помощью того же костыля и какой-то (не родной) матери. Ибо ответил деду на его настоятельное предложение, что бога нет, значит, и крещения не было, и отмечать нечего, а собственный праздник он лучше сам себе устроит с чуваками на хате у Банана.

Люди порой слепо сопротивляются воле судьбы. Старик обматерил на три круга Банана и всех приятелей внука, хату, день рождения, «шибко грамотных» преподавателей школы и лекторов общества «Знание» и силком заприхнул Лёшу в электричку до Нахреновки. След от костыля на макушке быстро зарубцевался: на молодом организме заживает как на собаке.

В деревне Нахреновке Лёше неожиданно понравилось всё! Но больше всего – крещенские купания в речке Хренотечке.

– Нет, пойдёшь! Побежишь! – заявил суровый старец, нащупывая костыль возле табуретки, в ответ на юношеское нытьё про минус двадцать на улице. К счастью, речка Хренотечка струила мутные воды прямо за тёткиным огородом. Это летом. Зимой она стояла белым морозильником. Посреди морозильника была проломана прорубь с неправильными краями, и её окружали веселые,

разгорячённые сельчане. Прорубь не имела формы креста, да и вообще никакой формы, и молитвы над нею не звучали, и окунание в купель сводилось к падению раскормленных тел с разбегу в полынью с похабным визгом. Туда и Лёшу запихнули опять же костылём. Побарахтавшись в ледяной воде и внезапно ощутив, что ему становится с каждой секундой теплее и приятнее, Лёша ощутил невероятный душевный подъём и чувство, что ему хочется петь – вот только слов песни он ещё не знал!

После крещенской проруби Лёша спал как убитый. А утро продолжило приятные сюрпризы. В новый день ему тоже всё понравилось.

И батюшка Варсонофий, в обычные дни председатель колхоза Федул Иваныч, ходивший по домам с крещенской службой в наперсном кресте поверх пиджака. И ритуал самой службы – батюшка в каждой избе с порога вопрошал: «Ну что, рабы божие, занюханые, крещаемся, или как?» – и взмахивал призывно рукой, будто неся в рот невидимый сосуд. Батюшку-председателя тот же миг вели под руки к столу, а на столе чего только не было!.. Не было колбасы, даже варёной, не говоря уж о копчёной, не было мандаринов, неизменных атрибутов городского нового года, не было красной икры и копчёной благородной рыбы, не было селёдки под шубой и салатов под майонезом, так как не бывало отродясь в сельпо майонеза... Но вот картоха, варёная или жареная, громоздилась грудками в глиняных прадедовских мисках, солёные огурцы, помидоры и даже редкие в этих широтах, тоже дефицитные, солёные грибы дурманяще пахли, сало разваливалось по деревянным доскам розово-белыми ломтями, как диковинные цветы, а жареная курица занимала почётное место в центре каждого стола – рядом с четвертной бутылью мутного самогона, подлинного царя застолья. А в доме секретаря сельсовета вместо курицы на столе красовался жареный гусь, а приправой к нему шёл венгерский зелёный горошек «Глобус» в хрустальной вазочке – предмет жгучей зависти сельчан.

Батюшку Варсонофия провожали к столу, и он широким жестом благословлял выставленное изобилие, произнося утробным басом: «Чтоб в доме водилось!..» – а расторопный хозяин либо смекалистая хозяйка в этот момент старались уместить главное – наливание батюшке полного стакана самогонки и подношение гостю. При виде священного сосуда глаза у батюшки теплели, он бережно принимал его в огромную рабочую лапу и, поднося к губам, ещё более утробно ворковал: «Дай бог не последнюю!» – и осушал единым махом. После чего садился на стул либо скамью с чувством выполненного долга. Ему торопливо подставляли тарелку с угощением, и батюшка

соизволял откусывать первый кусок. Это служило сигналом для хозяев и прочих гостей – все принимались выпивать за Крещение и обильно закусывать. А когда батюшка поднимался из-за стола, дабы нести святые слова другим членам своей паствы, среди гостей происходила рокировка. Кто-то, отяжелевший, оставался за столом, а кто-то срывался следом за Варсонофием. А тот, сколько бы ни принимал на грудь святости, не прерывал вояжа, и сил не терял!.. Видно, и вправду был праведник!

Лёша с дедушкой присоединились к процессии, когда святой человек достиг хаты Иегудины и на славу угостился её свекольным перваком. Влились они в свиту председателя вовремя: до, а не после посещения справного дома секретаря сельсовета. Лёша «причастился» жареным гусем и вдоволь налюбовался им, румяным, жирным даже на вид, возлежащим на блюде среди мелких на его фоне тарелочек домашних солений с гордым видом. К столу в этих хоромы батюшку пришлось подводить под руки не фигурально, в знак уважения, а буквально: и ноги, и язык у него уже заплетались от крещенских гуляний, и пил он как-то вяло, и жевал без энтузиазма. Молодой зубастый Лёша сожрал гусиную ножку и попросил добавки, пока батюшка Варсонофий заедал стакан самогона зелёным горошком и собирал себя в кучку – двигаться дальше.

Дед Кашей остался в гостеприимном доме секретаря обсуждать «новое мышление», а Лёша сопровождал председателя на прочие службы, довольно скоро завершившиеся в коровнике. Коровник стоял на пути из деревни на выселки – хутор Хренов на Хреновом бугре. Святой человек, завидев его приоткрытые двери, целеустремлённо направился внутрь. Устроившиеся в углу стоя скотник и доярка теснее сплели объятия, когда самый важный человек в колхозе ввалился в их владения, думая, что пришла им кара за любодеяние на рабочем месте. Но председатель мазнул по обоим мутным, как самогон, взглядом, ещё более тупым взглядом удостоил жалобно мычащих коров и, с размаху бросившись в навозную кучу, сонно засопел – сперва грозно, потом просто громко. Немногочисленная к тому времени свита Варсонофия, оставив владыку поживать в навозе, рассосалась по домам. Лёшу убедили, что батюшке себе дешевле дать выспаться, пусть и в дерьме, и парень вернулся в хату тётки Иегудины, переполненный впечатлениями и сытной крещенской едой.

Ночью он проснулся от смутного зуда внутри. Прислушался к себе и по крещенскому морозу прогулялся до кривого сортира в углу огорода. Улёгся и попробовал заснуть. Однако зуд лишь разгорался

по мере того, как Лёша ворочался с боку на бок и считал воображаемых слонов.

Ещё два раза пришлось Лёше вставать и бегать на двор. Когда выжимать из себя стало решительно нечего, он стал подозревать, что дело не в крещенском застолье. Зуд был каким-то странным томлением, ранее не знакомым Лёше, и потому парень не догонял, как от него избавиться.

Лёша сел на кровати и зачесал репу. Внезапно его ногти как будто соскоблили пелену с мозга, и в глуби сознания родилась фраза: «Гусь возлежал на блюде, огромный, как гаубица». Тут же Лёшу отпустило, и он освобождённо провалился в сон. В сладостный сон человека, оознавшего себя писателем.

* * *

Записывать впечатления Лёша начал прямо поутру, в доме тётки Иегудины, найдя у неё в сенях старую амбарную книгу.

Свод первых мемуаров в своей жизни Лёша озаглавил не мудрствуя: «Крещенские рассказы». В хронику вошли истории: «Дед», «Автобус», «Глухомань», «Деревня на горизонте», «Под кривой крышей», «Тётя Гудя», «Здравствуйте вам!», «Нахреновцы», «Толик», «Васька», «Михал Михалыч», «Семья Ботинкиных», «Маша и её медведь», «Церковь без креста», «Завтра праздник», «Ждём службы», «Полынья», «Лёд», «Яйца морозит», «Выскочив из проруби», «Спал как убитый», «Варсонофий», «Крещенская служба», «Вот как, значит», «Лобастый», «Жареная картоха», «Вкусно», «Процессия», «Богатый дом», «Гусь», «В чистое поле», «Коровник», «Сон не идёт». Лёша и рад был бы продолжать тему, да почему-то вдохновение иссякло на описании бессонницы. Должно быть, оно только в бессонницу приходит.

Дома Лёша переписал «Крещенские рассказы» в общую тетрадь. Крупным Лёшиным почерком рукопись заняла все 48 листов. Ну, может быть половину. Или четверть.

Лёше предстояло сделать выбор: продолжать муки творчества, высасывая из пальца мысли и симулируя неизведанные впечатления, или заняться популяризацией своего детища?

Лёша выбрал второе. Красиво переписал рассказы в пять тетрадок и разослал в редакции самых модных тогда журналов: «Смена», «Огонёк», «Юность», «Крестьянка» – и, не без задней мысли, в «Сельскую молодёжь». Им-то должно быть интересно про деревню!.. Слово «конъюнктура» Лёша узнал много позже.

В ожидании публикаций в журналах Лёша времени даром не тратил. Шестую тетрадку он понёс в литобъединение «ЛиХр»

(«Литература Хренодёра»), занимающееся от Хренодёрского отделения Союза писателей СССР в комнатёнке в редакции хренодёрской «молодёжки».

Три немолодых мужика, на чьих лицах и одежках были написаны все тяготы жизни талантливого человека в советской глубинке, сидели за столом, сблизив головы и, склонившись, шептались, как заговорщики. Триединую спину увидел дерзкий отрок Лёша Лещёв, переступив порог святая святых. Он с пренебрежением отнёсся к стуку в дверь и вопросу «Можно?».

– Здравствуйте! – бодро поздоровался Лёша. Спины вздрогнули и выпрямились. В прогале между ними Лёше привиделся силуэт водочной бутылки, но пропал с нездешней быстротой. В следующее мгновение трое обернулись к Лёше помятыми, но просветлёнными лицами и спросили: «Вы кто?», «Какого рожна?..», «Что вам угодно?». Последний вопрос задал старичок в очочках.

Лёша объяснил, что написал прозу и хочет издать её отдельной книгой.

– Отдельной! – с тоской вырвалось из груди мужика в спортивной куртке. – Эк куда хватил!..

– Почему же нет? – удивился Лёша и находчиво добавил: – Молодым везде у нас дорога!

Последовавшая за цитатой из Лебедева-Кумача дискуссия не разубедила Лёшу в справедливости советского лозунга, но обострила его отношения с троицей. Это было, конечно, зря, ибо в очочках оказался председателем «ЛиХра», в спортивной куртке – ответственным за работу в лито с молодёжью, а третий, без особых примет, редактором хренодёрского филиала издательства «Столичный крестьянин». Это издательство с центром в Москве выпускало книги талантов с периферии по строгой разнарядке: от каждой области одно имя раз в десять лет. Лёшу из этой разнарядки сразу вычеркнули на тридцать лет вперёд.

С Лёшей троица поступила иезуитски: попросила оставить тетрадку с «Крещенскими рассказами» им для рецензирования и обещала дать письменный ответ в течение месяца. Лёша поныл, тщетно пытаясь скостить срок, и завязал нетерпелку на узел.

Спустя месяц и один день Лёша круглыми от возмущения глазами читал машинописный ответ на бланке Хренодёрского отделения СП СССР:

«Рассказы десятиклассника Алексея Лещёва не представляют никакой художественной ценности. Более того: с идеологической точки зрения они вредны советской молодёжи. Десятиклассник Лещёв не жалеет красок, чтобы живописать убожества быта

советских колхозников – точнее, приписать им полную гражданскую инертность, следование убогим поповским ритуалам, извращённые формы проведения досуга и уродливый моральный облик. Ни единого слова в этом пасквиле на советскую колхозную действительность не сказано о глобальных процессах, захвативших нашу страну: о перестройке, об ускорении, о переходе на хозрасчётные методы работы, о новых горизонтах отечественного колхозного хозяйства. Зато быт и нравы колхозников обрисованы в самых чёрных тонах. Нет никакого сомнения, что «Крещенские рассказы» от первого до последнего слова являются злобным измышлением юнца, возомнившего себя писателем, не имея ни жизненного опыта, ни культурной базы, ни элементарной грамотности (о количестве орфографических и прочих ошибок промолчим – по сравнению с идеологическим «просчётом» Лещёва его ужасающая безграмотность кажется пустяком). Впрочем, можно ли называть сознательное очернение колхозной жизни и беззастенчивое желание обнародовать свой пасквиль всего лишь просчётом? Или за этим кроются куда более страшные процессы? Или десятиклассник Лещёв сознательно хочет лить воду на мельницу Запада, не принимающего полного обновления советского общества? Об этом красноречиво говорит требование Лещёва выпустить его измышления отдельной книгой. Или оно свидетельствует «всего лишь» о плохом воспитании молодого человека, в котором не преуспели семья и школа?

О публикации хотя бы одного «Крещенского рассказа» на страницах молодёжной газеты «Юный Хренодёр» не может быть и речи. Приём Алексея Лещёва в литобъединение «ЛиХр», введение его в члены литактива и постановка на очередь на издание рассказов отдельной книгой тем более преждевременны.

Рекомендуем средней школе № 6 города Хренодёра, Правохреновскому райкому комсомола и родителям десятиклассника Лещёва обратить серьёзное внимание на его нравственный облик и принять меры к исправлению оною.

Рецензент Хреновский И.П., член Хренодёрского отделения СП СССР, редактор хренодёрского филиала издательства «Столичный крестьянин».

Неделю Лёша ходил как в воду опущенный и даже от дедова костыля то забывал, а то не успевал уворачиваться. В довершение беды стали приходить отклики из «толстых» журналов. Четыре журнала сухо сообщили, что произведение отклонено редколлегией. Добродушная же «Сельская молодёжь» снисходительно написала на бланке:

«Лёша, не огорчайся, что не увидишь свои рассказы напечатанными в журнале. Главное, что ты растёшь добрым, отзывчивым человеком. Будь всегда таким!»

Это письмо Лёша с особым удовольствием употребил по прямому назначению, хоть оно и было жёстким и пачкало руки типографской краской...

* * *

Проснувшись однажды утром, Лёша вспомнил мамины восторги от батюшки Ерофея. Он впервые в жизни пожалел, что не верующий, а то помолился бы о даровании книге распространения – и Боженька услышал бы!..

А что мешает?.. Молитв Лёша не знал, но что такое для великого писателя сочинить воззвание к Богу?! Лёша встал посреди своей комнаты, она же рабочий кабинет, обратился лицом к окошку и завёл очи горе. Но за доли секунды, что его лицо принимало благостную мину, взгляд успел ухватить пейзажи отнюдь не благостные. Досель Лёша не обращал внимания на пыль в комнате, неубранную постель, пятнистую и грязную даже на вид клавиатуру компьютера и мохнатый от паутины подоконник. Но теперь, когда он собирался беседовать с Богом на равных, эта обстановка выглядела кощунственно.

Пришлось прерваться. Несколько часов Лёша потратил на то, чтобы раз в жизни привести в порядок не книгу, а место своего обитания. Он не убрал, но заправил постель поверх засаленного постельного белья покрывалом, смахнул пыль с самых видных мест в комнате, протёр подоконник и оконное стекло изнутри, выметя паутину из углов оконницы и потолка, проветрил комнату и помусолил клавиатуру. Из неё вытряхнулось где-то полкило сухарных крошек. Зато клавиши, которые западали и отказывались печатать, стали нажиматься легко и быстро, и Лёша воспрянул духом. Видно, Кто-то наверху оценил благой порыв Лёши и помог ему авансом.

Большого порядка, правда, в обители писателя так и не получилось, но всё же стало посвежее и попристойнее. Из чистой комнаты Лёша с чистой душой воззвал к Нему, обратившись лицом к окну.

– Ну так, Господи, – заявил Лёша. – Сам видишь, какая хе... ерунда получается. Я большой писатель, гордость российской словесности! А вокруг меня как будто заговор молчания составлен. Не замечают, не печатают, даже электронную книгу продавать не хотят! – говорить Богу надо о том, что не хотят читать «Крещенские рассказы»! – мелькнула у Лёши мысль, но была она из тех, что прозаик душил

нешадно. Ему было как серпом признаваться даже Всевышнему... нет, нет! Допускать даже в разговоре с Ним, будто бы его проза может кого-то оставлять равнодушным! – Короче, Господи, я устал жить в постоянном невнимании, пренебрежении и хамстве издателей и всяких этих, извиняюсь, редакторов! Неужели я это заслужил, сам посудить?! Так сделай что-нибудь, чтобы на мою книгу достойное внимание обратили! Она же называется так, что тебе должно быть приятно. Первое издание – «Крещенские рассказы», а нынешнее, пятое, сделай так, чтобы не последнее – «Церковь без креста». Не, ну, что она без креста была, это тебе, конечно, не может нравиться, но ты зацени, как я твой дом без креста описал! Да разве так кто-нибудь ещё способен слово к слову поставить?! Да разве у кого-нибудь сыщется такая сила, такая образность, такой простор в стиле?! Ну, короче, что я тебе объясняю, ты же всеведущий, ты всё ведаешь и рассказы мои читал... ну, то есть, в курсе, какие они. Так помоги рабу твоему Алексею, великому писателю земли русской! Пошли мне читателей благодарных, издателей толковых и литературный успех.

Закончив тираду, Лёша слегка поразмыслил. Гордыня ломалась, а рассудок нашёптывал: поклонись, корона не упадёт, Бог оценит!.. Верх взяла рассудочность. Лёша осмотрительно опустился на колени на пол, который забыл помыть, и несколько раз коснулся пышной свалявшейся шевелюрой слоя липкой грязи. Вот теперь ритуал общения с Богом был выполнен обстоятельно.

Довольный собой, Лёша поставил книге «Церковь без креста» на своём сайте цену – 3 тысячи рублей – и завалился спать, хоть до вечера было ещё далеко, по-юношески надеясь проснуться знаменитым. Как дети ждут ночного прихода Деда Мороза.

Увы! – Лёша обманулся так же, как и малыш, ждущий встречи с Санта-Клаусом. Утро не принесло желанных перемен. «Церковь без креста» уныло красовалась на сайте, а счётчик просмотров красноречиво свидетельствовал, что заходит в свой личный «магазин» один хозяин. Лёша хотел было громко высказаться богохульно... но взял себя в руки и то же самое просто подумал.

Господь услышал молитвы Лещёва, но распорядился ими по-своему. Это выяснилось через недельку после молитвы. Зайдя на свой сайт, в пустовавшем все эти годы разделе «Вот как меня видят мои читатели» Лёша с трепетом душевным нашёл одно сообщение. У писателя не только руки дрожали, но и сердце прыгало, пока он открывал послание и читал его, стоя, не имея терпения ни на миг отложить чтение, чтобы присесть.

«Мы, община агрессивных богомольцев, – говорилось в нём, – глубоко возмущены антирелигиозной деятельностью, которую развёл

на своём богомерзком сайте некий Алексей Лещёв. На своём сайте он семь лет назад выложил на продажу сборник гнусных инсинуаций под названием «Крещенские рассказы». Все эти, с позволения сказать, «рассказы» представляют собой злобные пасквили на Православную церковь, её служителей и русский народ-Богоносец. Но за минувшие годы Лещёв не только не раскаялся в своём заблуждении, но и доказал, что душа его принадлежит лукавому, ибо клеветническую книгу он переписывал несколько раз, дополняя всё новыми отвратительными измышлениями, и всякий раз снова выкладывал в открытый доступ. Наконец Лещёв заврался до такой степени, что оболгал приход села Нахреновки, весь причт Преображенского храма и лично священника Ерофея Охренищева, в противовес фактам назвав указанный храм «Церковью без креста». Тогда как достаточно взглянуть на фото (фото с куполами прилагались), чтобы убедиться – Лещёв нагло врёт! Мы, община агрессивных богомольцев, считаем, что сборник измышлений Лещёва оскорбляет наши религиозные чувства. Заявление об оскорблении чувств верующих направлено в прокуратуру Хренодёрской области, в правительство Хренодёрской области, в Думу Хренодёрской области, в Хренодёрско-Зеленопетрушкинскую епархию и в Госдуму РФ».

Лёша так и сел перед компьютером мимо стула на грязный пол. В голове у него звучал набат: «Дож-дал-ся! Дож-дал-ся!»

– Слава тебе, Господи! – прочувствованно сказал Лёша потолку.

Перечитав письмо общины агрессивных богомольцев, Лёша вдруг подумал: как бы не засудили... Но опаску побеждало счастье: ведь это какой же скандал начнётся, когда на всех уровнях будут склонять имя Лещёва!.. Какой пиар!.. Слава тебе, Господи!

Дмитрий Казьмин

Атланта, США

Сан-Паоло. Русские люди, дебют¹¹¹

Здесь я волею судьбы провел две недели, работая в местном университете. Университет, скажу сразу, оказался огромным, и, как выяснилось, невероятно престижным по здешним меркам. Попасть в него нелегко, удержаться и того сложнее. Я же сидел тут с краешку на приставной табуретке и писал какую-то статью, разложив перед собой ноутбук и тетрадки.

Когда-то давным-давно моя мама ездила то ли на экскурсию, то ли на богомолье по северным монастырям. Была там целая группа таких тётушек, и был у них автобус даже свой, который их и возил от одного монастыря к другому. Дороги наши – пыль да туман, в туалет сходить останавливались на обочинке, что естественно – то не смешно, и богомолки разбегались по кустам, следуя своим нехитрым надобностям. На одной из таких остановок маме моей привелось разделить то ли куст, то ли скирду какую-то с удивительной старушкой. Общие трудности сближают – они разговорились, и в автобус вернулись уже почти подругами. Старушка была натуральной бразильянской, звали её Евдокия, дай Бог памяти, Петровна. По-русски она говорила без акцента. В России до того ни разу не была. О впечатлениях говорила много и охотно, ничуть не смущаясь бытовыми затруднениями, вроде сортира в стоге сена.

– Что вы, Галечка, – говорила она искренне радуясь общению, – какие затруднения! Мне восемьдесят два года, и я всю жизнь именно

---

¹¹¹ В сокращении

об этом и мечтала, вот так поехать по русским монастырям, неужели мы теперь на старости лет скирду не поделим? Ведь мы же русские люди!

Мама, до того много поколесившая по Америке и представляющая себе, как надо, тактично молчала. Евдокия Петровна много расспрашивала и про мамину жизнь, и про жизнь в России вообще. Про первое мама рассказывала охотно, о втором рассказывать было особенно нечего, годы были оптимистичные, но какой-то подвох уже ощущался в воздухе. О себе и о своих детях и внуках рассказать зато было что – дети были взрослые, дочь училась в институте на педагога-дефектолога, сын был давно в Америке с семьёй («В Америке, – всплёскивала руками бразильская тётушка, как мама её про себя окрестила. – Подумать только! И что их туда занесло! Неужели в России нельзя было в аспирантуру пойти? Здесь же такое прекрасное образование!»). Смотрели и фотографии внучек – Дашеньки (Дашке тогда было лет семь, и она была совершенно очаровательна со своей причёской «под мальчика»), и младшенькой – Ньюши, которой только-только исполнилось два.

– Ньюша! – удивлялась мамина собеседница, – что за имя такое, как у поросёнка! Она Анечка, я сразу узнала! Конечно, Анечка, Анюта, и глазки у нее Анютины, как цветочки!

Глазки были интенсивно серого цвета. Мама была куплена на корню.

Евдокия Петровна тоже путешествовала не с пустыми руками, и, порывшись в сумочке (скорее кошёлке, изрядного размера, с ручками в виде деревянных колец, но без молнии. «С такой бы на рынок за укропом ходить. Непонятно, как у неё ещё ничего не повытаскивали из этой вечно раскрытой сумки», – подумала мама), достала пачку фотографий. На черно-белом снимке был изображен муж – статный и высокий мужчина с причёской «под бобр» и мешками под глазами. Глядел он строго в камеру, исподлобья. На вид ему было лет с шестьдесят.

– Севастьян Алексеевич, – отрекомендовала его тётушка.

– Похож на Рахманинова, – отметила мама.

– Что вы, Галечка, он сроду ни к какому инструменту не подходил, и даже не слушал особенно! – отвечала та. – Жили мы бедно, на пластинки не тратились, но, странно что вы заметили, Рахманинова действительно любил, особенно такую музыку: там пианино, но похожее на колокола, прямо русская такая тема!

– Не помню такой, – призналась мама.

– Прелюдия из *Cinq Morceaux De Fantasie*, – неожиданно строго и, как показалось маме, с чистым французским выговором произнесла

бразильская тетушка и стала смотреть в окно на пробегающие берёзки и прочую атрибутику северного региона.

На фотографиях были и дочери – эти фотографии были уже цветными. На последних по времени были изображены две женщины, одна полноватая и светловолосая, другая – подтянутая и красящаяся. Обоим было лет под пятьдесят.

– Лена и Люба, – представила дочек тетушка.

С Леной и Любой я познакомился спустя несколько лет. Евдокии Петровны уже не было в живых. До конца своей жизни она каждый год ездила в Россию – и на экскурсии, и к брату в Челябинск, и переписывалась регулярно с мамой, посылая ей длинные пространные письма. В них описывала она свое житьё, поездки, жизнь своих дочек и друзей, погоду, политический климат и на удивление крепкое здоровье. Исправно справлялась о маминых внуках, которых к тому времени стало уже три. «Как там моя наездница?» – спрашивала она в каждом письме, имея в виду Дашку, которая в то время серьёзно занималась верховой ездой и много выступала на соревнованиях. «Много ли наград завоевала?» (Много, писала в ответ мама). «Не падает ли?» (Падает, ещё как).

С Дашкой они никогда не встретились. Её квартира в центре города стояла пустой, и Лена с Любой меня туда и поселили, несмотря на все мои возражения, что я здесь по казённой надобности и работа мне оплатит отель на эти две недели. Квартира была идеально вычищена, шкафы стояли пустыми, но на кухне для меня были приготовлены кастрюльки, чайник и набор посуды. На кровати в маленькой спальне были грудой свалены вещи; увенчивала грудку большая картина, на которой была изображена светловолосая девочка лет пятнадцати, по пояс и в фас. Сама хозяйка, догадался я. В подъезде дежурил консьерж, но я был представлен, и меня пропускали.

Лена забрала меня в первый же день из отеля, где я остановился по приезде, и повезла к себе домой на ужин и маленькое party, как она выразилась, по случаю дня ангела её дочери, Нинны (именно так, с двумя «н»). Встретились мы с объятиями, как будто знали друг друга давно. «Митя! – восклицала Лена, – как я рада, что вы до нас добрались! Что, очень трудный был перелёт? А отель? Наверное, очень грязный, (скорбно) у нас здесь вообще всё так неустроено, ужас, вы не поверите». Отель был вполне приличный (хотя кредитку у меня там-таки срисовали и потом пришлось доказывать, что это не я покупал по интернету билетов на всю семью из Бразилии до Берега Слоновой Кости), и в ресторане кормили по среднеевропейскому стандарту.

Город мелькал за окнами – огромный и шумный, как любой миллионный город; первое впечатление было такое, что если бы взять, к примеру, Москву и разбавить её в равной пропорции, скажем, Сухумом, то получилось бы что-то похожее. Начав на шумной улице, по которой текла толчея машин и автобусов, мелькали витрины, где в воздухе висела бензиновая гарь и раздавался иноязычный гомон, мы въехали в тихий переулок, где на тротуарах было пусто, и лишь одинокий гуляка мочился на такое фантастическое дерево, что я даже попросил выйти из машины и сфотографировать. Огромный ствол состоял как будто из тысячи переплетающихся лиан, которые, свиваясь в затейливый узел, устремлялись кверху, чтобы затем там расправиться веером и покрыть своей тенью тротуар, проезжую часть, тротуар напротив, забор, двор за забором, крышу двухэтажного дома с решетчатыми автоматическими воротами для машин и калиткой с двойными дверьми, так что только один человек мог пройти зараз, Ленину машину, облегчившегося гуляку и меня с фотоаппаратом и закинутой башкой. Был февраль, конец лета. Было душно. С холма был виден город – бесконечное море двух и трёхэтажных домов, каждый за своим забором, часто перемежающихся высотной застройкой – было похоже что город редкозуб. Кирпичи высоток уходили за горизонт, становились иглами и исчезали в предвечернем мареве.

Дорога завивалась вверх, Лена то и дело переключалась на пониженную передачу. Асфальт сменился брусчаткой. Тротуары здесь брусчатые повсюду, но сделаны не из плитки, как в Москве, а из разноцветных каменных кубиков, размером сантиметров пять по грани. Повсеместно кубики вываливаются из тротуара и рассыпаются как неубранные игрушки. На месте выпавших кубиков образуются песчаные ямки. Это, кстати, не является поводом для общественного возмущения, местные этого просто не замечают. Такие тротуары, похоже, свойственны не только Сан-Паоло; годом раньше в Рио я видел такие же. Кстати, в пику Остапу Бендеру, в Рио я был единственным человеком в белых штанах на всей набережной и выглядел в них однозначным гринго.

Местные на набережной ходят без штанов. Это пляжная зона. Так вот, асфальт сменился брусчаткой, дорога выровнялась, и Лена, понажимав кнопки, въехала в гараж неприметного с виду домика на два этажа и с одним окном по фасаду, над гаражом. Справа от гаража была сделана высокая и сплошная калитка, которая вела внутрь владений. Внутри был узкий проход с широкими и пологими ступенями, ведущий на задний двор, где был устроен бассейн. Двери в дом были распахнуты, жаркий ветер гулял по комнатам.

Вообще, как я понял, здесь жить любят не на показ; на улицу обращены высокие заборы, сплошные калитки, железные двери подземных гаражей, редко где окно. Жизнь происходит за забором. Дом выходит на улицу узкой стороной, как в колониальных городках американского Юга. Невидимо для внешнего наблюдателя он уходит вглубь, где устраивается и купальня, и кухня во дворе; и сами комнаты на плане дома располагаются не вдоль улицы, а перпендикулярно ей. Там вся жизнь, собственно, и проходит.

Я приволок из Америки в подарок им картину, изображавшую наш собственный дом, углём на шершавой бумаге. Сказал банальность, что, вот-де, кусочек нашего дома пусть будет в вашем, вроде как домами породнимся. Речь и подарок были приняты благосклонно. Пройдя через прихожую, гостиную и кухню, мы вышли на задний двор. Мне предложили какого-то жарева на шампурах; народу было изрядно, всё больше молодёжь, Ниннины друзья. Меня приняли приветливо, и не без любопытства, но Люба довольно быстро разогнала юнцов по их местам на кромке бассейна и села разговаривать со мной сама. Вскоре к нам присоединилась и Лена, неся в руках поднос с низкими круглыми стаканами.

– Митя, вы когда-нибудь кайперинью пили? Нет? У вас такого нет? Ну, вам надо обязательно попробовать, это же самое первое спасение при жаре! А мы её готовим по своему собственному рецепту, представляете? Мы туда кладем личи, вот так, смотрите, я вам покажу, ложечкой её подавите там, и это лучше, чем сахар! Пейте, пейте, я ещё разведу, вам же жарко, наверно!

Кайперинья – это коктейль из кашасы (тростниковой водки), лимона, льда и сахара. Спиртное почувствовалось сразу же. От второго бокала пришлось отказаться, пошутив на тему того, что, как поживший в Америке, на жаре предпочитаю кока-колу, в силу привычки. Дамы остались при своём и пили кайперинью весь вечер не хмелея.

Довольно быстро разговор перешел на покойную Евдокию Петровну, а с неё – на историю семьи. История оказалось удивительной. Евдокия Петровна, как выяснилось, родилась в Харбине. (Лена с Любой ставили ударение на «е»). Отец её был инженер, и обслуживал (или строил) Восточно-Китайскую магистраль, которая, начавшись в Чите, шла через Харбин до Порт-Артура. Харбин на момент постройки железной дороги был, скорее, посёлком городского типа чем городом, но с приходом российской администрации разросся в огромный массив. Русских в нем было больше, чем китайцев. После революции отец Евдокии Петровны возвращаться не стал, остался в Китае. Туда же вскоре стали

прибывать пароходы с бегущими от красных белогвардейцами. На одном из таких пароходов приплыл и Севастьян Алексеевич, студент кадетского корпуса. Неизвестно, принимал ли он участие в Гражданской войне, но как кадету ему было чего бояться, попади он в лапы к новой власти.

К середине 20-х годов Харбин стал по сути русским городом, со своей системой школ, со своими церквями, газетами, радио и прочей национальной атрибутикой. Большинство населения составляли либо невозвращенцы – сотрудники КВЖД, либо белые эмигранты; отношение к советской власти было соответствующее. Отношение советской власти к харбинской диаспоре было и того хуже. Тем не менее, когда в 1924 году китайцы потребовали от эмигрантов определиться с их национальной принадлежностью, многие добровольно приняли советское гражданство; большинство из них уехали из Харбина обратно в Россию. Среди добровольно уехавших были и две старших сестры Евдокии Петровны. Ехать было далеко, расставались надолго.

– Дедушка собрал для них все вещи чтобы им можно было жить на новом месте. Мебель, постели, одежду. Там же холодно, так он им шубы купил. Три вагона вещей он им дал! Три вагона! И шубы! – рассказывала Лена, больше всего напирая именно на шубы. – И что же? Большевики всё отобрали, прямо на границе – и вещи, и одежду. И больше мы их никогда не видели и не слышали о них ничего. Наверное, их прямо там же на границе и расстреляли всех бедненьких. А там же целые поезда шли с переселенцами! Один поезд за другим!

– Лена, а зачем же они ехали? – спрашиваю. Они же знали, что большевики делают с бывшими белыми, об этом же наверняка писали в прессе. Они же должны были понимать, что большевикам нельзя верить на слово?

– Митя! – говорит Лена с надрывом. Но ведь мы же русские люди! Они просто не могли по– другому!

Люба кивает. Лена промакивает глаз салфеткой. Сзади кто-то прыгает в бассейн, поднимая фонтан брызг, раздаётся визг и хохот. Я хочу сказать, что вероятнее чем на границе, они погибли во время большого террора в 37-м как «японские шпионы», но, подумав, решаю промолчать и не усугублять.

Евдокия Петровна и Севастьян Алексеевич, к тому времени ставший её мужем, остались. В 1931 году пришли японцы. Они устроили возле города концентрационный лагерь, в котором ставили эксперименты над людьми, заражая их болезнями и исследуя последствия. Люди использовались также для испытаний

разнообразного вооружения, включая огнемёты – это я уже вычитал позже. В жертвы оккупанты выбирали преимущественно китайцев, но множество русских тоже попали в эту мясорубку. Русское население города сократилось в разы. Японцев прогнали советские войска в 1945 году, и целый год город находился под советской оккупацией.

Советская власть здесь нашла, где развернуться, и тысячи русских попали в новый котёл: множество людей были осуждены как фашистские пособники и вывезены в СССР. Что случилось с ними – доподлинно неизвестно, но можно легко предположить. Потом советские войска ушли, пришли китайские коммунисты. В начале 50-х Советский Союз предпринял ещё одну попытку вывезти оставшихся в живых русских обратно на родину. Обещали амнистию и жилплощадь, и, главное, русское подданство. На этот раз на соблазн поддался брат Евдокии Петровны. Ему повезло больше, чем сестрам. Его не расстреляли, даже не посадили, а, сдержав обещание, дали квартиру в Челябинске и работу по специальности. Там он и жил до самой смерти. В советские времена контакта никакого не было, но, сорок лет спустя, после перестройки, Евдокия Петровна нашла его и ездила к нему в гости ежегодно, вплоть со самой своей смерти.

Между тем, националистические настроения в Китае набирали ход, началась борьба с инородцами и космополитами. Русских стали гнать. Семья перебралась в Шанхай, после полувека прожитых в Харбине. Севастьяна Алексеевича арестовали без предъявления каких-либо обвинений; в следующий раз Евдокия Петровна увидела его спустя девять лет, уже в Бразилии. Инородцев гнали из Китая, но немного стран были готовы их принять. В наиболее реалистичные варианты входила Аргентина и Бразилия. Выбрали Бразилию, кажется, случайно, просто потому, что именно в этот день, когда стало совсем невмоготу, или бразильцы открыли новую квоту, или удалось купить билет на пароход именно до Бразилии, а до Аргентины мест не было, сейчас уже не вспомнить. Шел 1956 год. Девочки были совсем маленькими. Папа остался в тюрьме в Китае. Мама специальности не имела, по-португальски никто из них не разговаривал. Пробивались случайными заработками, стиркой, глажкой и уборкой. Выжили. Папу выпустили в 1961. Как он их нашёл – остаётся загадкой.

Папа был журналистом и интеллектуалом, знал восемь языков и нашёл свою стезю и на новом месте. Правда, ненадолго; довольно скоро вышел на пенсию и остаток дней провёл в покое и тишине. Умер он в 1984 году. Евдокия Петровна пережила его более чем на четверть века. Она продолжала вкалывать от зари до зари, насколько я понял, всё на тех же низкооплачиваемых работах; но с годами сложилась своя клиентура и денег стали платить немножечко больше.

Семья постепенно выбиралась из нищеты, и даже о бедности уже говорить не приходилось. Купили дом в пригороде, где Лена с семейством живёт и сейчас.

Когда Евдокия Петровна вышла, в конце концов, на покой, ей купили квартиру в многоэтажном доме в центре города, в которой я и поселился. Квартира была просторная, трёхкомнатная. Окна выходили на мощёный плиткой двор с навесом от дождя; из кухни через черный ход можно было попасть на балкон, опоясывающий внутренний двор-колодец. Дом стоял на широкой проезжей улице, по которой ходили автобусы. Евдокии Петровне было удобно добираться до своих друзей. Друзей было множество. У телефона в гостиной (кресло, столик, кружевная салфетка и телефон с трубкой на спиральном проводе) лежала записная книжка; каждая страница её была густо исписана ровным округлым старушечьим почерком. На букву «С» нашёлся мамин сотовый номер и адрес моего дома на набережной.

Лена и Люба, а также Ленин муж, Гильермо, и Ленина дочь Нинна носились со мной как с младенцем. Меня возили по магазинам, в банк снять денег, устраивали экскурсии по городу, приглашали на ужин в освежающе дорогие рестораны и к себе домой.

– Лена, – говорил я ей. – Мне, право, неудобно, что вы со мной так носитесь. Хорошо, португальского я не знаю, но я не знаю также и итальянского, и испанского, и французского, и, тем не менее, легко обходился в этих странах своим английским и двумя-тремя международными словами! (В Париже: комбинации салюд-эспрессо-круассан-голуаз-мерси вполне хватает, чтобы прожить, а по-английски там не говорят, так же, как и здесь). Я справлюсь с покупкой хлеба и ветчины, я даже знаю по-португальски, как попросить кассовый чек, меня на работе научили! Мне очень стыдно вас гонять через полгорода по малейшей надобности.

– Митя! – её лицо принимает торжественное выражение, и я уже понимаю, что она сейчас скажет. – Что вы говорите, какое ещё стыдно! Ведь мы же русские люди! Нам по-другому нельзя!

Я соглашаюсь, хотя и понимаю, что мне за их гостеприимство никак не расплатиться.

Зоя Мастер

Денвер, Колорадо, США

Пришелец

1

«Стефансплац была похожа на муравейник: люди двигались беспорядочно и бессмысленно, ныряя в прилегающие улицы и переулки, бодро забегая и лениво выползая из кафе, ресторанов и магазинов. Но на самом деле, как и муравьиное мудрое племя, человеческая толпа чётко функционировала в пространстве площади под нависшей над ней громадой собора», – торопливо записал я в блокнот и тут же отвесил себе мысленную оплеуху: толпа-муравейник – неудачная, избитая метафора, да и сам пассаж – пафосное нагромождение слов.

Привычка редактировать собственные мысли появилась у меня ещё в школьные годы, а может, раньше. Просто я не придавал ей значения до встречи с Келли, которую эта манера, как, впрочем, и многое другое во мне, – раздражала. Скорее всего, после моего возвращения из Вены мы расстанемся. Но думать об этом сейчас было бы глупо, потому что бесполезные размышления отнимают время от главного, а главное – это наконец-то закончить работу над пьесой. Цель, ради которой я неожиданно для себя самого приехал в этот своеобразный, намеренно застрявший в прошлом город. Драма о последних годах жизни Моцарта, его отношениях с Констанцей и многочисленными ученицами, – в частности, с Марией Магдаленой Хофдемель, муж которой был найден мёртвым на следующий день после похорон

композитора, не отпускает меня уже второй год. Келли говорит, что я психически неадекватен. Пусть так, но мне проще согласиться с её точкой зрения, чем отвлекаться на поиски аргументов. Каждое начатое действие обязано завершиться изначально намеченным результатом: в данном случае, постановкой спектакля.

Собственно, рукопись этой детективной пьесы (то ли комедийной драмы, то ли драматической комедии) была завершена ещё в Нью-Йорке, но я продолжал копаться в тексте: менял реплики, переставлял слова в диалогах, добавлял и снова убирал целые страницы. Как говорила Келли, издевался над здравым смыслом, а заодно и над ней. «За то время, что ты создаёшь свой шедевр, Моцарт мог написать пять симфоний, минимум две оперы, да ещё успел бы сделать ребёнка», – со свойственной ей иронией пошутила моя почти невеста. Мне нечего было ей возразить, и я промолчал, но обиду затаил: ещё бы, ведь до знакомства со мной Келли даже не подозревала о том, что Амадеус – вовсе не название компании по бронированию гостиниц. Обратить подаренные пигмалионом знания против него же я посчитал предательством: утром, после того, как Келли ушла на работу создавать новые компьютерные программы, я поехал в аэропорт и ближайшим рейсом улетел в Вену.

Впрочем, город, которым я не успел очароваться, быстро меня разочаровал. Каждый вечер я приходил в кафе-бар Aragall, садился за крайний, у зелёной шторы столик, и, глядя на главный вход в Стефансдом, пытался абстрагироваться от мельтешащего за окном людского потока. Но каждый раз попытка переместиться в другое время, при этом оставаясь в том же пространстве, оказывалась напрасной. Видимо, мне не хватало воображения. Я злился на изображавших Моцарта концертных зазывал, – этих долговязых навязчивых юношей в бутафорских камзолах и париках, слоняющихся по площади в любое время суток. За неделю я знал их всех в лицо, в то время как для них толпа оставалась безликой. Каждый раз они совали мне в руки проспекты одних и тех же концертов, рассчитанных на непритязательных туристов. Прошлым вечером парень плотного сложения в белых чулках и тесных в ляжках атласных панталонах, допекал неузнанную им оперную примадонну. Не прекращая разговаривать по телефону, она отмахнулась от него, как от липнувшей к лицу паутине, и пошла дальше к театру.

Своей конфигурацией Вена как раз и напоминала мне паутину, но не свинцовую и безжизненно-клейкую, а напротив, – лучистую и обманчиво-безобидную, завлекающую пошлыми позолоченными купидонами с арфами в пухлых ручках. Центром этой цепкой

сквозной паутины улиц был Собор – серо-коричневый монстр, вампир-крестовик, притягивающий и ошеломляющий нетленным, грандиозным величием. Тем более нелепой на его фоне казалась суета ряженных зазывал и фотографировавшихся с ними туристов.

2

– Вам как вчера, сэндвич с грудинкой и яичницей? – спросил официант.

– Пожалуй, – ответил я, слегка удивившись памяти это пожилого человека.

– Чай, кофе?

Я поелозил пальцем по меню.

– А что это за кофе Мария-Терезия? Наверняка что-то величественное.

– Это чёрный кофе с ликёром Куантро. Подаётся со взбитыми сливками и цветным сахаром.

– Почему бы нет? Пусть будет Мария-Терезия.

Официант кивнул и заскользил вдоль столиков утомлённой лисьей походкой к бару, оттуда – на кухню. Его звали Эрхард. Мы познакомились прошлым вечером, после закрытия бара, когда, выйдя из кафе, я стоял посреди площади и, задрвав голову, пытался определить линию, над которой грифельные шпили собора смыкались с мглисто-бордовым небом.

– Невероятно, как такое возможно было построить, да? Живу здесь всю свою жизнь и не перестаю удивляться.

Рядом стоял мой официант. Теперь он казался ниже ростом – возможно, из-за выпиравшего брюшка, до этого прикрытого рабочим фартуком.

– Красиво, но мрачно, – ответил я, не задумавшись. – Я бы не хотел жить в доме с видом на это строение.

– И тем не менее, вы ежедневно приходите именно сюда, – усмехнулся официант. – Эрхард, – продолжил он и протянул руку.

У меня не было желания продолжить знакомство.

– Увидимся завтра, – сказал я, подарив ему ничего не значившую улыбку.

Шумная нарядная толпа дрейфовала по Кёртнерштрассе. На какое-то время я ощутил себя стёклышком, частичкой этого разноязыкого многоцветного калейдоскопа. Возможно, когда-нибудь я вернусь сюда туристом и буду получать удовольствие от праздного шатания по городу и бесконечных селфи на фоне витрин и памятников. Но

сейчас я спешил в гостиничный номер, чтобы в очередной раз попытаться переписать финальную сцену. Её действие происходит у северной башни собора, где и сегодня, как сотни лет назад, стоят запряжённые лошадьми фиакры. Кстати, ничего романтического в этих флегматичных ухоженных лошадях я не заметил: из-за них весь центр города провонял навозом. Ещё хорошо, что лепёшки падали не на мостовые, а в специально подвешенные под лошадиными хвостами мешки. Тем не менее, этот специфический резкий запах забивал все остальные. Именно потому я предпочитал обедать и ужинать не на веранде, а внутри кафе.

Келли, безусловно, сидела бы снаружи: её аппетит никогда ни от чего не страдал. Она могла созерцать городскую суету и тут же, каким-то непостижимым образом, не отвлекаясь от неперменного зелёного салата с кедровыми орешками, заметить и прокомментировать чей-то нелепый наряд, неловкую походку или чудаковатую внешность. У неё это получалось довольно забавно, и я всё намеревался спросить, не хочется ли ей попробовать себя в литераторстве, – к примеру, в фельетонах или рецензиях. Но не спросил – самолюбие не позволило. В конце концов, она могла бы более заинтересованно и серьёзно относиться к моему творчеству.

Непосредственно напротив маленького отеля, в котором я остановился, шла стройка – там ежедневно с восьми утра до шести вечера методично сносили многоэтажный жилой дом. Но поскольку я целыми днями бродил по городу, мне было наплевать на шум и пыль, тем более, что цены здесь оказались гораздо ниже, чем в центре, до которого ходьбы всего семнадцать минут. Однако не цена оказалась главным достоинством совершенно случайного, по совету местного таксиста обрётённого пристанища. Гораздо важнее было то, что моё появление в этом неприметном, прилепленном к соседним зданиям строении, заставило поверить в заданность человеческой судьбы, которую всю свою жизнь я воспринимал как банальное стечение обстоятельств, в лучшем случае, – необъяснимое совпадение. Я в принципе не склонен к мистике, потому никогда не впадаю в состояние сентиментального умиления или безумного восторга; само слово безумный – по отношению к чувству, эмоции кажется мне верхом пошлости. Состояние шока я испытал всего лишь дважды: первый раз в юности, когда, слушая «Реквием» Моцарта, отчётливо понял, что такую музыку человек мог написать, оплакивая неизбежность именно своего ухода.

Второе потрясение случилось неделю назад: выйдя из такси, я подошёл к гостиничной двери и, уже открыв её, скользнул взглядом

по прикрепленной к стене мраморной табличке, сообщавшей о том, что в 1773 году во время своего визита в Вену здесь останавливался Моцарт. Позже выяснилось, что он останавливался здесь дважды, но тогда эта гостиница, а точнее, меблированные комнаты, назывались «Белый бык» и принадлежали некоему Готлибу Фишеру, ювелиру. Естественно, внутренний и внешний облик гостиницы давно не соответствовал временам правления Габсбургов: верхние этажи вообще были достроены сравнительно недавно. Соответственно, я поселился на втором, вообразив себя на одном пространстве с тенью гения, и с тех пор каждую ночь с наивностью ребёнка ждал если не чуда, то какого-то знака, откровения, благодаря которому всё встало бы на свои места.

Но ничего не происходило.

Как только, открыв ноутбук, я начинал перечитывать текст, во рту возникал кислый привкус, уже не покидавший меня до последней страницы: персонажи, которым я дарил новую жизнь, получались картонными, их монологи – надуманными и скучными.

Даже самому себе я не решался сказать правду, потому что сделав это, должен был бы признаться или в собственном идиотизме или в бездарности. Первое – всё же более безболезненно для самолюбия человека, считающего себя творческой личностью, и я сказал себе: «Ты – безнадежный кретин, если надеешься, что подсказка призрака заменит талант. Дух Моцарта не живёт ни в этой осовремененной гостинице, ни в его гулкой от редких шагов посетителей и пустоты стен квартире-музее, притаившейся в двух кварталах от Собора. Он – в музыке. Только гений имеет право писать о гении, а ты – ремесленник».

Я должен был это понять ещё тогда, слушая его Реквием.

И вот сегодня утром, впервые за последнюю неделю, я почувствовал себя отдохнувшим. Я больше не испытывал вины перед Келли, вселенной и самим собой, я был свободен от навязанных себе обязательств, от многолетней повинности что-то кому-то доказывать, а также от поисков истины, которая, в конечном итоге вполне могла оказаться мифом.

Пора было возвращаться домой. Я заказал обратный билет и поехал в Пратер, где провёл полдня, потом слонялся по центру Вены, удивляясь тому, как может измениться восприятие города менее чем за сутки. Меня больше не раздражала праздная толпа: я благодушно обходил застрявшие посреди улицы стайки туристов, позволял себя бездумно расслабляться в уличных кафе, запивая ледяной водой шоколадное gelato с жареным миндалём – на этот раз запах

лошадиного дерьма мне не досаждал, и позолоченные херувимы на витых балконах кремовых домов больше не кололи глаза своей благостной безмятежностью. Я даже зашёл в сувенирный магазин, чтобы купить подарок Келли, но бродить меж нескончаемых рядов маек, сумочек, шоколадных наборов, чашек и футляров для очков с изображением Моцарта оказалось выше моих сил.

3

Когда тень от собора полностью накрывает площадь, в город приходит вечер. Отсюда он сонно расплзается по улицам и переулкам, затем спускается на широкогрудую ленту Дуная и там замирает в ожидании ночи.

Может, мне стоит запомнить и приберечь на потом эту эффектную словесную конструкцию.

А пока я стою на смотровой площадке Южной башни и фиксирую в памяти вид на город и гору Каленберг, которая отсюда кажется всего лишь холмом. Люди внизу – разноцветные пятнышки, ходячие мыльные пузырьки, не способные преодолеть закон притяжения и оттого прикованные к этой вековой брусчатке. Они малы и ничтожны, как и выдуманные мной проблемы и обиды. С птичьей высоты так легко представить летящие вниз потуги творчества, смехотворные амбиции, напрасные ожидания, бездарную пьесу.

Я спускаюсь по узенькой лестнице: впереди идёт хрупкая молоденькая девушка с телефоном в руке, и на каждой из трёхсот сорока трёх ступенек её затянутые в высокий хвост волосы прыгают у меня перед носом. Я перехожу площадь и сажусь на привычное место у окна.

– Как обычно? – спрашивает Эрхард.

Сегодня он выглядит измученным: мешки под глазами, покрасневшие веки. Говорит слегка задыхаясь, да и походка напоминает не вчерашнего усталого, а уже подстреленного лиса.

– Сегодня только кофе, но не тот, что вчера.

– Мария-Терезия не в вашем вкусе?

Эрхард вполне сносно говорит по-английски, – поэтому я улавливаю иронию этого двусмысленного вопроса, – но от его картавого, резкого «р» у меня так бряцает в ушах, что каждый раз хочется потрясти головой.

– Завтра возвращаюсь домой, хорошо бы напоследок попробовать чего-то уж вовсе необычного.

– Тогда рекомендую двойной мокко с горячим вишнёвым сиропом и коньяком – поверьте, это сочетание даёт необычный эффект.

– Эффект чего?

– Зависит от желания клиента, от того, что он хочет видеть и чего не хочет.

– Хорошо, пусть будет мокко... и струдель. И коньяка двойную порцию. Доррио, – зачем-то добавил я по-итальянски.

Я склонен к полноте и потому люблю сладкое. Келли говорит, что я путаю причину со следствием, а мне моя формула представляется нетривиальной и логичной.

Эрхард – молодец, профи: кофе необычного каштанового цвета, с едва ощутимой кислинкой пьяной вишни и дразнящим ароматом хорошего коньяка – именно то, что будет вспоминаться по ассоциации с этим городом.

Я оставил чаевые, как всегда подложив купюры под чашку, и направился в гостиницу собирать вещи. Накрапывал почти незримый, щекочущий кожу летний дождик. Слева вдоль соборной стены стояли припаркованные фиакры: покрытые синими попонами лошади переминались с ноги на ногу, время от времени мотая опущенными головами. Пока я переходил площадь, дождь заметно усилился и теперь шлёпал по брусчатке крупными холодными каплями. Толпа туристов быстро рассосалась по ближайшим кафе и магазинчикам, а с ней, поняв бесполезность своей деятельности, начали расходиться концертные зазывалы. Часть из них спряталась в соборе, другие, неуклюже хлюпая неудобными остроносими туфлями, в раскорячку бежали к метро. Лишь двое особо прилежных остались на рабочем месте: одного я помнил по рыжей пряди волос, постоянно вылезавшей из-под парика, другого ни разу здесь не замечал. Первый – рослый, плечистый, как большинство этих ребят, топтался на месте, забавно смахивая свободной от проспектов рукой капли дождя с синтетического парика. У второго, – маленького, неказистого, в руках был только плащ. Он накинул его поверх красного, расшитого золотом камзола, окинул взглядом площадь и, не спеша, завернул за угол. Он шёл чуть пританцовывая, нисколько не заботясь о том, чтобы не забрызгать белоснежные чулки. Сзади этот маленький человечек был похож на большеголового ребёнка, нарядившегося во взрослую одежду. Перейдя Домгассе, он плотнее запахнул плащ и ускорил шаг. Улица была пуста, мы слышали шаги друг друга, но стук приближающегося фиакра я почему-то не услышал: скорее всего, оттого, что был встревожен странной внешностью этого человека и боялся потерять его из виду. Из-за угла вылетели лошади, но вместо того, чтобы остановиться на обочине, я ступил на дорогу, нисколько не сомневаясь в умении и даже обязанности лошадей уступать дорогу одиноким пешеходам. Копыта лошади, колёса фиакра пронеслись в

такой близости от моих ног, что я инстинктивно поджал пальцы. Извозчик оглянулся, кривя в ругани рот. Когда фиакр скрылся за угловым домом, я очнулся от потрясения и расхохотался, представив, что бы сказала Келли, прочитав в газете о нелепой гибели американского туриста под копытами лошади в центре Вены.

Темнело. Я почти поравнялся с незнакомцем, когда он остановился у входа в блинную на Грюнангергассе 10. Я уже приходил сюда два дня назад, чтобы увидеть дом, в котором жила чета Хофдемель. Даже сейчас, поздним вечером, кафе было переполнено, но готов поспорить на что угодно – ни один из посетителей понятия не имел о том, что произошло в этом доме на следующий день после похорон Моцарта. Я ощутил чувство превосходства над этими пьющими-жующими людьми, способными лишь на сиюминутное восприятие жизни. Моё воображение играючи рисовало мрачную картину истекающей кровью Магдалены Хофдемель – ученицы и, как предполагали современники, любовницы Моцарта. Возможно, она лежала там, у дальней стены, где сейчас за столиком ужинала молодая пара. А кровать её ревнивого мужа, на которой он умирал, перерезав себе горло бритвой после неудачной попытки зарезать неверную супругу, стояла на месте барной стойки. Вполне вероятно, эту самую входную дверь, – не единожды отреставрированную, – и взломали прибежавшие на крики Магдалены и её годовалого ребёнка соседи. Беременная фрау Хофдемель выжила и родила второго ребёнка, отцом которого, возможно, был её учитель. Но судьба этой женщины уже оставалось за рамками моего замысла...

Я вдруг совершенно чётко представил декорации своей неудавшейся пьесы: сцена должна быть разделена на две половины – это позволило бы построить интригу в двух временных пространствах, где два человека у окна: один – в красном камзоле с необычными перламутровыми пуговицами на манжетах и туфлях на каблуках с позолоченным пряжками, другой – в джинсах и майке, смотрят в те же окна, но видят и повествуют о разном.

Шумная компания молодых ребят вывалилась из открывшейся двери: нестройный гул оживил улицу.

– Мы скоро закрываемся, – предупредил меня вышедший следом официант.

Незнакомца он явно не заметил, хоть чёрный плащ касался его длинного, ниже колен, несвежего фартука.

Словно вспомнив о цели своего путешествия, маленький человек поспешно направился к перекрёстку. Я знал, – он шёл домой, на Домгассе 5, но почему-то свернул на Шулерштрабе, затем

остановился у зелёной двустворчатой деревянной двери, скорее похожей на ворота с арочным верхом, – и неожиданно повернулся ко мне.

Он был очень мал ростом, – мне по грудь, – тщедушен и некрасив: бледное лицо, виднеющиеся из-под припудренных буклей уши с отсутствующими мочками, большой нос никак не соответствующий мелкому подбородку и широкому, открытому лбу. При неярком свете фонарей было сложно разглядеть цвет глаз этого человека, чем-то напоминавшего инопланетянина.

Он смотрел на меня снизу вверх, и я знал, что никогда не забуду этот насмешливый и одновременно пронизательно-простодушный взгляд. Я также не сомневался в том, что всю жизнь буду жалеть о незадаанных вопросах, о шансе, который так бездарно упустил.

Я не знал, как себя вести и что сказать. Пока я соображал, что-то неуловимо изменилось: свет фонарей стал ярче, на улице появились прохожие, рядом с лёгким стукомбрякнуло металлическое кольцо захлопнувшейся деревянной двери. Я поднял голову: в окнах второго этажа мелькнул отблеск свечи. Ну да, как я мог забыть – именно сюда выходят окна квартиры-музея, да и вход был раньше не с Домгассе, а отсюда, с Шулерштрабе 8.

– Вы что-то потеряли, – со мной поравнялась та самая девушка, чьи затянутые в пышный хвост волосы прыгали перед моим носом пару часов назад: сейчас они были распущены по плечам. Однако я без труда узнал её по нервно-вздрагивающему на высоких нотках голосу, – она всё так же висела на телефоне, продолжая с кем-то выяснять отношения. Видя мой недоумевающий взгляд, девушка легко наклонилась, подняла что-то с мокрого тротуара и протянула это что-то на раскрытой ладони. – Берите, что же вы? Какая красивая штучка, я таких не видела.

Потом её кто-то позвал, и она поспешила на голос, и задники её ярко-оранжевых кроссовок, похожие на сплюсненные половинки апельсина, ещё долго просматривались на фоне мокрой ночной мостовой.

4

Нью-Йорк плавился от жары, но как всегда, даже в самый душный и жаркий день, меж небоскрёбов Манхэттена гулял влажный сквозняк, создававший обманчивое впечатление спасительной прохлады. Я вдруг подумал, что именно эта нескончаемая липкая духота была отчасти виновата в моей постоянной усталой раздражённости. Я

вовремя поймал себя на этой мысли: не стоило являться в нашу квартиру раздосадованным взвинченным неудачником.

Я открыл дверь своим ключом и с порога увидел Келли: она лежала на диване, обложившись подушками, и смотрела «Амадеус».

– Привет. Как там на улице, чуть прохладнее? – спросила она так, словно я на пару минут выходил покурить на балкон, а сейчас вернулся досмотреть любимый фильм.

Я не ответил, демонстративно кинув на пол сумку.

– Вот объясни, – продолжила она, резко отвернувшись от телевизора, – Моцарт действительно был таким... городским сумасшедшим, или, как сказать помягче, эксцентричным? Эти клоунские выходки, экзальтация – правда или режиссёрская фантазия?

– Правда.

– Неужели он дурачился, ну как ребёнок...?

– И мяукал, и прыгал по стульям – если верить современникам. И что? – ответил я, несколько удивлённый темой разговора.

– Ну, тогда понятно, почему он всех раздражал. Живи он сейчас, в наше время, когда всем всё можно, и то, у него были бы проблемы. А уж тогда...

Мне начала надоедать эта дилетантская беседа, к тому же я был голоден.

– Ты рассуждаешь о Моцарте как обыватель. Ты не понимаешь...

– Это ты не понимаешь, – перебила меня Келли. Как всегда, когда она злилась, кожа на её шее и груди розовела, – он вообще пришелец. Погостил сколько? Сорок лет?

– Тридцать шесть. Почти.

– Тем более. Погостил и ушёл, и ничего после себя не оставил – ни могилы, ни даже посмертной маски. Ты сам рассказывал.

– Маска была, но Констанца её выбросила. Так что твоя версия не годится.

– Ты можешь спорить, сколько хочешь, но я уверена – если выбросила, значит, так было надо. Всё сходится. И никакой тайны творчества нет, и тайны смерти – тоже. Так что можешь успокоиться и вернуться к нормальной жизни.

Наконец-то я понял, зачем Келли затронула эту тему: нормальная жизнь предполагает нормальную работу, семью, детей. Кстати, мне моя профессия нравилась, хоть время от времени докучала своим однообразием, которое принято называть стабильностью.

Но как обычно, Келли поменяла тему раньше, чем я успел возразить или согласиться с её доводами, и в принципе озвучить свои аргументы.

– Ты ничего не заметил? – спросила она, загадочно оглядывая нашу более чем скромных размеров кухню. – Смотри, я купила супер-кофеварку. Старая, к которой ты, спасибо большое, прицепил записку перед отъездом, дребезжала и тряслась. А эта, пара кнопок – и кофе на любой вкус. И цвет такой яркий, весёлый! Правда, красота?

– У меня тоже для тебя подарок, – сказал я и достал из кармана джинсов

пуговицу, которую сутки назад у моих ног нашла девушка в оранжевых кроссовках. Я положил на ладонь Келли эту «красивую штучку» – прохладный на ощупь кружок перламутра чуть неправильной формы с жёлтым камнем в центре и белыми камешками по бокам.

– Забавная вещичка, – свободной рукой Келли отвела прядь влажных от пота волос за ухо, – из неё можно сделать необычную подвеску. Я видела похожий кулон в каком-то каталоге. А что это за камешки?

– Не знаю, но точно не искусственные.

– Хочешь, я приготовлю тебе мокко с вишнёвым сиропом – нашла рецепт в инструкции к кофеварке? – Ты не представляешь, как это вкусно и главное, если выпить чашечку на ночь, снятся необыкновенные сны.

Я представлял и потому отказался.

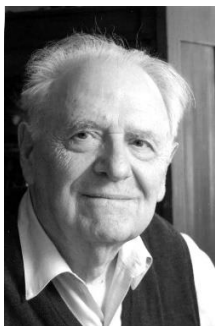
В моей комнате ничего не изменилось, всё оставалось на своих местах, и даже выскользнувший из принтера листок так и лежал под столом. Я поднял его, пробежал глазами оборванный монолог Марии Магдалены Хофдемель, включил компьютер и напечатал:

«Пришелец», Пьеса, затем достал из шкафа свежее полотенце и пошёл в душ.

Сергей Голлербах

Нью-Йорк

Мелочи жизни

Было это лет пятьдесят тому назад. В Нью-Йорке я ехал в такси с одним моим другом навестить общих знакомых. Прибыв по месту назначения, я расплатился с шофером, дав ему хорошо на чай. – Зачем ты ему так много дал? – сказал мне мой друг. – Шоферы такси хорошо зарабатывают, и большие чаевые их только балуют.

Не помню, что я ему на это ответил, но привычка давать на чай больше положенного у меня, действительно, есть и вот почему: было время, когда я сам получал на чай и очень ценил щедрых клиентов; когда закончилась война, я оказался в американской оккупационной зоне в Германии, в городе Мюнхене.

Там мне посчастливилось найти работу в американском солдатском клубе, созданном Американским Красным Крестом. Меня наняли в качестве «скетч-артиста», то есть художника, делающего портретные наброски. Художником я, конечно, тогда еще не был, все мое художественное образование заключалось в шести месяцах учебы в Средней Художественной Школе в Ленинграде, с января по начало июня 1941 года. Все же, я мог сделать карандашный набросок с каким-то портретным сходством, и этого было достаточно.

Впрочем, надеюсь, что эти наброски не сохранились. В большом зале клуба в углу висел плакат, сообщающий, что Серж может бесплатно нарисовать ваш портрет. Я же сидел за маленьким столиком с листами бумаги и карандашом и ждал клиентоов, которых оказалось довольно много. Получив свой портрет, американский солдат давал мне на чай пачку сигарет. Они были в то время дороже всего.

У меня был с клубом контракт, и мне платили небольшую сумму оккупационными марками, которые мало что стоили, зато сигареты были буквально на вес золота. Иногда солдат давал мне неполную, уже начатую пачку, иногда целую, а иногда две-три и даже целую «штанге», то есть пакет в десять пачек. И вот тогда-то я оценил щедрость или скаредность людей, дающих на чай. Бывали дни, я зарабатывал от пяти до десяти пачек и стал поэтому, как я бы сейчас сказал, «убогим богачом».

На американские сигареты я смог купить на черном рынке одежду (подержанную, конечно), ботинки и даже заказать у портного, болгарина, зимнее пальто – приближались осень и зима. Работал я в клубе по субботам и воскресеньям, а в течение недели на эти же американские сигареты учился в Мюнхенской Академии Художеств. Вот что значат хорошие чаевые!

Закусывая в ресторанах, мы оставляем чаевые, согласно с суммой чека, но я однажды дал двойные чаевые. Расскажу, как это произошло. Один мой знакомый приехал в Нью-Йорк из Вашингтона, в отель его вез русский шофер такси. Было это в конце семидесятых годов, когда в Америку стали эмигрировать граждане Советского Союза. Шофер спросил моего знакомого, бывал ли он когда-нибудь в Брайтон-Бич? Получив отрицательный ответ, шофер предложил вечером отвезти его в хороший русский ресторан, который недавно был открыт его родственником. Прибыв в отель, мой знакомый позвонил мне и предложил присоединиться к поездке. Я согласился, и в назначенный час Сева (так звали шофера) заехал за нами и мы двинулись в путь в Бруклин, в Брайтон-бич. Не помню сейчас названия ресторана, но помещение было уютное с маленьким подиумом для оркестра в углу.

Меня сразу заинтересовало меню. В отделе закусок значилось «солености и мочености», кислый чернослив, маленькие зеленые помидоры и яблочки, помимо огурчиков. Из блюд, конечно, пожарские котлеты, карский шашлык и пельмени. Водку можно было заказать по сто, двести и пятьсот граммов. Вскоре появился и оркестр из трех человек и зазвучала музыка.

Около подиума для оркестра стоял маленький столик с двумя стульями. Как только заиграл оркестр, к столику подошли две женщины средних лет, хорошо одетые. Они заказали по стаканчику вина, но не выпили его и, видно, кого-то ждали. И вот тут к ним стали подходить мужчины и приглашать их на танцы. Мне стало ясно, что происходит. К этому времени мы уже закончили есть и заказали кофе с пирожными.

Одна из этих женщин, в ярко-синем платье с серебряными узорами, будучи свободной, обратила внимание на то, что я на нее смотрю, встала, подошла ко мне и по-английски, с сильным акцентом, сказала, что может погадать мне на кофейной гуще. Я согласился, и она предсказала мне дальнюю дорогу, удачу в любви и еще что-то.

– Вы русская? – спросил я ее по-английски. – Нет, я -полька. – А я – русский из Ленинграда, – сказал я. – О, Ленинград, я там бывала и, знаете, где я больше всего проводила время? В Эрмитаже!

Меня это поразило, ведь она не могла знать, что я – художник и не думала сказать мне что-то приятное. Кто она? Какая у нее была жизнь и почему сейчас, когда ей уже лет под пятьдесят, она подрабатывает в русском ресторане?

Мне стало ее очень жаль, и я, поблагодарив ее, дал ей десять долларов. Она как-то смутилась даже, посмотрела на меня, поблагодарила с улыбкой и вернулась к своему столику. Мы же расплатились, и Сева отвез нас обратно в отель в Манхэттене.

Оттуда я вернулся домой, но все еще под впечатлением произошедшего в ресторане. Я понял, что чаевые – это не мелочи жизни, а нечто гораздо большее. Это Жизнь дает нам на чай, и мы должны продолжать эту традицию.

Ксения Кривошеина

Париж, Франция

«Парижская птичка». Отрывок из новой книги

Предлагаем читателям отрывок из недавно вышедшей книги Ксении Кривошеиной «Оттаявшее время, или искушение свободой», 2017г. АЛЕТЕЙЯ.¹¹²

Герта Неменова или, как её называл мой отец, «Герда», при нашей последней встрече-расставании в 1979 году подарила мне малюсенькую круглую японскую коробочку, на её поверхности изображена рыбка.

Герту Михайловну я помнила с детства, она встречала с нами многочисленные Новые годы, приходила на дни рождения, мы с ней работали в экспериментальной литографской мастерской, я часто забегала к ней на пятый этаж в её огромную комнату с эркером, которая служила ей мастерской в коммунальной квартире.

Она непрерывно курила «беломор» и часто просила принести ей таблетки «кодеина», говорила, что мучает кашель. Это, видимо, было не совсем так, но все мы знали её слабости и выворачивались, как могли, в поисках этих волшебных таблеток.

---

¹¹² Из аннотации: Книга Ксении Кривошеиной «Оттаявшее время, или Искушение свободой» недавно вышла в издательстве «Алетейя». В своих воспоминаниях автор рассказывает о людях, с которыми свела ее жизнь. Некоторые из них прошли советскую «закалку», кто-то был арестован и выслан на Запад, а кто-то остался в России. На страницах книги вы встретите пианиста Святослава Рихтера и композитора Андрея Волконского, художников Николая Акимова, Натана Альтмана и Оскара Рабина, поэтов Анну Ахматову и Иосифа Бродского, известных и малоизвестных деятелей русской диаспоры во Франции, Швейцарии и Америке.

Герта Неменова: Марсель Марсо

Для меня она всегда была олицетворением парижанки, а с возрастом стала походить на Эдит Пиаф, даже в своих увлечениях молодыми талантливыми мужчинами. Запах «шанели» пробивался сквозь папиросный чад, особый жест прокуренных пальцев поправлял чёлку, очки не носила, прищуривалась, любила изящно одеться и носила шляпки.

При этом во всем её облике было что-то от раненой птички. Совсем недавно я узнала, что она дружила с Алёшей Хвостенко (Хвост) и с Родионом Гудзенко.

Конечно, все знали о её шести месяцах в тысяча девятьсот двадцать девятом, которые она провела в Париже ученицей Фернана Леже, встречалась с Гончаровой, Ларионовым и Пикассо.

При этом она мне сказала «Ксю, мы, наверное, не увидимся больше, а эта рыбка приехала когда-то со мной из Парижа, и я бы хотела, чтобы она туда вернулась».

Этот Париж она донашивала всю жизнь, те мгновения были для неё глотками свежего воздуха, хотя, будучи дочерью очень известного и любимого властью врача-рентгенолога М.И.Н., она никогда не

Герта Неменова: Гоголь

подвергалась ущемлениям личной свободы. Но почему-то мне всегда казалось, что она чего-то недоговаривала, чего-то опасалась и очень редко показывала свою живопись, которую хранила за огромным шкафом красного дерева.

«Вот эту балерину я написала в Париже, она всегда со мной» — об этих холстах знали только очень близкие люди, а литографии не скрывались и валялись большой пачкой на полу; тут и Ахматовский портрет, знаменитый Гоголь, Марсель Марсо, Чарли Чаплин...

Герта рассказывала, как ей удалось познакомиться с Ивом Монтаном в пятьдесят шестом, рисовать его, когда он давал единственный концерт в Ленинграде. Она очень долго не решалась пустить английского коллекционера Эрика Эсторика к себе, мой отец и Анатолий Львович Каплан уговорили её. Эсторик буквально вцепился в её рисунки, купил «Гоголя», который вскоре превратился в афишу выставки советских художников в Лондоне.

Из Парижа я посылала ей открытки, иногда звонила, Герта оставалась верным другом моих родителей. Она умерла в восемьдесят шестом и, как я узнала, большинство её работ исчезло в неизвестном направлении... а может известном? Именно этого она боялась всю жизнь?

Юлия Сабурова

Херсон, Украина

Предатель

Он старался не обращать внимания на зудящую ногу, где сокращение каждой мышцы отдавалось резкой болью. Ему хотелось, чтобы капитан как можно скорее вышел из палаты и позволил расслабиться. Но тот, словно на зло, тянул время и наслаждался пыткой. Ручка выскользнула из вспотевшей ладони, но он выцарапал последние слова и поставил подпись.

– Готово, – он передал объяснительную. – Теперь можно воды?

– Больно?

– Терпимо.

– Жаль, – капитан отодвинул от его столика стакан.

– Предлагаете прыгать на одной ноге?

– Захочешь пить – поползешь.

– Обойдемся, – он сбросил вторую подушку и снова лег, игнорируя назойливую дрожь. – Где врач?

– На обходе. Зайдет только минут через 20, – он сложил листок в серую папку. – Твою объяснительную рассмотрят, но я сделаю все возможное, чтобы тебе досталось сполна.

– Вы очень любезны, капитан. Мы закончили?

– Слушай, – правая рука сжала спинку больничной кровати, – я каждый день вижу, как они умирают. Десятками ложатся под пулями. Но ты... Таких в мировую свои расстреливали.

– Не волнуйтесь. Уверен, что совсем скоро выйдет закон, который предоставит вам это право.

– У меня был такой солдат. Тоже трус. Вокруг трупы, конечности оторваны, пули свистят, а он....

– Вот только давайте без этого. Можете обвинять, ненавидеть... и даже издеваться, – он жадно посмотрел на стакан, – но не смейте проталкивать свою правду мне в глотку. Это не акт трусости.

– Думаешь съехать на случайность? Ты прострелил себе ногу. Выпустил очередь перед самым боем. Если бы поднялся выше к коленной чашечке, то до конца жизни не расставался с костылем.

– Я немного разбираюсь в анатомии.

– Нужно было бросить тебя на стрельбищах. Как это назвать, если не подлостью по отношению к товарищам?

– Отстаивание своих принципов?

– Тьфу, – он швырнул папку на стол. – Принципы... Война на дворе, люди умирают, а у него принципы. Что будет, если все повторят за тобой?

– Конец войне?

– Заживет нога и предстанешь перед судом.

– Капитан! – крикнул он, когда тот подошел к двери. – Я изначально заявлял, что не буду участвовать в войне. Но мне жаль, что вам может достаться...

– Участвовать в войне? Ты себя вообще слышишь? Будто ребенку разжевывать. Тебе 25 стукнуло, а мозгов нет. Это вынужденная защита родины от врага...

– Да бросьте, – перебил он. – Меня злят эти словечки... родина... враг.

– Совсем тронулся. Что с тобой не так?

– А то, что я не собираюсь отдавать свою жизнь за ценности, в которые не верю. С какой стати? Еще с момента мобилизации я твердил, что не собираюсь стрелять. Какой враг? Давайте говорить откровенно. Человек. Приказ такой – иди и убивай человека. Почему?

– Это враг, напавший на нашу страну.

– Нет, это стадо людей с отравленными ценностями в голове. Они считают, что имеют право забрать жизнь. Я не вершитель судеб и не возьму на себя такую ответственность.

– Патриотизм...

– Черта с два! – выкрикнул он. – Хотите углубиться в фантастику? Может, еще обсудим существование демократии? Вы голосовали за начало военных действий? А на той стороне? Нет, ваше мнение никому не нужно. Все решает какая-то группа людей, а остальным просто предъявляют как данность. А чтобы сожрали и не подавились, включают пропаганду. Тошнит уже от этого. Кто вообще сказал, что я патриот? Что такое патриотизм? Верхушка распыляет мысли о

патриотизме, словно крысиный яд, когда нуждается в пушечном мясе. Буквально говорят: «Иди и умри за то, во что я верю». Это ведь тупость. Господи, это такая тупость.... Два обычных мужика, если не могут решить вопрос, опускаются до мордобоя. Но примерь на них костюмчики, посади в кресло и разложи солдатиков. И вот вместо драки один на один мы видим гибель тысячи людей, разрушенные города, поломанные судьбы. И ради чего? Чтобы доказать свою правоту?

– Они же ворвались в нашу страну!

– Правильно. Но кто? Люди с промытыми мозгами. Это марионетки с зажавшимся кукловодом. Капитан, разве вам не тошно? Древние примитивные создания мерялись силой, величиной половых органов и умением разорвать глотку. А наши далеко ушли? Эти парады... С каким пафосом преподносится военная техника! Что это? Неужели все забыли, для чего все это используется? Будто серийный убийца стоит на улице, размахивая окровавленными ножами, а люди смотрят и улыбаются. «Моя страна лучше твоей» – вот причина войны для обычного человека. Или «мне нужно то, что есть у тебя, но я не могу договориться, а захвачу силой». Выдайте им всем книги вместо автоматов и научите понимать, что происходит.

– А что бы ты сказал ветеранам? Что вы зря проливали...

– Перестаньте! Это вообще самое тупое, что я когда-либо видел. Больше 60 лет прошло, а мы мыслим на том же уровне при решении конфликтов. А свою благодарность следует выражать в высокой пенсии, качественной жизни и различных льготах, а не цветке на параде. Один день памяти, а в остальные ты никому не нужен. Зачем им ваши цветы, если многие мясо порой годами не пробовали? Сколько людей от отопления и газа отказываются, потому что не в состоянии оплатить? А продажа медалей и орденов возле подземок? Мозгов хватает только, чтобы приклеить пафосную наклейку на капот – символ человеческой глупости. А ведь война велась, чтобы больше войн не было. И к чему мы пришли? Все по кругу. И никакого порицания в обществе.

– Складно говоришь, – капитан присел на кровать, – но что предлагаешь? Распустить армию и отдать страну врагу?

– Почему бы не начать сомневаться во всем происходящем? Хотя бы секундная мысль, что вокруг творится какое-то безумие, что можно пойти и другим путем. Потом, и это всех касается, создать сугубо контрактную армию и никакого насильственного призыва, как это происходит сейчас. Ведь нельзя заставлять человека убивать других и требовать принести свою жизнь и будущее в жертву. Во имя чего? Необходимость? Простыми словами это значит: «Мы

облажались и не можем своими куриными мозгами решить проблему, поэтому будем сидеть в бункерах или вообще смоемся за границу, а ты, родной, защищай свой дом и постарайся не травмироваться, потому что денег на твоё лечение у нас нет».

И неплохо говорить честными словами. Никаких пафосных речей в стиле «отдать свою жизнь за родину» или «честь быть героем». Если меня завтра убьют, то мое имя мелькнет на бумажке среди сотни других. Если умру и успею сделать что-то «героическое», то мой портрет покажут по новостям или даже прибьют к зданию. И что? Какой во всем этом толк? Меня ведь не будет. Стать всего лишь секундным информационным поводом? А самое смешное – деньги моей семье за потерю кормильца. Во сколько оценивают вашу жизнь, капитан?

– Ты казался толковым парнем, но у тебя явно сдвиг к сказкам. Хочешь мира? Как ты этого добьешься? Выйдешь к людям с цветами и будешь пропагандировать любовь?

– Протянуть раскрытые объятия обезумевшей толпе с факелами и вилами? – он откашлялся. – Которые по слепоте своей пытаются ткнуть тьму острием в надежде уничтожить кажущееся зло? Нас не учат видеть кукловода, только убивать других кукол. Неужели вы не осознаете всей глупости ситуации? Есть группа лиц, способная написать закон и заставить вас сделать что угодно. Это ведь абсурдно. И вы должны подчиниться просто потому, что так устроена система. Вы обязаны пойти и умереть, убивать, рвать на куски и кричать громче всех о любви к своей стране. Почему? Советую почаще задавать этот вопрос и ставить все под сомнение. Мы не выбираем, где родиться. Мы оказываемся в каком-то вакууме, где с детства учат, что именно наша нация – самая лучшая, правильная, сильная и умная. Нас делят, заставляют соперничать и мериться силой, постоянно вбивая в голову, словно заезженную пластинку, принадлежность к конкретной группе. Я просто человек, который думает, так как он думает. И я не понимаю, почему должен исповедовать ценности, которые заранее ведут к самоуничтожению.

– Если б все так думали, то страну давно бы захватили.

– Капитан, вы защитите свою жену от убийцы?

– Что за странный вопрос? Конечно!

– Почему?

– Потому что, – он прочистил горло, – я ее люблю.

– Она вас бьет? Обзывает? Гуляет? Изменяет?

– Что ты несешь?

– Да или нет?

– Нет!

– Видите? Мы не любим просто так. Мы выбираем партнеров, которые отвечают нашим требованиям. Но нас заставляют любить страну только потому, что мы в ней родились. Даже если в ней плохо, правительство тебя использует, постоянно повышает цены, но понижает прожиточный минимум и зарплаты, а закон работает против тебя. Я сейчас говорю в общем. Это мировая болезнь. Так за это я должен умереть? За это любить?

– И ты позволишь им победить?

– В том-то и вся соль. Война не знает победителей. Только тех, кто хорошо нажился на ней. Моя жизнь не бесценна, но я не собираюсь увеличивать толщину чьего-то кошелька.

– Я не понимаю, что ты хочешь...

– Думайте, что это всего лишь юношеский максимализм, но гнилая система сожрет себя сама. Меня охватывает истерический смех. Ведь можно потратить все силы на то, чтобы улучшить экономику, повысить уровень жизни, образования, качество медицинского обслуживания. Короче, сделать страну такой, чтобы в ней хотелось жить, а не существовать. Но нет, намного проще кормить обещаниями о лучшем завтрашнем дне для наших детей, внуков или правнуков, а в качестве оплаты этого мифического будущего счастья требовать жизнь. Это условия дикарей.

– Ты сам себе роешь яму.

– Я долго думал, – он пропустил его замечание и посмотрел в окно, – и воображение нарисовало удивительную схему, поражающую своей дьявольской изощренностью. Есть две страны с плохим экономическим состоянием. В каждой начинает расти недовольство среди народа, ведь даже самые слепые и зазомбированные однажды начинают понимать, что ты вкалываешь как лошадь, а поесть досыта давно не получается. Нарастает всеобщее недовольство, которое выливается в открытое противостояние. И тут – бум! Война. Идеальное решение. Даже конфликт искать не нужно, потому что причины могут быть самые нелепые. И внушить людям их важность можно за каких-то несколько месяцев телевизионных новостей. Война страшна тем, что оправдывает буквально все. Какое повышение пенсии и уровня жизни, если война на дворе? Как ты можешь быть пассивным, если люди гибнут? Разве можно сменить власть в такой непростой и опасный период? Мы закрываем глаза на убийства людей, на жертвы и лишения, потому что они оправданы военной необходимостью. И согласитесь, как удобно и легко устранять всех неугодных персонажей. Кого-то отправил на фронт, кого-то обвинил в антипатриотизме и заклеил предателем родины, а кого-то просто расстрелял на улице под маской противника. Это же

гениально! И никто даже слова не скажет, потому что не попрешь ты против лавины этого безумия. И ты молчишь, даже если все понимаешь. А начнешь кому-то объяснять, так из тебя же сделают идиота. Не трясите часами перед дикарями. Они не восхитятся точностью механизма, а повесят подарок на шею как бусы. Я вызвался заявить инквизиторам, что Земля – круглая. Вы уже знаете, какая участь мне уготована.

– Парень, – капитан вытер платком мокрый лоб, – не забывай, что мы живем в конкретных условиях. Неужели ожидаешь, что завтра все выйдут на поле боя и бросят оружие на землю, обнимутся и поклянутся никогда не враждовать?

– Вы слышали об Игнаце Земмельвейсе?

– Нет.

– Интереснейшая история. Это врач. Он работал акушером и жил в Вене. Это были 1850-е. В те времена женщины часто умирали при родах от горячки. И это казалось странным, потому что процент выживаемости при домашних родах был значительно выше, чем в больнице. Так вот он покопался, подумал и ввел новое правило, которое ранее не соблюдали.

– Какое?

– Мыть руки перед тем как принимать роды. Понимаете? Врачи тогда много времени проводили, препарировав трупы, а потом вытирали руки салфеткой и бежали к роженицам. Конечно, инфекция приводила к смерти. Такая простая для нас истина, но тогда она стала невиданной инновацией. Мытье рук! И знаете, что он получил за свое нововведение, которое реально спасает жизни? Осуждение, критику и насмешки от своих же коллег. Его уволили, а потом еще и закрыли в психушке. Хотя он предоставил доказательства, была статистика. Но люди, придерживающиеся старых убеждений и верований, не дали принять очевидное решение. Конечно, проходит время, и все понимают, что он был прав. Игнацу ставят памятник, а врачи начинают мыть руки. Вот так вот.

– К чему это?

– А к тому, что перемены могут начаться с одного человека, даже если ему не суждено увидеть результат. Я не предлагаю всем прострелить свое колено, чтобы не идти в бой. Может я и погорячился, ведь тогда другого выхода не видел. Но я твердо убежден, что следование традициям и привычному мышлению – не всегда правильный вариант. Охота на ведьм, сожжение евреев, убийство темнокожих, лечение гомосексуальности изнасилованием... Это все было обычным, нормальным и правильным в рамках исповедуемой системы ценностей. А для некоторых это нормально

даже сейчас. Но однажды темнокожая женщина не уступила место в автобусе, а врач вымыл руки. Я сделал лишь то, что считал нужным. Пусть даже сейчас это кажется выходящим за рамки стандарта.

– Боюсь, тебе не изменить ситуацию одним поступком. Зачем губить свою жизнь? Никто даже не заметит.

– Мы все молчаливые наблюдатели. Но однажды ты сталкиваешься с ситуацией и выбираешь, чему служить. Я выбрал.

– Что тут у нас? – дверь открылась, впустив врача.

– Если бы я и хотел... – капитан проигнорировал вошедшего, – я не смогу тебе помочь.

– Я бы и не стал просить. Но моя позиция, – он приподнялся, сражаясь с болью в ноге, – она ведь вас задела? Хоть немного, но вы согласны, правда?

Капитан поднялся и подошел к столу, где лежала папка с документами. Он взял стакан с водой и передал ее парню на больничной койке.

Яков Ратманский

Кливленд, США

Что-то эпохальное. Коротко о жизни

Долго жить не вредно. Так случилось, что моя жизнь началась в одной эпохе, а продолжается в совершенно другой. Первая ее половина прошла в эпохе процветания террора, волонтаризма, маразма, идиотизма, под пристальным наблюдением лучших

представителей от каждого из этих периодов. Сквозь мерцающие огоньки недоделанного социализма тускло проглядывало светлое будущее. Все, что удалось построить, благополучно развалилось. Кто не сумел растянуть свою жизнь, тот не испытал наслаждения от этого ужаса. Я тогда еще не писал, а только подсматривал за своей жизнью и за теми, кто в неё вмешивался.

Вторую половину я живу в другой эпохе, что не исключает возможности попадания в перечисленные ранее периоды. Пока я еще не могу точно сказать, произошло это слишком рано, слишком поздно или как раз вовремя. От меня уже ничего не зависит, но упрямо продолжаю летать вертолетом между двумя эпохами, не решаясь катапультироваться и расстаться со старьем.

В той эпохе у меня были темные волосы, хорошее здоровье и немножечко нахес. Теперь это не совсем волосы, а нагло пробивающиеся поседевшие пряди. Здоровье стало как у покойника, а цуреса скопилось на всю оставшуюся жизнь. Кроме того, из старой эпохи к новой почти ничего не подходит. Например, деньги. Там их всегда было мало. Кроме зарплаты, никто ничего не зарабатывал, но хватало не только на жизнь, но и на похороны. Здесь денег больше, некоторым выдают их бесплатно, но на жизнь не хватает. Про похороны я вообще молчу. Один только памятник стоит дороже, чем мавзолей на Красной Площади. Там все знали, кто сколько зарабатывает, а здесь – это страшнейшей военной тайны. Спросить нельзя, все помнят нашу Зою Космодемьянскую на допросе. Не зря знакомый шлимазл Похерштейн строит из себя президента, потому что никто не знает, откуда у него этот шикарный Мерседес.

В той эпохе я был обязан быть счастливым и жить среди счастливых людей, стоящих в очереди за едой и зарплатой, а также любить всех в городском транспорте, не задумываясь голосовать «За» на собраниях, петь хором, о том, что у нас-таки есть вечно живой, упрямо подавать документы в учебные заведения, где даже при недоборе все места были кем-то заняты, демонстрировать любовь к правительству, терпеливо ждать изобилия и считать, что «Запорожец» – именно та машина, на которой можно догнать Америку.

В новой эпохе я учусь жить среди машин и эксплуатации человека человеком. Меня с первых дней новой жизни начали угнетать по полной восьмой программе. Почему по восьмой и где предыдущие семь, никто не объяснил. Расплачиваться требуют за все сразу, не спрашивая, где я буду брать деньги. Мы стали экономить больше, чем зарабатывать. По этой же причине я перестал пить на ночь гоголь-моголь и заходить в магазины, где разорвалось не одно сердце

неподготовленного человека. Интересно, что по этому поводу сказано в Торе?

Старая эпоха так въелась во все клетки организма, что постоянно напоминает о себе и мечтает вывести меня на чистую воду. Я пошел ей навстречу, начал вспоминать свои грехи и записывать. Оказывается, не зря подсматривал. Теперь с ужасом читаю. Очень смешная жизнь у меня сложилась. Я втиснул её в небольшую книжку и прикрыл обложкой Чтоб не зазнавалась..

Я считаю себя нормальным человеком. Не кипячу воду кипятивником, не лечу поясницу электродуховкой, не охлаждаю квартиру холодильником, не храню зимой продукты на балконе или за окном в авоське, как это делает жена Похерштейна. Борьба с новыми проблемами пытаюсь старым совковым методом: накрываю все медным тазом и жду пока рассосётся. То, что проблемы потом вылазят боком, стало для меня большой неожиданностью.

Это эпохальное путешествие мне нужно было как погром среди ясного неба. Но эпохи приходят и уходят сами по себе, а я остаюсь разорванным на неравные части, пытаюсь мирно ужить их в себе. Такое чувство, что одна из них уселась на пароход, где слепой и глухонемой капитан Колумбицер никак не может открыть Америку. В общем, одна комедия получилась божественной другой.

Тому, кто знает, как начинается любовь, не надо рассказывать, где она заканчивается. В итоге, мы все-таки пришвартовались к цивилизации, сошлись характерами и стали мирно жить да поживать. Если б этот засранец «Запорожец» смог заглянуть в Америку и посмотреть на своих четырехколесных собратьев, то опозорил бы всю здешнюю атмосферу. Мы оказались более стойкими. Любовь в самом разгаре.

Долго жить-таки не вредно. Жизнь удалась, наверное.

Владимир Резник

Нью-Йорк, США

Елена Лаевская, дебют

Нью-Йорк, США

Время клоунов

Опаздывая утром на службу, Самохин рутинно, без волнения торопился, шёл озабоченным быстрым шагом, но завернув за угол, резко остановился, сходу больно ударившись о свое удивление. По Большому Проспекту шли клоуны. Много клоунов. Легионы. По расчищенной от машин улице текли они разноцветной, вопящей, наглой лавой, поглощая и сминая зазевавшихся прохожих и беспечных в своём любопытстве мальчишек.

Шли паскудно виляющие задами гаеры, в растрёпанных рыжих париках и широченных, вздёрнутых к мокрым подмышкам штанах.

Брели, роняя нарисованные слезы, наступая на волочащиеся по асфальту рукава, напудренные Пьеро, с чахоточными щеками, пылающими из-под снежно накрахмаленных колпаков.

Тоненько звеня колокольчиками на рогатых шапках, переваливались гнусно ухмыляющиеся шуты в цветастых новеньких лохмотьях.

Плыли на ходулях, вырастая из толпы беспардонно яркими балахонами; загребали пыль башмаками-калошами с квадратными носами; катили на моноциклах, мелькая бесстыдно волосатыми лодыжками. Сверкали давленными помидорами улыбок и жарко – золотыми зубами.

Андрей стёр росу пота с холодного лба. Происходящее было нелепо и дико. В поисках чужого ответа он оглянулся на прочих прохожих, неподвижно и немо глазевших на чудовищную колонну. Ему тоскливо захотелось оказаться как можно дальше отсюда. Захотелось проснуться дома, под пропотевшим от абсурдности сна одеялом. Но сделать этого Самохин не успел.

Из толпы скоморохов вынырнула бледная, веснушчатая ручища в зелёном раструбе манжета и рывком сдёрнула с его плеча сумку. Андрей приоткрыл рот, но, не выпустив застрявший внутри крик, покачнулся и потянулся за так нахально, у всех на виду, украденной вещью. Течение цепко ухватило его и втянуло в поток, закрутило, перевернуло и выплюнуло в середине колонны.

Кто-то сзади, смачно дохнув перегаром, ловко напялил ему колючий, тошнотворно пахнущий псиной парик. Тощий арлекин справа, сжимая под мышкой потёртый портфель, натянул ошалевшему новобранцу круглый красный нос на резинке, а пышная, оклеенная рыжими веснушками клоунесса слева, с пакетом из Икеи, болтающимся у локтя, зажав Андрея между огромными жаркими грудями, туго затянула на его шее жёлтый галстук-бабочку в чёрный горошек. Рядом неумело отбивалась от липких настырных рук, прилаживающих ей заячий хвостик, молодая женщина в розовых кружевных штанишках. В кулаке у неё была зажата и примотана скотчем связка воздушных шаров, на голове криво торчали стоячие ушки, а щеки и нос размалёваны красной помадой. Старорежимную бабку, выползшую утром на свою беду за творожком, волокли два крепких Арлекина, в обтягивающих рельефные тела двухцветных трико, с огромными гульфиками и в тапочках с помпонами на босу ногу. В редких волосах старухи самолётным пропеллером крутился красный бант. Пронзительно бибикая и распахивая плавно текущих, пронёсся клоун на роликовых коньках, толкая перед собой обвешанную хлопучками коляску с орущим младенцем. В толпе мелькнул начальник Андрея в балетной пачке и лифчике поверх пиджака. Из-под накрахмаленного тюля свисали семейные трусы в

клеточку и тощие безволосые синюшные ноги, в высоких белых носках.

– Не забудь. Завтра сдавать отчёт! – прокричал начальник, сделал книксен и исчез в пёстром водовороте.

Заложив несколько виражей и размазав крайний ряд об ограду моста, поток перевалил через реку и затормозил, разлившись шевелящимся полукругом у Дворцовой площади. Забравшись на гранитный выступ клумбы, Андрей увидел, что их колонна не одна, что со всех сторон: с Невского, из-под арки Главного Штаба и с Миллионной уже стоят, не заходя на площадь, такие же разноцветные толпы. Он представил эти бесконечные, живые, бешеные ручьи, стекающиеся сюда со всего огромного города, и чувство сопричастности чему-то ещё не понятному, жуткому, но определённому великому, наполнило его пузырящимся счастьем братского единения. И в этом новом для себя состоянии души он не слишком удивился и огорчился, увидев с высоты своего приподнятого тела, что площади нет. Что на её месте, повторяя формой полукружие Главного Штаба, прямую линию Зимнего и обрезанный косо с двух боковых сторон, разлёгся огромный с шершавыми бетонными стенами Котлован. Глубина его была ясна по утонувшей Александровской колонне, женственный ангел которой жил теперь на уровне земли и, уткнувшись в дно котлована печальным невидящим взглядом, волок свой католический крест к ажурным воротам Зимнего Дворца. Вокруг котлована вилась жёлтая полицейская лента на аккуратных пиках-стоечках.

– Не дрейфь, – толкнул Андрея в бок упитанный кривоногий карлик, в распахнутом красном плаще с остроконечным капюшоном с прорезями для глаз, и протянул ему плоскую металлическую фляжку.
– Держись за нас, не пропадёшь.

Самохин жадно глотнул, поперхнулся дрянным бренди и закашлялся, выталкивая из дыхательных путей своих жгучую огненную жидкость. И пропустил момент, когда из пронзительной бирюзы неба густо повалили картонные колпаки в перхоти золотого конфетти, бумажные пищалки, многоцветные флажки, серпантин и всякая другая так необходимая сейчас дребедень. Невысоко над площадью бодро выписывал восьмёрки крошка-самолётик с огромным баннером «Голосуйте ЗА». Вместо прописного «А» в конце ухмылялась растянутой, горизонтальной и зловещей улыбкой клоунская рожа в высоком колпаке.

Голос, мощный, неземной голос от которого хотелось встать на колени, плакать и размазывать слёзы счастья, смешивая потёкшую

тушь и белила щёк, торжественно поплыл над мгновенно замолкшей площадью.

– Дети мои! Мы сделали это! Первый этап победно завершён! Мы построили его! Мы всех урыли и восстановили наше утраченное былое величие!

Клоуны одобрительно взревели. Оказавшаяся рядом с Андреем давешняя бабка с творожком стала заваливаться на бок. Её шустро оттащили в сторону. Девушка в розовых штанишках бросилась на шею соседу-Арлекину, вцепилась ему поцелуем в размалёванный рот. Начальник Самохина сорвал с себя пачку и, повизгивая и высоко подпрыгивая, скрещивая в воздухе в балетном па тощие ноги, замахал ею над головой. Вокруг Андрея дудели в дудки, свистели в свистульки, били в барабаны, гремели медными тарелками и визжали на нечеловеческих высотах паяцы и арлекины, шуты и скоморохи, великаны и карлики. В руке у него откуда-то оказался судейский свисток. Андрей сжал его так, что побелели костяшки пальцев, раздвинув клетку рёбер, втянул пьянящих испарений толпы и изо всех сил засвистел. И наступила тишина. Самохин перевёл дух и с облегчением выплюнул свисток из занемевшего рта.

– А теперь, дорогие мои, – задушевно загремел голос, вдавливаясь в нутро каждого. – Вам выпала великая честь пойти дальше. К следующим, очередным рубежам нашего безграничного и гордого величия. Вперёд, милые мои. Вы замостите дорогу в Будущее. Великое будущее, которое будет гордиться вами, как мы гордимся ими... теми... которые... нам... нас, – что-то сбилось, речь поплыла искажаясь, взвизгнула перемоткой и поправилась.

– Вперёд! Вперёд, дети мои!

Толпа вновь взревела и, сметая ленты и столбики ограждения, тремя мощными потоками ринулась к котловану. Изнутри, откуда-то снизу, должно быть, из души Андрея вновь вскипела и пошла горлом счастливая волна. Напивавшись, наполнившись этой гордостью, он соскочил с тумбы и бегом устремился вместе с бурлящей, разноцветной лавиной туда, к Ангелу. Впереди слышались сначала редкие, как первые капли дождя, а после все учащающиеся и слившиеся в сплошной гул ливня удары мягких тел о дно котлована. Как будто невидимый великан поливал из чудовищной лейки этот огромный, цветочный горшок с одиноким стеблем колонны внутри.

Девушка в розовых штанишках с разбега врзалась Андрею в бок, взвизгнула, и он очнулся. Внезапно спала пелена, исчез морок, и на пустое место забрался страх. Вокруг неслись разгорячённые стада гаеров, увлекая всех в будущее.

– Что ты тут делаешь? – всплыл из глубины сознания тонкий голосок. – Вали, пока не поздно, с этого шабаша.

– Стой! Куда, дура! – неожиданно для себя закричал Самохин, прижимая девушку к себе.

– Пусти! – заверещала та и, изогнувшись, тянула Андрея за руку. Тот дёрнулся, но не отпустил.

– Слабак, – рявкнули рядом. В трёх шагах от Самохина стоял кривоногий карлик и целился в него из револьвера, неприятно похожего на настоящий. Девушка завизжала.

– Прикрыться бы ей, – тоскливо подумал Андрей, отталкивая девушку в сторону, но продолжая сжимать тонкую кисть.

– А ну, вперёд, контра, – процедил карлик и прицелился Самохину в грудь.

Андрей продолжал стоять. И держать визжащую девицу.

– Я не шучу. Считаю до трёх. Раз.

Самохин не двинулся с места.

– Два.

Стало очень тоскливо.

– Три.

Выстрел прозвучал неожиданно тихо. По трёхдневной свежести рубашки растеклось липкое пятно клубничного джема.

– Не отстирается ведь, – всплыла в голове ненужная мысль. Ноги подкосились. Рвануло из груди сердце, раздирая ломкие ребра. Самохин ещё увидел, как удирают с площади, вскидывая распиравшие их ягодицы, розовые штанишки. А потом мир вокруг опрокинулся, расплылся и перестал существовать.

Очнулся он лежа на спине, затылком протаяв выемку в разогретом асфальте. Единственное крохотное облачко быстро перебежало через раскалённое небо, плавясь и истаивая на глазах. В голове перекатывался бильярдный шар, со стуком и резкой болью ударяясь о стенки черепа. В груди жгло и рвалось наружу, в кислотную отрыжку. Он оглянулся, приподнявшись на локте. Клоуны исчезли, исчез котлован. Осталась лишь закатанная в свежий асфальт площадь, густо усыпанная конфетти, бумажными воротничками, красными носами и обрывками яркой ткани. И лишь женоподобный ангел, как и прежде, слепо и неподвижно цеплял в вышине свой крест, так и не приблизившись к Дворцу ни на пядь.

Кряхтя и постанывая, Андрей сел. Окружающий мир колыхался в разогретом воздухе площади, словно живот танцовщицы. Рядом остановился мальчишка лет пяти, в джинсовых шортах на тощеньких исцарапанных ногах. В коричневых сандалиях. Пацан подобрал с заплёванного асфальта клоунскую шапку с бубенцами и напялил на

стриженую голову. Самохин вскочил, сорвал с мальчишки колпак, швырнул перед собой на землю и начал остервенело топтать. Захрустели под подошвами остатки колокольчиков. Мальчишка зло заревел, размазывая сопли по чумазому лицу.

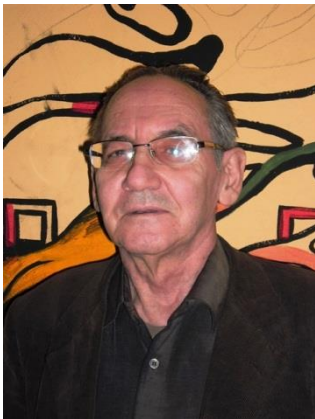
– Не трожь ребёнка! – визгливо заорала толстуха, в обтягивающем коротком платье, метрах в десяти от них. – Витька, зараза, иди сюда, кому говорю!

Прокричав это, она наклонилась, подняла с земли растрёпанный рыжий парик, заботливо отряхнула, уложила в раздутую хозяйственную сумку и, переваливаясь, двинулась дальше.

Валерий Бохов

Москва, Россия

В электричке

«Успеть бы! Опаздываю! Состав проходящий. Могу не успеть. Надо ещё поднажать». С этой мыслью «Надо ещё поднажать» я влетел в последний момент в электропоезд. Влетел и двери сразу захлопнулись. Это была электричка «Серпухов – Москва», а сел я в неё на станции Чехов, возвращаясь с дачи домой. «Ещё бы местечко нашлось бы, а то наломался я за день».

Смотрю, есть желанное местечко. На одной лавочке два полицейских и благообразный мужчина интеллигентного вида со шкиперской бородкой. Интеллигент сидит у окна. А напротив этой тройцы расположились, как позже выяснилось, бабушка и внук лет

двенадцати – четырнадцать. И одно место – свободное. На него я и сел. Свой рюкзак я снял и положил на колени.

Электричка тронулась и хочешь ли ты отдохнуть или нет, но назойливые коробейники накрывают вас голосами, усиленными микрофонами. Вот и этот запел:

– Книги! Красочно иллюстрированные книги! Напрямую от издательства! Без посредников!

Женщина, сидящая рядом со мной, засуетилась:

– Тебе нужна какая-то книга, Митя? Нужна? А то на лето много чего задали...

– Бабушка! Мне бы про художников что-нибудь... – Что же тебе выбрать, я не смогу понять, – бабушка явно была растеряна.

– Вы не волнуйтесь, бабуся! – вступил в разговор мужчина с бородкой. – Я помогу выбрать. Я сам художник! По образованию я преподаватель живописи и рисунка. Не волнуйтесь! Ты рисуешь, малыш?

– Рисую. Я даже на школьную выставку рисунок подготовил. Благообразный мужчина взял инициативу в свои руки, когда к нам подошёл продавец книг:

– У вас, милейший, есть книги по искусству? Что-нибудь о рисовальщиках, о живописцах? – Нет! К сожалению, сегодня не захватил. Когда продавец отошёл, мужчина спросил, обращаясь к мальчику:

– А что ты рисуешь, Митя, – натюрморты, пейзажи, портреты?

– Я всё подряд рисую. И ещё разные бытовые сценки...

– На твоём месте я попросил бы старших купить тебе блокнотик. А в нём делать наброски людей, пейзажей... Всего, что тебе интересно. Скажем, едешь в электричке – и рисуешь... людей, дома за окошком, деревья...

– У меня уже есть альбомчик. Но я... стесняюсь на людях рисовать.

– А вот от стеснительности надо избавляться. А ты рисунку где-то учишься?

– Нет. Я сам по себе рисую. У меня есть несколько учебников по рисованию.

– Скажите, а ему не поздно начать рисовать? А то мы хотели заниматься балетом. Нам сказали, что он стар для балета. Хотели устроиться в кружок танцев на льду. Нам сказали, что поздно пришли. – Беспомощно спросила бабушка.

– Это бывает по-разному. Сейчас я постараюсь вам ответить. В разных возрастах люди приступали к рисованию.

Марк Шагал, который не признавал ни пропорций, ни светотени, рисовал с раннего детства. А вот Василий Кандинский до 30 лет и не

думал об искусстве. Он работал юристом. Но увидев картину «Стог сена» Клода Моне, он всё бросил. Поехал учиться живописи. Поль Сезанн начал рисовать в 15 лет. Анри Матисс – в 20. Также в 20 лет начал обучаться Василий Суриков, прибыв в столицу с обозом из Красноярска. Винсент Ван Гог начал в 22 года, а Поль Гоген в 25. Михаил Врубель поступил в Академию Художеств в 24 года, после того как получил специальность юриста и отслужил в армии. Так что, сами видите, что ваш Митя ещё не стар для занятий живописью.

Но ваш вопрос невольно затронул ещё один, скорее всего, философский аспект – некое соотношение физической жизни художника и его творческой жизни. Вот тот же Шагал говорил, что жизнь провёл в предощущении чуда. А вот Ван Гог, приведу дословно, утверждал, что «заплатил жизнью за свою работу, и она стоила мне половины моего рассудка».

– Пожалуйста, скажите, отличаются ли рисовальщики от живописцев? – Митя заинтересованно смотрел на красноречивого собеседника.

– Я тебе так на это отвечу. Рисунок – это графика в монохrome с тональными соотношениями, плюс карандаш или перо. Рисунок – это контур, линия, силуэт.. Живопись же – это пестрота красок и кисть. Причём краски – это масло, темпера, акварель...

Ты, кстати, чем рисуешь? – Акварелью. – Хорошо. Помни, что акварель следует приобретать только питерской фабрики. Все другие акварели плохи. И знай, что в Москве есть школа современного акварелиста мирового уровня Сергея Андряки. Продолжу пояснение о рисовальщике и живописце.

В рисунке карандаш может и не участвовать, если его заменяет, например, что-то из этого: соус, уголь, сангина... Примерами высококлассных рисовальщиков могут быть гравюры Дюрера, филигранные рисунки Нади Рушевой, зарисовки Ван Гога. Тебе, Митя, знакомы эти имена?

– Имена эти я знаю, но их творчества не знаю. Помню только картинки Нади.

– Понятно. Ещё нагонишь, если захочешь. Должен тебе сказать, что масса больших живописцев являются и великолепными рисовальщиками. Вот несколько фамилий: Серов, Репин, Иван Крамской. У них и силуэты, например, прекрасные, и живопись.

Ещё что тебе хочу сказать. Рисуй, ходи на выставки художников. Это в Москве Третьяковская галерея, Пушкинский музей изобразительного искусства...

Проси родителей, чтобы купали тебе альбомы и книги художников и о художниках. Существуют дневники, письма, тексты,

принадлежащие Микеланджело, Леонардо, Делакруа, Винсенту Ван Гогу, Кандинскому. Эти вещи – своеобразные автопортреты. Они описывают авторов, окружение их, взгляды на искусство...

Читать надо и великих писателей. Художественная литература позволит сформировать твой внутренний мир. Чем больше ты читаешь, тем этот мир будет богаче.

Объявили, что следующая остановка Подольск.

Полицейские встали.

– Ну, что? Наговорился? Пошли, художник! – это один из людей в форме обратился к художнику.

Тот поднялся, приподнял шляпу в знак прощания. Первым пошёл полицейский, который скомандовал идти. А следом и другой. У последнего от запястья шла тонкая цепочка к руке благообразного мужчины.

Уходя он бросил пассажирам:

– Извините. Жизнь вмешалась в нашу беседу.

Как-то нехорошо было произнесено полицейским слово «художник», нехорошо. Первый раз я видел, что заключённого везли на общественном транспорте.

За что его? Что он натворил? – эти вопросы долго мучили меня. Но ответов у меня не было.

Часть 9. Поэзия

Г. Нисский. Обнаженная. 1958

Виктор Голков

Израиль

Встреча

Постучала тревожно в калитку мою: «Отвори!»
Я поднялся с постели под жалобный скрип половицы.
В темноте моих близких белели расплывчато лица,
за окном разгорался осколок осенней зари.

Двор, засыпанный листьями, не торопясь пересечь,
я под ветками шёл, беспричинно внушавшими жалость.
Мне казалось: она к деревянной калитке прижалась,
в тёмно-серой косынке, как будто сползающей с плеч.

Заметалась душа в непонятной и жгучей тоске .
Различил я, как тлеет болезненный, странный румянец.
И на прежнюю жизнь оглянулся я, как иностранец,
на полоску чужой, безымянной земли вдалеке.

Кто она, эта женщина? Раньше её не встречал,
но почувствовал – глянет, и в пропасть за ней побреду я.
Протянула ладонь – стало жутко – такую худую,
и не в силах ответить, беспомощно я промолчал.

Цепенели в низинах холодные топи болот.
Грибовидный туман вырастал из коричневых пашен.
Сбит на скорую руку, предутренним светом окрашен,
начинал своё плаванье новой судьбы моей плот.

Валентин Нервин

Воронеж, Россия

Отчего я сегодня с утра

Отчего я сегодня с утра
заплутал у полоні печалі? –
даже спирт не идет на ура,
даже мысли во мне одичали.
То ли шапка на воре горит,
то ли дух по этапу восходит,
но постылая плоть говорит,
а пытливая кровь колобродит.
За душой – не копеечный флирт,
не пустая вода из-под крана,
а живой, неразбавленный спирт
из граненого злого стакана.
Разлетаемся... Et cetera,
по закону всемирной печали.
Не о том ли сегодня с утра
перелетные птицы кричали?

***

По дороге на Черную речку

Александр Сергеевич Пушкин – замечательный русский поэт.
Из учебника по литературе

По дороге на Черную речку
начались Окаянные дни.
Не гаси поминальную свечку,
заодно и меня помяни.
От Воронежа до Магадана,
дорогая Отчизна, пора
помянуть Александра, Ивана,
Михаила, Бориса, Петра...
Мы хлебнули из пушкинской кружки
и до срока сошли в Интернет.

Александр Сергеевич Пушкин –
замечательный русский поэт.

Евгений Сливкин

США

И осталось от города Питера

И осталось от города Питера
прежних времен
интеллигентных пятеро
белоперых ворон,

с видом значительным
птиц одного круга
державшихся на почтительном
расстоянии друг от друга.

Хвост волоча, как наволочку,
разодранную на полосы,
ходят они вразвалочку
по полису, словно по лесу.

Не сомневаясь – надо ли,
выжить во всю пытаются,
и с достоинством падалью
день изо дня питаются.

Июль 2017

Пациент

Как на стезе земной да без анестезии!
Такую боль терпеть – не вытерпишь всерьез.
А Бог на всех один, особенно в России,
Он – Яхве, Он – Аллах... Он общий, как наркоз.
Прилажены ко ртам дыхательные трубки,
а вентиль под рукой: открыл – и хлынет газ;
с шипением змеи и ворковней голубки
во внутрь он потечет и вмиг заполнит вас.
И вся-то маята, предсмертная забота –
придет ли благодать от закиси азота!
Легучий десфлюран! Светящийся ксенон!
Какую взвесь вдохнуть? Какой обнять баллон?
Но даже под ножом –
молитвенную позу
и просветленный взгляд по направлению вверх
не практикует Тот, кто вышел из наркоза
и принял... не грехи, но эту боль – за всех.
И в рабском, как сказал один поэт, обличье,
оставив позади смятенный медконвой,
Воскресший Пациент идет страной больницы,
и руки в первый раз не держит за спиной.

Лариса Миллер

Москва, Россия

Памяти Любы Ребельской¹¹³

Кто подтвердит, что я жила
И что росла я на Полянке,
И что зимой возила санки,
А по весне венки плела
Из одуванчиков? А их
В Замоскворечье было много.
Они желтели у порога.
Остался ль кто-нибудь в живых?
Еще хоть чья-то вьется нить
Из населявших мир мой детский,
Из заходивших по-соседски
За солью или позвонить?

15 ноября 2017

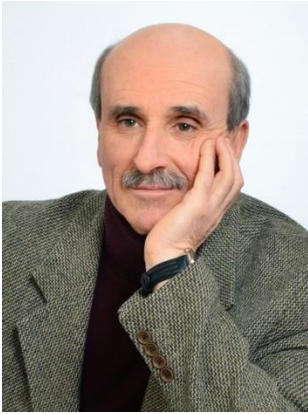
---

¹¹³ Любовь Иосифовна Ребельская-Кузнецова – автор ЧАЙКИ и мама автора журнала Сергея Кузнецова.

Владимир Спектор

Бад-Зоден, Германия

У домика Даля

– У домика Даля¹¹⁴, где часто бывали,
Увидимся снова? – Не знаю. Едва ли.
Хоть там всё, как прежде, скамейка, аллея...
Но сердце — левее, и время — чуть злее.

Я помню, я знаю, и, память тревожа,
Спешу вдоль аллеи, в надежде, что всё же
У Даля в четверг соберутся поэты...
Так было. Я помню. Спасибо за это.

---

¹¹⁴ Владимир Иванович Даль родился в Луганске, о чем говорит его псевдоним «Казак Луганский» (прим. ред.)

Юрий Хейфец

Москва, Россия

Необратимость событий лишь кажется таковой

Необратимость событий лишь кажется таковой:
Попроси прощенья у матери. Молча прости отца.
Невзначай поцелуй жену. Соседу кивни головой.
Начни сначала молитву, непрочтённую до конца.
Вернись к любимому делу, что денег не принесло.
Возьми специально отпуск, чтоб съездить, куда хотел.
Попробуй понять искусство как бывшее ремесло,
Которому надоело скопление бездушных тел.
Заметь, не прошу тебя я вдруг взять – поменять жильё,
Город, страну, планету, Вселенную и жену:
К таким дешёвым приёмам прибегает одно жульё,
Кричащее: «Вижу небо – пусть даже иду ко дну!» –
Необратимость событий есть вредная сказка, друг:
Ведь то, что зовётся временем, в самом тебе и течёт –
Оно то квадратом кажется, то напоминает круг,
Но кто сам себе хозяин, а кто – из племени слуг,
Когда нибудь, да решится – пусть медленно, а не вдруг –
И лучше изведать счастье, чем впасть в роковой испуг.
И в этом стоит, по-моему, себе отдавать отчёт.
23.11.17.

Саша Немировский

Сан-Франциско, США

Швейцарская открытка

Циферблаты озер,
Как текущее время Дали.
Секундная стрелка соборного шпиля под вечностью гор.
Корабли.
Их снастей перебор
У причала
Переходит в тумана простор,
Разрезаемый замком, где плечами
Две башни
И над левой в дали –
«Маттерхорн»
Сквозь альпийские кряжи.

Разговор
На немецком прохожих
Спотыкается в русский.
Туристы с востока, на швейцарском курорте.
Как будто опять девятнадцатый век.
Только блузка
По моде. Открытые ножки
И на отвороте
Сапожек чуть стёрто.
Да солнце замедлило бег.

Водопады из рек
Сходят в озеро возле отеля –
Здание в стиле прошедшей эпохи.
Бухта. Плёс.
Ледники набегают волной по прозрачной воде.
Силуэт Вильям Теля -
Памятник у новостройки.
Белый лебедь скользит и балетною пачкою хвост.
Па-де-де.

И конечно симфония просится

В нотную запись. Подыграть этой птице-царевне.
Мелодию снега и тему крыла.
В вышине гнутся горы колосьями.
Дует время сквозь щербатые гребни.
А про всё остальное история соврала.

(Январь 2017, Лугана)

Александр Шиварг

Лондон, Англия

Листопад

Александр Шиварг написал это стихотворение в 1940 году, когда в Китай вошли японцы, посадившие его в концлагерь на 3 года, пока он не сбежал оттуда. Все его студенческие стихи были уничтожены. И вот – почти через 80 лет Шура их вспоминает (прустовская история!), наблюдая за листьями на ветру. В голове выскочило прекрасное слово «листопад», стало вертеться, подобно листьям, и стих всплыл. Шура мне сразу позвонил и попросил напечатать на компе. Такой вот наш мозг – свинья-копилка. К счастью!

(Лейла Александер-Гарретт, Лондон)

Не уйти от злой осенней грусти
Погибать, так погибать запоем,
Сердце, ты исчерпанное хрустни,
И рассыпья золотой листвою.
По дорогам пыльным и далеким
Пронесись ты жалобно, как ветер.
Пусть услышат твой тоскливый окрик
Все сердца грустящие на свете.
По дубравам будто бы заснувшим,
Где проказой золотой пылая,
Старый лес грустит о всем минувшем,
С каждым днем все больше забывая.

О, рассыпья золотистым хламом,
Хлам ненужный, скудный хлам поэта.
Ветер сунет клочья по карманам,
И в сыром тумане сгинет лето
Над безмолвно плачущей рекою.
С лебединым вздохом лето сгинет,
И под вечер дряхлой рукою
Ночь старуха шаль свою накинёт.

И уже по лету не скучая,
будто осень ничего не значит,
В желтом листопаде утопая,
Твой хозяин даже не заплачет.

1940 год

Валентина Синкевич

Филадельфия, США

К своему 91-му дню рождения, 29 сентября 2017 года, поэтесса Валентина Синкевич пришла с новыми стихами.

Стихотворение «О тишине» эксклюзивное, написано специально для ЧАЙКИ, за что редакция журнала сердечно благодарит Валентину Алексеевну. Стихотворение «Володе» обращено к многолетнему другу поэтессы художнику Владимиру Шаталову.

О тишине

Мне не нужно громкой Америки –
трудно было б в Нью-Йорке жить,
там подолгу сидела б в каком-нибудь скверике,
рассуждая: «Быть или не быть?»

Что нью-йоркские все небоскребы
с их безумным стремлением ввысь?

Хатки поэту достаточно, чтобы
воскликнуть: мгновение остановись!

Сколько чудно-прекрасных мгновений:

Пушкин, Гете и те,
среди которых рождается гений,
пишущий о надземной красоте
в своей тишине, в которой так много
для вдохновения, мысли, стиха.

В ней пустыня слушала Бога,
потому что, как ночь, была тоже тиха.

9 сентября 2017 года

Володе

Предстоит ли нам встреча – не знаю.
В тех краях ведь свои права.
Здесь я верила нашему раю-
я ведь в этом была права?

Или в том, что нам солнце светило
и подсолнух тянулся к нему?
Это было у нас, ведь было!
И не спрашивай – почему?

Просто время настало акаций -
и цветущих – яблонь в саду.
Жизнь мы прожили здесь без оваций –
я, как ты, без оваций уйду.

А встречаться неужто не будем
там, где ангелы и небеса?
На земле мы не верили судьям,
но на небе ведь есть чудеса?

Август 2017

Часть 10. Детский Альбом

Д. Штеренберг. Аниська. 1927.

Виолетта Гребельник

Рим, Италия

Загадки леса. Новогодняя сказка

Множество загадок в лесу. Некоторые уже разгаданы. Например, почему у медведя хвост короткий? В проруби заледенелой примёрз ранней зимой. Почему у цапли клюв длинный? Чтоб удобнее из кувшина есть. Для чего жёлуди под дубом? Чтобы сборище было где устраивать кабанам диким. Зачем сорока стрекочет? А как ещё можно новости по лесу разнести?

Лес большой, загадок не счесть. На столетия хватить. Возможно и до нескончаемых веков. Один его секрет я разгадала. Не буду вдаваться в подробности, как это удалось. Иначе получится история слишком длинной, в неё смогут поверить только дети. Чтобы поверили и взрослые, не должна она превышать размеров почтового уведомления. А то, пожалуй, и читать не станут.

Вы знаете, что праздник Нового года отмечаем не только мы? Говоря мы, я подразумеваю малышню в детских садах, ребятню во дворах, всех мам, пап, дедушек, бабушек и даже моего кота Микушу. Он тоже празднует, съев свою порцию лососевой рыбы и растянувшись у камина.

Так вот, кроме нас, празднует Новый год вся лесная братия. И ёлок у неё для этого предостаточно. Хотя обычно выбирают самую высокую, самую пышную, ту, что в самой чаще и подальше от людских глаз. Готовиться начинают заранее. А вы как думали?

Мероприятие важное, случается раз в году. Нельзя ударить в грязь мохнатой мордой, нельзя разочаровать Деда Мороза. Он ведь обязательно заезжает к ним на санях и прямо под раскидистую ель.

В этот час запрещено волкам гоняться за зайцами и косулями, белкам прыгать по праздничной ёлке, лисе заниматься всякой хитростью. К слову сказать, однажды она так запутала следы, что гости вместо того, чтобы очутиться у нарядной хвойной красавицы, оказались на опушке леса. Еле «ноги» унесли от деревенских собак. А Новый год тем временем наступил. Досталось же Патрикеевне тогда от Деда Мороза!

На праздник сходятся все обладатели четырёх лап, слетаются все пернатые, и не только ночные, совы да филины, но и те, кто обычно рано укладываются спать, румяные снегири и задиристые синицы.

Новогодний праздник – хоть и не бал, где правила игры диктует парижская мода, а всё-таки в рабочей одежде не придёшь. Нужен новый наряд. Какой новый наряд может быть у лесного обитателя, да ещё зимой? Конечно, новая шуба. Может показаться, что здесь, в лесу, эта проблема неразрешима. Нисколько.

Спроси любого лесного зверя, и он, не колеблясь, подскажет, кто держит мастерскую по пошиву меховых изделий. Не догадываетесь? Тот, кому иглок не занимать.

Знаю, мне возразят, мол, ёж с ежихой осенью укладываются на зимнюю спячку, так написано в умной книге. А тот, кто писал такую книгу, проверял? Заглядывал в нору? Если бы заглянул, то уточнил бы. Да, действительно, семейство ежа впадает в длительный сон. Но ни осенью, ни в начале зимы, – а именно первого января. Так и запомните. Первое января – Всемирный день начала зимней спячки ежей.

До этого дня еж принимает заказы и шьёт, торопится, времени у него лишь до Новогодней ночи. Заказов много и все индивидуальные. Тут не просто запыхаешься, тут бы чего не перепутать. Вот он и пишет на длинном берестовом листе, кому что нужно. Зайцу непременно белую шубку, да помягче. Лиса пожелала мех подлиннее, огненно рыжего цвета, и непременно с белой кисточкой у кончика хвоста. Волк был немногословен: «Чтобы тепло было. В прошлый раз брюхо подмерзло». «Вот и славненько, – подумал ёж. – Можно пустить обрезки разных серых оттенков». Трудится ежовое семейство. Замеряют, метают, примеряют, подгоняют. Индивидуальный заказ – дело не шуточное.

Гулял медведь по лесу, гулял и насмехался над суетой лесной братии. «Мне, хозяину леса, ни к чему такая спешка, – думал он,

переваливаясь на косолапых лапах. – Мне как хозяину леса ежи за день новую шубу справят». И полез в лошину, где заросли ежевики.

Истекало время декабря, январь не за горой. Направился медведь прямо к ежовой норе. А тот ему под нос берестовый лист тычет. «Взгляни, какой список! У меня ещё двадцать белок без шуб, сова без манто, лось в ожидании двух пар лосин. А примерки, подгонки! Ты, хоть и хозяин леса, но не хозяин меховой мастерской. У меня всё по справедливости. На том и стоим, – он фыркнул прямо в ухо оторопевшему медведю. Следом фыркнула ежиха, высунув кончик носа только за этим.

До празднования Нового года оставался один день. Пошёл медведь к реке, глянул на себя в зеркальную ледяную гладь и призадумался. Шуба вылиняла, на боку висит надорванный клочок. «Где это я так порвался? Ах да, за сук зацепился, когда полез в дупло к пчёлам – мёдом полакомиться». На шее мех тоже был изодран и распорот. «Это ещё что такое? – недоумевал он, но тут же вспомнил. – Точно, это когда ежевику собирал».

Пригорюнился косолапый: «Нельзя мне, хозяину леса, в таком виде предстать перед Дедом Морозом»... И побрёл по ложбинам место искать, где бы укрыться. С тех пор не празднует медведь Новый год. Спит в берлоге, лапу сосёт и видит сны, где он шубы меряет, да приплясывает.

Если всё же спросите, как я узнала об этой истории, отвечу. Довелось побывать на лесном празднике. Как очутилась там? А это совсем другая история и сейчас не о ней.

Могу только добавить, что снегири и синицы – великие мастера украшать Новогоднюю ёлку.

Лиза Дерст

Юнионтаун, США

Новогоднее приключение дракончика Тима

Жил-был на свете дракончик Тим, или Тими, как ласково его называла мама. Любой, кто разбирается в драконах, сразу бы заметил, что Тими был очень красивым и хорошо сложенным драконом. Когда он только вылупился из яйца, он был ярко-красного цвета, но сейчас,

он становился огненно-красным. Его шипики на голове и вдоль спины приобретали оранжевый оттенок и ярко блестели в лучах светил. А его длинный сильный хвост стал почти апельсинового цвета. Тими очень гордился своим хвостом. Благодаря ему, он лучше всех летал среди своих сверстников. Жил Тим вместе с мамой и папой в большом и удобном гнезде, почти у самого подножья огромного, как гора, каменного дерева. Оно было таким большим, что его ствол невозможно было облететь даже за два дня. А его крона скрывалась высоко в небе, спрятанная за облаками, и даже в самый солнечный день, под лучами трех светил, нельзя было рассмотреть, где же оно заканчивалось. Тим никогда не видел вершины этого дерева, как бы высоко он не залетал. Его мама тоже не видела вершины дерева, она была еще совсем молодой, ее чешуя только недавно стала приобретать зеленый оттенок. Папа им обоим обещал, что когда-нибудь они предпримут долгое путешествие к вершине дерева, но до этого было еще далеко. Папа Тима был большим красивым лазурного цвета драконом. Он был очень добрым и мудрым. Среди всей их стаи, он был единственным лазурным драконом и по праву был предводителем. К нему всегда прилетали за советом и часто просили помощи.

Этим утром дракончик Тим проснулся в самом прекрасном расположении духа. Он растянулся в приветливой улыбке, оголяя два ряда острых белых зубов.

– Доброе утро, Тим, – радостно поприветствовала его мама, разжигая посреди каменного гнезда небольшой костер. Из ее пасти вырвалась струя огня, и сухие ветки тут же затрещали, объятые жарким пламенем. – Пора чистить хвостик, малыш.

Тим быстро подскочил на лапки, потянулся и с разбега прыгнул в жаркий костер. Чем сильнее разогревался дракончик в языках пламени, тем ярче светились его чешуйки. Тим раз за разом переворачивался с одного бока на другой, чтобы равномерно прогреться.

– Заднюю лапку подогрей, – командовала мама, – а теперь мордочку.

Когда Тим стал ярко светиться, мама стала натирать его чешуйки своими передними лапами. Хвост Тима и правда был очень грязный, все оттого, что вчера Тими очень устал, после долгого дня игр и вертикальных вечерних гонок, и плюхнулся спать не почистившись.

– Ну, сколько еще, – нетерпеливо протянул дракончик, следя за тем, как мама начищала его хвост.

– Еще немножко, – улыбнувшись, сказала мама, полируя неподатливые чешуйки на хвосте малыша.

Когда Тим засверкал от головы до кончика хвоста, мама разрешила ему встать. Костер почти догорел, как раз вовремя.

– Ну, малыш, чем ты сегодня займешься? – поинтересовалась мама.

– Мы сегодня с Линой полетим в западный лес. Я хочу выбрать нам на новый год елку.

– Это здорово, Тими. Возвращайся обратно до темноты, хорошо?

– Конечно.

Мама успела чмокнуть малыша в лобик, прежде чем он с разбега выпрыгнул из пещеры, широко расправляя крылья.

Не успел малыш набрать скорость, как услышал, что сзади его уже кто-то догоняет. Это была Лина, его лучшая подруга. Она была очень красивой красно-розовой дракошей, кончик ее хвоста уже был совсем оранжевый, и она очень этому радовалась.

– Попался, – радостно закричала она, хватая Тими за хребет своими длинными задними лапами.

– Я только почистился, – возмутился дракончик. Он легко перевернулся в полете и сбросил подругу со спины. Та быстро сориентировалась в воздухе и полетела справа от Тима.

– Давай наперегонки до леса, – предложила она. Не успел Тими ответить, как Лина уже вырвалась вперед, изо всех сил махая крыльями. Друзья обожали эту игру, больше всего, конечно, Тими, потому что он почти всегда побеждал. Дракончик быстро догнал подругу и уже на полголовы вырвался вперед.

Они очень быстро долетели до края леса, и Тими снова победил. Но Лину это несколько не расстроило. Они медленно залетели в лес, держась ближе к вершинам деревьев и с высоты выискивая идеальную елку.

– Вот эта красивая, – заметила Лина, указывая на небольшую ель.

– Слишком маленькая, – покачал головой Тим, – я хочу большую елку, чтоб до самого потолка пещеры доставала.

– Это еще зачем? – не поняла Лина,

– Ну как же ты не понимаешь, чем больше елка, тем больше под нее войдет подарков.

– Я об этом не подумала, – согласилась Лина. – Ладно, давай искать большую.

Они продолжили кружить над лесом, пока не нашли идеальную, как им показалось, елку. Дракончики быстро спустились вниз, и Тими стал грызть ствол своими острыми, как бритва, зубами, как вдруг ему в затылок полетела шишка. Сначала он подумал, что шишка упала с елки, оттого, что он ее тряс, но тут в него снова полетела шишка, хотя он и перестал грызть ствол.

– Что это? – Лина стала озираться по сторонам.

- Оставьте в покое елку, – пропищал кто-то сверху.
- А ну-ка, покажись, – грозно велел Тими, но в ответ его снова шлепнули шишкой по голове.
- Кто это тут такой невежа? – рассердился Тим.
- Это ты невежа, – снова запищал голос, – это моя елка.
- Мы ее первые нашли, – заступилась за друга Лина.
- А вот и нет, – возмутился голос, и теперь шишка полетела в голову Лине.
- Ой, – расстроилась она, потирая лоб.
- А ну-ка, выходи, – возмутился Тими.
- Нет, – пропищал голос, и малыши были закиданы шишками.
- Тим и Лина быстро поднялись в воздух и решили быстрее лететь домой.
- Мама, мама, – кричал Тими, залетая в пещеру, – нас шишками закидали, – пожаловался он.
- Почему? – спокойно спросила мама.
- Просто так, – выпалил Тими, мы начали грызть елку, чтобы принести сюда на Новый год, и вдруг откуда ни возьмись – шишки.
- Просто так никто шишками не кидается, – улыbnулась мама.
- Значит, кидаются, – не согласился Тими, и по его щеке потекла слеза.
- Ты чего это, сынок?
- Теперь у меня не будет много подарков.
- Это еще почему? – не поняла мама.
- Он ведь не смог принести домой большую елку, – вмешалась Лина, – значит, некуда будет положить подарки.
- Мама Тима скрылась в самом дальнем углу пещеры, а потом вернулась с двумя коробками, перевязанными ленточками.
- Это вам, – сказала она, протягивая коробки малышам, – это Вам Дед Мороз передал.
- Но ведь еще не Новый год и у нас нет елки, – растерялся Тими.
- Для того чтобы подарить кому-то подарок, совсем не обязательно ждать Нового года, это можно сделать в любой другой день. И Деду Морозу совсем не важно, есть ли у тебя в доме елка, он приносит подарки детям, потому что он их любит. А теперь летите обратно и узнайте, кто и почему кидался в вас шишками.
- Ребята оставили коробки и вернулись в лес. Подлетев к елке, они увидели на земле бельчонка, он тщетно пытался приклеить опилки, обгрызенные Тими, обратно к стволу дерева. Заметив двух драконов, бельчонок очень испугался и нырнул в маленькое дупло.
- Выходи, не бойся, – проговорил Тими, когда они с Линой приземлились рядом с дуплом.

Бельчонок вылез из дупла, держа наготове маленькую шишку. По сравнению с драконами-малышами он был совсем крошечный и мог уместиться в лапе у любого из них.

– Так это ты бросался в нас шишками? – возмутилась Лина. – Нельзя же так.

– Вы хотели разрушить мой дом, – пропищал бельчонок.

Дракончики вдруг поняли, что елка была домом для бельчонка и его братьев и сестер. Лина с Тимом переглянулись, и им стало очень стыдно.

– Прости нас, – искренне извинились дракончики.

– Мы поможем тебе починить твой дом, – добавил Тими.

Они с Линой принялись облизывать ствол и приклеивать к нему опилки, как оказалось, драконья слюна очень липкая. Потом Тими вдруг исчез и вернулся совсем скоро с огромной коробкой в руках, той самой, что подарила ему мама.

– Это вам от Деда Мороза, – проговорил Тими, протягивая бельчатам подарок.

В коробке оказался паровозик, он был слишком большим для бельчат, поэтому Тими и Лина остались в лесу и долго катали их по лесу в вагончиках поезда. А в Новый год Тими получил еще больше подарков, хотя у него совсем и не было елки.

Анжелика Стынка

Санкт-Петербург, Россия

Тайна волшебных гномов

Эта история случилась зимой, когда жители одной удивительной и загадочной страны готовились к весёлому празднику – новогоднему карнавалу.

В тот счастливый морозный вечер в дверь дома, где беззаботно проживала большая семья маленьких гномов, раздался тяжелый, гулкий стук, а за окном послышался жалобный голос:

– Впустите меня! Я замёрз!..

– Кто там? – удивился папа гном. – Кто стучится в наш дом?

Папа гном знал, что их дом невидим. Совсем невидим! Сказочная страна надёжно спрятана за непроходимыми лесами, снежными горами и бескрайними морями, и никакой случайный путник не мог бы так запросто постучать в окно дома гномов.

Однако папа гном услышал в ответ:

– Это я – Снеговик. Несчастный и продрогший Снеговик. Меня слепили городские дети. Слепили и забыли... Простояв ночь на морозе, я очень замёрз. Утром решил ноги размять, пошёл гулять и заблудился. Очутился в дремучем лесу, испугался – в лесу так страшно! Под ёлками сидят голодные злые волки!.. Откройте, пожалуйста, дверь.

«Ах, что делать? Как поступить? – напряжённо размышлял папа гном. – Вход в страну гномов держится в строгом секрете. Впускать никого нельзя!»

– Давай выглянем на улицу и убедимся, что там действительно Снеговик, – шёпотом предложила мама гном.

– А если там не Снеговик? Вдруг злая Лесная Ведьма нашла способ проникнуть в нашу страну?

Папа гном принялся размашисто шагать по комнате, а мама гном выглянула в окно. На белом снегу она разглядела толстого Снеговика с морковкой вместо носа.

– Ну вот! За окном обычный Снеговик. Ой, он приветливо машет мне лапой!

Мама гном обрадовалась. Папа гном прилип носом к стеклу: ему по-прежнему не верилось в то, что кто-то может так просто отыскать домик гномов!..

– Ему холодно, он совсем продрог, – пожалела Снеговика мама гном. – Ах, как мы жестоки!

– Хорошо, – согласился, наконец, папа гном. – Он выпьет горячего чаю, съест вкусную баранку, согреется и уйдёт.

Я жила в обычном доме, в обычном городе, в обычной стране. Никто из моих соседей и друзей не знал, что я волшебница. И когда поздним вечером тридцать первого декабря кто-то громко прокричал за моей дверью: «Волшебница, отвори немедленно!» – я очень удивилась.

Ещё более удивилась я, открыв дверь. На пороге никого не было. Тогда мне срочно понадобились розовые очки. Нацепив их на нос, я тут же увидела перепуганного малыша из страны гномов.

«Ох, что-то нехорошее произошло в волшебном лесу», – решила я.

– Да, да! Случилась страшная беда! – воскликнул вслух малыш.

«Он читает мои мысли!» – удивилась я.

– Я ещё маленький, – пояснил гном, – и легко читаю краткие мысли. Зато мои родители...

Гномик расплакался. Он плакал так горько и жалостно, что сердце моё дрогнуло, и я протянула ему волшебную шоколадку. Важные

шоколадки я по пустякам не раздаю и прибегаю к помощи верного средства только в экстренных случаях. Случай был как раз такой!

С шоколадкой в руке гномик перестал лить горькие слёзы, высморкался в мой новый передник и приказал: «Не отвлекайся, а готовься в дорогу! Бери всё, что есть и может пригодиться. Скоростные лыжи, волшебные очки, увеличительное стекло, уменьшительные капли... И не забудь книгу с заклинаниями. С ее помощью ты расколдуешь моих родителей!»

Незванный гость командовал мною! Однако, зная повадки гномов, я не обиделась, а спешно принялась собирать в дальнюю дорогу походный рюкзак. Забрасывая в рюкзак волшебные вещи первой необходимости, я расспрашивала:

– Скажи, малыш, а что случилось с твоими родителями?

– Они открыли дверь и впустили Снеговика.

Ну и ладно. Подумаешь! В гости зашёл Снеговик! Ко мне ведь тоже нагрянул гномик.

– Это был не настоящий Снеговик! – возмущённо воскликнул гном.

– А кто?

– Лесная Ведьма!

Я удивилась! Не очень-то верилось в то, что говорил мой маленький гость. Я точно знала, что Лесная Ведьма не может проникнуть в страну гномов, которая надёжно упрятана от мира людей и тёмных сил.

В этой истории всё странно. Передо мной, раскачиваясь на табурете, сидит целый и невредимый гном! А из лап Лесной Ведьмы выбраться невозможно. Коварная Ведьма легко превращала крошечных человечков в конфетные фантики, жёлтые бананы или ёлочные игрушки.

– Меня Ведьма не нашла, – перебил мои мысли гном. – Наша семья собиралась на карнавал. Мои сестрички начищали золотым воском старые башмачки, мама утюжила новые карнавальные костюмчики, а папа и старший братик наряжали высокую ёлку. А я крепко спал в потайном месте. Так уж вышло, что я самый ленивый в семье... Проснувшись, я нашёл на полу шесть ёлочных игрушек и два банана! А ещё! Пропал карнавальный костюм!..

– Ох-ох-ох! – слов у меня не нашлось.

На волшебных лыжах до зимнего леса мы дошли быстро. Вернее сказать, дошла я, а гном доехал. Всю дорогу он, сидя на моём плече, дрыгал ногами, обутыми в остроносые башмачки, и кричал:

– Волшебница, смотри, смотри! Видишь ели, по пояс утопающие в глубоком снегу? Случайному путнику они мешают передвигаться

через волшебный лес. А сосны видишь? Они протыкают острыми макушками облака и вызывают обильный снегопад.

Я крутила головой вправо и влево, как велел мне гном, пока малыш скороговоркой не прокричал странные слова, обращённые неизвестно к кому.

В тот же миг на чистом белом снегу появилась блестящая, сверкающая на зимнем солнце коробочка.

«Кто-то потерял коробочку с драгоценностями!» – воскликнула я.

Честное слово, эти необдуманные слова я произнесла без всякого злого умысла! И всё же гном обиделся и рассерженно фыркнул: «Это моя любимая страна, а не коробочка! Эх, а ещё называешься волшебницей!»

Тогда я достала из рюкзака увеличительное стекло и сразу увидела: поля с горошину, леса с мизинец, реки с волосок и – город! Славный крошечный город. Но как же я в него войду?

– Вырви волосок с моей головы, и ты тотчас превратишься в крошку! – приказал мне гном.

Его затея мне не очень понравилась, но пришлось согласиться, ведь других вариантов у нас не было.

Как только в моих руках оказался волшебный волосок, я не узнала саму себя. На ногах появились красные башмачки, на голове – зелёный колпак. И это бы ещё ничего, но моё лицо... изменилось до неузнаваемости! Оно раздалось вширь, уши выросли до гигантских размеров, а нос превратился в плоскую розовую пуговку.

Гномик, увидев меня в новом облики, громко расхохотался.

Мы вошли в город, где меня, простую волшебницу, удивляло абсолютно всё. Вымощенные золотом пешеходные дорожки, выкрашенные в лиловый цвет деревянные мостовые. Пурпурные дома гномиков. И говорящий фонтан!

Когда мы проходили мимо, он, брызгая водой, сетовал:

– Раньше, когда мне было не так много лет, гномы подолгу любовались мной, а теперь каждый занят своим делом и никому нет дела до старого фонтана...

Мне было дело до фонтана! Очень хотелось побеседовать с ним, но гном, раздражённо дёрнув меня за руку, зашептал: «Ты что, забыла, зачем сюда пришла?!» Конечно, я помнила! Мне нужно спасти семью гномов! И обезвредить Лесную Ведьму! Но ведь говорящие фонтаны встречаются не на каждом шагу!..

Гном по делам убежал в город, а я осталась его ждать в маленьком уютном кафе. Скушав от напряжения, пять шоколадных тортов, я

очень удивилась! Бархатная курточка, которая была на мне надета, и сидела ладно! Отчего-то, затрещала по швам. Но гном вернулся вовремя!

«Кое-кого совсем не узнать! – пробурчал он, пропихивая меня через дверь.

Выкатившись шариком на улицу, я заметила, что в городе гномов шёл снег. Мягкий, пушистый он искрился под светом уличных фонариков.

Мы бежали. Мимо домиков гномиков. А мне так хотелось остановиться и заглянуть в какое-нибудь окошко. Ах, меня распирало любопытство! Я никогда не видела убранства домиков гномиков! Но, мы спешили! Торопились!

В пути нам повстречались розовые кошки. Они мурлыкали под нос новогоднюю песенку: «В городе гномов хозяйничает звездная ночь. Сказочное время близится к полуночи. И это очень хорошо, потому что скоро наступит праздник! Начнется карнавал, и нам подарят сладкие подарки».

А потом, нам пришлось оставить отпечатки носов у страж городского порядка – белых ворон. Строгие вороны определяют личность гнома исключительно по носу! У гномов носы совершенно разные. У меня – ужасная розовая пуговка с двумя дырочками. А у моего маленького друга – милая, красная вишенка, ему повезло! Ещё встречаются гномы с носами-картошками или носами-сливами.

Домики гномиков остались позади, а перед нами, вырос высокий забор, на калитке которого висело пятьсот сверкающих серебряных замочков!

– Пятьсот ровно! – радостно воскликнул гном.

Я же невесело подумала: «Даже если у малыша есть ключи от всех замков, мы все равно опоздаем на карнавал!»

– Нет, ключи не нужны! Мы пойдём другим путём! – твёрдо произнес мой друг и подставил мне спину.

Перемахнув через забор, я рухнула на зелёную поляну, уткнувшись носом в густую траву. Но в городе гномов лежал снег! Мимо меня пролетела белая бабочка. Где-то вдали затрещал кузнечик.

«Ты видишь лесную поляну, а я вижу Главного Гнома, а что видит он, не знает никто», – быстро произнес гномик.

Я и глазом не успела моргнуть, как передо мной, с неба на землю опустилась грозная фигура. Главный Гном с нами даже не поздоровался (ну и нравы у гномов!), а сразу приказал: «За мной!»

За ним оказалась огромная бочка, доверху набитая крупным жемчугом. В жизни такого жемчуга я не видела! Каждая жемчужина была размером с ладонь!

– Перед тобой слезы гномов, накопленные за семь веков, – грустно качнув головой, произнес Главный Гном, а, присанившись, важно добавил. – Они помогут тебе расправиться с Лесной Ведьмой.

Набив карманы сокровищами, я полезла обратно через забор. Но услышала за спиной: «Почему волшебница норовит перелезть через забор, когда есть обычная калитка? Что за странные нравы у людей»?!

– Да. Странные и смешные нравы, – тихо зашептал в ответ маленький гном. – Я это тоже заметил. Когда мы пришли, я ей калитку, ведущую к тебе на зелёную поляну, сразу показал и про яркие маленькие замочки, просто украшающие вход в заповедное место, всё толком объяснил. А она – скок через забор!

Попав на карнавал и надев разоблачительные очки, я сразу увидела её! Лесная Ведьма лихо выплясывала с гномами! А они ни о чем не догадывались, потому что на колдунье ладно сидел карнавальный костюм.

Я приготовилась! Собралась с мыслями! Достала книжку с заклинаниями. Но вдруг хитрая старуха, унюхав близость опасности, разорвав зажигательный хоровод, быстро подбежала к нарядной елке! Нырнув под пушистые ветки, она скрылась!

Ах! Какое несчастье! За волшебными ветками Лесная Ведьма сможет совсем затеряться, а там, ровно в полночь она разглядит золотую дорогу. По ней в гости к гномам заспешит мальчик – Новый год. Если старуха похитит Новый год, мне уже никогда не расколдовать семью гномов!

Пушистые ветки укрыли меня с головой! Звонко ударившись об алюминиевое ведро, я не растерялась, а двумя руками ухватилась за мнимого Снеговика. Лесная Ведьма не сдавалась! В мире зла она слыла сильной колдуньей. Но правда была на моей стороне! А слезы гномов, огромные жемчужины, лежали в моем кармане! Я быстро набила ими волшебную трубочку! Да как пульнула из всех сил по Лесной Ведьме!

О, я успела вовремя! Под пушистыми ветками ёлки осталось лежать ржавое ведро и огромная морковка. Именно в это самое время появилась золотая дорога! По ней чинно зашагал звездный мальчик. Его шапочка горела. Пальтишко светилось! Башмачки переливались.

Куранты били полночь! Все жители удивительной страны: веселые гномы, розовые кошки и белые вороны взялись поздравлять друг друга с пришедшим Новым годом! Звездный мальчик появился в

городе гномов среди веселящегося волшебного народа! Он принес с собой счастье и удачу на круглый год!

Потом я расколдовала два банана и шесть елочных игрушек. Вся семья гномов влилась в общее веселье!

Тот Новый год был таким замечательным! Гномы меня благодарили. Каждый из них подарил мне красивый подарок. А что потом?..

Потом они сложили подарки в рюкзак, тяжёлый рюкзак повесили мне на спину и выставили меня из своей страны. Ну и нравы у гномов, скажу я вам!

Да, кстати, тайну, которую хранят волшебные гномы, вы никому не выдавайте! Про звездного мальчика не должны прозвать злые силы!.. Ш-ш-ш.

Аркадий Млынаш

Холон, Израиль

Не за горами Новый год

Глядел свинцовый небосвод
На шумный ёлочный совет:
Шёл разговор, что Новый год
Несёт для ёлок много бед:

Зарубки-метки на стволах.
Нагрянет лесорубов рать.
В деревьях поселился страх.
И закричали все: «Бежать!

Сбежать от острых топоров,
Зубастых, ненасытных пил.
Пока смолою со стволов
Металл себя не окропил...»

Лишь ель одна, другим в укор,
Сказала: «Не покину лес!
Мне дела нет до дальних гор
И незнакомых мне небес.

Я разбросала семена.
И пусть я деток не дождусь,
Но быть на празднике должна -
Огнями для ребят зажгусь!

А смена, та, что подрастёт,
Собой украсит каждый дом.
Без нас и Новый год – не год.
Мы ради этого живём!»

Юлия Бродская

Б. Вашингтон, США

я сова, налетающая множество дней
между черных ветвей и зеленых теней,
нелетучих мышей, и летучих мышей,
золотых камышей, и сухих камышей.

я сова, налетающая множество лун,
там где рыбы ночные ныряют в бурун
и морошка растет в заболоченном мху.
ху-ху-ху! – говорю – ху-ху-ху! ху-ху-ху!

Из американской детской поэзии: Шел Сильверстейн

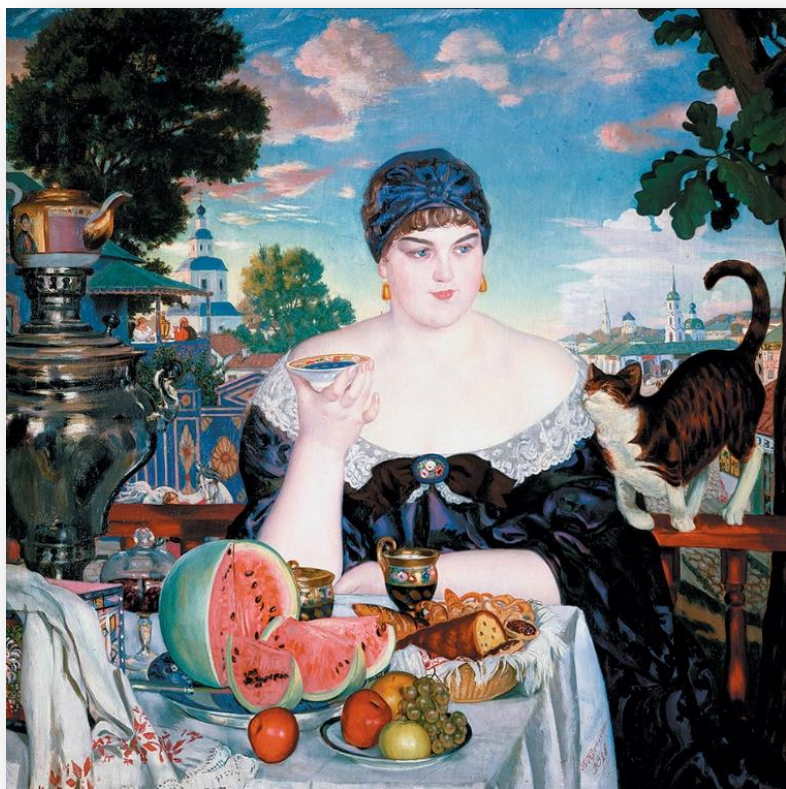
Акробаты

Я качаюсь на носочках в высоте,
и меня подружка ловит в пустоте,
только носом уцепившись за ремни...
умоляю, дорогая, не чихни!

***

А жители Марса похожи на нас,
Но нет у них ножек, и ручек, и глаз,
А щупальца и вредоносная слизь
Самим непонятно, откуда взялись.
Но мы, несомненно, похожи на них -
Всё та же одна голова на двоих,
Всё те же отростки с обеих сторон,
И в каждом мобильный зажат телефон.

Часть 11. Юмор

Б. Кустодиев. Купчиха за часм. 1919.

Сергей Кузнецов

Б.Вашингтон, США

***Байки. То-то было весело при Тоталитаризме.
Из жизни советских писателей*** ¹¹⁵

Корней Иванович Чуковский обожал собак. Опасаясь, однако, что те взаимностью не ответят да и цапнут, близко к себе не допускал. Случалось, несётся на Чуковского крупный пёс – другой бы со страху окочурился! Но крупному, в свою очередь, детскому писателю всё нипочём: встанет на четвереньки, и давай гавкать! Животное перепугается, в сторону отскочит, шерсть дыбом, – только насовсем не исчезнет: носом воздух нюхать начнёт, хвостом вертеть. Так и станут друзьями.

***

Корней Иванович Чуковский взаправду Корнейчуков был, Николай. Но когда уж Советская власть в полную силу вошла и намертво укрепилась, возникло у него сомнение: не подумает ли неискушённый читатель, будто Герой Социалистического Труда, знаменитый

---

¹¹⁵ В сокращении

писатель Корнейчук, по-родственному покровительство ему оказывает? Тогда и поменял фамилию¹¹⁶.

***

Советские писатели ужасно нервничали всегда, переживали: как чтоб не посадили их, пуще того – не расстреляли. Напишет писатель какое-нибудь отличное произведение, методом социалистического реализма, отнесёт в редакцию, а после дрожит, прислушивается: не за ним ли пришли. Один только Войнович никого не боялся. Так с ним даже связываться не стали: выслали за границу – и поминай, как звали.

***

Константин Паустовский самозабвенно любил природу. Заприметит, который из кустов понарядней, стульчик свой пододвинет впритык – и сидит, любит, глаз не оторвёт. Туда ему, под куст, и кушать подавали. Целый роман мог написать о капле росы, как покойно лежит ей на зелёном, трепещущем листе, как прихотливо преломляется в капле рыжий солнечный лучик. Если не роман, так уж, по меньшей мере, средних размеров повесть.

***

Константин Паустовский страстно любил природу. Все шедевры свои травам и деревьям посвятил, птицам да зверушкам. Рыбам тоже, конечно. Эдак оно в ту пору куда безопаснее было.

***

Владимира Войновича многие почитатели его таланта заслуженно называли крупным русским писателем. А великим – не называли. Оттого завидовал Солженицыну. Толстому же вовсе не завидовал, потому что тот давно уж как помер.

***

Александр Исаевич Солженицын к евреям сперва довольно сносно относился. Но в зрелом уже возрасте угораздило классика на еврейке пожениться – и пошло-поехало! Сидят, бывало, рядышком на диване,

---

¹¹⁶ Редакция ловит автора баек на анахронизме – Чуковский поменял фамилию до революции. Но сам жанр байки предполагает подобные отклонения от истины.

супруга бороду ему гребнем чешет и приговаривает: «Ах ты, мой юдофобушко!»

***

Сергей Островой боготворил жену свою Надю, арфистку. Придут, бывало, в гости, возьмётся он супругу представлять: «Знакомьтесь, – говорит, – это моя жена, бывшая жена сына Алексей Толстого!»

***

Алексей Николаевич Арбузов очень любил евреев, но, будучи человеком умудрённым, тщательно это скрывал. Пройдёт во дворе мимо Якова Хелемского и не поздоровается.

***

Алексей Николаевич Арбузов очень любил евреев, но, будучи человеком умудрённым, тщательно это скрывал. Любимую дочь, Варвару, за еврея скрытно отдал. А лучшую свою пьесу так и назвал: «Таня». В память незабвенного творения Алтер Ребе¹¹⁷.

***

Сергей Островой боготворил жену свою Надю, арфистку. Бывало, сосед-писатель, польстить желая человеку, начнёт нахваливать: какая, мол, жена у тебя красивая! Сергей Островой сдержанно отвечает, но с достоинством: «Старик, ты её ещё голой не видел!»

***

Аркадий Васильев в Союзе Писателей служил, секретарём парткома. Для души подрядился ещё общественным обвинителем выступать, на процессе Синявского с Даниэлем. А чтоб соседи-писатели не слишком уж его опасались, вот чего удумал. Как пойдёт погулять – прихватит непременно пирожок с капустой, да лифтёрше и подаст (у них там при каждом подъезде по лифтёру держали, для острастки). А то и бутерброд с ветчинкой. Добрейший был человек!

***

Аркадий Васильев в Союзе Писателей служил, секретарём парткома. Для души подрядился ещё общественным обвинителем выступать, на процессе Синявского с Даниэлем. Родная дочь его,

---

¹¹⁷ Алтер Ребе – Раби Шнеур-Залман бар-Барух из Ляд (*Алтер Ребе*, идиш אלטער רבי — Старый ребе;) — каббалист, основатель хасидского движения Хабад. Автор основополагающей книги этого учения, именуемой «Таня» (прим. ред.)

Груня, в новые уже времена, в знаменитую писательницу проросла, Дарью Донцову. Только одно с другим никакого решительно касательства не имеет!

***

Алексей Николаевич Арбузов очень любил евреев. Когда в кооперативный дом переехали, по улице 2-й Аэропортовской, он так дело поставил, чтоб на одной с ним площадке другие два драматурга прописались – оба евреи. В той квартире, что сбоку – Андрей Кузнецов (но также еврей), напротив – Александр Штейн. Так и жили. Сойдутся, бывало, свои – закручинится Алексей Николаевич, загрустит: «Жаль, – говорит, – по три только квартиры на этаже».

***

Рабкин Борис был писатель не то, чтобы очень крупный. Членом Группкома Драматургов состоял: не принимали, беднягу, в Союз Писателей. Это он уж посмертно в люди выбился, как внучка его, Жукова Дарья, замуж пошла за того самого Абрамовича. А в старую пору, до всяких ещё Абрамовичей, вступился за Рабкина сам А.П.Штейн, член приёмной комиссии СП. «Следует нашей комиссии, – это он указание такое высказывает, – человека принять! Сколько лет корпел, сколько пьес выдал на гора!» Ему: «Александр Петрович, пьесы-то рабкинские слабоваты, не больно талантливы». А Штейн им: «Друзья, разве у нас Союз талантливых писателей? У нас, как-никак, Союз советских писателей!» Приняли Рабкина...

***

Дмитрий Щеглов, тоже драматург был такой, отличался неискоренимым патриотизмом. Берёт он как-то слово на собрании писательского кооператива и возмущается: «С чего это, – вопрошает, – все наши писатели окрестили своих питомцев иностранными именами? Только и слышишь во дворе: «Долли, ко мне! Молли, место» (а это, впрямь, эрдель был у Дорохова, Долли, а Молли – Мацкина спаниель). Встаёт тогда Алексей Николаевич Арбузов, который очень любил евреев, но скрывал, и Щеглову наперекор: «Все, – возражает, – да не все! Мою, например, таксу, Яшкой кличут!» Засмеялись писатели, захопали: «Вот, – думают, – лучший советский драматург русское имя дал своему любимцу!» Вы-то уж, конечно, всё поняли...

***

Алексей Николаевич Арбузов очень любил евреев. Сидит, как водится, у себя в кабинете, сочиняет знаменитую драму: «Мой бедный Марат». А сам песенки русские распевает, на особый только манер:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь в синагогу
В старомодном, ветхом шушуне.
Или так вот:

У ворот, ворот, ворот,
Да ворот батюшкиных,
Разгулялися ребята, распотешилися.
Ай, Дунай, мой Дунай,
Весёлый мой Дунай,
Барух Ата Адонай...

***

Александр Альфредович Бек обожал косить под сумасшедшего. Встретит во дворе Якова Хелемского и давай кричать: «Здравствуй, здравствуй, Яков Козловский!»

***

Александр Альфредович Бек обожал косить под сумасшедшего. И столь удачно выходило у него, даже не разберёшь: может, и впрямь с ума человек свихнулся. В тогдашнюю пору оно ведь как: того посадили, этого расстреляли, ежели уж который в ссылку угодил – под звездою, считай, родился. Вот и мыслит Бек: «Буду лучше сам этапировать, чем меня – этапировать». А с полоумного – чего взять? Никакой тебе справедливости: все, понимаешь, отдуваются, с одного только Бека – словно с гуся вода.

***

Валерий Тур закончил школу для дефективных с золотой медалью. Вскорости литератором стал, членом трёх творческих союзов: писателей, кинематографистов и журналистов. Вот как Советская власть заботилась о подрастающем поколении!

***

Александр Альфредович Бек обожал косить под сумасшедшего. Приезжает он однажды на Трубопрокатный завод, перед трудящимися выступать. Встречает его главный инженер, выводит на сцену, там у них полон зал рабочих набился. Инженер и объявляет:

«А сейчас, товарищи, перед вами выступит писатель Александр Блок». До того растерялся Бек, все стихи Блоковы позабыл начисто.

***

Драматург Самуил Алёшин был человек железной воли. По три часа в день упражнялся физической культурой, водой ледяною закаливался (а нужды в том не было никакой: горячую воду у них на две недели в году всего только и отключали, хорошо жили). В большой комнате шведскую стенку учредил. Встанет подле той стенки на голову и стоит по сорок минут кряду. Туда ему, в перевороченную голову, сюжеты для пьес и приходили.

***

Вызывает Самуила Алёшина лично товарищ Фурцева, министр культуры СССР, член Президиума ЦК КПСС. «Так мол и так, глядел ваш спектакль сам Никита Сергеевич, да только вот один эпизодишко не шибко ему показался. Необходимо, – распоряжается, – срочнейшим образом эпизод этот переписать!» (А в тогдашнюю пору за такие дела больше уж не расстреливали). Другой бы писатель вмиг по ковру распластался: «Слушш-ссс, Вашш-сство!». Но не таков был драматург Самуил Алёшин, человек железной воли! «Извините, – отвечает, – Екатерина Алексеевна, но как министру вынужден вам отказать». Та аж пятнами пошла. Он паузу выдержал и продолжает: «Однако же как красивой женщине за счастье почту уступить». После в любимцах у ней ходил.

***

Драматург Самуил Алёшин был человек железной воли. Свезло ему как-то за границей побывать (пустили, наконец), посмотрелся там всякого, воротился на родину, размышляет: «А ну как прихватит меня на чужбине аппендицит? Помру ведь, покуда до дому довезут!» Явился к врачу, требует: вырезать ему аппендицит начисто, раз и навсегда! Хирург, ясное дело, упираться, артачиться: здорового-то кому охота кромсать? Да нешто Алёшина пересилишь? Вырезали у него, лежит себе в отдельной палате, на белых простынках, выздоравливает. Едва на поправку пошёл – лёгкое левое задумал убрать: чтоб, значит, рака там не приключилось (а он, Алёшин, даже и не курил никогда). Но тут уж доктора все в кучу сбились – и наотрез! Так и остался при обоих лёгких.

***

Сколь ни любил Алексей Николаевич Арбузов евреев, с одним рассорился-таки вчистую: с Александром Галичем. До войны ещё накропали они вдвоём пьесу, да всё никак славы поделить не могли. Разругались вусмерть. Наперёд будет молодым писателям наука: соавтора выбирать – это тебе не жену! Литературное наследие – это, брат, на века!

***

Он, Александр Галич, даже и сам, без Арбузова, выучился хорошие советские пьесы писать, методом социалистического реализма. Отдельные пьесы у него и в театре шли. Но стоило лишь ему, Галичу, покреститься, – всё, конец правильным пьесам, давай, вместо них, куплетики антисоветские, запрещённые, рифмовать. Не зря, видать, говорили предки-славяне: конь лечёный, что вор прощёный, что жид крещёный.

***

Александр Шаров человек был горделивый. Не знал ещё тогда, что сыну его, Володьке, Букера по литературе присудят. Оттого и гордился собственными своими сказками.

***

Александр Шаров человек был горделивый. Ухо с ним надлежало держать остро. Скажешь по неосторожности: селёdochка, дескать, с лучком вкусная, – обидится, что не его хвалят.

***

Советская власть советских же своих писателей сильно привечала (тех, что уцелели). И за дело! Если какой писатель почище других выслуживался, власть восхвалял, – становился он Засракой (звание, то бишь, получал заслуженного работника культуры). Который мастер пера на двух фронтах отличиться сумел, идеологически по содержанию, художественно по форме, – тут выше бери: Лаурой делали (лауреатом, стало быть: кого – Сталинской, а кого так и Ленинской). Ну а коли уж он, сверх всех прочих заслуг, преданный был без меры, и словом доказавший, и делом, навряде Симонова или какого-нибудь там Катаева, – тот до самой аж до Гертруды (Героя Социалистического Труда) мог дослужиться! Со всеми, сами понимаете, обильно вытекающими последствиями...

***

Гуляет Александр Галич по двору: шапка на нём бобровая, поступь вальяжная, гитара в бархатном футляре, – что твой барин. Поджидает, кто бы в гости пригласил. Позовут – начнёт песенки свои антисоветские, запрещённые, распевать: негромко, конечно, чтоб соседи не настучали. Там его, в гостях, и накормят, и выпить поднесут.

***

Другие писатели попросят нарочно к тому же хозяину: песенок галичевских, запрещённых, отведать. Как льготы да привилегии от Советской власти принимать – в очередь, понимаешь, выстраиваются, локтем один другого садануть норовят. А как втихаря над нею, над властью своей, поехидничать – это завсегда пожалуйста!

***

Аплодируют писатели, Галича славят, – негромко, конечно, чтоб соседи не настучали. Один только Александр Шаров, человек горделивый, мрачнее тучи: чего это Галича хвалят, а его нет?

***

Соломон Апт переводил с немецкого роман Томаса Манна «Иосиф и его братья». Придут гости к супруге его (Соломона, то есть, а не Иосифа), Стариковой Екатерине, пикантнейшей дамочке, из дворян, – так чтоб непременно ботинки долой, и мимо Соломонова кабинета по ковру, да на цыпочках. Год проходит, другой, третий – всё на цыпочках да на цыпочках. И то сказать: полторы тыщи страниц, за неделю, поди, не переведёшь!

***

Советские писатели – они, вперёд всего, за жизнь свою менжевались, но также и за художественные произведения. Публиковать-то страшновато бывало, а и выкинуть жалко. Взять того же Липкина Семёна: просидит всю ночь напролёт, составит хороший, длиннющий стих, перепишет к рассвету столбиком, набело, – и занывает до лучших времён. Разве только если акына какого на русский переведёт, – тогда не опасался печатать. Вот и у дружка своего, у Василия Гроссмана, захомутал он как-то раз самую наиважнейшую рукопись, да и притырил до поры. Очень впоследствии пришлось та рукопись к делу.

***

Соломон Апт переводил с немецкого роман Томаса Манна «Иосиф и его братья». Полдня, бывало, пропереводит, притомится. Нелёгкое оно занятие-то, русский с иностранным беспрерывно сличать. Передых требуется. Вызовет отпрыска своего, Сашку, спрашивает: «Скажи-ка, Сашка, как чтоб стать человеку крабом?» Тот, хоть биологией увлекался, – ни бум-бум. «А вот как, – это Соломон разъясняет, – встать раком и пойти боком». Отошлёт отпрыска – и снова за немца.

***

Надежда Давыдовна Вольпин также переводчицей служила: с какого хошь языка – всё на русский. Из себя престарелая старушонка: 80, после 90, затем уж и вовсе 95. Вообразить даже не представлялось, как всего-то семьдесят годочков назад, зеленоглазая да озорная, прижила она сынка от великого русского поэта, – забулдыги, впрочем, и подкулачника, – от Сергея Есенина. Сынок тот, ясное дело, дослужился, конечно, до профессора. Однако ж, доверие не полностью оправдал: то ли в декаденты подался, то ли в диссиденты. Вот и отгадай наперёд, от кого детишек-то заводить.

***

На литературном вечере восторженная одна почитательница вопрос предлагает, волнуясь и с придыханием: «Скажите, – говорит, – это правда, что вы лично общались с самим Сергеем Есениным?» «Нет, – Надежда Давыдовна в ответ, – только по телефону».

***

Этажом выше, в аккурат над Аптами, проживал Адамов Аркадий, мастер милицейского детектива. Отец его, Адамов Георгий, тоже в старые времена детективами пробавлялся, подводными только («Тайна двух океанов» – слыхали, небось). И сын адамовский, Юрка, как созрел, взялся так же само за детективы: одно слово, династия. Сызмальства-то он, Юрка, всё больше по подводной линии унаследовал. Добром дело не кончилось: грохнул на паркет здоровенный, десятиведерный аквариум. У них ведь, у детективщиков, как: учинят сперва, не подумавши, криминал, а после всю книжку расхлёбывают.

***

Худо дело: хлещет у Аптов с потолка, куда там Ниагарскому водопаду. Хозяйка, Старикова Екатерина, пикантнейшая дамочка, из дворян, – та, натурально, в крик. А Соломон Апт переводил тогда с немецкого роман Томаса Манна «Иосиф и его братья», ему сосредоточенности своей никак потерять было невозможно. Призывает отпрыска и указывает, хладнокровнейшим голосом: «Беги, – говорит, – Сашка, наверх, к другу своему Юрке, передай: если хоть раз ещё он, засранец, на нас прольётся, стану я тогда пИсать фонтаном в потолок». С той самой поры не было протечек.

***

Илья Зиновьевич Гордон отображал в своём творчестве редкий пласт советской социалистической действительности: жизнь евреев-колхозников. Романы да рассказы публиковал он на отмирающем языке идиш. Целому свету желала показать Советская власть: есть в нашем государстве, стране пролетарского интернационализма, литература на всех братских языках, – даже и на таком лядашем, как идиш!

***

Супругу Гордонову, Берту Борисовну, женщину солидную, прозвали за глаза «Большой Бертой». Это, значит, чтоб от «Малой Берты» отличать, от Берты Михайловны Бляхман, опаснейшего человека (врачом-онкологом трудилась, в Литфондовской поликлинике). Большая Берта, если чем и выстреливала, так это мужниными произведениями: с идиш переводила на русский, да издавали потом всё по новой. Поговаривали, правда, будто это сам Илья Зиновьевич на обоих языках творит, наподобие Набокова, а женино имя после вставляет, – чтоб подзаработала себе на пенсию. Изобретательный народ, без меня знаете...

***

Всю войну прошагал Илья Зиновьевич Гордон, орденов с медалями – полна грудь. А по видимости – маленький такой, кругленький местечковый еврей. В бакалее расплачивается за покупки, – вытянет горсть мелочи, а там, с пятаками и копейками вперемешку, – шурупчики всякие, резиночки, гвоздики. Это он по дороге подберёт, да в карман припрячет: сгодятся в хозяйстве!

***

Поэт Виктор Урин являл собою пример убеждённого интернационалиста (язык не повернётся высказать: космополита).

Первого сына Сенгором нарёк, о чём телеграммою известил Президента Сенегала, Почётного Председателя Социалистического Интернационала Леопольда Седара Сенгора. Спустя недолгое время, тормозит у их подъезда чёрный Джип, и двое чёрных сотрудников Сенегальского посольства торжественно вручают Урину благодарственное письмо Сенгора вкупе с массивным золотым ожерельем.

***

Второго сына интернационалист Виктор Урин Фиделем Кастро назвал, о чём телеграммой известил вождя Кубинской революции. Спустя недолгое (как, впрочем, и весьма отдалённое) время, Урин получил хрен.

***

Вызывают Илью Зиновьевича Гордона в партком секции прозаиков: так мол и так, сведения поступили, что ударились вы в православие. «Никак, товарищ Гордон, с партией надумали распротиться?» «Смешная, конечно, шуточка, – Гордон вздыхает. – Если б уж я к религии какой прибился, я бы, наверное, выбрал-таки себе иудаизм». «Этого ещё не хватало! – отмахиваются, – насчёт иудаизма не было, слава те Господи, донесений. А шутками здесь и не пахнет, дело серьёзное. Показали верные люди: вы, товарищ Гордон, когда из подъезда своего выходите, креститесь во всю грудь!» Пригорюнился Илья Зиновьевич, призадумался. «Ага, – просиял наконец, – дошло! Это ведь я, шлимазл, всегда так проверяюсь: не забыл ли авторучку, на месте ль партбилет, на мне ли шляпа, и застёгнута ли ширинка».

***

Зорин Леонид был вундеркинд. У них там, в Баку, вундеркиндов – что в поле цветов: Каспаров Гарик, Гусман Юлик, Ростропович Мстислав Леопольдович. А Зорина – того Горький сам привечал. Посадит, бывало, мальчонку на колени, а будущий Зорин давай стихи свои вслух декламировать, с выражением и с чувством. Классик пролетарской литературы по головке ребёночка погладит, усами пощекочет, и, сходя в гроб, благословит.

***

Зорин Леонид был вундеркинд. Только оно ведь как сказано: кого Господь одарил щедро, в другом в чём обделить может. Не пофартило Зорину со здоровьем. Сойдутся, бывало, писатели во дворе, о футболе беседу ведут, о политике (осторожно, конечно, чтоб соседи не

настучали). Об искусстве: каждый норовит книжкой своей новой хвастануть. Один Зорин печальный стоит, безрадостный. Спросят – давай тихим голосом на болезни жаловаться. В особенности лёгкие Зорина донимали, спина, живот, поясница, прямая кишка, почки, простата и мочевого пузыря. Другие писатели повздыхают, посочувствуют, и разойдутся.

***

Виктор Сергеевич Розов обладал сильнейшим родственным чувством. Когда ещё в трёхкомнатной прописаны были, переселил к себе насовсем тещу (мать, стало быть, жены своей, Надежды Варфаломеевны), Соню, тещину сестру (тётку, то есть, Надежды Варфаломеевны), Олега, Сониного сына (жениного, значит, двоюродного). Своих детишек двое. Ступить уж некуда, а Розов, что ни день, – нового родственника разыщет, да жить приवलочёт.

***

Подымается Виктор Сергеевич Розов со своего 3-го этажа к Алексею Николаевичу Арбузову (который очень любил евреев, но скрывал), на 7-й. «Слышь, – говорит, – Лёха, оба мы с тобою, как ни крути, крупнейшие советские драматурги. Давай, – говорит, – на пару шедевр мировой накатаем!» А тот ему: «Не, Витёк, не пойдёт. Вдвоём только детей делать сподручно». (Вы уж догадались, поди, с чего Арбузов заартачился). Так и осталась не написанной лучшая советская драма...

Некто Гадюкин

Москва, Россия

И о погоде...

Героической профессии телеведущего посвящается...

Леонтий Михайлов скучал в ожидании начала передачи и просматривал в ноутбуке письма телезрителей, приходящие ежедневно на почту программы. Проспект Светлой памяти государственного бюджета снова закрыли на ремонт. Меняют асфальтовое покрытие. В восьмой раз в этом году. В рамках реновации заблокирован строительной техникой бульвар Справедливости. Мебель и вещи жильцов, отказывающихся покидать свои квартиры, выбрасывают через окна на улицу неизвестные люди.

Полиция выезжать на место происшествия категорически отказывается, ссылаясь на невозможность установить личность хулиганов. В школе искусства и эстетики сегодня утром прогремел взрыв, и слышались выстрелы: по слухам двоечники расправлялись с неугодными учителями. В храме Святого Владимира произошла драка между бойцами национальной духовной гвардии и митингующими за права покемонов. Одного из покемонов митингующим удалось отстоять, другого разорвали на части сотрудники духовенства, стремящиеся присвоить факт задержания покемона каждый себе.

Вспыхнула надпись: «Идёт съёмка» и Леонтий, привычно удаляя письма в мусорную корзину, изобразил на лице дежурную телевизионную улыбку.

«Добрый день, уважаемые друзья! Как обычно в этот час на нашем канале передача «Взаправду» и я – её ведущий Леонтий Михайлов. Сегодня мы обсудим Самые Свежие и Самые Актуальные Новости, многие из которых стали нам известны из ваших писем. Оставайтесь с нами!

Вначале о событиях за рубежом. В городке Бэдингтон, штат Оклахома, развивается скандал, связанный с увлечением мэра города хокку – изящным жанром японской словесности. Напомню, сочинение действующего мэра: «Копыта мустанга постигают прерию. Кольт холодит руку», сочли плагиатом на строчки известного японского автора Хапуги Какинавэ: «О, слон моих утрат! Рассвет сжимает меч». Теперь решается вопрос: объявлять мэру импичмент немедленно или подождать официального заключения городского центра восточной культуры.

В Замбези кандидат на пост вождя племени обвинил другого кандидата во вмешательстве в процесс выборов на стороне соперника шаманов соседнего племени. Шаманы факт вмешательства отрицают и грозятся наслать на обвинителя бубонную чуму.

Наш внештатный корреспондент в Канаде сообщает: в провинции Манитоба, продолжается поиск пропавшей черепашки Люши. Полиция выдвинула две версии произошедшего: по одной из них черепашку унёс ураган «Пелагея», пронёсшийся накануне над всем восточным побережьем страны, по другой – её съели переселенцы из Украины, потому как больше некому.

В Великобритании местные жители требуют ускорить процесс выхода из Евросоюза и грозятся утопить в море зелёнки Букингемский дворец, если до конца года их не освободят от общеевропейского ига.

Теперь о событиях в нашей стране.

Рабочие Укралвагонзавода выпустили миллионный вагон. Юбилейный экземпляр отличается от своих предшественников наличием биотуалета под креслом механика-водителя и более совершенной системой отстрела использованных консервных банок, входящих в комплект бортового сухпайка. Завершая сборку, рабочие торжественно соединили последний трак гусеничной ленты вагона церемониальным позолоченным болтом.

Новости с полей. Хлеборобы фермерского хозяйства «Зарево над тундрой» отчитались в рекордном урожае ягеля. Совсем скоро на столах жителей северного региона, в рамках импортозамещения, появятся вкусные и разнообразные блюда из свежего, солёного и маринованного оленьего мха. Приятного аппетита!

Молодые учёные из инновационного центра Бестолково на выставке «Незримая зримость будущего» презентовали новейшую разработку отечественного айфона. В отличие от зарубежного аналога, наш аппарат носит название Попафон. По задумке разработчиков Попафон станет самым надёжным, самым прочным средством связи в текущем тысячелетии. Выполнен аппарат из цельного куска гранита. Дисплей отполирован специальным абразивным составом, ранее испытанным нашими умельцами при строительстве египетских пирамид, а символы на клавиатуре нанесены тем самым алмазным резцом, что использовался при изготовлении календаря Майя. Ввиду отсутствия электронной начинки, Попафон пока функционировать не может, но молодые учёные уже к концу века обещают прорезать в корпусе аппарата все необходимые технологические отверстия и снабдить новинку полным комплектом диодов, транзисторов и радиоламп.

И в завершении о погоде. Сегодня синоптики обещают ясный безоблачный день. Без осадков».

На экране ноутбука замигала надпись: «Съёмка окончена».

Леонтий Михайлов облегчённо выдохнул и откинулся на спинку редакционного стула. За окном карьерным самосвалом прокатились раскаты грома. Потемнело. Через пару минут на город обрушился ливень.

Григорий Яблонский

Сент-Луис, США

Лорио. Завтрак (перевод с немецкого)

Лорио – псевдоним Вико фон Бюлова, одного из самых популярных людей послевоенной Германии. Лорио (1923-2011) был по происхождению прусский аристократ по фамилии Бюлов, художник-карикатурист и автор комиксов, кинорежиссёр и телевизионщик, глубокий знаток классической музыки и – по нарастающей – комедийный актёр и великий писатель, создавший – в сотнях сценок – психологическую энциклопедию современной немецкой жизни.

Перевод с немецкого Е. Платоновой и Г. Яблонского

Супружеская пара сидит за столиком.

Супруг очистил яйцо и начинает его есть . Долгая пауза

Он: Берта!

Она: Да...

Он: Яйцо крутое!

Она (молчит)

Он: Яйцо крутое!!

Она : Я это слышала...

Он: Как оно долго варилось?

Она: Много яиц вредно для здоровья...

Он: Я спрашиваю, как долго яйцо варилось...

Она: Ты же всегда хочешь, чтобы оно варилось 4 с половиной минуты...

Он: Я это знаю...

Она: Тогда что же ты спрашиваешь?

Он: Потому что это яйцо *не могло* вариться 4 с половиной минуты!

Она: Но ведь каждое утро я варю яйцо 4 с половиной минуты!
Он: Как же так: один раз оно вкрутую, а другой раз – всмятку?
Она: Я не знаю... я не курица!
Он: А!...И откуда же ты знаешь, когда яйцо хорошо сварено?
Она: О Боже, обычно я вынимаю его через 4 с половиной минуты...
Он: По часам или как?
Она: По чувству...любая домашняя хозяйка это чувствует...
Он: Чувствуешь?... Как ты это чувствуешь?
Она: Я это чувствую, когда яйцо всмятку...
Он: Да, но оно вкрутую.. может быть, с твоим чувством не всё в порядке...
Она: С моим чувством не всё в порядке?. Я целый день на кухне, стираю, привожу твои вещи в порядок, в квартире уют, все нервы на детей истрепала... а ты говоришь, что с моим чувством не всё в порядке.
Он: Ну да...ну да...когда яйцо варить по чувству, тогда оно только *случайно* может свариться за 4 с половиной минут!
Она: А тебе в общем всё равно оно *случайно* – *неслучайно* варится 4 с половиной минуты...Главное, чтобы оно *варилось* 4 с половиной минуты!
Он: А я бы хотел съесть яйцо всмятку, а не *случайно* всмятку! И мне всё равно, как долго оно варится!
Она: Ага! Тебе всё равно! И тебе вообще всё равно, что я там на кухне изнуряю себя эти 4 с половиной минуты!
Он: Нет-нет...
Она: А мне не всё равно, что яйцо действительно *должно* вариться 4 с половиной минуты.
Он: Так я же это и сказал...
Она: Хоть ты и сказал, тебе это всё равно.
Он: Мне просто хотелось яйцо всмятку...
Она: О. Боже! До чего же мужчины примитивны!
Он: (про себя. мрачно): Я её прикончу...Вот завтра и прикончу...

Анна Наумова

Флорида, США

На темы урагана Ирма

Больше месяца прошло как ураган Ирма в очередной раз напомнил, что человек, может быть, и не совсем царь природы. Друзья нефлоридцы, звоня по скайпу или в фейсбуке, все еще продолжают расспрашивать, как оно было. И честно пытаясь восстановить ощущение безнадежного ожидания приближающегося страшного и общей какой-то сосредоточенной паники, я почему-то вспоминаю, скорее, нелепое и смешное, чем ужасное. И это, похоже, не самый худший защитный механизм из оставшихся в распоряжении низложенного «царя природы».

Итак, сначала исчез керосин. То есть технически правильное слово будет бензин, а по-английски вообще «gas», что в моем воображении рисует картину сугубо футуристическую – заполненные летучим газом машины, как воздушные шары, парят над мостовой; так вот, он и исчез. Это уж оно так всегда, такая старинная флоридская примета: исчезает керосин, значит будет ураган. Хотя, как исчез... он бы не исчез, если ли бы не человеческая оголтелость и метафизический страх перед будущим, замеченные еще Гоббсом а также Бердяевым. Которые философы и оказались правы.

Такая глубокая мысль внедрилась в мой мозг поздним вечером четверга и сильно свирбила. У нас ведь как – нет бензина, нет и жизни, ты обездвижен и отрезан практически от всего. Пешком по Южной Флориде передвигаются только пенсионеры и туристы. Пришлось пристроиться в относительно недлинный, всего квартала на полтора, хвост очереди на заправку, которая все еще не была обнесена желто-черными ленточками, знаком полной бензиновой ханы. Пока стояла в очереди, я предавалась философии и расчетам:

Апокалипсис ожидается примерно в субботу, и заполненного бака, при строгой экономии, до субботы хватит. А дальше? На чем будем ездить после Ирмы, если, конечно, останется куда ездить?

В критические минуты человеческий мозг страшно активизируется и толкает на экстремальные решения. Не очень понимая зачем, я выскочила из своей криво стоящей машины, ураганным вихрем пронеслась вдоль автомобильной очереди, влетела в магазинчик при заправке и в бессознательном состоянии схватила два пластиковых галлона с ядовито-химическим как бы пуншем, одиноко стоящим на уже вполне пустых полках. Заплатив крайне удивленному кассиру за эту экстравагантную покупку (у него на лице читалось – тут ураган идет, и зачем вам малопригодный для употребления внутрь даже в лучшие времена сиреневый пунш?), я с усилием поволокла ее к своей машине.

Очередь тихонечко продвигалась вперед, но время тикало и надо было спешить. Обшарив глазами окружающий ландшафт, я нашла газон с кустами подалеже от уличных фонарей. Галлоны оттягивали руки до примерно подколенных суставов, но несмотря на это, вышеизложенный страх перед будущим подталкивал меня пониже спины и дотолкал-таки до кустов. Сливая приторно-благоухающий пунш куда-то во тьму, я очень опасалась что это мощное бульканье привлечет внимание очереди и обезумевшие водители, решив что это булькает как раз именно бензин, ринутся к моим кустам и затопчут меня вместе с моими пластиковыми галлонами.

Завершив операцию, я едва успела вскочить в машину, позади которой всю гудели измученные ожиданием водители, призывая эту застрявшую у всех на пути идиотку доехать уже до освободившейся помпы. И через двадцать минут я рулила в сторону дома, гордая за свою изобретательность: как-никак, а наше послеураганное будущее теперь было обеспечено двумя галлонами транспортного счастья.

Счастье распространяло очень сильный запах, внутри которого не хотелось проводить оставшееся до урагана время, и я отправила галлоны на балкон – пусть уж лучше моим соседям снится близость к нефтеперегонному заводу. А наутро я решила порадовать сына своей феноменальной запасливостью.

– Мама, ты что, налила бензин в этотдохлый пластик из-под пунша?!

– Ну да. А что?

– И это стоит у тебя на балконе?

– Да, чтобы не так пахло.

Интонация сына была до такой степени далека от восхищения и благодарности, что я обиделась – стараешься на благо семьи, а она, семья то есть, совершенно не ценит!

– Слушай, тебе надо срочно избавиться от этого добра, – продолжал этот бездушный представитель интернет-поколения, – пока бензин не разъел пластик! А он это обязательно сделает. И тогда, можешь себе представить, что будет?

Я представила. Воображение у меня вообще развито гораздо сильнее других когнитивных способностей. Получалась матрешка, русский народный промысел: мини-апокалипсис внутри большого Апокалипсиса.

Теперь передо мной стояла прямо противоположная задача – как поскорее избавиться от бензина, который, по моим подозрениям, еще и был несколько осквернен остатками сладкого пунша. Пришлось опять дожидаться ночи. В этот раз газон явно не годился: все то же разгулявшееся воображение рисовало кадры из разнообразных триллеров где фигурирует разлитый бензин и брошенная сигарета. Пара водосточков посреди парковки выглядела более приемлемо. И я опять потащила свои галлоны к точке слива, хотя и с совсем другим настроением.

Только я собралась опустошить первую емкость, как вся окрестность осветилась фарами и кто-то запарковался в трех метрах от меня. Пришлось оставить галлон и принять непринужденный вид: ну подумаешь, просто вышла ночью полюбоваться на звезды, стою себе посреди парковки с мечтательным выражением лица. Из машины доносились музыка и неторопливый разговор по телефону. Я постояла еще чуть-чуть. Этот, в машине, явно никуда не торопился, а так нагло выливать драгоценный нынче бензин на глазах у кого бы то ни было не хотелось, памятуя про суд линча, имеющийся в американском анамнезе. Так что я подхватила свою ношу и очень независимо побрела в ночь, пристально глядя под ноги. Где ты, решеточка водостока? Звезды уже затянулись облаками, и ветер стал яростнее шуршать в пальмах, когда, обогнув два дома, я наткнулась на искомое и провернула, наконец, свое дурно пахнущее мероприятие. И не могу вам описать, какое облегчение я испытала, отправив в никуда столь вожеленные вчера стратегические запасы топлива!

Ну а дальше пришла Ирма. Наутро в понедельник, пробираясь слаломным методом к дому из нашего временного пристанища, я насчитала три работающих бензоколонки без какой бы то ни было очереди. В квартире все было цело, имелось электричество, работал

интернет, но через открытую балконную дверь дул все еще крепкий северо-бензиновый ветер.

Сведения об авторах

Юлия Бродская (Ленинград). Окончила физматшколу и Политехнический институт. В конце 90-х переехала в США. Мама троих детей. Работает инженером. Стихи можно почитать в «Неве», в журнале «Побережье», выпуск 18, в журнале «Чайка», а также в электронной книжке «Домашнее музицирование». Живет в Большом Вашингтоне.

Валерий Бохов (р. 1941, Москва). По образованию инженер – экономист. В 1966 г. окончил Московский инженерно-экономический институт им. С.Орджоникидзе, машиностроительный факультет. Работал в различных НИИ. С 1993 года по 2013 год – в системе ФНС России. Публикуется в периодических изданиях и сборниках. Живет в Москве.

Сергей Бычков (р.1946, Ереван). Историк русской церкви, доктор исторических наук. Занимался религиозным воспитанием детей в приходе Покровской церкви, в которой служил священник Александр Мень. После крушения СССР занимается книгоиздательской деятельностью и публицистической работой. По его сценариям были поставлены телефильмы: «ВЧК против патриарха Тихона», «Живое слово отца Александра Меня», «Завтра меня убьют» (о ходе расследования убийства Александра Меня). Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Подмосковье.

Игорь Волошин (р. 1955, Киев). Окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта. В 1991 году эмигрировал в США. Периодически публикуется в русскоязычных изданиях с очерками о национальных парках Америки, о Чикаго и о малоизвестных, но необычных личностях в истории США. Живет в Чикаго, работает инженером.

Генрих Голин. Окончил физико-математический факультет Бакинского университета в 1961 году, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Был профессором кафедры общей физики Московского Энергетического Института, заведующим кафедрой естественно-математического образования Центрального Института Усовершенствования Учителей России. Автор восьми книг и более 100 статей в советских и иностранных научных изданиях. С 2006 года по настоящее время – профессор (Graduate School of Education, Touro College). Живёт в Нью-Йорке.

Виктор Голков (р. 1954, Кишинев). Выпускник МЭИ. Эмигрировал в Израиль в 1992 г. Печатается в периодических журналах и сборниках. Входил в короткий список 9-го Волошинского конкурса 2011 г. в номинации «поэзия», в длинный список Бунинской поэтической премии 2012 г., в длинный список премии «Живая литература» 2012 г. Победитель конкурса Национальной литературной сети 2003 г. (номинация «поэзия»). Живет в Азуре, Израиль.

Сергей Голлербах (р. 1923, Детское (Царское) Село). Живописец, график, художественный критик и литератор. В 1942 г. был вывезен немцами на работы в Германию. С 1946 по 1949 учился в Мюнхенской академии художеств, в которой учились многие русские художники. Член Американской академии художеств. Автор книг: «Заметки художника»

(1983), «Свет прямой и отраженный» (2003), «Нью-Йоркский блокнот» (2013). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. С 1949 года живет и работает в Нью-Йорке.

Борис Голубицкий. Режиссер, заслуженный деятель искусств России. С 1987 по 2012 художественный руководитель Орловского Государственного академического театра имени И.С.Тургенева. Преподает в Российском Государственном институте сценических искусств (С.-Петербург). Живет в С.-Петербурге.

Михаил Голубовский (р.1939). Генетик, историк и популяризатор науки, эссеист. Окончил кафедру генетики Ленинградского университета, доктор биол. наук. Работал в Академгородке (Новосибирск), в С.-Петербурге, Австралии, во Франции, разных университетах США. Автор книги: «Век генетики: эволюция идей и понятий» (СПб., 2000). Живет близ Беркли, Калифорния.

Вадим Горелик (р. 1935, Сталино, ныне Донецк). Инженер-механик, доктор технических наук, профессор, заслуженный изобретатель Украины. С 1984 по 1997 г.г. заведовал кафедрой механики Донецкого национального технического университета. Автор 5 монографий и 120 изобретений. С 1997 г. живёт во Франкфурте-на- Майне. Член союза еврейских журналистов Германии. Публикации в «Еврейской газете», «Русской Германии», журналах «Партнёр» и «Neue Zeiten», сетевом журнале «Заметки по еврейской истории».

Виолетта Гребельник (Киев). Окончила Киевский медицинский институт, медицинский факультет Римского университета «La Sapienza», кандидат медицинских наук по неврологии. Работает врачом в частной клинике. В свободное время играет на фортепиано и пишет очерки и стихи. Живет в Риме.

Юлий Зыслин (р. 1930, Москва). Коллекционер и культуролог, автор 4-х сборников стихов, 2-х книг прозы, 25-ти концертных и телевизионных музыкально-поэтических программ и сотен песен на стихи более 50-ти русских поэтов. Основатель «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки». С 1996 года живёт в США, в Большом Вашингтоне.

Борис Казинец (р. 1930, Москва). Народный артист Грузии, актер Тбилисского русского академического драмтеатра им. Грибоедова, художественный руководитель театра «Русской Классики», штат Мэриленд. Живет в Б. Вашингтоне, США.

Анатолий Казьмин (р.1971, Москва). Учёный-биолог. С 1994 года живет и работает в Атланте, США.

Марина Кацева. Музыковед по образованию. До отъезда из Советского Союза в 1989 году работала в Москве в Союзе композиторов СССР (музыкальный редактор) и в Московской Государственной филармонии (лектор-музыковед). В 1992 г., к 100-летию М. Цветаевой, открыла в Бостоне посвященный поэту музей. Автор более 50 статей по искусству в российских и зарубежных изданиях. С 1990 г. Живет в Бостоне.

Дарья Кашина (Киев). Окончила Институт русского языка им. А.Пушкина в Москве. Русскоязычный журналист на Украине, печатается в российских

изданиях, дебютировала и постоянно печатается в журнале ЧАЙКА. Ведет рубрику «Калейдоскоп новостей». Автор книги «Папа», в которую вошли ее интервью с детьми известных людей. Живет в Киеве.

Никита Кривошеин (р. 1934, Париж). Русский переводчик и писатель, общественный и политический деятель русской эмиграции. Окончил Московский институт иностранных языков. В 1957 года был арестован КГБ за напечатанную в газете «Le Monde» статью о вторжении советских войск в Венгрию. После освобождения с 1960 по 1970 годы работал литературным и синхронным переводчиком. Работал в журнале «Новое время». В 1971 году вернулся во Францию. Живет в Париже.

Ксения Кривошеина. Художник, публицист, исследователь творчества Матери Марии (Скобцовой). Автор многочисленных публикаций во французских и российских изданиях. Редактор православного сайта «Parlons d'Orthodoxie». Живет в Париже.

Сергей Кузнецов (р. 1952, Москва). Закончил Биофак МГУ, работал в НИИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи АМН СССР. В конце 80-х написал несколько пьес, одна из которых, «...И Аз воздам», с 1990 по 1994 г. шла в Малом театре в Москве. С 1992 года живет в США, работает в Национальном Институте Здоровья. Живет в Большом Вашингтоне.

Денис Касперов. Российский драматург, сценарист, с отличием окончил Всероссийский государственный институт кинематографии (ВГИК). Автор пьес, киносценариев, пишет стихи, прозу. Финалист ряда литературных конкурсов: «Золото перо» (2015), конкурса прозы, посвященного творчеству К. Г. Паустовского (2017), победитель литературного форума кинофестиваля «Золотой витязь» в 2014 году за сценарий «Глаза вечности», посвященный судьбе скульптора Анны Голубкиной. Живет и работает в Москве.

Дмитрий Левицкий (р. 1945, Москва). Учился на геологическом и биологическом факультетах МГУ. Защитил две диссертации. Почти 20 лет проработал в университете в городе Нант (Франция). В настоящее время Professor Emeritus там же.

Элеонора Мандалян (Москва). Журналист, писатель. По образованию скульптор. Кандидат наук. С 1994 живет в США. Работала литературным редактором в русскоязычном альманахе «Панорама» и вела в нем свою рубрику «Непознанное». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Ведет рубрики «Кинообозрение Элеоноры Мандалян» и «Америка глазами россиянина». Живет в Лос-Анджелесе.

Зоя Мастер (Кишинев). По образованию – музыковед. Рассказы и интервью опубликованы в многочисленных американских и зарубежных изданиях. Автор сборника рассказов «Учитель музыки» и сборника интервью с российскими знаменитостями «Встречи во времени и пространстве». В январе 2017 вышла её первая двуязычная книга для детей «Two Cat Tales – Две кошачьи истории». Живёт и работает в Денвере, Колорадо.

Лариса Миллер (Москва) Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Постоянный участник Альманахов журнала ЧАЙКА. Живет в Москве.

Анна Наумова (Ленинград). Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала на Ленинградском телевидении и в редакции газеты «Смена». В конце 80-х уехала в Перу, где преподавала в Университете «Ла Католика» курс русской литературы, была издателем журнала «Ревиста руса» и публиковалась в различных изданиях на испанском языке. В настоящее время живёт в Майами. Сотрудничает в русской и испаноязычной прессе.

Саша Немировский (р. 1963, Москва). Поэт, писатель, путешественник, скалолаз, программист, антрепренер. Печатается в различных литературных альманахах и изданиях в США, Франции и Финляндии. Автор 4 книг стихов: «Без Читателя» (Москва 1996), «Уравнение разлома» (2009), «Система Отсчета» (2012). «На втором круге» (2014). С 1987 пишет стихи в своем собственном стиле «джаз-поэзия». Член СП Петербурга, иностранное отделение. Живет в Калифорнии, США.

Валентин Нервин (р.1955). Член Союза российских писателей, автор 12 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им.Н.Лескова (Россия) и им. В.Сосюры (Украина), специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии, 2013), Международной Лермонтовской премии (2014). Стихи переводились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живет в Воронеже.

Александр Рабинович (р. 1948, Москва). Математик и физик-теоретик, автор многих статей и двух монографий по теоретической и математической физике, член редколлегии американского журнала «Applied Mathematics», преподает в Московском технологическом университете. Живет в Москве.

Евгений Раменский (р. 1936, Москва). Выпускник биологического и химического факультетов МГУ им. М.В.Ломоносова. Кандидат химических наук. Старший научный сотрудник Института биологической и медицинской химии АМН СССР. Журналист и историк биологии. Заведовал сектором общей биологии во Всесоюзном институте научной и технической информации АН СССР. Был помощником у министров охраны окружающей среды СССР и России. Живет в Москве.

Яков Ратманский (р. 1936, Киев). В 15 лет – киномеханик в кинотеатре, в 16 – токарь на заводе. Лучшие четыре года жизни проплавал в морфлоте. Был электриком, водолазом и редактором стенгазеты, потом институт, серьезно увлекся живописью, графоманством и кинолюбительством. С 1993 года в Америке. Научился шить и стал портным, был вторым оператором на русском телевидении в Кливленде, своя студия «Jacob Video Studio». Живет в Кливленде, США.

Владимир Резник. Родился в Сибири, жил на Западной Украине – откуда, собственно, и корни семьи, потом в Ленинграде, а из него, превратившегося к тому моменту в Санкт-Петербург, в 1994 году выехал в США. Сейчас

живет в Нью-Йорке. Получил хорошее техническое, но так и не пригодившееся в жизни высшее образование. Нет. Не был. Не состоял. Не привлекался. Участвовал, но отделался лёгким испугом. Менял города, страны, профессии, перевоза за собой растущую семью и чемодан с рукописями. Тяжёл стал чемодан. Пора его облегчить...

Семен Резник (р.1938, Москва). Писатель, журналист, историк. Более десяти лет работал редактором серии «Жизнь замечательных людей», в которой вышли его первые книги. Биография академика Н. И. Вавилова была признана «идеологически вредной», только вмешательство крупнейших ученых и международная огласка спасли книгу от уничтожения. Исторические романы «Хаим-да-Марья» и «Кровавая карусель» – о кровавом навете на евреев и Кишиневском погроме – вообще не могли быть изданы, что заставило писателя эмигрировать в США в 1982 году. Живет в Большом Вашингтоне.

Ирина Роскина. Окончила в 1971 г. романо-германское отделение филологического факультета МГУ. С 1972 г работала в Иностранном отделе Госфильмофонда СССР и по совместительству синхронным переводчиком кинофильмов. В 1990 году переехала в Израиль, где работала в Иерусалимской библиотеке Гуманитарных и Общественных факультетов Еврейского университета. Публикует в журнале произведения и переписку своей матери, литературоведа и редактора Натальи Роскиной, из семейного архива. Пишет мемуарную прозу. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Иерусалиме.

Юлия Сабурова. Студентка Херсонского государственного университета, факультет Журналистики.

Александр Сиротин (Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва – Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Нью-Йорке.

Роман Солодов (р.1944, Москва). Окончил МАИ, затем ВГИК. В России занимался научно-популярным кино, сценарист. Член СК. В 1991 году эмигрировал в США. Работал на радиостанции «Свобода», получил профессию технолога по радиоизотопной медицине. Автор четырех романов в семи книгах, повестей, рассказов и многочисленных статей. Ведет в ЧАЙКЕ раздел политики. Живет в Нью-Джерси.

Михаил Синельников (р. 1946, Ленинград). Известный московский поэт, переводчик, эссеист, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий. Академик Российской академии естественных наук, Петровской академии и турецкой Академии поэзии, лауреат Премии Ивана Бунина, Премии Антона Дельвига, Премии Арсения и Андрея Тарковских и еще ряда российских и иностранных премий. Стихи переводились на многие иностранные языки и отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии. Живет и работает в Москве.

Елена Сафронова (Ростов-на-Дону). Литературный критик, прозаик. Училась в Историко-архивном институте Российского Государственного

Гуманитарного Университета. Публиковалась в журналах «Знамя», «Октябрь», «Урал», «Бельские просторы», «Дети Ра» и многих других. Автор двух книг критико-публицистических статей: «Все жанры, кроме скучного» (М., Вест-Консалтинг, 2013) и «Диагноз: Поэт» (М., Арт Хаус Медиа, 2014), романа «Жители ноосферы» (М., Время, 2014). Лауреат Астафьевской премии 2006 г., премии Союза писателей Москвы «Венец» 2013 г. в литературно-критических номинациях. Член Русского ПЕН-центра, Союза писателей Москвы. Живет в Рязани.

Валентина Синкевич (Киев). В 1942 была депортирована в Германию в качестве «остарбайтера» (вывезена в трудовой концлагерь). С 1950 г. живёт в США, в Филадельфии, работала библиографом. Более тридцати лет издавала и редактировала поэтический альманах «Встречи» (до 1983 — «Перекрёстки»). Составитель антологии русских поэтов второй волны эмиграции «Берега» (Филадельфия, 1992). Публиковалась в ряде антологий и сборников. Автор нескольких поэтических книг, последняя «При свете лампы. Стихи разных лет», 2016, Нью-Йорк. Является одним из авторов-составителей «Словаря поэтов русского зарубежья» (СПб., 1999) и автором более 300 очерков, рецензий и критических статей. Автор книги «Мои встречи. Русская литература Америки», 2010, Владивосток. Живет в Филадельфии.

Евгений Сливкин (р. 1955, Ленинград). Окончил ВТУ по специальности инженер-механик, а затем Литинститут. С 1993 г. в США. Защитил диссертацию о генезисе и вариациях образа средневекового рыцаря в русской литературе XIX в. Преподает в университете Денвера. Автор четырех сборников стихов, около двух десятков статей по русской литературе XIX – XX веков.

Ольга Соловьева. Окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет. Защитила две кандидатские диссертации – кандидат физико-математических и юридических наук. Интересуется театром, модой и не только. В журнале ЧАЙКА публикует рецензии на современные постановки в питерских театрах, пишет заметки о городе и его жителях в своей рубрике «Записки на коленке». Живет в Санкт-Петербурге.

Евгений Соколинский (р. Санкт-Петербург, тогда Ленинград). Окончил филфак Ленинградского университета. Защитил в 1979 году диссертацию по драматургии А.В.Сухова-Кобылина и гротеску. Печатался в газетах, журналах, в том числе: «Театр», «Театральная жизнь», «Современная драматургия». Более 30 лет ведет оперный видеолекторий в Российской национальной библиотеке. Книги: «Петербургские подмостки», «Странные люди. Странные спектакли». С 2000 г. – член Союза писателей Санкт-Петербурга. Живет в С-Петербурге.

Владимир Солунский (р. 1937, Харьков). Физик, доктор физ-мат. наук, профессор. Организатор и лектор русскоязычного поэтического общества в своем штате. В журнале ЧАЙКА ведет рубрику «Поэтический альбом». С 1998 живет в Милуоки, США.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист, член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант» и научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. В результате необъявленной войны на Украине вынужден был покинуть родной Луганск. Ныне живет в Германии. Один из постоянных авторов Альманаха ЧАЙКА.

Владимир Темкин (р.1945). Учился в МЭИ, до 1991 года работал в Москве. После переезда в Израиль более 20 лет руководил НИС одной из компаний хайтека в Израиле, PhD. В 2012 году перебрался в Америку, где уже 15 лет работал его сын. Публикуется в московском альманахе ЛЕСНОЙ ОРЕХ, в чикагских изданиях ШАЛОМ и ЗЕМЛЯКИ. Живет в Чикаго, США.

Бауржан Тойшибеков. Историк по образованию, в настоящее время работает истопником в сауне. Живет в Казахстане (г. Алматы).

Ольга Трифонова-Танган (Москва). Окончила английское отделение филфака МГУ, работала в издательстве «Прогресс» и в ИМЛИ, где защитила кандидатскую диссертацию. Является автором-составителем книги А.Нюренберга «Одесса-Париж-Москва» (М., 2010), а также автором ряда мемуарных статей о своем отце писателе Юрии Трифонове. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Дюссельдорфе (Германия).

Соня Тучинская. Родилась и выросла в Ленинграде. С большим трудом и по абсолютному недоразумению закончила там один из технических вузов. В прежней, доэмигрантской жизни – инженер-электрик. Последние 25 лет живу в Сан-Франциско. Первые годы работала в Jewish Vocational Services. Потом, в погоне за длинным рублем перешла в software industry. Рассказы, эссе, публицистика и переводы с английского – в «Звезде», «Неве», «22», «Нота Бене», «Лехаим», Слово/Word, «Панораме», «Еврейском Мире», «Форвартсе», на сетевом Портале «Заметки по еврейской истории» Берковича, включая сайт «7 Искусств».

Лазарь Фрейдгейм. Инженер, кандидат технических наук, автор более 100 научных работ, изобретений, патентов. Работал в ювелирном бизнесе, в туристическом агентстве, в большой фармацевтической фирме. Публикуется в журналах, газетах и интернет-изданиях. С 1991 г. живет в Сан-Диего, Калифорния (США).

Яков Фрейдин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокибернетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (Handbook of Modern Sensors). Автор книги воспоминаний «Adventures of an Inventor». Недавно опубликовал дебютную книгу художественной прозы на основе рассказов, напечатанных в журнале ЧАЙКА. Постоянный автор журнала. Живет в Сан-Диего (Калифорния).

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих

литературно-художеств. журналах и сборниках. Автор многих книг. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Чикаго.

Вера Чайковская (Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Автор художественных альбомов и книг о художниках (Брюллов, Тышлер). Живет в Москве.

Ирина Чайковская (Москва). Писатель, критик, публицист, драматург. Автор десяти книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Александр Шиварг (р. 1923, Харбин). В сентябре 1941 года переехал в Гонконг, где учился на медицинском факультете. Был добровольцем в Британской армии, попал в плен. В японском концлагере провел 3 года. После войны учился в Оксфордском университете на факультете философии, политики и экономики. Работал в Лондоне в рекламной компании, открыл в британской столице первый русский и китайский ресторан. К 95-летию Александра Шиварга выходит его первый сборник стихов. Живет в Лондоне.

Виталий Шрайбер (р. 1944, Ленинград). Окончил физический факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета. Доктор физ-мат наук. В качестве приглашенного исследователя работал в университетах Польши и Германии. С 2004 года живет в Калифорнии. Работает в одной из компаний Силиконовой Долины.

Юрий Хейфец (творческий и артистический псевдоним Борис Берг) (р. 1953, Свердловск). Закончил Свердловский медицинский институт. В 2004 году получил второе высшее образование, закончив факультет психологии МГУ. В настоящее время работает врачом в Москве. Стихи и песни пишет с 14 лет, известен в кругу любителей авторской песни. Автор романа «Эпитафия», изданного в 2008 году в виде аудиокниги. Живет в Москве.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80 годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University in St. Louis и Saint Louis University, Missouri (США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ. Печатался в различных литературных изданиях. Живет в Сент-Луисе, США.